
*Мы на земле,
где вы живете...*

ЗЕМЛЯКИ

*Нижегородский альманах
Выпуск тридцать четвертый*

«КНИГИ»
Нижний Новгород
2023

УДК 821.161.1(082)
ББК 84 (2 Рос-Рус)6 я43

353

Главный редактор *О.А. Рябов*

Шеф-редактор *А.И. Иудин*

Составители *А.И. Иудин, О.А. Рябов*

Общественная редколлегия:

*В.Н. Безденежных, Н.А. Бенедиктов, С.А. Горин,
Е.Н. Крюкова, З. Прилепин, В.И. Седов, Г.В. Щеглов,
Е.Р. Эростов*

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя: 603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги» Тел. (831) 412-16-04

E-mail: zemlyaki-nn@yandex.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

353 Земляки. Нижегородский альманах. Выпуск тридцать четвертый. Составители: А.И. Иудин, О.А. Рябов. – Нижний Новгород: издательство «Книги», 2023. – 480 с.

В очередном выпуске альманаха наряду с произведениями известных писателей представлены наиболее интересные тексты молодых авторов – как наших земляков, так и из других регионов Российской Федерации.

В отдельных рубриках – литературоведение, ироническая поэзия и проза, а также произведения для семейного чтения.

Альманах зарегистрирован в Управлении Роскомнадзора по Нижегородской области.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ТУ 52-0246

© Иудин А. И., Рябов О. А. Составление, 2023

ISBN 978-5-94706-268-7

© Издательство «Книги», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Лирический портрет

Елена КРЮКОВА

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ 6

Дмитрий ТРИБУШНЫЙ

ТЫ ЗАМОЛЧАЛ, И МИР ТЕБЯ УСЛЫШАЛ... 14

Инна КУЧЕРОВА

ДОНЕЦКИЙ ПУШКИН 23

Нижегородский почерк

Олег РЯБОВ

СЪЕЗДИЛИ ПОСВАТАЛИСЬ 30

ПРИВЕТ ИЗ СИРИИ 39

Марина СОЛОВЬЕВА

КУКЛА 45

ФАМИЛИЯ 59

Антон ЛУКИН

ВОЗМОЖНО ВСЁ 71

Алевтина СОКОЛОВА

РОМАШКОВОЕ ПОЛЕ 85

Инна ЧАСЕВИЧ

ЗЕЛЁНОЕ В ЦВЕТОЧЕК 105

МАМА 109

КОЛЕЧКО 114

Сергей ПЕРШАКОВ

БУНТ 119

Лирический портрет

Олеся НИКОЛАЕВА

ТАК ОТЧЕГО ЖЕ ТАК СЕРДЦЕ ЩЕМИТ-ЩЕМИТ... . . . 126

Сергей ПОПОВ

НАС ВЕСЕЛИЛА СИЛА ВЕТРА.... 130

Наталья УВАРОВА	
ЛИШЬ ЕДИНОГО СЛОВА РАДИ	
АКИ ПОСУХУ ДА ВПЕРЕД....	138

Из свежей прозы

Дмитрий ЛАГУТИН	
ФРАНЦУЗ ПО ДЛИННОМУ БОРТУ	143
РОСРЕЕСТР.	169
Андроник РОМАНОВ	
АРКАНУМ.	179
Сергей КРИВОРОТОВ	
ИСЦЕЛЕНИЕ	236
Михаил МОСКОВЕЦ	
СТАРЫЙ КОРОЛЬ, МОЛОДОЙ КОРОЛЬ	242
Александр БАЛТИН	
МУЗЫКА СКОРБИ	249
Григорий НЕДЕЛЬКО	
ВИРУС ОБРАЗОВАННОСТИ	254
Никита КОНТУКОВ	
ПРИСНИЛОСЬ	259

Стихи по кругу

Михаил ПЕСИН	265
Людмила БАНЦЕРОВА	266
Денис ПОПОВ	268
Анна ЗВЁЗДКИНА	269
Лариса БУХВАЛОВА	269
Сергей КУЛАКОВ	270

Из будущих книг

Виктор КАРПЕНКО	
МИШКА	272
Елена АРСЕНЬЕВА	
НА КРАЮ ЛЮБВИ	357

Вехи памяти

Евгений СМИРНОВ

МОЙ ДЕД – КРАЕВЕД СМИРНОВ 367

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

В ПОИСКАХ ИСЦЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА

170 лет со дня рождения Вл. С. Соловьёва 409

Далекое – близкое

Алексей ПАВЛОВ

Из цикла РАССКАЗЫ У ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ 416

Русский смех

Сергей ШУСТОВ

РАССКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ 421

Юрий ВИКТОРОВ

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ 430

Эдуард КУЗНЕЦОВ

«РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ...»

Пародийные превращения 435

Семейное чтение

Евгений ШЕСТОВ

ОЧКИ С СЕКРЕТОМ. *Сказочная повесть* 446

Лирический портрет

Елена КРЮКОВА

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

Фрагменты книги

Памяти моей матери, нейроофтальмолога, глазного хирурга, военной медицинской сестры, подполковника медицинской службы запаса, заслуженного врача Российской Федерации Нины Степановны Липатовой

Молитва

Сегодня в лазарет наш с далёкой ли дали
Совсем цыплёнка юного, мальчонку привезли.

Из кузова сгрузили и на руках внесли
В огромную палату: в крови, снегу, пыли.

Обмыть мальчонку надо! Всё чистым быть должно.
А нянечка-старуха так молится в окно.

На Солнце, как на Спаса... икона – небеса...
Зовите вы хирурга! Жить парню полчаса!

Хирург бежит, вздыхает, всю видит боль-беду.
Реку переплывает, идёт-бредёт по льду.

Реку войны и скорби, и простынь, и пелён,
Реку судьбы и смерти, реку иных времён.

А мать моя, сестричка, рукой зажала рот:
Такой солдат молоденький, а нынче вдруг умрёт!

Не умирай, шептала, держись, не умирай,
Во что бы то ни стало держись и побеждай!

Зажимы подавала... Стояла у стола...
А нянечка-старуха молилась и ждала.

А нянечка святые все путала слова,
Молилась как умела, молилась от себя...

Хирург над страшной раной творил последний шов.
Шагнул назад, как пьяный, без сил, в поту, без слов.

Солдат, мальчонка бледный, последний дух и дых.
Он снизу вверх застыло смотрел на нас, живых.

И мать моя, сестричка, отбросила зажим,
И тихо так и горько заплакала над ним.

А нянечка молилась, молилась всё равно,
И Солнце бинтовало разверстое окно,

И Бог молитву слышал, в слезах смирен и тих,
И в небе Сам молился за мёртвых и живых.

* * *

Я тайком пишу лечебную книгу.
Я перебираю в памяти древние письмена.
На меня наплывают золочёные лики,
надвигается музыка, едва слышна.

Сколько внутренних органов, тьмы лазаретной,
неизвестных, арфовых лазуритовых нот,

этот звон сияющий, стон неприметный,
стол, по нему кровь течёт.

Военврач, этот стол твой рабочий снабжён жёлобом,
стоком,
чтобы кровь текла не тебе на живот и в кулак,
ведь она сама по себе живёт, утекает до срока,
после боя, в крик ли, во флаг.

Я пишу про смерть боевую, мне она непонятна,
я не знаю, как там солдаты погибают в бою,
а о смерти лазаретной, под уколом, кроватной,
я вам тихо спою.

Эта смерть... Господи, а может, со мной не будет
ни её, ни братьев её и сестёр,
только вы, милосердия сёстры, но вы же не смерти,
а люди,
вы же девушки, ваш ясен лучистый взор,

то ли будет смерть с вами, а может, не будет,
то ль случится с нами со всеми, а может, нет,
ну, а после войны, сёстры, ведь в Мире останутся люди,
и от них пойдёт во тьму тихий свет,

ну, а сколько нас всех в живых отыщут после войны,
не знаю,
может, всем нам каюк, может, немного восплачет нас,
да такая судьба, милая наша, родная,
не возьмёшь про запас,

в вещмешок не положишь, в сухпак не запишешь,
не вольёшь во флягу спиртом, сожжёт потроха,
сочиняю последнюю книгу, пишу, режу, бинтую, тише,
ночь светла и тиха,

Бог со мной, говорю, а вы все атеистки, сёстры,
ну ладно,
вы без задних пяток спите, там, в каптёрке, углый диван,

раскладушка, матрац на полу, ну вот и отрадно,
а хирург ваш уходит в туман,

в океан войны, без лощей, в бушеванье страданий, боли,
в это око тайфуна военного, где хищно скалятся упыри,
все я раны зашил, а теперь мои письма,

кровью, доколе,
и ладони страниц, и лики небес, отвернись, не смотри.

Здесь вся тайна военная. Мира громадная тайна.
Я не знаю её. Но я зашиваю её –
скальпель прочь, игла, кетгут, рук лебединый танец
над ужасною раной,
распахавшей до дна бытиё.

Сирень

Баллада

Я вышла из лазарета
После бессонной ночи.
Перед вратами лета
Гром далеко грохочет.
Я глубоко вдохнула,
Я белый халат расстегнула.
Близ синей мощной сирени
Застыла – и чуть не уснула.

Лиловые водопады,
Сияющие соцветья...
Летящие синие грады
С немых небес лихолетья.
Кудрявится и клубится,
И звёздчатым омофором
Всё вьётся, летит, колесница,
И плачет, царица, хором...

Сирень... горящие гроздья...
Оттуда, из туч сизо-дымных,

Очей сверкающих, грозных,
Пылающих и любимых,
Давно, смертельно забытых,
Разящих и незабвенных
Надвинулась рать убитых
Морскою безбрежной пеной.

Стояла я, опьянённа,
Сестра всего милосердя,
Стояла, в жизнь так влюблённа
На перекрестье смерти!
Бомбят? Стреляют? Взрывают?
Вражины! Нечеловеки!
Они людей убивают –
Цветы не убить вовеки!

Привозят мальчишек, привозят
В наш лазарет бессменный.
Струятся сирени лóзы.
Весна глядится бессмертной.
Весна, сиренева лебедь,
Летит над Мiромъ, над нами,
Она поцелуем лечит,
Мы все под её крылами...

И я, распахнув халатик,
В сирени плыла, стояла,
Во запахах её купалась,
Завёртывалась в её одеяло!
Её я вдыхала, грызла,
Как хлеб... лицо окунала
В душистое буйство жизни...
И всё было мало, мало...

И тут ко мне доктор подходит,
Наш военврач сердитый.
Отставить, кричит, при народе
Цветы целовать позабыто!

К столу, сестра, быстро, живо,
К операционной доле!
Скажи спасибо, мы живы,
А будет война доколе...

А сам к сирени шагает,
Как в снежное поле далече,
В сирени меня обнимает
И стискивает мне плечи!
И я к нему прижимаюсь,
В щеку врезается планка...
Впервые я обнимаюсь,
Девчонка я несмеянка...

И ночь опустилась тут же...
И гроздя закрыли нам лица...
Нахлынула синяя стужа...
Крылатая лебедица...
Глаза в пол-Міра ширóки...
Мощны дыма синие кудри...
До счастья, до боли, до срока
Взошло нам сирени утро...

И стали руки цветами.
И стали ноги цветами.
И грянул бой заполошный –
Нагое сирени пламя.
«Найди, найди меж огнями
Ты счастья цветок пятипалый!..» –
Так военврач шептал мне,
Целуя опять, сначала...

И я его обнимала
Сиренью-тьмой-рукавами...
Я жизни жизнь отдавала,
Ногами плела, корнями...
Я тихим цветком единым
На плечи, на лоб валилась,

С колен в облака... и мимо
В зенит, в небесную милость...

Сирень... этот голый вечер...
Мой праздник в виду лазарета...
Горят керосина свечи.
На плитке каша согрета.
Кормлю я раненых с ложки.
Лицо измучили слёзы.
Дремлю я больничной кошкой,
Как будто с морфия дозы.

Сирень, моя мать, царица!
Живи во славе и силе!
Не знаю, что завтра приснится.
Врача-то вчера убили.
И я охапки сирени
Ему несла на могилу.
И я ему пела песни
О том, что меж нами было.

Я пела всё ласковей, тише.
Так наши матери пели.
И мне казалось, он слышал
Меня в земляной колыбели.
Сирень, среди сил бесплотных
Синь-Серафим Шестикрылый.
Сирень, накорми голодных.
Сирень, цветы над могилой.
Сирень, цветы над рождением.
Сирень, ты приравнена к чуду.
Сирень, томи наваждением.
До смерти тебя не забуду.

* * *

Продержись ты, Русский Мирь,
Ты держись до срока.

Ты силён судьбой, людьми.
Потерпи немного.

Ты в войне сей победишь.
Ты – сим – победиши.
Ты герой: не змей, не мышь.
Выше целься, выше.

Целили в тебя, в тебя.
Хитро нападали.
Да погибнуть не судьба,
И сгореть едва ли.

Знаменем ты защищён,
Нежной дланью Бога.
Твой – бескрайний небосклон.
Потерпи немного.

Дмитрий ТРИБУШНЫЙ
Донецк

**ТЫ ЗАМОЛЧАЛ,
И МИР ТЕБЯ УСЛЫШАЛ...**

* * *

На стадионах беззаботных,
На блокпостах
Корми, Донецк, свою плоть
Железных птах.

Корми случайные снаряды,
Прицельный «град».
Корми Смолянкой и Горсадом.
Пускай летят.

Не отступаем, не сдаемся
В кромешной мгле.
Черкни «ВКонтакте» «остаемся»
Большой Земле.

* * *

Храни, Господь, беспутных птах,
С Небес не упусти.
Храни в присутственных местах,
С восьми и до пяти.

Храни, Господь, своих пичуг
На торжищах и за.
Прошу, не выпускай из рук,
Не закрывай глаза!

Храни троллейбус номер сто,
Забывший про откос.
Тот, где не думает никто
О гибели всерьез.

Коль город стал передовой,
Храни передовых!
Пусть вечно ангел-часовой
Заботится о них!

* * *

Як умру, то похороните.
Большого не надо.
Спрячьте тело под асфальтом
От дождя и «градов».

Поминальной свечою
Догорит высотка.
Будет виться надо мною
Черный беспилотник.

Будут «грады», будут «буки»
Мерно править тризну.
И хохлы в чужие руки
Отдадут отчизну.

* * *

Дар случайный, дар напрасный,
Непонятный дар.
В городах огнеопасных
Каждый день пожар.

Горе местного разлива
Падает в цене.
С каждым годом все фальшивей
Фильмы о войне.

Из провинций безмятежных
В рай прифронтовой
Годовой запас надежды
Привезет конвой.

Отрицательные числа

1

Если бы у меня была возможность снимать кино, я снял бы фильм о школе, о молодой учительнице математики. Об уроке, посвященном загадочным отрицательным числам, тем, которые меньше нуля и пишутся со знаком минус.

Учительница, как тогда было принято, старалась, но ее никто не слушал. Кроме одного человека, случайно заглянувшего в класс, – студента-практиканта. Да и тот был филологом. Он не столько следил за ее мыслями, сколько параллельно распутывал свои: «Если отбросить математические премудрости, то, что меньше нуля – меньше пустоты, меньше ничего. Как удивительно: человек может говорить о том, что меньше пустоты, как о реально существующем!» Так я тогда думал.

В какой-то момент в классе наступила абсолютная тишина. Такая тишина, что можно было услышать мысли проносащихся за стеклом прохожих. Весь класс, не сговариваясь, смотрел в окно. За окном шел ненастоящий снег. Столь огромных торжественных хлопьев в природе не существует. Даже в каком-нибудь сентиментальном фильме они казались бы неестественными. Но снег действительно спешил откуда-то сверху, и его нельзя было не увидеть.

Стемнело, но никто не решился включить свет. Снег принес с собой тихое, ненавязчивое сияние, медленно и уверенно проникающее во все, что мы называем миром.

Наконец-то его заметила и учительница. Подошла к окну. О чем она молчала – неизвестно. Может быть, чувствовала, что этот не-

реальный снегопад и несуществующие числа как-то связаны между собой и не могут существовать друг без друга.

По крайней мере, именно это ощущал практикант, и ему очень хотелось, чтобы нечто подобное ощущал кто-то еще.

2

Когда умирает человек, должна звучать музыка. Как в кино. Что-то должно произойти – в крайнем случае пусть остановятся часы, материализуется ангел или комната наполнится неземным светом. Но человек умер, а ничего не происходит. Вот почему я верю искусству, а не жизни.

– А снег не прекратится никогда, –
Вдруг произносишь, сразу замечая,
Что целый век стояли холода
В пространстве, предназначенном для рая.

И, вечности невольный гражданин,
Вдруг понимаешь – все дано в избытке.
И нужен век, чтобы разжечь камин
Или дойти от дома до калитки.

Отдельный век, чтоб ворошить золу,
Стеречь окно и думать понемногу,
И чувствовать себя в своем углу,
И не смотреть с надеждой на дорогу.

* * *

Мертвые к нам не приходят во сне,
Не беспокоят зря.
Все мы остались на этой войне
Под залпами ноября.

С той стороны продолжается жизнь,
Вертится синий шар.
Все мы сегодня здесь собрались,
Чтобы держать удар.

Благословляет на вечный пост
Вечный двадцатый век.
И на просторе, открытом всерьез,
Снова стоим за всех.

Проснешься, скажем, облаком седым.
К другим ушла нечаянная нежность.
Как хорошо бездумным, молодым
В мирах, еще беременных надеждой.

Проснешься, скажем, где-нибудь в раю.
Плывешь-плывешь куда-нибудь без цели.
Как хорошо у бездны на краю
Раскачивать бумажные качели.

Проснешься, скажем, в городе чужом
Над небом голубым, а то и выше.
Как хорошо не думать ни о чем.
Ты замолчал, и мир тебя услышал.

* * *

Укрой, убежище – земля,
От злого глаза
Печальных правнуков Кремля,
Детей Донбасса.

Мы точно вышли из земли
Другого сорта.
Сгорели наши корабли,
Аэропорты.

Пытаться от себя уйти
Уже нелепо.
Но все надежные пути
Ведут на небо.

Двухсотый дом, трехсотый дым.
Считай высотки,
Гори-гори, Четвертый Рим,
Для новой сводки.

На жизнь поэта. Донецк 2017

Собирать хворост. Сочинять повесть.
Пропускать сводки.
Разбудить совесть.

Продавать дачу. Подбирать сдачу.
Повторять ветру:
Не могу иначе.

Провожать танки. Доедать манку.
Собирать хворост.
Повышать планку.

Сочинять остров. Торговать Фростом.
На свою участь
Посмотреть просто.

Опоздал Санта. Подоспел Данте.
У себя в сердце
Ловишь диверсанта.

* * *

Вошли во тьму и Питер, и Париж,
Провинция глухая и столица.
Ты соткана из света. Ты паришь.
Ты не умрешь. Ты будешь вечно длиться.

Летит во тьму печальная земля,
Срываются светила и планеты.
А ты паришь, и снова плоть твоя
Белей всего на белом-белом свете.

.....

Еще не умер ты, еще ты не убит.
Бесплатный цирк бывает в мышеловке.
Смертеет рано. Зайцево не спит.
И ангел смерти бродит по Петровке.

Окраина считает до двухсот.
Так много нас на тесном белом свете,
Что если снайпер крайнего найдет,
Статистика потери не заметит.

Не Ватерлоо, не Бородино –
Обычные расстрельные районы.
Здесь Петр не рубил свое окно,
И сталкеры обходят эту зону.

* * *

Прощен за эти облака,
За эту просинь.
За то, что жизнь коротка,
Длиннее осень.

За то, что птицам снится юг,
А югу птицы.
За неприкаянных пичуг
Мне все простится.

За все, что все равно сгорит.
За все на свете.
А на живца и смерть бежит.
Прощен за это.

* * *

Умирили как умели
Кто-то сразу на простор
Кто-то заблудился в теле
Умирает до сих пор

Тех случайно зачеркнули
Этих сократили впрок
Здесь назойливые пули
Ищут выгодный висок

Умирали как попало
Кое-как и невпопад
Некрасиво помирали
Зайцево и Ленинград

На миру смертеть неловко
Рухнул в грязь разлили кровь
И лежишь под остановкой
В самом лучшем из миров

Не в бою под парусами
Жизнь нажала тормоза
Стыдно так что сразу сами
Закрываются глаза

* * *

Зиме отдали города
Почти без боя.
Мне сорок два, я навсегда,
И все такое.

Кого укроет этот снег
Уже не важно.
Я пережил двадцатый век,
И мне не страшно.

Пусть каждый новый снегопад,
Как смена строя.
Так долго люди не грустят.
Я старше Цоя.

Небесный дворник сыплет соль
На спины людям.
Здесь нужно что-нибудь про боль,
Но я не буду.

* * *

Четвертый год зимы.
Снег делают в Китае.
Он тает на лету.
И бог китайский с ним.
Я ко всему привык,
И больше не играю.
Свои права на снег
Передаю другим.

И кажется, что ночь,
Как вечность будет длиться.
И до конца зимы
Два миллиона ли.
Где бабочку искать,
Которой это снится?
В провинции Донецк?
На краешке земли?

Моя печаль светла.
Светла и безначальна.
Для светлости такой
Достаточно белил.
И море, и Гомер –
Все движется печалью.
По крайней мере, так
Конфуций говорил.

Инна КУЧЕРОВА

Донецк

ДОНЕЦКИЙ ПУШКИН

* * *

Он совсем не умел молиться,
И в душе был сплошной пустырь,
Но читал по солдатским лицам
И молитвы, и всю Псалтырь.

«Помоги, помоги мне, Боже...
Как не верить, когда война...
Ждёт сыночек меня Серёжа,
Ждут родители и жена...»

«Сколько видел я ран смертельных,
Сколько отнятой красоты...
Мы, Господь, без крестов нательных,
Но волочим свои кресты...»

«Умираю, простите мама,
Не вернётся уж ваш сынок...
Вот от взрыва готова яма,
И погибших встречает Бог...»

«Дай мне сил дотащить комбата!
Умоляю, услышь, Господь...
И мгновенно назад к ребятам
Продержитесь ещё, Володь!»

«Все усталые после битвы,
Ты нам, Боже, пошли дождя!
Кто из сумки достанет бритвы,
Кто уснёт, как в дому́ дитя».

Он совсем не умел молиться,
Не приученный с малых лет..
Но однажды пошёл креститься
На рождённый войной рассвет.

* * *

Я очень часто вижу сны
О не вернувшихся с войны,
Они с улыбкою живой
Идут, качают головой,
И что-то будто говорят,
А позади дома горят..
Я очень часто вижу сны
О не вернувшихся с войны,
И вдруг невольно признаюсь,
Что как они сама смеюсь,
И, наваждению сродни,
Я плачу тоже как они..
Я очень часто вижу сны
О не вернувшихся с войны,
Обыкновенно в каждом дне
Они теперь живут во мне,
И их сердца, как ни крути,
Стучат, стучат в моей груди

* * *

Вернуть бы тех, кого забрали Небеса,
Пусть на минуту или только на мгновение,
Чтоб зазвучали их живые голоса,
Чтоб засияли их любимые глаза,
И вдруг почувствовалось рук прикосновение..
Вернуть бы их. Пусть ненадолго обрести

Покой для сердца, что безмерной болью точится,
Чтоб прошептать своё последнее «прости»,
И так негаданно услышать «не грусти»,
И наконец принять как данность одиночество.
...Вернуть бы всех. Святой молитвой окрестить, и отпустить.

Стреляют, мам...

Среди разрозненной страны,
Я вижу ужасы войны.
Кричит мой сын: «Стреляют, мам,
По людям, кошкам и домам...
А я успел, я добежал,
Быстрее, спустимся в подвал!
Давай Анютку позовём,
Ведь мы же с ней всегда вдвоём.
Ты говорила, что солдат
Не тронет ни за что ребят,
Зачем же Димку увезли
Подальше от своей земли?
Он подарил на память мне
Кавалериста на коне.
Сказал, чтоб я его хранил,
Он даст мне смелости и сил.
Нам не придётся уезжать?
Мы будем здесь всех деток ждать?
Мамуля, я тебя люблю...
Подвал... Спокойно... Я посплю...»

Донбасская колыбельная

Баю-баю, спите дети,
Будет тише на рассвете,
Наиграются солдаты
И отложат автоматы...

Баю-баю, спите крошки,
Скоро кончатся бомбёжки,

Наиграются пилоты,
Остановят самолёты...

Баю-баю, спите сладко,
Пусть всю ночь горит лампадка,
Наиграются танкисты,
Разойдутся полем чистым...

Баю-баю, спите, спите,
Мир в сердечках сохраните,
Канонада утихает,
Это лишь игра такая...

Осень и война

Кофе. Сахар. Кружки.
В кухне, у окна
Плачут две подружки –
Осень и война.

Осень уверяет,
Что во всём права.
Листьями швыряет,
Ветром рвёт слова.

А война едва ли
Что-то скажет тут.
Осень люди ждали,
А её – клянут.

И война закурит,
Пустит едкий дым.
Он, коснувшись улиц,
Ляжет у воды.

На Петровке, в двушке,
Будет тишина...
Здесь живут подружки –
Осень и война.

Донецкий Пушкин

Донецкий Пушкин на постаменте
За драмтеатром, конечно, строг.
Но если б ожил он вдруг в моменте,
То только ради подобных строк.

«Екатерина! Императрица!
Одесса, что ли, в уме едва?
Приговорила тебя разбиться,
Не помня напрочь с тобой родства...»

И, может, сразу с портовой свалки,
Раздался б голос ему в ответ:
«Мой милый Саша, им всем не жалко
Ни настоящих, ни прошлых лет...

Глупы потомки, в них дух тлетворный,
Но мы-то знаем как дважды два,
Всё то, что вечно, – нерукотворно,
Не зарастает к нему тропа»...

30 октября 2022 года, Донецк

* * *

Вам расскажут – в Донецке бойня,
Просто в пепел дома и арки...
А на свет появилась тройня
У семейства из Пролетарки.

Вам расскажут – дончане в стрессе,
И не парятся ерундою,
Но деды говорят о Месси,
Вставши в очередь за водою.

Вам расскажут – дончане воют,
Будто город почти что слили,
А сестрички в тот час укроют,
Всех солдат, что дышать не в силе.

Вам расскажут – дончане в гнев,
Их сердца стали враз могилой,
А у клироса на распеве:
«Святой Боже, спаси, помилуй!»!

Вам расскажут – в Донецке стужа,
Мирной жизнью здесь жить нелепо...
Но дончане в кровавых лужах
Всё же видят
кусочек
неба.

* * *

И шептались осины с дубами
...И шептались осины с дубами:
– Это правда? Мы станем гробами?
Пережившие множество вёсен...
– От кого вы узнали?
– От сосен.

И столетние сосны кивали,
Что спасение будет едва ли.
– Кто сказал вам, сестрицы, об этом?
– Вольный ветер, что кружит над светом.

Лишь земля по привычке молчала,
Пряча в глубь и концы, и начала,
Занимаясь своими делами,
Бесконечно вращаясь с телами.

Ей известны все главные тайны,
Что лежащие в ней – не случайны,
И сквозь их истончённые спины,
Прорастают дубы и осины.

3 февраля 2023 года, Донецк. Благодарю за вдохновение инока Киприана (в миру – Буркова Валерия Анатольевича). Стихи написаны после исполнения им песни «Поговори со мной, трава».

Два часа до войны

От меня два часа до Ростова,
По прямой – 210 км...
Но я ехать туда не готова,
С багажом не решённых проблем.

От меня три часа к Таганрогу,
Из Седова видны маяки.
Как же мне собираться в дорогу,
Если дома мои старики?

Сколько нас в осаждённом Донецке?
Всех не вывезти, как ни крути.
Но мы верим, наивно, по-детски,
Что Господь нам поможет спастись.

Арифметика проще простого,
И моей никакой нет вины,
Что по той же прямой, от Ростова,
Два часа. Два часа до войны.

Нижегородский почерк

Олег РЯБОВ

СЪЕЗДИЛИ ПОСВАТАЛИСЬ

В период влюблённости почти все особи животного мира несколько меняют свою внешность и поведение, а некоторые виды и экземпляры меняются прямо до неузнаваемости. Хотел сначала написать, что особи мужского пола, а как вспомнил одну даму свою знакомую, про то, как она иногда начинала вертеть головой и другими своими органами, так и передумал конкретизировать. Некоторые ученые объясняют такое явление возрастными мутациями и появлением в крови новых гормонов, другие – изменением климатических и погодных условий, позволяющих наконец-то продолжить род, а третьи вообще придумали тестостерон какой-то. Наверное, все они по-своему и каждый в какой-то, но не в полной мере правы.

У мальчиков этот возраст первой влюблённости приходится, как правило, на десять-пятнадцать лет. Но это ни о чем не говорит, потому что есть мальчики, которые и в семь лет безнадежно влюбляются, а есть которые и до седых волос доживают, сухоты любовной не ведая.

Вот Илья Криворотов до двадцати лет дожил и ни о какой любви пока что не задумывался, правда, в весе прибавляет постоянно и за центнер уже перевалил. Хотя был в его жизни памятный и странный эпизод, когда он в восьмилетнем воз-

расте поинтересовался у мамы, а может ли муж быть моложе жены на десять или даже больше лет? Мама тогда очень удивилась раннему интересу сына к принципам построения семейной жизни, но ответила утвердительно. А всё объяснялось очень просто: Илья тогда уже заметил барышню-студентку, за которой его папа, доцент и завкафедрой политехнического института, начал активно ухлёстывать, пока они отдыхали в летнем студенческом лагере на Горьковском море. Тогда и родился в голове у восьмилетнего сына почти криминальный план, как отбить у папы красавицу-студентку, женившись на ней, и тем спасти семью. Не получилось: родители в конце концов и сами развелись из-за этой гадины-студентки.

В университете на филфаке, в группе, где учился Илья, на двадцать девочек приходилось три парня, а если принять во внимание, что двое ребят были уже женаты, то Илья Криворотов становился желанной добычей для этой стаи голодных охотниц. А Илья им ни в чем не отказывал, и вообще он был настоящим дамским угодником – обходительным, заботливым и покладистым. Только ведь это не о любви и совсем не о первой влюблённости.

А вот с другом его, Михаилом Жмуркиным, случилась настоящая беда в плане влюблённости. Он учился на физтехе политеха, куда девочек не заманить было, а может, и негласное распоряжение существовало про какие-то ограничения для обучения женского пола данной специальности. Ни для кого не секрет, что факультет этот создавался под определённые государственные программы, и выпускники с него были востребованы в неограниченном количестве, но лишь на ядерных объектах страны.

В группе у Жмуркина учились всего две девочки, и обе страшные, как атомная война: у одной прикус неправильный и челюсть нижняя вперёд выпирает, а у второй ноги колесом и ходит вразвалку, как бегемотиха, хотя и золотые медалистки обе; звали их Таня и Маша. Мальчишки-студенты (или лучше их уже называть парнями!) не очень-то любили общаться с ними, предпочитая ходить в общежитие к девчонкам с химфака. Михаил же как человек воспитанный и интеллигентный не выдавал своих эмоций в виде неприязни по отношению к однокашницам и даже пусть

и без особого интереса, но общался с ними в перерывах между лекциями, что было отмечено особой благосклонностью с дамской стороны.

Совершенно неожиданно эта благодарность вылилась в удивительный приз. В вестибюле кинотеатра повторного фильма, куда Жмуркин пришел со своим другом Криворотовым в который раз посмотреть «Жестокий романс», недавно прошедшую и изрядно нашумевшую картину, они встретили сокурсниц Михаила Машу и Таню, которые также пришли на этот просмотр. А вот тут и случилась та беда, о которой я хотел рассказать. С Мишиными знакомыми девочками была на этот раз третья, некая Альбина, годков на несколько постарше подруг. Вызывающая осанка, посадка головы, боевой агрессивный макияж и что-то ещё самоуверенно-царственное выделяло её из публики, наполнявшей фойе кинотеатра. Была она очень яркая; может, если бы смыть с неё всё это женское украшательство, то ничего бы там особенного и не осталось, но пока что... Было ещё в ней, в этой Альбине, что-то высокомерное и покровительственное по отношению ко всем и ко всему, что её окружало. Это уже потом, после кинофильма, оказавшись на набережной и обсуждая картину, они попутно выяснили, что Альбина какая-то дальняя родственница Тани, Мишиной однокурсницы – то ли тётка, то ли двоюродная сестра: они всё время ссылались на каких-то общих знакомых то тётю Люсю, то дядю Толю, вспоминая родные края.

Погуляли по набережной с полчаса, потом ребята проводили девочек до автобуса. Но было уже поздно...

Конечно, виновата весна и май, этот коварный месяц – сколько бед он творит каждый год. Уже на следующий день Жмуркин, весь расклеенный, с нездоровым блеском в глазах, встретил Илью во дворе и буквально стал умолять его, чтобы тот незамедлительно нашел вчерашнюю Таню, а через неё и Альбину. А точнее – ему и нужна была только Альбина, и при этом срочно.

– И целиком? – пошутил Илья.

– Чего целиком? – не понял Михаил.

– Она тебе нужна срочно и целиком, так? Или по частям тоже возьмёшь? – начал подкалывать и издеваться

над другом Илья, усевшись на лавочку под сиренью с набухающими бутонами.

Лавочка качнулась и чуть не развалилась

– Хватит смеяться, – огрызнулся Жмуркин, но не очень агрессивно.

– А чего же не посмеяться? Погода хорошая, у меня настроение хорошее. Да и на тебя смешно смотреть на влюблённого. Ты сам-то понимаешь, что ты влюбился?

– Понимаю и ничего плохого в этом не вижу.

– А вот я вижу, – со злобой ответил ему Криворотов, – и очень этого боюсь. Боюсь, потому что женщина всегда была и будет врагом настоящей большой мужской дружбы. Я для тебя сейчас найду Татьяну, потом помогу найти Альбину, а после сделаю всё, чтобы у тебя ничего не получилось. А в принципе, я вообще не понимаю, почему я должен разыскивать Татьяну, которая учится с тобой, и у неё что-то там узнавать?

– И что же это ты какой сердитый-то? Просто я комплекую, я не хочу, чтобы потом вся эта история муслировалась у нас в группе. А твой интерес к этой Альбине не вызовет ни у кого никаких вопросов.

– Хорошо, только чтобы ты потом не удивлялся и не злился на меня, когда я тебя спасать буду. Ты что, не видишь, что она на десять лет тебя старше?

– Не на десять, а на пять!

– Я не про годы, а про то, что она взрослая, а мы с тобой... Мы с тобой против неё просто пацаны. Нет, я не против, я во все не против твоего увлечения, только я уже вчера заметил твоё необычное поведение и Альбинины плотоядные взгляды разглядел. Будь пожалуйста помудрее! Мудрее! Вот ты вчера даже не понял, что у неё на тебя уже есть виды.

– Глупости! Мы только вчера познакомились и общались-то всего с полчаса.

– Так ведь тебе этого хватило? Так ведь? Значит, и ей хватит! Только не подумай, что я это из ревности, я готов тебе помогать как друг и товарищ, но имей в виду, что, если что-то пойдет не так, как мне кажется правильным, я приму меры. Понял?

– Конечно, понял – на то ты и друг.

Криворотов выполнил просьбу Михаила. Но дальше всё было уже неинтересно, и рассказывать даже не хочется. Пьяный майский воздух, гулянье под луной, поцелуи в кустах на скамеечках и так далее, и так каждый день. А в конце месяца, когда к сессии летней надо было уже готовиться, Криворотов вновь экстренно понадобился Жмуркину. И вот, подкараулив его вновь во дворе, он совершенно заговорщически, обняв друга за плечи, усадил на всё ту же самую пресловутую лавку и, глубоко и печально вздохнув, заговорил.

– Старик, наверное, ты был прав, но я ни о чём не жалею! И теперь я прошу тебя выполнить ещё одну очень важную и ответственную миссию.

– Какую ещё миссию? Ты говори-говори, да не заговаривайся – не на митинге!

– Старик, я прошу съездить со мной в Запрудное, где живет папа моей Альбины. Да и Татьяна оттуда же родом – они, оказывается, двоюродные сёстры. Мы с Альбиной решили пожениться, и она хочет меня познакомить со своим папой, а мама у неё уже давно умерла. Папа у неё директор какого-то местного сельского райпотребсоюза. Ты же знаешь, где это, совсем недалеко – сорок километров по Казанскому шоссе. Давай съездим, будь другом.

– Съездить-то мы съездим, и другом я тебе буду вечно, только учти – я буду всю эту вашу аферу держать под контролем. А вот то, что у неё папа начальник райпотребсоюза, это – здорово и показательно. Знаешь, как это называется?

– Как?

– Вы с ней – из одной песочницы. У тебя же папа тоже когда-то всей городской торговлей руководил, пусть и на партийном уровне.

Майской тёплой замечательной погоды так долго ждёшь и так искренне ей радуешься, что ради неё, этой божественной погоды, готов нормальный человек и на смотрины ехать, и на крестины, и на свадьбу, и вообще куда угодно – радостью наполняется нутро!

В субботу поехали знакомиться с Альбининой роднёй.

Дом у Ивана Гавриловича, её батюшки, был серьёзным строением. За глухим трёхметровым тесовым забором стоял деревянный двухэтажный сруб с застеклённой

верандой и открытой террасой и с дополнительной мансардой. А участок в тридцать соток был гладко выкошен под английскую лужайку, из которой торчали молоденькие деревья слив, вишен и яблонек, и сейчас они были радостно покрыты белым майским пухом. Рядом с домом ждала гостей под навесом большая летняя кухня с накрытым столом и венскими стульями, а дальше стояли и баня, и сарай для хозяйственных нужд, и ещё какие-то строения.

Иван Гаврилович ждал гостей, сидя за столом на террасе в белоснежной рубашке навыпуск и в домашних штанах, греясь на солнышке: Альбина сообщила по телефону своему папке, что приедет не одна и по делу. Был Иван Гаврилович лет пятидесяти, худощав, даже суховат, плешив, маленького роста, в каких-то круглых допотопных очках, сползавших на кончик носа. Но вот когда он встал с лавки, чтобы приветствовать приехавших ребят, и выкатил грудь колесом, стало видно, что сам он себя очень уважает. Правда, колесо это, с которым иногда сравнивают грудь солидных людей, у Ивана Гавриловича больше смахивало на велосипедное.

Быстренько перезнакомились, и настоящим крутым басом Иван Гаврилович – как только такой мощный голос в таком хлипком организме умещается – пригласил всех за стол на летней веранде.

– Давай, Альбинка, хозяйничай, гостей усаживай да угощай.

Сливы цветут-пахнут, шмели гудят, как вертолёты, пчёлы тысячами снуют, бабочки-капустницы порхают – красота, май.

– А подождите – ночью ещё соловьи будут свои песни выдавать, заслушаешься! Видите там, в углу, снежный сугроб – это жасмин цветет, в том кусту они и живут. Пойдемте со знакомством и с приездом чокнемся. Вон там, на летней кухне, мой помощник Гришка-мордвин сообразил что-то вкусное и полезное: там и рыбка, и мясо, и по сто грамм найдётся. Хозяйка-то покинула меня – уже пять лет, как на небесах. Один живу, с Сашкой-сыном, но он пока что плохой помощник – маловат. Альбинка-то тоже меня бросила – упорхнула в город. И женщину в дом взять не могу – сын не поймёт, мамку, мол, предал, – и сам не управляюсь! Вот Гришка-мордвин,

что у меня кооператором работает, и помогает мне. Удивительно рукастый мужик и аккуратный. И сантехник, и электрик, и садовник, и, главное, повар замечательный. Конечно, я для него всё сделал, ну, и он для меня всегда без отказа.

Стол если и не ломился, то был очень и очень богат по тем временам, и богат не хрусталами, цветами да салфетками, а простой и сытной едой. Белые грузди солёные, огурчики, помидорчики, капуста пластовая – всё из бочек, рыба солёная, сервелат финский, телятина холодная нарезана, а главное – в мисочках, приличных по объёму, икра чёрная и красная. И хлеб свой – тёплый ещё. Из напитков на столе стояли бутылка «Столичной» и итальянский ликёр «Амаретто», ну и в кувшинах брусничная и клюквенная вода.

– Люблю утробу свою потешить, одна радость в жизни осталась – покушать от души, – приговаривал, потирая руки и рассаживая гостей, Иван Гаврилович.

Тут метеором прилетел откуда-то сынишка Сашка, весь как с картинки: курносый, белобрысые вихры, усыпан весенними конопушками, затормозил, вежливо со всеми поздоровался, чмокнул свою Альбинку в щёку и спросил у отца:

– Бать, я не нужен? Я побегу с пацанами?

– Стой, Саня, – задержала его сестра, – а сок берёзовый ещё каплет?

– Каплет, каплет, да ещё как каплет – ручьём бежит! Если пойдёшь в овраги, то там десять пластмассовых бутылок подвешены – мои, можешь брать.

Не успел убежать Сашка, как появился молодой крепкий мужик лет тридцати, одетый совсем по-рабочему, но причёсанный, выбритый. Не здороваясь, загудел:

– А я смотрю, приехали. И уже за столом сидят! Меня Григорием зовут, если надо что – зовите. Иван Гаврилович, ты что же меня предупредить предупредил, а позвать не позвал?

– Гриша, сядь за стол и налей себе рюмку. И все налейте. Сейчас давайте решим – когда будем есть шашлыки? Я предлагаю в шестнадцать часов, до этого времени можно и отдохнуть-полежать и погулять, если захочется. Есть другие предложения? Нет! Значит – решено. Гриша, шаш-

лыки в шестнадцать ноль-ноль, а пока – свободен. Давайте выпьем со знакомством и за встречу и закусим.

Выпили по первой, по второй, и сразу же на столе появилась ещё одна бутылка «Столичной». Гриша поднялся и ушел не прощаясь. Альбинка с Михаилом, о чём-то пошептавшись, тоже поднялись, взявшись за руки.

– Пап, мы с Мишей ходим в овраги, берёзового сока попьём Санькиного, я Мише красоты наши покажу. А ты пока тут с Ильёй посиди, поговорите о чём-нибудь умном, или про Михаила он тебе всё, что тебя интересует, расскажет. Хорошо?

– Идите, идите, – отвечал хорошо поставленным басом Иван Гаврилович и махнул рукой в сторону молодых.

И только после того, как Альбина с Михаилом скрылись, Илья заметил, что хозяин Иван Гаврилович с двух выпитых стопок уже окосел. Не то чтобы окосел совсем, но когда он налил ещё по одной стопке и предложил выпить Кривоотову с ним уже вдвоём «за молодых», Илье это как раз и показалось. Но он выпил. И вот тут началось!

– А ты знаешь, Илья, что у меня денег столько, что я не знаю, куда их девать! Вон в диване банковскими упаковками, в полиэтилен запаянные сложены, а я не знаю, куда их девать и чего на них построить. Как только эти кооперативы разрешили, так у меня всё и завертелось. Ты знаешь, что у меня сейчас пять столовых, три хлебопекарни, двенадцать магазинов, два колхозных рынка в городе – ты понимаешь, какое это хозяйство? Я же председатель райпотребсоюза – вот я почти всё хозяйство наше в кооперативы и превратил, и во всех этих кооперативах я сам себе и хозяин. И вот я почувствовал, что район для меня уже мелковат – деньги девать просто некуда. А это точно, что у Михаила отец – заместитель начальника городского управления торговли? Фамилия-то Жмуркин мне знакома, и для города, и для области нашей фигура знаковая. А только сколько этих Жмуркиных на свете, никто ещё не посчитал. Может, и Жмуркин, да не тот.

– Тот, Иван Гаврилович, тот, – успокаивал хозяина стола Илья, разливая по рюмкам.

– Ну тогда мы с ним ой, как замутим! Вы ведь там, в городе, денег-то больших настоящих ещё и не видели! Бойтесь

всё чего-то, да только не знаю чего! Нужна мне такая лапа в городе – ой как нужна. А этого старшего Жмуркина мы и купим, и обломаем – будет, как по струнке ходить. Да и тебя с Михаилом обломаю – вы меня ещё плохо знаете.

Когда через час Михаил со своей Альбиной вернулись с прогулки, Илья сидел за столом перед двумя пустыми бутылками из-под водки и вдумчиво читал брошюру «Весенняя обрезка плодовых деревьев».

– Ох, Илья, зря ты с нами не пошел – какая там весна! – заявила, пританцовывая восторженно, Альбина.

– И берёзового сока не попил, – поддакнул ей Михаил и протянул Криворотову полиэтиленовую бутылку, – на, попей, я для тебя захватил бутылочку, прямо с берёзы снял.

– А где папка? Куда он ушёл? – вдруг спохватилась Альбина.

– Никуда он не ушел, – отвечал Илья, – я его в сарае запер, а то уж очень сердитый он у вас: и ругаться стал, и драться стал. Ударил меня один раз – я его предупредил, так он второй раз ударил – уже бутылкой, и по голове. Вон, полюбуйся – шишка какая. Потом он целоваться полез, а потом снова драться. Я спросил, где него верёвка хорошая лежит? Он мне сказал, что в сарае. Я взял ту верёвку – действительно хорошая – и связал его и в сарае запер. Я его хорошо связал: ноги отдельно, руки отдельно, а потом согнул его и сзади ноги к рукам привязал. Ласточкой, так сказать. Так за верёвку и в сарай отнес. Он было кричать начал, так я ему пообещал рот тряпкой заткнуть – он замолчал. Он сейчас сам на ноги встать не сможет.

Но Альбинка уже бежала к сараю, у которого дверь была старательно приперта деревянной лопатой, и громко причитала, услышав крики отца:

– Ах, ты сволочь, ах ты гад, ах ты недоносок недоношенный!!! – это всё относилось к Илье Криворотову.

– Знаешь, чего, Миша, – обратился Илья к своему товарищу, – ты бы пошел да помог ей – она не сможет мои узлы развязать. Развяжешь – и домой поедем.

На автостанции друзьям удалось захватить такси до города.

ПРИВЕТ ИЗ СИРИИ

В определённом возрасте самым естественным позывом и стремлением любого нормального мальчика бывает желание надеть солдатскую форму, взять ружьё и пойти повоевать. С кем воевать, за что воевать, и как воевать – это вопросы второстепенные. Это намерение повоевать или защищать что-то и кого-то естественно для мужчины или будущего мужчины на генетическом уровне; так же для женщины естественным бывает стремление рожать, и они очень часто даже не отдают себе отчёт, как и почему у них это случилось – беременность имеется в виду. Но про женщин в другой раз.

Михаил Жмуркин с детства видел себя только в военной форме. Среди его родни было достаточно достойных примеров для подражания в виде многочисленных высокопоставленных офицеров и генералов, о которых только и было разговоров дома за столом. Да и сам Михаил был очень милитаризованным мальчиком и в детстве, и в юности; и после окончания института он получил не только диплом инженера, но и лейтенантские погоны с приставкой «командир БЧ-4 подводной лодки проекта 641». Только послужить Родине по-настоящему не получилось. Что уж там случилось, мне неизвестно, но только комиссовали Михаила вчистую и очень быстро.

Михаил был так обескуражен этой своей неожиданно и напрочь изломанной судьбой, так долго не мог в себя прийти, что, когда всерьёз опомнился, оказалось, что он уже журналист и служит в какой-то совершенно желтой городской газете, из тех, которые называются таблоидами.

Выкарабкаться из этой безвестной клоаки Михаилу при его энтузиазме и энергии удалось, а очень скоро его имя стало уже известно и московским серьёзным СМИ.

Но если профессия журналиста кем-то и считается абсолютно мирной, то такое мнение совершенно ошибочно, потому что процент погибших в мировых войнах и на фронтах военных конфликтов разного уровня журналистов и репортёров очень высок, а наша родина Россия постоянно вынуждена в эти конфликты ввязываться. Йемен и Южная Осетия, Сирия и Чечня, Сербия и Донбасс, да разве их можно все перечислить, эти горячие точки? И вот тут потаенная мечта Жмуркина, в которой он не признавался даже самому себе, снова стала обретать реальные и осуществимые облики. А заключалась эта мечта в получении ордена, любого ордена, но как государственной награды нашей страны и чтобы в удостоверении была подпись президента. Вот вбил он себе в голову, что раз при царе, то есть в мирное время, то есть до 1914 года, вместе с орденом человеку присваивалось и личное дворянство, то и в наше время ничего не поменялось, а орден в виде государственной награды кроме всего прочего прямо указывает на статус его владельца. А потому даже папа его, партийный функционер, пусть и областного масштаба, получив по случаю какого-то юбилея орден Трудового Красного Знамени, условно стал советским дворянином.

Жил Жмуркин вдвоем с мамой, папа умер, пока он в армию ходил ненадолго, а жениться у него пока что не получалось. Работал он то на радио, то на телевидении, то для каких-то московских информационных агентств, выполняя их определённые и конкретные задания. Но обязательно раз в два или три года он вспоминал про орден, и тогда Жмуркин искал способ вновь укатить на какую-нибудь войну, где его обязательно зацеплял какой-то шальной осколок. Так, он после второй чеченской умудрился в госпитале полежать, а после Южной Осетии с контузией оказался. Оба раза получал он законные награды, и оба раза медаль «За отвагу». Но это были всего лишь медали. Притом, по мнению самого Жмуркина, самые что ни на есть солдатские медали! Да и вручали их ему как-то

стрёмно и непублично: каждый раз в госпитале и каждый раз какие-то полковники непонятные.

– Да что же такое – мне пулю в лоб схватить, что ли, надо, чтобы орден-то получить свой российский? – жаловался он своему другу и коллеге по ремеслу, спортивному комментатору Илье Криворотову, с которым сидел в пивной на Среднем рынке, попивая условно немецкое пиво «Вайсбир» и жуя моченый горох.

И стойка металлическая, и пиво из флаг импортных, а все равно пахло сырыми тряпками, прогорклым табачным духом и солёной рыбой.

– Не поможет, – парировал Криворотов, – вон Игорь Грач и журналистом был прекрасным, и репортажи с Луганска присылал железные, и книги писал, а пулю в лоб от снайпера получил, и всё! И никакого ордена, и никакой даже плохонькой медальки не выдали ему. Ты же помнишь его, ты же тоже знал его. Говорят, что стрелял тогда в Игоря английский снайпер, и рассказывали, что через три месяца того снайпера наши ребята подловили на прицел и кончили. Вон Пугачиха или какой-то Юрий Антонов и в горячие точки не лезут – и на хрен им это не надо, и орденами этими всячески запакованы так, как быки-производители на сельскохозяйственных выставках. И важно что? Если бы, как положено, за каждую государственную награду выплачивалась бы пожизненная пенсия, пусть и небольшая, то было бы понятно жмотство государства, а то ведь что им там, в Кремле, грамоток этих да побрякушек латунных нашлёпать – жалко, что ли? Раздали бы всем, кому хочется!

– Э-э, не говори тут про какие-то пенсии или стипендии – престижно это, и всё! До революции вообще все эти золотые ордена с камнями и эмалью награждённый сам себе за свои деньги заказывал у мастера ювелирного. Тогда нищим ордена не давали! К тому же и мастера, которым разрешалось изготавливать эти царские ордена, должны были быть в то время поставщиками Двора Императорского Величества – звание такое было. Ведь все эти царские ордена не на заводе тысячами штамповались, как сейчас, а индивидуально изготавливались. Вот и стоят на них клейма ювелиров Адлера или Эдуарда, а то и Фаберже.

– Так я не понимаю: тебе что надо – подпись президента или клеймо Фаберже?

– Подпись президента, конечно! – с нескрываемой обидой огрызнулся Михаил.

– Слушай, а вот сегодня, я слышал, к нам, наверное, снова заскочит Захар – он очередной гуманитарный конвой организует. Хочешь, я с ним переговорю, и он тебя в Донецк с собой возьмёт? Ты же в Донецке ещё не работал, а ведь очень перспективные темы сейчас можно оттуда поднимать. Съезди – попытай судьбу ещё разок.

– Можно, конечно. Я уже подумывал про это. Только зачем ты-то мне? Я и сам хорошо Захара знаю, мы с ним работали вместе. Он же, наверное, во всех наших городских газетах поработать успел, пока не свалил в Москву.

– Да куда он не свалил. Просто такие деньги, которые он собирает на свои конвои, практически с шапкой по миру бродя, легче найти в Москве. Он говорил, что какой-то кинорежиссер, то ли Меньшов, то ли ещё какой-то, сразу ему миллион дал. Наличными. Прямо из кармана – в карман. Вытащил две пачки и отдал. Вот такие там деньги ходят. А Захару доверяют. Но в Донецк я не поеду, пока что не поеду: пока что что-то неправильное там есть, бизнеса там грязного много. А тебе по секрету могу сказать, раз уж такой замес у нас с тобой сегодня пошел, что орден я вчера всё же получил! Только скомканно как-то, и не очень празднично, и осадочек остался, будто я что-то украл у кого-то. Только не пойму – у кого!

– В смысле? Какой орден ты получил?

– А такой, про который мне рекомендовали ответственные и серьёзные люди не очень-то у нас тут распространяться. Орден Военной чести мне вчера вручили.

– Что это такое? Первый раз слышу.

– Ну, это такой сирийский военный орден, кстати – самая высокая офицерская награда. Приравнивается к награде ордена Великого офицера Почетного легиона. Кстати, именно ордена, а не медальки для членов этого ордена Почетного легиона, которых раздают в Париже до пяти тысяч в год.

– Так, а где же и за что его тебе вручали?

– Ну, ты помнишь, когда я в прошлом году в Сирию летал?

– Помню, конечно.

– Так вот, проторчал я тогда в Сирии почти три месяца. И когда собирался я ехать туда, я знал, что на три месяца примерно. Договор я заключал с агентством RT, а было у меня ещё липовое старое удостоверение Reuters – очень крутое и красивое удостоверение, я им редко пользовался, но всегда успешно. А я ещё и обложку припечатал к нему с британским флагом. И вот в Алеппо, в одном кафе, а точнее, это какой-то бордель был, я отдыхал с двумя американцами, с офицерами – они тоже тогда якобы миротворческой деятельностью в Сирии занимались. Этот погребок американцы пользовали – там и почище и пиво получше, чем в том, куда наши ходили. Они – виски, я – пиво, а потом с ними тоже виски. Я по-английски свободно чешу, к тому же у меня якобы аккредитация «Рейтерс». И проболтались они между делом про одну готовящуюся операцию, которая мне показалась подозрительной. У меня опыт был, и я кому следует, рассказал о нашем знакомстве и нашей беседе. А сам про тот случай уже и забыл. И вот позавчера звонок: звонит мне какой-то майор Зобнин и просит подойти к ним на Воробьёвку, на Ильинскую в смысле, к десяти утра: «Приятную новость мы хотим вам, Михаил Петрович, сообщить. Вас будут встречать!» Я вчера к десяти часам утра пришел, на вахте – паренёк молодой, лет на десять моложе меня, наверное. Говорит: «Пройдемте, Михаил Петрович, Лев Александрович нас уже ждёт». А кто такой Лев Александрович, я и понятия не имею. Оказалось, что полковник ихний. В кабинете у него коньяк дорогой марочный на столе стоит, а он радостный такой и торжественный одновременно, а ещё каких-то два мужика с ним, и все в штатском. Я уже сегодня и не помню, как их зовут. И вот вынимает Лев Александрович из сейфа здоровенную деревянную коробку, открывает её, а там, в бархате, тот орден лежит, про который я тебе говорю, – красивый такой. Оказывается, благодаря моей информации тогда, год назад, было предотвращено покушение на сирийского президента Асада и ликвидировано

серьёзное подполье. Выпили мы по рюмке, и пошел я домой. Вот так!

– Так, а где орден-то – покажи, что ты тянешь всё?

– А дальше мне пожали руку, выпили мы по рюмке, и полковник Лев Александрович убрал коробку с орденом назад в сейф со словами: «Михаил Петрович, орден пока что останется у нас! Не знаем мы, как там дела дальше повернутся в Сирии. Не будете же вы с этим орденом по улицам расхаживать, хотя он очень красивый. Просто хочу вам сообщить в дополнение, что вы теперь ещё и майор сирийской армии, а нашим правительством это звание носить российским гражданам разрешено. Если хотите, конечно, мы сможем вам и майорскую форму сирийскую для вас выписать из Дамаска. Только куда вы в ней ходить будете? Не клоун же вы! Знаем мы вас! А вот если вы в Сирии вновь окажетесь, то вас там и встретят с почетом, и майорскую форму пошьют сразу. Так что ещё раз поздравляю!» Вот так и закончилась наша встреча вчерашняя.

– Врёшь ты всё, по-моему, Миша! Хотя Захар – майор Донецкой республики, а ты теперь – майор Сирийской республики. Но орден всё равно мы должны по правилам обмыть! Пойдём ко мне на работу.

Марина СОЛОВЬЕВА

КУКЛА

Она владела техникой оригами и бисероплетения, прекрасно вышивала крестиком, играла на скрипке, пела в хоре, танцевала в народном ансамбле и знала наизусть всего Пушкина. Мне вообще трудно сказать, чего не умела делать моя одноклассница Верочка Смирнова. На праздниках у нее всегда был лучший наряд. Ее прическа, обычно представлявшая хитросплетение локонов, прядей и косичек, была произведением искусства и примагничивала взгляды окружающих. И все это благодаря ее маме – Нателле Аркадьевне, которая с первого класса таскала дочку по разным кружкам и развивала ее, как могла. Для Верочки делалось все, что можно было только придумать. Нателла Аркадьевна принимала активное участие в жизни класса и присутствовала на всех наших школьных мероприятиях. Верочка во всем чуть-чуть уступала маме: в спорах, в активности, в уверенности и в скорости принятия решений. Глядя на них, можно было сразу сказать, что это мама и дочка. Обе яркие кареглазые брюнетки, очень похожие лица, но с разной геометрией. Все линии Верочкиного лица были мягкими и плавными. Она была очень мила: широко распахнутые глаза, пухлые губы, аккуратный носик. Черты лица Нателлы Аркадьевны были более резкие, даже хищноватые. Угадывались грузинские или абхазские корни. Но в целом она выглядела настоящей роковой красавицей с царственной осанкой. Внешность у нее была

необычная и завораживающая. Она напоминала мне птицу Феникс из детского фильма. Однозначно красавица, но на любителя. В ее лице сквозило что-то аристократическое и притягивающее внимание. Даже когда она улыбалась, ее глаза с необычным миндалевидным разрезом оставались серьезными, а взгляд как будто проникал внутрь тебя.

Я впервые попала к ним в дом классе в шестом. Большая квартира, красивая мебель, посуда, которая меня потрясла. Мы обедали в центральной комнате за большим овальным столом, покрытым накрахмаленной белой льняной скатертью с вышивкой. Суп наливали из супницы, расписанной сине-голубыми узорами, что произвело тогда на меня неизгладимое впечатление. В моей семье ели обычно на кухне, которая размером была гораздо меньше Верочкиного туалета. Отец, не вставая из-за стола, доставал рукой и до кастрюли, стоящей на плите, и до холодильника. Здесь же все было по-другому: ложечки, вилочки, салфеточки, хрустальная сахарница и бутерброд с икрой. Я тогда была в полном восторге и даже не старалась его сдерживать. Я восхищалась и хозяйкой, и икрой, и сахарницей. Верочкин папа периодически отрывал взгляд от газеты, смотрел на меня и задумчиво молчал. Он работал главным врачом самой большой в городе больницы и считался очень важным и серьезным человеком.

Мы с Верочкой хохотали и обсуждали, в чем пойдём на предстоящий новогодний вечер. Мы собирались сделать костюмы Арлекино и придумать совместный номер для выступления, поэтому попросились переночевать вместе у меня дома.

– Нет, ты будешь Снегурочкой, Вера. Это уже решено, и костюм есть. И давай раз и навсегда договоримся, никаких ночевок у подружек. Ишь чего придумали, – Нателла Аркадьевна жестко, одной фразой остановила наше веселье.

– Я не хочу быть Снегурочкой. Я хочу сама сделать себе костюм и придумать номер, – Верочка пыталась сопротивляться, а я ее поддерживала, как могла.

– Снегурочка – это центральная роль. Просто ты еще маленькая и не все понимаешь. Кто, как не мама, знает, что для тебя лучше. Я же живу для тебя. Ты моя кукла люби-

мая! Что хочу, то с тобой и делаю! – Нателла Аркадьевна крепко обняла дочку сзади и поцеловала в пухлую щечку.

На празднике Вера была самой красивой Снегурочкой на свете, а меня больше в гости не приглашали.

Ситуация изменилась к выпускному классу, когда стало понятно, что я иду на медаль. Верочка мне шепнула, что ее родители считают общение со мной полезным, хоть мы все эти годы и так продолжали дружить. Как-то я встретила Верочку с мамой на улице, они шли от репетитора. Обе были не в настроении, озабоченные какой-то проблемой. Оказалось, что Верочкиному пониманию никак не дается второй закон термодинамики, и они на нем сидят уже третье занятие. Я взяла длинную ветку и на снегу очень быстро и доступно рассказала, как это понимаю я. И до Верочки мои объяснения дошли с первого раза и без промедления. Мы прыгали от радости и валялись на снегу, исписанном формулами. Нателла Аркадьевна задумчиво смотрела на нас, а потом пригласила меня к ним домой на чай с плюшками. Верочкин папа, вернувшийся вскоре с работы, очень долго и обстоятельно со мной разговаривал о выборе профессии. Было решено, что мы будем готовиться к поступлению вместе и обе пойдем на лечебный факультет медицинского института. Теперь мы делали упор на одни и те же предметы, а после школы Верочка, как правило, тащила меня к себе. Мы вместе учили уроки, вместе ели, вместе гуляли.

А потом моя подруга неожиданно влюбилась. Димка Столешников по кличке Сталлоне действительно чем-то напоминал известного актера. Он был веселый и искренний, но троечник и из очень простой семьи. Первая любовь и его накрыла с головой. Казалось, что вся эта возня с поступлением в вуз его совсем не волновала; никто не знал, куда он собирался идти и собирался ли вообще. Все Димкины мысли были только о Верочке.

Нателла Аркадьевна переживала, что все это случилось очень не вовремя. О какой такой любви может идти речь, когда на носу поступление в институт. Верочкины родители считали Димку, внезапно ворвавшегося в их спокойную, распланированную жизнь, наглым хулиганом.

Каждый день начинался и заканчивался разговорами, что он ей не пара, но Верочка в ответ только смеялась и ничего не хотела слышать. По вечерам мои одноклассники часто встречали прогуливающихся под руку Верочку с Димкой, а в десяти метрах позади, тоже под руку, шли неторопливым шагом ее родители. Это вызывало смех, домыслы и провоцировало на разного рода шутки. Я боялась, что резкий и обычно не переносящий никаких подколов в свой адрес Сталлоне обязательно кому-нибудь навешает и будет драка. Но он ничего не замечал вокруг. В его жизни теперь была только Верочка. Мне казалось, что от прогулок в сопровождении такого конвоя можно свихнуться, но влюбленным было откровенно начихать на нарезающих вокруг них круги родителей и на токсичные издевки одноклассников. Они видели только друг друга, а остальное их совершенно не касалось.

Однажды по просьбе Нателлы Аркадьевны, когда Верочка была у репетитора, я забежала к ним домой. Она налила мне кофе в изящную фарфоровую чашку цвета ванили, поставила хрустальную конфетницу с трюфелями и села напротив меня, о чем-то задумавшись. Она молчала, и я молчала. Пауза затягивалась. Я поняла, что Нателла Аркадьевна хочет поговорить о чем-то важном и продумывает разговор.

– Тебе нравится этот хулиган? Я о Диме Столешникове, – начала неторопливо мама моей лучшей подруги.

– Главное, что он нравится Верочке, – улыбнулась я в ответ, разворачивая трюфельную конфетку.

– В этом ты права, это действительно главная проблема. Но ты же понимаешь, что он совсем ей не пара. Верочка и сама это обязательно поймет, но уже будет потеряно слишком много драгоценного времени. А время, как ты понимаешь, бесценно, – Нателла Аркадьевна бросила на меня пронзительный взгляд птицы Феникс и подлила мне кофе. – Я никогда ни о чем тебя не просила. Ты близкий нашей семье человек. Ты любишь Верочку и, надеюсь, что так же, как и мы с папой, желаешь ей счастья. Мне нужна твоя помощь. И Вере нужна твоя помощь. Нужно разорвать эту порочную связь немедленно, – ее лицо мгновенно утра-

тило мимику и стало каменным. От ее тяжелого взгляда у меня застучало в висках. – Попробуй увлечь Хулигана, а если получится, то увести от Веры. Мы не последние люди в этом городе. Мы поможем тебе поступить в институт. Ты же знаешь, что в медицинский сумасшедший конкурс. А это твое будущее, и оно обязательно будет прекрасным.

Я пыталась собраться с мыслями для достойного ответа, но все мысли разбегались и от собрания уклонялись. Каким-то седьмым чувством я понимала, что категорично отказываться нельзя, но и соглашаться с этим изящно поданным планом предательства моей лучшей подруги тоже невозможно.

– Вы меня, конечно, извините, но в институт я надеюсь поступить сама. К тому же у меня и свои амурные дела имеются, и я не могу и не хочу их испортить, – соврала я, поставив фарфоровое чудо на стол, и поспешила домой.

В дверях Нателла Аркадьевна натянула улыбку, поправила прядь жгуче черных волос, выбившуюся из пышной прически и очень доверительным голосом произнесла:

– Давай представим, что нашего разговора не было или просто о нем забудем, как будто у нас с тобой амнезия! Ты ведь знаешь, что это такое? Как будущему медику тебе обязательно нужно это понимать! Амнезия – это потеря памяти. И пусть на этот разговор у нас с тобой будет полная амнезия!

На ближайшей школьной дискотеке вокруг Сталлоне начала активно увиваться Танька Тараканова из параллельного класса. Кто-то из наших сообщил, что она неожиданно для всех засобиралась поступать в медицинский, хоть училась очень слабо. Она то приглашала Димку танцевать, то предлагала вместе выпить что-то из спиртного. Танька была красивая, с яркой копной рыжих кудрявых волос, откровенным декольте и пышной грудью. Верочку, как назло, куда-то увела на разговор классная руководительница, а Тараканова шла в любовную атаку, используя все свои прелести. Но наш Сталлоне не дрогнул ни на одну секунду. Он веселился, перекидывался шутками с Танькой, но преданно ждал Верочку.

– Ты замечаешь, что от Димки плохо пахнет? – как-то спросила меня подруга. – Родители постоянно об этом говорят.

Мы как-то зашли к нам после соревнований, так мама два дня квартиру проветривала. Называют его вонючкой. Говорят, что теперь определяют по запаху, заходил он к нам или нет. И что если я выйду за него замуж, то в моей квартире будет вечно вонять. А я ничего не чувствую, но теперь постоянно принимаюсь и все время об этом думаю.

Я не знала, что ответить. Никакой вони я не чувствовала. Дурной запах пробивался со стороны родителей, которые любыми путями пытались устранить Димку.

Мы с Верочкой стали студентками медицинского института, а Тараканова экзамены, как и задание Нателлы Аркадьевны, провалила. Сталлоне, к всеобщему удивлению, поступил в политех на кораблестроительный факультет. Такого финта от него никто не ожидал. Больше всех были потрясены родители Верочки, которые в мыслях давно его проводили в армию.

А потом у Димки серьезно заболела мама, очень серьезно. Нужна была сложнейшая операция и определенная клиника, попасть в которую не было никакой возможности. И еще очень были нужны деньги, которых тоже не было. Димка метался, нервничал, искал разные пути решения проблемы. Время шло, маме становилось все хуже, хотя попадание в нужное место на операцию давало реальные шансы на жизнь. Его вопрос решился одним днем, он взял академический отпуск и уехал вместе с мамой. Верочка переживала, плакала, каждый день бегала к почтовому ящику, но писем не было. Нателла Аркадьевна сначала пыталась успокаивать ее, потом уговаривала взять себя в руки, но ничего не получалось.

– Ну почему, почему он даже не сказал мне, куда везет маму и кто ему помог, – все время твердила Вера. – Ну зачем от меня-то это скрывать? Почему не пишет совсем?

– Не пишет, значит, не нуждается в тебе, – сухо говорила Нателла Аркадьевна, призывая прекратить страдания, – Хватит, Вера. Пора уважать себя. Он больше не вернется. Нужно попытаться все забыть. Есть волшебное слово – амнезия. Включай амнезию на то, что нужно выкинуть из памяти. Умей перелистнуть эту страницу и жить дальше.

Верочка стала жить дальше. Она делилась со мной, что испытывает странные ощущения, как будто ее тело и душа существуют отдельно друг от друга и никак не встретятся, как будто она больше не чувствует красок жизни и просто на автомате ест, пьет и учится. Она часто задумывалась о чем-то своем и не сразу отвечала на вопросы.

Через некоторое время возле нее стал постоянно крутиться сын заведующего кафедрой терапии Льва Григорьевича Наполенского. Младшего Наполенского все звали Бонапартом из-за уверенного вида, маленького роста и фамилии, явно отдающей чем-то наполеоновским. Вера не обращала на него особого внимания, а он всегда находился рядом с ней: с цветами, вечными соплями и брюками, натянутыми до подмышек.

– Ты его еще не представила маме? – как-то поинтересовалась я.

– Да что ты, это мама представила его мне. Считает очень хорошей и выгодной партией. Сказала, что ее любимая кукла, ее принцесса должна жить по-королевски и только с Бонапартом.

Родители Верочки начали подготовку к свадьбе и делали это как само собой разумеющееся. Нет, они не спрашивали у дочери, хочет ли она замуж и что она вообще по этому поводу думает. У них все уже было давным-давно решено. Они просто ненавязчиво что-то обсуждали в присутствии Верочки, вслух размышляли, где лучше жить молодоженам и в какое путешествие поехать на медовый месяц. Родители жениха приходили к ним в гости все чаще и чаще. Все привыкали друг к другу и к необходимости быть теперь всем вместе. Про любовь никто не вспоминал.

На концерте в студенческом клубе мы познакомились со старшекурсниками. Они постоянно рассказывали какие-то смешные истории, хохмили и подтрунивали друг над другом, а мы хохотали, как в былые времена, до боли в скулах. Я с радостью заметила, что моя подруга наконец-то оттаяла и выглядит великолепно. Именно в тот день она познакомилась с Мишелем. На самом деле он был просто Мишкой. Но все его звали Мишелем или Майклом. От него и правда исходило что-то западное. Он был

как житель другой цивилизации. Высокий, стройный, с великолепной фигурой, копной темных волос и с яркими синими глазами в обрамлении длинных темных ресниц, таких длинных, что нам все время хотелось потрогать, не покрашенные ли они. «Как с обложки иностранного журнала», – пронеслось в голове. Они прекрасно смотрелись. И представить вместо него рядом с Верочкой Бонапарта я уже ну никак не могла. И моя подруга тоже. Их отношения закрутились в одночасье. Вера ничего не говорила родителям, но наступил момент, когда день свадьбы с Бонапартом был назначен. Продолжать скрывать Мишку от всех и дальше уже было невозможно.

По просьбе Верочки я пришла к ним на обед для ее поддержки в трудную минуту. Все было как обычно: белоснежная красивая скатерть, столовое серебро, хрустальная сахарница, папа с газетой.

– Мне нужно сказать вам что-то важное, – начала робко Вера. – Я встретила человека, которого полюбила, и я не выйду замуж за Бонапарта.

Над столом повисла мертвая тишина, не предвещающая ничего хорошего. Я сразу же пожалела о том, что согласилась участвовать в этой сцене. Мне стало холодно до такой степени, что начали постукивать зубы; мне захотелось немедленно свалить отсюда в свою уютную теплую хрущевку и пить чай из старого дедушкиного стакана с металлическим подстаканником, заедая рафинадом из коробки. Нателла Аркадьевна на какое-то время зависла в нелепой позе над расписанной синей эмалью супницей, потом медленно опустилась на стул. Папа отложил газету и переводил тяжелый взгляд с дочки на жену и обратно. Меня начало трясти крупной дрожью, которую я едва сдерживала.

– Это все твое попустительство! Разбаловала ребенка! Что скажут Наполенские? И, самое главное, что теперь мы скажем им? – он в сердцах смял газету и бросил ее на стол.

– Ты знаешь, что может быть хуже испорченной репутации? – обратилась Нателла Аркадьевна к Верочке и почему-то посмотрела на меня немигающими, слегка помутневшими глазами птицы Феникс.

– Две испорченные репутации, – попыталась пошутить я, но получилось как-то нелепо и жалко.

– Мы изо всех сил пытаемся организовать твоё счастье, а ты все время сопротивляешься, постоянно преподносишь нам дурацкие сюрпризы. – Нателла Аркадьевна сдерживала себя из последних сил.

– Счастье – это когда люди, которые тебе не подходят, к тебе не подходят, – Верочка еще попыталась что-то объяснить родителям.

А дальше началось страшное. Сквозь обычную ледяную надменность Нателлы Аркадьевны начало прорываться пламя, и оно разгоралось все сильнее и сильнее. Она металась по комнате, что-то кричала, махала руками. Ее глаза стали черными от гнева. Мне показалось, что она на грани безумия. В какой-то момент ее взгляд споткнулся о меня, на секунду промелькнула какая-то осознанность, и она попросила меня уйти, что я с удовольствием и сделала. Уже в дверях я бросила взгляд на Верочку, которая так вжалась в стул, что почти слилась с ним.

На следующий день я позвонила подруге узнать, как дела. Отец сказал, что ее нет дома. В институт она тоже не пришла ни на следующий день, ни через неделю. Ничего не понимающий Мишель безрезультатно бегал по городу в ее поисках. А еще через несколько дней ему позвонила незнакомая женщина и сказала, что у нее есть для него записка от Веры. Оказалось, что Верочка вторую неделю сидит под замком в своей комнате, лишённая связи с внешним миром. И эту записку с номером телефона Мишки она сумела выкинуть в окно под ноги совсем посторонней женщины. Мишель помчался к Верочке домой, но был выставлен оттуда в грубой форме. Тогда он обратился в милицию и пришел уже с участковым. Выкинуть участкового родители не решились, и тогда они выкинули Верочку. Она ушла с Мишкой в чем была – в домашнем халате и тапочках, без копейки денег и без сменных трусов. Вера попыталась устроиться жить в общежитии, но все время что-то мешало. Потом они нашли какую-то маленькую каморку для дворников и поселились в ней. Мишель начал по утрам мести улицу, а мы всем курсом собирали

Верочке вещи, кто что может. Она смеялась и говорила, что выглядит теперь как самая настоящая дворничиха. Когда я увидела ее в первый раз после нашей разлуки, то, честно говоря, слегка онемела. Цветастая хлопчатобумажная кофта была заправлена в синтетические штаны странного цвета с сиреневыми переливами. Прикрывал все это огромный пиджак мужского фасона в мелкую клеточку. На ногах были босоножки размера на три меньше, чем нужно, с торчащими наружу пальцами. И самое страшное – это волосы. Они были коротко острижены и создавали впечатление недавно перенесенного тифа. Верочка была не Верочка. О том, что это чудо-юдо когда-то называли куклой, было представить сложно.

– Волосы твои где? – это единственное, что смогла вымолвить я.

– Не было денег на парикмахерскую, меня Мишель подстриг. Так рука взяла. Не беда, отрастут! – искренне улыбнулась Верочка. Глаза ее сияли, и мне показалось, что она совсем не обращает внимания на все эти несущественные мелочи. Вера с Мишкой были погружены в состояние беспричинного затяжного счастья от простого бытия. Ни к деньгам, ни к вещам, ни к окружающим людям это все не имело никакого отношения. Счастье было в моменте того, что рядом есть любимый человек, что появилась надежда на завтра. Они пребывали в таком кайфовом состоянии, когда летают не только бабочки в животе, а когда летаешь сам и удивляешься, почему не летают все вокруг. Такое абсолютное счастье в сущности и перспективе.

Потом кто-то написал жалобу, и их быстро выселили. Продолжилась пора мытарств и поисков жилья. Мишка устраивался на работу медбратом, а через пару месяцев его выгоняли по непонятным причинам. Спасала ночная разгрузка вагонов, но после этого идти на занятия в институт было просто нереально. Верочка после учебы сидела с чьим-то ребенком и подрабатывала почтальоном. Но мысли о возвращении к родителям не допускала. Нателла Аркадьевна несколько раз искала со мной встречи около института, а потом пришла ко мне домой. Разговаривала она вкрадчивым, тихим голосом, просила донести до Веры ин-

формацию, что они с папой готовы ей все простить и принять ее обратно. Ответа она не получила ни от меня, ни от Верочки. И тогда Мишеля отчислили из института после несданного экзамена по терапии на кафедре Наполенского. Он учил от зубов, знал предмет, пытался несколько раз его пересдать, но шансов у него не было никаких...

Профессор Наполенский с довольным видом весело крутил в руках Мишкину зачетку и с издевкой желал ему больших успехов в защите необъятных рубежей нашей Родины. Мишель не растерялся и тоже с улыбкой сообщил профессору о своем врожденном аортальном пороке сердца, зафиксированном во всех медицинских документах, с которым в армию не берут. Буквально через неделю Мишку вызвали в военкомат. Информации по его заболеванию вдруг оказалось недостаточно, и Мишеля положили в больницу на новое освидетельствование.

Все вокруг говорили, что армия для него неизбежна и что против лома нет приема. «Ты снайпер моей души!» – шептала Верочка Мишке в ухо, а сама пыталась потихоньку приучать себя к новой жизни без него. Армия висела над ними как дамоклов меч, но вдруг им несказанно повезло. Заведующий отделением, где лежал Мишка, неожиданно воспротивился жесткому давлению сверху и идущему оттуда руководству к действию. Он категорически отказался ставить вердикт «Здоров и годен» на Мишкиных документах, заявив, что грех на душу брать не хочет и не будет. От такой неожиданной радости Верочка и Мишель сбегали в загс и расписались, объявив себя всем вокруг мужем и женой. Общежитие от души гуляло два дня, ибо не было в нашем институте ни одного человека, который бы не знал их почти шекспировскую историю.

Потом мы с Верочкой немного потерялись. Меня закрутила своя личная жизнь, да и в институте произошло перераспределение. Я ушла в хирургию, а Вера осталась в терапии. Мы виделись, но уже не так часто. Знаю, что Мишель через год восстановился в институте, они доучились и уехали работать к нему домой в Белоруссию.

Нателлу Аркадьевну я случайно встретила на улице лет через десять. Она шла тяжелым медленным шагом и не сразу

меня узнала. А когда поняла, кто я, сразу потащила к себе пить чай. Мы сидели напротив друг друга, как в старые добрые времена. Она пополнила и постарела, волосы цвета воронова крыла посветлели от седины. Все ее черты перестали быть такими острыми и резкими, как раньше. Прежними остались только глаза необычного разреза со взглядом, проникающим внутрь. Она долго смотрела на меня, словно оценивая, что стоит мне рассказать, а что нет. На стене висел огромный портрет юной Верочки. Она смотрела на нас с обезоруживающей улыбкой и заставляла улыбаться в ответ.

– Утром просыпаюсь с ней, вечером засыпаю с ней, молюсь на нее, а что мне еще делать, – неторопливо начала свой рассказ мама моей подруги. – Муж умер три года назад прямо на рабочем месте. Инфаркт. В этом, безусловно, есть и ее вина. Он очень переживал за нашу девочку. Сама я тоже нездорова. Но мы ее простили за все, что она с нами сделала. Мы ведь даже смогли их вернуть сюда из Белоруссии, устроили работать в больницу к отцу на хорошие зарплаты, поселили в соседней квартире, внучке садик пробили. Конечно, я пыталась открыть Верочке глаза на массу Мишиных недостатков, но она ничего не хотела слушать. Мы пробовали контролировать его и даже иногда следить, муж подсылал к нему на дежурство то собутыльников, то разбитных медсестер с активной жизненной позицией. Да-да, представляешь, и он даже стал себе позволять алкоголь на работе. Еще немного и дожали бы мы его и с бабами. А кто, как не мать, может правильно позаботиться о своем ребенке? Ведь все это только для Верочки, только для нее, родной.

– Тараканову случайно не приглашали? – не сдержалась я.

– Надо же, а память у тебя, оказывается, хорошая. Никакой амнезии не наблюдается. А ведь Миша, хоть и не сразу, но все-таки начал выпивать. Знаешь, алкоголь – это всегда плохо, даже в конце рабочего дня... Мужу тогда сразу донесли, что Миша с анестезиологом опрокинули по паре рюмок. Вот он и позвонил ему, экспромтом. Сообщил, что с Верочкой плохо, что подозревает острый живот.

Миша, конечно, сразу сорвался домой. Мы хотели, чтобы его гаишники пьяного поймали и прав лишили, но он до них не доехал. Взял и разбился. Насмерть. Вера после этого уехала в неизвестном направлении вместе с дочкой, совсем с нами перестала общаться. А ведь это всего лишь нелепая случайность. Виноватых нет, только он сам...

Нателла Аркадьевна умерла в своей квартире в полном одиночестве. Вера на похороны не приезжала. Я ее встретила только через несколько лет на вечере выпускников. На двадцатилетие окончания школы собрались все. Приехал даже Сталлоне, успешный, богатый и благоухающий французским парфюмом.

– Димка, – бросилась к нему Вера, – куда же ты пропал тогда?

– Уехал маму лечить. Ты не могла об этом не знать – твои же родители с клиникой помогли и с деньгами. Помощь тогда пришла, откуда мы ее совсем не ждали. До сих пор их с благодарностью вспоминаю. Поговорить только с тобой перед отъездом не получилось, тебя тогда срочно на помощь к бабушке отправили. Но я письмо для тебя передал и потом много писал, пока не получил ответ от Нателлы Аркадьевны, что ты собираешься замуж.

– Это они собирали меня замуж! Из серии без меня меня женили. Нет ничего лучше воспоминаний, да и ничего хуже их, наверное, тоже нет! – Верочка молча достала пачку писем, связанную бечевкой и протянула Димке. – Возьми, у родителей вчера нашла, в маминой тумбочке хранились. Все твои. Ни одного я не получила. Честно говоря, и читать не стала, не хочу раны бередить. Вот почему вранье всегда побеждает? Потому что правда всегда ограничена, а вранье границ не имеет? Маму-то хоть вылечил?

– Мама до сих пор жива и все время рядом, живет в моей семье.

– А почему ты не приезжала хоронить свою мать? – задала я давно мучивший меня вопрос. – До сих пор не можешь из памяти выбросить плохое?

– Скорее наоборот, просто амнезия случилась. Такая полная амнезия на все, что когда-то было.

Мы неторопливо возвращались домой вместе с Верочкой, пытаясь осознать все случившееся с нами за эти годы. По привычке зашли к ней на чай в квартиру родителей. Все было вроде как прежде и на своих местах, но скатерть выглядела потрепанной и пожелтевшей, вместо столового серебра лежали ложки из ИКЕИ, треснувшая сахарница стояла на своем месте по центру стола, но была пустой. Портрет привычно улыбался со своей стены.

Из Верочкиной комнаты выскочила худенькая теменькая симпатичная девочка лет тринадцати в ярком красном платьице, со сложными хитросплетенными косами, красиво уложенными вокруг головы.

– Это Наденька, дочка, кукла моя любимая! Играет в шахматы, шашки, поет в хоре, занимается в драмкружке, отличница! – Вера обняла ее сзади и поцеловала в пухлую щечку. – Люблю ее сильно! Что хочу с ней, то и делаю!

Девочка посмотрела на мать, улыбнулась и стала очень похожа на ту маленькую Верочку из шестого класса, которую я хорошо помнила. Она выглянула в окно и попросилась у матери выйти во двор погулять с детьми.

– Никуда ты одна не пойдешь! – произнесла Верочка изменившимся голосом, не терпящим возражений. На лице ее появилась неприятная гримаса, черты стали резче, губы вытянулись узкой полоской, глаза сузились.

Я лихорадочно начала перебирать в голове, кого же она мне сейчас напомнила, но мысли не слушались.

– Я тебе уже говорила, что все прогулки только в моем присутствии. Глаз да глаз за тобой нужен. Только я знаю и понимаю, что тебе нужно. Кто, как не мать, может правильно позаботиться о своем ребенке, – чужим, холодным тоном продолжила Верочка. – И никаких эсэмэсок, никаких ночевок с подружками, а то ишь чего придумали. И подружек нашла себе непонятных, как будто вокруг нет приличных семей.

«Птица Феникс возродилась!» – мелькнуло в голове, и у меня, как когда-то в детстве, застучало в висках...

ФАМИЛИЯ

Моя фамилия Цветаева, а его Оладушкин, и мы решили пожениться. Он красив, умен, творчески одарен, терпелив, и, главное, мы любим друг друга и хотим быть вместе всю оставшуюся жизнь. Мы познакомились в студенческом лагере медицинского института, и я запала на него с первого взгляда: кудрявая голова, черные глаза и гитара. Между собой с девчонками мы сразу стали называть его Тото Кутуньо по имени известного певца и композитора, или просто Итальянец, пока однажды на общей линейке он не откликнулся на фамилию Оладушкин. Девчонки сначала онемели от неожиданности, потом прыснули от смеха. А я как застыла, так и осталась стоять на месте, не заметив, что все уже разошлись. Вот тебе раз, Оладушкин! Блин горелый! Какая удивительная несправедливость, ну разве может этот потрясающий Тото Кутуньо оказаться вдруг Оладушкиным. Абсолютное и категорическое несоответствие внешности и фамилии. Самое интересное, что нашего «итальянца» это как будто совсем не смущало. Он громко выкрикивал свою фамилию на переключке, с удовольствием знакомился и представлялся. Ну надо же, Оладушкин!

Когда-то в далеком детстве в моем доме жили три мальчишки: Блинцов, Пирогов и Оладьев. Мы вместе играли, гуляли и всем двором подтрунивали над ними, называя изделиями из теста. Я иногда задумывалась, кому же из них с фамилией повезло меньше других. В этом странном соревновании у меня по порядку лидировали то Блинцов,

то Оладьев, но побеждал всегда последний. Я считала, что с такой фамилией жить невозможно, и не скрывала своих умозаключений от окружающих, тем более что я сама Цветаева, и этим все сказано.

Да-да, я самый настоящий представитель того самого дворянского рода, древнего и знаменитого, имеющего свой герб и девиз «Родине научным трудом», который папа цитировал всю мою сознательную жизнь по поводу и без повода. С детства я наслышана о своих предках, среди которых были сенаторы, действительные тайные советники, историки, археологи, искусствоведы, даже один Герой Советского Союза, а также писатели и поэты. Это я веду к тому, что всем известные сестры Цветаевы тоже из наших. Со слов папы, они дальние родственницы, ну а насколько дальние, это уже не важно, да и папа на этих несущественных деталях сильно никогда не останавливался.

Папина речь была изящной и ажурной, он так умел складывать звуки в слова, а слова в предложения, что создавалось полное впечатление его причастности к поэтам Серебряного века. Папа убеждал нас с мамой, что, когда происхождение обязывает, нужно обязательно следить за тем, что говоришь и как говоришь. Но сам он не следил. У него был особый дар выражать мысли так, что это пробиравало до самого сердца. Папа был настоящим выходцем из прошлого столетия, пропитанным духом поэзии, тоже иногда пишущим талантливые строки. Он был человеком немного несовременным, эмоциональным и одухотворенным, умеющим растворять чужую иронию и с легкостью предотвращать конфликты; постоянно изучающим и стойко охраняющим долгую историю нашего интереснейшего рода. Ногами он ходил по земле, а головой летал в космосе.

Сколько помню себя, он часто разговаривал стихами Марины Цветаевой, и мне кажется, что всю ее великолепную поэзию я вобрала в себя еще в глубоком детстве. У нас даже игра такая была, папа начинал строками из любого места ее произведений, а я заканчивала. Ему очень нравилось, когда я делала стрижку с короткой челкой.

Папа говорил, что сходство с великой поэтессой необыкновенное и гены дают о себе знать.

Любимым лакомством у нас был цветаевский пирог с абрикосами и черешней, известный как коронное блюдо семьи с далеких времен, подкупающий волшебным вкусом и своей простотой в приготовлении. И я, и мама знали рецепт наизусть и могли приготовить пирог в мгновение ока, главное, чтобы были черешня и абрикосы. Поэтому, лето для меня на всю жизнь ассоциируется именно с этим вкуснейшим десертом, который мы с удовольствием могли есть на завтрак, обед и ужин. Все это были традиции семьи, которые ненавязчиво становились нормой нашей жизни. Папа считал, что великий и благородный род Цветаевых обязан существовать вечно. Когда он женился, то сразу поставил маму перед фактом, что хочет иметь трех сыновей – продолжателей династии, но родилась я, и на этом претворение планов в жизнь, увы, завершилось.

Родных братьев и сестер у папы тоже не было. Все отчетливей маячила опасность затухания нашей фамильной веточки, о чем папа регулярно сокрушался. Он был известным кардиологом, заведующим кафедрой в медицинском институте, и это единственное, что быстро возвращало его на землю. Свою профессию папа любил и, уходя на работу, всегда мимоходом юморил, что пошел решать дела сердечные. Мама говорила, что всего в жизни отец добился сам, а папа, наоборот, с хитрой улыбкой частенько признавался, что во всем виновата фамилия, она ему помогает, мотивирует и тащит вперед, да и известные корни с родственными связями никуда не деваются. Обычно такие вещи скрывают, а папа, наоборот, не понятно зачем, не стесняясь, выставлял напоказ. Родни у папы было великое множество, только жили все очень далеко. Папа периодически передавал мне от них приветы и рассказывал про каждого удивительные истории. Я знала всех Цветаевых по именам, иногда они присылали для меня по почте разные подарки, почти всегда угадывая мои пожелания. Никого из них я никогда не видела, но всегда ощущала себя частью чего-то большого, дружного и единого, готового

в любой момент броситься на помощь. Я всегда знала, что Цветаевы – это моя опора и защита. Я гордилась тем, что ношу эту фамилию.

И вот тебе, пожалуйста, человек с фамилией Оладушкин пожаловал в мою жизнь, как будто в наказание за все мои детские насмешки и за чрезмерную гордость своим происхождением. И откуда он только взялся на мою голову, этот Ладушкин-Оладушкин, да еще и необыкновенно красивый черт, без конца стреляющий глазами в мою сторону, рискуя свернуть себе шею...

Через пару недель мы поняли, что нам вместе весело и интересно, через месяц мы уже не могли оторваться друг от друга, через два я поняла, что не могу без него дышать. Не помню, кто первый предложил жениться, но решение по этому поводу было принято сразу и единогласно. Во Дворце бракосочетаний, обнимаясь и бесконечно хихикая, мы заполняли заявление на вступление в брак под суровым взглядом местной тетеньки, всем своим видом напоминающей грозную овчарку. Когда дошли до определения фамилии, которую я буду носить после брака, веселье мое оборвалось, и я беспомощно посмотрела на своего жениха. Не уловив моих внутренних терзаний, Оладушкин уверенно написал на нужной строчке свою фамилию.

Известие, что Мария Цветаева и Федор Оладушкин через месяц создадут новую ячейку общества, мои родители восприняли без негатива и даже открыли по этому поводу бутылку шампанского, искренне пожелав счастья. Самое грустное началось после ухода Федьки, когда до папы дошло, что новая семья будет носить фамилию Оладушкины. Нет, он не заламывал руки и не кричал. Все чувства и переживания были написаны на его лице, которое едва подавало признаки жизни слегка подрагивающими ресницами. «Оладушкина? И дети будут Оладушкины?» – единственное, что смог вымолвить папа, находясь в состоянии полного потрясения. Мне срочно захотелось замариновать мясо в феназепаме, зажарить его и быстрее съесть вместе с папой. Мама начала говорить что-то о Фединых родителях, которые могут обидеться, о том, что у каждой семьи

существует своя история их фамилии, но папа не слушал. Он думал о чем-то своем. Смотреть на него было больно. На следующий день я поговорила с Оладушкиным и объяснила ситуацию. Он засмеялся и заявил, что не нужно делать проблему там, где ее нет, и при желании я могу оставаться Цветаевой. Более того, если я обещаю родить двоих детей, то мы можем дать им разные фамилии, только первый будет точно Оладушкин. Я подпрыгнула от счастья, расцеловала Федьку и помчалась срочно возвращать отца к жизни.

– Папа, вопрос решен, скорее расправляй свои крылья и снова летай! – закричала я с порога.

– «Крылья – свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они – тяжесть», – привычно ответил папа словами Цветаевой и счастливо улыбнулся.

– Я остаюсь Цветаевой и буду продолжать нашу фамилию! И точка! И больше никакой тяжести за плечами!

Подготовка к самому важному в жизни свадебному событию, которая наложилась на сложную сессию, закрутила нас немислимым водоворотом. Мы постоянно куда-то бегали, о чем-то договаривались, решали миллион вопросов, а по ночам зубрили экзаменационные билеты. Мне кажется, что мы выдохнули только в день свадьбы. Выкуп невесты, белое платье, фата, цветы, подружки, шампанское, Дворец бракосочетаний и, наконец, та самая тетенька-овчарка, которая принимала наше заявление, только теперь она была абсолютно другой: улыбчивой, праздничной и доброжелательной, скорее напоминая французскую болонку, усиленно виляющую хвостом. С радушной улыбкой на лице она объявила нас мужем и женой и поздравила с рождением новой семьи Оладушкиных. Немая сцена... Вжих, удар молнии и в голове мысли стали врезаться друг в друга. Мы забыли исправить эту злополучную графу про фамилию в своем заявлении. Решение приняли, а исправить забыли, закрутились, завертели и ни разу не вспомнили об этой формальности. Тетенька продолжала искренне улыбаться вместе с Федькиными родителями, а я боялась обернуться назад и посмотреть на папу. Он, конечно, держался, улыбался и даже шутил, но глаза

выдавали его состояние. «Шутим, шутим, а тоска все растет, растет...» – кажется, так было у Цветаевой, и это точно про папу.

Свадебный праздничный вечер отвлек меня от грустных мыслей, очень быстро переключив на срочное решение проблем, которые начали вдруг вылетать, как из рога изобилия. Мы попали со своей женьбой в тот самый непростой, строгий период безалкогольных свадеб, когда водку продавали по талонам. Полагалась одна бутылка на члена семьи в месяц. Оладушкины копили водку, подключив все свои родственные связи. Папа к вопросу добычи этого товара повышенного спроса подключил сотрудников кафедры и всех, кого только было возможно. Водка в то время была своеобразной валютой, ее можно было на что-то обменять, ей можно было расплатиться, ее было трудно достать, но в экстренных случаях ее всегда можно было купить у таксистов по тройной цене. Путем невероятных совместных усилий необходимое количество драгоценного напитка в итоге было добыто и доставлено в кафе накануне праздника вместе с другими дефицитными продуктами. Родители вернулись довольные и сообщили, что подготовка к свадьбе там идет полным ходом, все готовится, жарится, парится и режется.

К началу торжества мы приехали в наше кафе, расположенное в историческом центре города, оказавшееся обычной столовкой с витающим специфическим запахом прокисших щей, пережаренных хлебных котлет и с постоянно снующими среди гостей габаритными тетками в замасленных фартуках и накрахмаленных высоких колпаках. Еды на столах почти не было. Стояло несколько тарелок с жесткими холодными съезжившимися курицами, судя по всему, умершими собственной смертью от недостатка питания. Колбаса и сыр, привезенные из столицы специально для торжества, были порезаны тончайшими кусочками, но их было до неприличия мало, куда делись остальные продукты, было совершенно непонятно. Короче, оголодавшему взгляду гостей было совершенно не на чем отдохнуть на нашей скатерти-самобранке.

Мама бросилась разбираться с кухней, а папа искать водку, которую выставлять на столы категорически запрещалось, поскольку всем свадьбам было положено быть безалкогольными. Я искала глазами тамаду, но и его тоже не было. Что же за день такой сегодня? Какое-то испытание на прочность молодой семьи и их родителей! Голодные гости ходили вокруг полупустого стола в ожидании команды «начинать», а я, подобрав край длинного свадебного платья, нарезала круги в поисках нашего ведущего, но никаких признаков его присутствия не находила. К счастью, появились друзья Оладушкина по общежитию и подключили музыку, заверив нас, что дискотека обязательно будет. Стало веселее, и я немного выдохнула. Через несколько минут Федька сообщил мне, что водка находится в большом самоваре, возвышающемся в центре стола. Об этом незамедлительно были оповещены все гости, и самовар быстро начал набирать популярность.

Роль тамады взяла на себя мать Федькиного свидетеля, работающая последние двадцать лет инспектором по делам несовершеннолетних. Ее речь была очень деловой, четкой, отрывистой и излишне громкой, как будто мы находились на военном параде, и еще отличалась отсутствием даже намека на самое скромное чувство юмора. Впечатление, что мы совершили плохой поступок и сейчас нам придется за него непременно расплачиваться, не оставляло меня до конца вечера. Отсутствие нормальной закуски и самовар как символ гостеприимства и русского духа, наполненный водкой, сделали свое дело очень быстро. Народ опьянел и начал выяснять отношения. Короче, без драки не обошлось. Доцент с папиной кафедры, прекрасный кардиолог Николай Иванович, интеллигентнейший человек, знакомый мне с детства, неожиданно сцепился с врачом-рентгенологом не на жизнь, а на смерть. Они катались по полу, с красными лицами, плевались, попутно царапая лица друг другу и отрывая лацканы пиджаков.

Разнимал их дальний родственник Оладушкиных – сантехник Василий, оказавшийся в этих вопросах самым

опытным, сообразительным и проворным. При этом он приговаривал, что свадьба свадьбой, а кому-то начинать все равно же надо было, сообщал, что не так страшно пропустить удар, как оставить его без ответа. Мордобой людей заметно сблизил, и они еще долгое время обсуждали увиденное. Папа от всего этого хватался за голову и убегал решать очередные вопросы то с кухней, то с водкой, то с подравшимся Николаем Ивановичем, у которого на фоне произошедшего началась аритмия. В конце вечера всем захотелось выпить напоследок чаю, и кто-то несведущий добавил в наш пузатый самовар кипяточку и заварки. Этот адский горячий напиток добил гостей окончательно. Свадьба начала петь и плясать с утроенной энергией, зажигая всех вокруг и оставляя многообразие ярких, хоть и не очень трезвых впечатлений.

Обратный путь оказался тоже нестандартным. Всю свадьбу, включая жениха с невестой, загрузили в большой автобус и стали развозить по домам. Танцы продолжились в автобусе среди тех, кто еще мог как-то двигаться. Потом народ плавно перешел на песни. Причем чем меньше народу оставалось, тем громче и слаженней пели. Когда в автобусе, кроме моих родителей и нас с Оладушкиным, уже никого не осталось, папа протяжно затынул: «Ладушки-оладушки, где были? – У бабушки. Что ели? – Кашку. Что пили? – Бражку!» И я вдруг увидела, что мой папа тоже пьян. Он очень грустно выводил каждое слово этой, казалось бы, веселой песни, подперев голову рукой, максимально сосредоточившись и собрав в себе всю неразбериху сегодняшнего дня, печаль и радость воедино.

Вот так непросто появилась на свет наша новая семья, но любой, даже самый счастливый и очень тяжелый, день когда-нибудь заканчивается. Закончился и этот, оставив после себя итогом Марию Оладушкину как подтверждение того, что все это мне не приснилось. Не могу сказать, что на мне это как-то сильно отражалось в первое время, так как ведомости в деканате никто не менял, и я пока для всех оставалась Цветаевой.

Первый раз я прочувствовала свою новую фамилию на вручении диплома. Меня вызывали раза три, а я не реа-

гировала, и только когда поняла, что Оладушкина – это про меня, двинулась к сцене. Я шла, а в голове моем сирены гудела моя новая фамилия. И все внутри меня возмущалось, кричало и стонало, но самое ужасное, мне было неловко и даже стыдно перед окружающими. Мне казалось, что все вокруг меня жалеют, обсуждают, и я ничего не могла с этим поделать. Рожать нашего первенца я тоже пошла в статусе Оладушкиной, и ситуация повторилась. Я по-прежнему вжимала голову в плечи в ожидании, что меня назовут по фамилии, и в сотый раз вспоминала рассказы отца про всех наших знаменитых родственников, и все отчетливее понимала, что хочу обратно, к Цветаевым. Я хочу быть снова Цветаевой. Федька, как всегда, не возражал, и я помчалась в загс менять фамилию.

В кабинете сидела все та же женщина с лицом, напоминающим недобрую собаку, которая нас когда-то женила. На всех свадебных фотографиях она сияла широкой открытой улыбкой, а сейчас с осунувшимся усталым лицом перебирала какие-то свои бумаги, не обращая на меня никакого внимания. Я улыбнулась и громко поздоровалась. Женщина подняла глаза, выслушала проблему и без эмоций сунула мне листок для написания заявления. Среди причин, объясняющих смену фамилии, я написала и про династию, и про то, что я последняя Цветаева в нашей родовой ветке, и про то, что отец известный врач, а это мне обязательно поможет в профессии, и про то, что фамилия Оладушкин неблагозвучная и мне не подходит. Слегка сморщив нос, она читала мою бумагу, водя пальцем по строчкам. Дойдя до аргументов, казавшихся мне неоспоримыми, она вдруг стала повторять одну и ту же фразу.

– Это не причина, это тоже не причина, это совсем не причина...

– Да как же не причина?! – взорвалась я, – Фамилия неблагозвучная.

– Вот у меня утром приходил Вырвиглаз, хочет взять фамилию жены, и я его понимаю, вчера была Гадючка, – женщина перебирала заявления на столе, – вот Сухозад. А Оладушкина – фамилия благозвучная и даже очень милая. Не занимайтесь ерундой, девушка, пожалуйста.

– Но я не могу жить с такой фамилией! Мне плохо! У меня психоз начинается!

– Тогда приносите справку от врача-психиатра! Это будет основанием для смены фамилии, – тетенька снова погрузилась в свои бумаги, всем своим видом показывая, что разговор на этом окончен и мой фамильный вопрос раз и навсегда закрыт.

Получается, что для счастья нужна только справка от психиатра, дожили! Я села на лавочку, закрыла глаза, откинулась назад, подставила лицо весенним солнечным лучам и стала вспоминать, кто из наших выпускников имеет хоть какое-то отношение к психиатрии. Решение пришло молниеносно: ну конечно, Шурик Презерман, по кличке Презер, который в отличие от меня свою фамилию любил и ею гордился, не обращая внимания на насмешки однокурсников. Все в его семье были известными врачами Презерманами, а мама всю жизнь работала в психиатрии. Шурик отправился по ее стопам и в этом году оканчивал интернатуру. Вот интересно, фамилия Презерман, по мнению тетеньки из загса, считалась бы благозвучной или нет?

Шурик спустился в регистратуру поликлиники психоневрологического диспансера, внимательно меня выслушал и задал только один вопрос: «Оладья не против?» Я неистово замотала головой, всем своим видом показывая, что не против. Через пятнадцать минут Презерман принес мне нужную справку, в которой указывалось на мое пограничное состояние с повышенной тревожностью, эмоциональной неустойчивостью и склонностью к импульсивным действиям из-за неприятия новой фамилии. В рекомендациях четко была прописана смена фамилии с целью улучшения качества жизни и предотвращения усугубления процесса.

«Мне пришлось завести на тебя карточку, но не переживай, я придумаю, как аннулировать ее через пару месяцев!» – добавил на прощание Шурик и пожелал мне удачи.

Тетенька из загса не ожидала меня увидеть снова так быстро. Она нехотя взяла мое заново написанное заявле-

ние и с нарастающим раздражением начала свою песню про «не причину». Но когда дошла до пункта о моем психическом статусе, то лицо ее моментально изменилось: куда-то ушла строгость, вялость и недовольство, проступили знакомые черты веселой болонки. Удивительно, как быстро и легко леди-загс умела перевоплощаться и менять образы, у нее были однозначно артистические способности плюс громадный опыт работы на одном месте. Может быть, это издержки ее профессии, когда нужно уметь быть то торжественной и улыбочивой, то строгой и жесткой.

Она чуть осипшим голосом попросила справку и наконец-то подняла на меня глаза, в которых мелькнуло подобие испуга, как будто я могу на нее неожиданно напасть в своем неуправляемом припадке.

– А вот это, действительно, причина, – робко прошептала она и заискивающе улыбнулась мне.

«Ну ладно, так и быть, сегодня я тебя убивать не буду!» – подумала я и уверенно улыбнулась ей в ответ. Через месяц я поменяла все документы и снова стала Цветаевой.

Папа умер именно в этот день, в день, когда я вернула фамилию. Сказали, что оторвался тромб. У меня было впечатление, что он просто не справился с радостью или просто решил, что его основные цели и задачи в этом мире теперь выполнены. А может быть, это такое трагическое совпадение, но от этого совсем не легче. Нужно было срочно заниматься организацией похорон и сообщать о трагедии нашим бесчисленным родственникам. Мама села напротив меня и, покачиваясь, молча смотрела в одну точку.

– Мама, где все адреса, телефоны родственников? Я уверена, что все приедут. Ты уже сообщила им?

– Да нет никаких родственников, нет никаких Цветаевых, – мама вытащила из горы документов потрепанную бумагу в файлике и протянула мне. – Из детского дома он. Подбросили в мае, когда сирень цвела, поэтому и Цветаев. Папа как будто боялся, что мы будем меньше его любить, если узнаем эту тайну. Я все это давно обнаружила,

но молчала, не могла да и не хотела разрушать его мир. Теперь вот пришло время и тебе все узнать. Нужно принять решение, что ты будешь говорить теперь своему сыну...

– Что папа говорил мне, то и я буду говорить своим детям, – не задумываясь ни на секунду, ответила я. – Да, скоро на свет появится еще один ребенок и фамилия его обязательно будет Цветаев. Он будет знать все про наших великих родственников и научится декламировать все известные стихи с любого места. Наш великий род обязательно должен и будет продолжаться!

Мама посмотрела на меня внимательно и впервые за это время улыбнулась.

Антон ЛУКИН

Дивеево, Нижегородская область

ВОЗМОЖНО ВСЁ

*Главному редактору газеты «Арзамасские вести»
Александру Фёдоровичу Андронюку (1963–2018)
посвящается*

Старик Елизар копошился на заднем дворе, когда его окликнули. Выпрямив спину, ухватившись ладонью за правый бок, Елизар внимательно принялся разглядывать гостя. Снял кепку, почесал полысевший затылок, надел обратно.

– Неужто не признал? – улыбнулся ему мужчина.

– Ить, не ровен час, ошибиться могу. Глаза вовсе не слушаются, – старик, прихрамывая, направился к калитке.

Хозяин двора подошёл вплотную к забору. По-прежнему разглядывал лицо собеседника.

– В горнице моей светло... – запел незнакомец.

– Мишка! – признал старик. – Ты ли это?

– Я, – кивнул мужчина и коснулся ладонью старческого плеча.

– Да... Сколько годков миновало. И не упомнишь. Уезжал берёзкой, а сейчас ого-го! Целый дуб, – сказал старик. – Ишо усы отпустил.

– Разве? – улыбнулся гость. – А кажется, уже родился с ними. Да-а, летит времечко. Как река, течёт-бурлит и пенится.

– Как ветер шальной. И не угонишься, – согласился Елизар. – Только, кажись, вчера как тебе было, а уж восьмой десяток разменял.

Старик пригласил Михаила на чай и проводил в сад. Поставил на стол, что стоял у яблони, самовар, и пока тот закипал, стало потихоньку смеркаться. У куста смородины виднелись два улья. Раньше старик держал свою пасеку, а теперь с годами, времени свободного хоть и больше стало, а сил прежних, увы, нет. И всё равно не угасла в сердце любовь к этому промыслу. И свой медок всегда согревал в студеные зимние вечера старику душу. А кому где и продаст баночку-другую. Всё копеечка к пенсии. Поэтому на столе среди вазы с печеньем стояла банка клубничного варенья и блюдо липового мёда.

– Не ужалят?

– Они у меня смирные, – сказал Елизар и улыбнулся. – Да-а, совсем отвык от деревенской жизни. Мальчишкой к тётке Матрёне за вишней лазил, ить не пужался, ни пчёл, ни крапивы, а ныне... Городской стал, – помолчал. – Как он там, город-то?

– Ничего. Стоит. Что ему будет. Так же шумит и сияет огнями, как рождественская ель.

– Поговаривают, за границей был.

– Был. Почти весь земной шар исколесил, – Михаил указательным пальцем начертил в воздухе круг. – Но скажу тебе... Признаюсь, положила руку на сердце, что... Красиво в заморских странах, не поспоришь. А всё же милей деревеньки нашей нет места на всём белом свете.

– Брехун.

– Честно говорю.

– Что ж ты тогда, задрав хвост, побежал, не оглядываясь, в чужие края? – спросил Елизар. В голосе прозвучала лёгкая обида.

– Молодость позвала.

– Дурость поманила. А то я не знаю.

Михаил улыбнулся. Тихо кивнул.

– Может, и так.

– Юность всегда манит туда, где работы меньше и песен-плясок больше, – обронил старик.

– Не в этом дело, отец. Совсем не в этом, – тихо ответил Михаил. – Молодым задыхался здесь. Широты объётой не хватало. Надышаться не мог. Хотелось увидеть и

понять этот мир. Понимаешь?.. Манили и тянули к себе города, моря и горы... Даже пустыню прошёл. Много чего рассказать могу и о чём вспомнить есть. А теперь... Теперь, с годами, всё чаще снится мне наша деревенька. Эта покосившаяся церковь, эта скромная невзрачная улица с колодцами и тополями. И потому в словах моих не ищи, отец, лукавства, не надо. Его нет. Говорю как есть – милее деревни нашей нет для меня уголка на всём белом свете сейчас. Теперь это знаю точно.

Елизар помолчал. Потёр грубой ладонью седую колючую щетину.

– Закуривай, – сказал. – Баночку счас какую-нибудь соображу.

– Не курю.

– Похвально.

– За сарай папаня уши так надрал, что на всю жизнь, видимо, охоту отбило, – Михаил улыбнулся. Старик тоже вместе с ним тихонько посмеялся.

– Было дело. Помню. А шуму сколько! Варвара баба ушлая.

– Отец потом её год остерегался. Встретит где на дороге, стороной обходил. Всю плешь, говорит, проела. Хоть новый сарай построили, а всё равно не унималась долго.

– Как уж умудрились?

– Он же у ней на пригорке стоит на самом. А под горой река. Тропка узенькая ведёт к реке, петляет. Мы с мальчишками протоптали. Там сроду никто не ходил. Лучше крюк лишний дать, чем на крутом склоне шею свернуть. Зато какой вид открывался! А рассветы какие! На горизонте вспыхнут алой зарёй облака. И лучи золотые, словно нити, расползутся по кронам деревьев, а после расстелятся на утренней речной глади, прогоняя остатки тумана, – Михаил показал рукой. – И вот, ещё чуть-чуть, и огненный шар полыхнёт пожаром и покатится по небу, оставляя на облаках алые следы. И загорланят на всю округу со всех концов неугомонные петухи...

– Красиво говоришь. Будто картину рисуешь.

– Видать, не зря столько лет в газете тружусь, – мужчина отпил чай. – Ну и... с ребятами курить туда бегали.

Излюбленное место. И надо было завучу показаться именно в ту секунду... Побросали окурки, куда могли. Трава сухая. Сам знаешь, как весной горит всё – только искру дай. И главное, на попятную никто не пошёл. Да, было дело, виноваты. Родителям помогали. Почти всю работу сами сделали. Такую с мальчишками бригаду сколотили – кто был и кто не был, все на выручку пришли. Целый амбар построили. Не под стать старому кособокому ветхому сарайчику.

– Что правда, то правда, – кивнул Елизар. – И мне от... нынче нельзя. Полвека с папиросой не расставался, а тут на тебе – возьми и выкинь.

– Врачи?

Старик кивнул.

– Оно ить... в сам деле в ноги дало. Суставы болят. Пальцы ломит. Хожу с трудом. Счас вроде уже полегче. Или свыкся. Не пойму. Врач у нас в райцентре хороший. Я на него греха не держу. Он мне сразу сказал. Если, говорит, Елизар Прокофьевич, бесячий хвост этот сосать не перестанешь, я тебе весной ноги отрежу. Так и знай. Я, говорит, тебя не пугаю и не стращаю, а говорю как есть. Не расстаешься с табаком, худо будет. И посоветовал леденцы.

– Никотиновые?

– Зачем? – не понял старик. – Обычные. «Бон Пари». Я как курить захочу, конфету на язык, и с божьей помощью вот уже как полгода не притронулся даже. Бросил. Ишо хорошо, что сухой и диабета нет. В моём-то возрасте столько сладкого... Я ж их поначалу, эти сосульки, чуть ли не горстями в рот закидывал. Теперь утихомирился малость. И всё равно люблю, когда рядом кто-то табачок цедит. Сам не курю, а за других радуюсь. Дымом пахнёт – аж мурашки по спине.

– Это тоже вредно.

– Мне про это ничего не говорили. Оно, если посудить, всё вредно. Выхлопные газы тоже. А ить ничего – ездют на машинах. Еще как ездют... Не надо последнюю радость у человека отнимать.

– Не буду, – кивнул Михаил. – Колхозный пруд не узнать прямо. Почистили. Да и шире стал вроде. Молодцы!

– Николая Уланова... бывшего председателя... должен помнить! Так его зятёк этим делом занялся. Башковитый малый. Рыбу запустил... как её?... эту... амура...

– Белый амур?

– Его самого, – кивнул Елизар. – Прожорливый гад. Вымахал с поросёнка хорошего. Как на дрожжах растёт. Я такую рыбу не люблю. Мужики ходют, ловют, нахваливают, еще и деньги платют за удовольствие это. Нет. Такая рыбалка не по мне. Я лучше к реке уйду. Там часик-другой с удочкой посижу. Мальков кошке наловлю с палец, и душа довольна. А то место одно приметил. Вьюна беру. Ох, и люблю эту рыбу. Пожаришь, аж во рту тает. Мальчишкам говорю, попадётся вдруг, не выбрасывайте и не губите. Мне несите. А они и рады стараться порадовать старика. Хорошие хлопцы. Где одного, а где и парочку занесут в пакете. Возьмите, говорят, дедушка Елизар, мы таких змей не едим. А мне гоже. А мне в радость, – смеётся. – И что, хорошо платют в газете за писульки ваши?

– По-разному. Бывает за писульки, как не скажете, и машину подожгут. И в редакции окна выбьют. И прочие мерзости-пакости сделают, – ответил Михаил.

– Надо же, – вскинул брови старик. – Это что ж вы такое пишете, что народ вас невзлюбил до такого?

– Правду, отец. Правду. А правда всегда глаза режет. Народ, наоборот, труд наш ценит. Работу хвалит. Нередко при встрече руку жмут и благодарят. Газета наша независимая. Тираж большой. Весь город читает... Не по нраву статьи вышестоящему руководству и прочим шишкам и должностным верхам, которые на совесть работу свою не выполняют и злятся, когда их, как непослушных детей, носом ткнёшь за то или иное безобразие и халатность. Ну а ежели тему про городской бюджет затронешь, мол, где деньги, которые выделялись на ремонт школ, больниц, детских домов, на ремонт дорог и так далее... Аж шерсть дыбом встаёт от гнева. Тогда в дело идут очередные угрозы и рукоприкладство в тёмных углах и подъездах. Но нас этим не возьмёшь. И не прошибёшь. Шкура толстая, как у носорога. Старой закалки. И сотрудики мои... все молодцы...

кремень... настоящие мастера своего дела. За это их люблю, цену и уважаю.

– Тогда это... пишите. Раз такое дело, – сказал старик. – Народ всегда за вас будет. Большого человека иной раз на землю спустить на благо и ему, и обществу. А то ить с высоты такой падать... можно и костей не собрать после. Как Николай Николаевич Уланов говорил – вы мне в глаза скажите всё, что думаете, и вместе проблему решать будем. А раз нет вопросов, потом не гнусите и за спиной не шипите змеёй. Вот это председатель! Вот это, я понимаю, начальник. Ни на минуту продыху не брал. Всегда с народом. За то и любили. И уважали. Да.

И зазвучали музыкой приятные воспоминания из прошлого. И тепло и легко от такой беседы всегда; и грустно и трепетно... бальзам для души. И всегда в разговоре о том далёком времени вспоминаешь себя юного и другого. И будто порой и не ты это вовсе, а кто-то другой, но такой родной и близкий тебе. Неужели это правда ты когда-то гулял под проливным дождём и даже не заболел; неужели это ты на спор оседлал колхозного быка и прокатился на нём верхом; неужели лунной ночью провожал девчат из клуба тоже ты и рассказывал им про космические миры; неужели-неужели-неужели?.. Много таких вот «неужели» может вспомниться в такой тихий приятный вечер. Да, это был ты. Смешной, забавный, дерзкий и полон решимости парень. Да что там бык! И на Луну махнул бы не глядя, была бы ракета, и... Много чего можно сделать в эти золотые годы.

Откуда ни возьмись заиграла гармонь. Тихо так. Грустно. Красиво.

– Начинается, – встрепенулся Елизар. – Опять никому покоя не даст, кобель.

– Ты о чём?

– Пашка. Стёпки-хромого сын. Счас будет ходить по деревне тоску изливать до утра. Пока жена домой не заберёт или по шее кто не даст. Ну дурак дураком, ей-богу, – старик привстал, уставился во тьму. На небе показались звёзды. – Я тут как-то вышел к нему, а он мне – счас с обрыва сигану. Ну не дурак ли такое говорить пожилому челове-

ку? Битый час отговаривал. Говорю, и не расшибёшься, и калекой останешься на всю жизнь. Рассмеялся, заиграл на гармонии и пошёл домой. Вот и думай, что у него в голове. Ветер у них там. Ни о себе, ни о других не думают.

– Пойду проведаю, – Михаил вышел из-за стола.

– Ступай. Погляди. Будет что дурное затевать, дай ему разок. Такие порой только взбучку понимают.

Михаил покинул старика. Вернулся в скором времени, да не один.

– Добрый вечер, дядя Елизар! – поздоровался Павел. Был он выпивший.

– Какой же он добрый, когда ты с гармонью, – отозвался старик и глянул на Михаила. – Ты зачем его позвал?

– Вы, дядя Елизар, не сердчайте. Я как узнал, что вы не спите, – обрадовался. И пожелал лично пожать вашу ладонь перед сном грядущим. Очень вы душе моей благосклонны.

– Не проси. Не начинай даже. Нету. Не дам.

– Так нету или не дадите? – Павел говорил тихо, с улыбкой и всем своим видом пытался показать своё добродушие.

– Сказал же – всё. Раз пожалел, опохмелил, теперь не угомонишься?

– Душа не на месте. Тяжко ей. Дядя Елизар... плесни малость... Войди в положение... Магазин закрыт. А самогон мне никто не даст... Я в долгу не останусь.

– Конечно, не дадут. Людям ночью спать не давать... Думаешь, с распротёртой душой к тебе будут все, – сказал старик. – Делом займись. Тогда и душа скулить перестанет.

– Не понимаете вы меня. Эх. Не были в моей шкуре, и осуждаете.

– Бедненький.

– Пойду и дальше душу музыкой лечить.

– Ступай. Может, кто помоложе не поленился, даст по бесстыжей шее разок. В такт аккорду.

Павел растянул на гармонии меха и, посвистывая, двинулся к выходу.

– Стой, окаянный! – прикрикнул старик. – Счас вынесу. Но... чтоб не пискнул даже.

Елизар зашёл в избу. Принёс ковш. Поставил на стол. Павел отпил, громко выдохнул, сорвал яблоко, надкусил.

– Крепка, стерва.

– А слабже и гнать нечего.

– Я такой тоже люблю, – сказал Павел и присел на лавку. – Посижу у вас чуток. Душа никак не успокоится.

– Чем же ты её разгневал, что она у тебя... как нерв оголена? – спросил Михаил.

– Не знаю. Вот что-то здесь сидит такое, – поднёс кулак к груди. – Чувствую. А сделать ничего не могу. Такая тоска. Кажется, что и не я это вовсе.

– К жене иди. Не блуждай по деревне, не срами семью, – велел старик. – Наташка баба хорошая. Обоих на себе тащит. Как за каменной стеной с ней... И всё не то. Всё ерепенишься чего-то.

– Она у меня дура.

– Поглядите-ка. Умная головушка сидит.

– Зачем тогда женился, раз она у тебя не от большого ума? – сказал Михаил.

– Раньше этого не замечал. А теперь вижу. Разные мы с ней. Как земля и небо.

– Никогда о супруге плохо не говори. Никогда!.. Протрезвешь – помирится. А у людей нехорошее впечатление сложится. И о тебе тоже. Что это за мужик такой, раз у него жена плохая? Весь сор и обиду дома оставляй. И всем говори, что умница она у тебя, красавица и лучше её нет никого на всём белом свете.

– Понял? Слушай, что старшие говорят. А то распустил нюни. Противно смотреть, – добавил Елизар.

Павел молча выпил. Надкусил яблоко. Призадумался. Взял в руки гармонь.

– Можно сыграю?

– Начинается, – обронил старик. – Ты чего не угодишься никак?

– Дядя Елизар, я тихонечко. Я чуть-чуть. Еле слышно, – голос у Павла задрожал. – Я так умею... я... вы послушайте... Я доберусь до ваших сердец... Петь, к сожалению, не умею. Но сыграю, дядя Елизар, от всего сердца. Обещаю.

– Вот что с ним будешь делать.

– Я спую, – сказал Михаил. – Подыграй мне.
Павел обрадовался. Кивнул. Михаил запел:

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...

Играл Павел душевно. И впрямь знал в этом деле толк. Худые пальцы его умеючи бегали по клавишам, и он за чем-то, прикрыв глаза, задрал кверху нос, тряс русые волосы. Елизар присоединился к пению тоже. Подперев ладонью подбородок, задумчиво разглядывал сад.

– Красиво, – похвалил старик обоих. – А ты, Пашка, талант свой не гробь. Дай людям разглядеть его и полюбить. Не ходи ночами, как дурачок, по деревне, не раздражай попусту. А где праздник какой, приходи и сыграй. Или же просто так. В выходной день подойди к клубу и поиграй. Ничего, что петь не умеешь. Найдутся, поверь. И споют, и спляшут. Народ у нас тоже ить... творческий. А эта магнитофонная музыка давно уже всем приелась. Неживая она. Ненастоящая.

– Я так не могу. Мне нужно по зову сердца. Когда одиноко, когда тоска заедает, когда... – Павел вновь указал на грудь. – Вот здесь всё бурлит кипятком. Когда...

– ...опрокинешь стакан-другой, – подметил старик и указал на самогон. – Добра он ещё никому не принёс.

– Это сильнее меня, – вздохнул Павел. – По рукам и ногам связан навеки вечные.

– Гляньте-ка... на принца персидского. Ить как складно поёт, – усмехнулся старик. – Рано тебе судьбу-матушку под откос пускать. Рано. Берись за ум и живи, как все путные люди. И не выкобенивайся. Выше головы всё равно не прыгнешь. Как ни старайся... Я от и то курить бросил. Бери пример. А тоже ить не расставался с папирсой дольше, чем тебе сейчас дней и ночей. Пересилил. Смог, – помолчал. – Я... в твои годы в аварию угодил. Не рассказывал?.. Одной ногой уже там был. – Елизар кивнул наверх. – Двенадцать дней в коме. О как. Помню, как сам себе где-то глубоко в подсознании твердил, не унимаясь:

рано, мол, умирать, детей на ноги поставь для начала. Тем и выкарабкался. Сам себя с того света вытащил. А так... Может, и не сидел бы сейчас с вами.

– Врачам спасибо скажите, – ответил Павел. – Без их помощи, уговаривай себя, не уговаривай, крылья не вырастут.

– Ну и они, конечно, помогли. Я ж не отрицаю. Но внушил себе я. Это я хорошо помню.

– Только врачи способны творить чудеса. А остальное... Это всё обман, дядя Елизар. Облако. Пыль. Вы не волшебник и не Господь Бог словом одним раны штопать.

– От что с ним будешь делать, а? Никого не слушает. Ему слово, он тебе десять в ответ. Он ить жизнь пожил. Он ить всё знает.

– Сказку от были ещё могу распознать, – заявил Павел.

– В жизни, дружок, всё бывает, – вмешался в разговор Михаил. – Даже самое, казалось бы, невероятное и непредсказуемое порой происходит наяву.

– Заезженная фраза. Пустые слова. Как раз-таки в жизни волшебства нет. Как ни старайся. И если на душе камень, никакими силами его не сдвинуть и не выкорчевать оттуда. Нет волшебной палочки. Понимаете? Нет. А есть вино, которое хоть как-то сглаживает тоску. И потому, дядя Елизар, пока на душе моей булыжник, я как умею, так и борюсь с ним. В этом моя слабость. Это сильнее меня.

Павел отпил самогон, занюхал рукавом. Стало тихо. Помолчали.

– Поведаю я вам один случай, – оборвал тишину Михаил. – События этой истории разворачивались не так давно. Когда страна наша готовилась к чемпионату мира по футболу. Сами же корни истории уходят глубоко в прошлое... В городе, где я проживаю, стоял ветхий многоквартирный дом. К сожалению, много таких построек по всей нашей необъятной и прекрасной стране. Дом капремонту не подлежал и много лет находился в аварийном состоянии. И куда только его жильцы не обращались и не били тревогу. Все ступеньки истоптали местной городской администрации, мэрии, прокуратуры... Бесполезно. Ответ один – подождите немного, в новом году из бюджета выделят

деньги, и начнём расселять. Шёл год, другой, третий, а старая пластинка по сотому разу крутила одну и ту же песню: подождите немного, вот наступит завтра-завтра-завтра... Чиновники у нас любят голодный народ завтраками кормить. И шкуру наглости ихнюю не прошибёшь ничем. Не одним слоем безразличия покрыта. Сами брюхо у камина греют в каком-нибудь трёхэтажном особняке и чихать хотели, как живёт народ. И что в любую минуту может потолок обрушиться, что в стенах щели с руку и свирепый сквозняк гуляет по всему зданию, как в Арктике северный ветер. Газета наша не одну статью выпустила об этом доме. Общественность поднимала острый вопрос не раз. И вместе с жильцами ходили из одного кабинета в другой. Одних бумаг только заполнили гору. И всё одно и то же. С одного места посылают в другое. Оттуда обратно. Бесконечный круговорот. Не сломить, казалось бы, эту систему ничем. Всюду свои и наши. Рука руку греет. Окончательно отчаялись жильцы дома. Последняя надежда угасла. Больно в глаза смотреть им. Дети, женщины, старики... и мужчины... Скованные одним горем. Такие беспомощные. И я... жалкий и беспомощный. Ничем помочь не смог.

Михаил перевёл дыханье. К горлу подступил ком. Отпил остывший чай.

– Всех этих начальников... руководство непутёвое... в один огромный котёл посадить. Пусть подумают. Над людьми так издеваться, – сказал старик. – Хапают и хапают. И всё им мало.

– И решили мы пойти на одну авантюру. Если уж бить и трезвонить, то во все колокола, – продолжил Михаил. – Обговорили это дело с жильцами, обсудили, что да как, и единогласно приняли решение – так тому и быть. Купили мы билеты на матч, дождалось нужного дня и все вместе, от мала до велика, отправились на футбол. Развернули на трибуне огромный плакат с надписью – так, мол, и так, в нашем доме жить нельзя, каждая минута как ходьба по минному полю, даже птицы и те боятся садиться на прохудившуюся крышу. Сердечное спасибо главе города, такому-то, такому-то, от жильцов аварийного дома. А на другом плакате фотография самого здания. А теперь

представьте себе – повсюду флаги и плакаты фанатов в поддержку своих команд. «Вперёд!» «Мы вместе!» «Болеем за вас!» И вдруг среди этого однообразия такое бельмо на глазу. С этим расчётом и брали. И не прогадали. Нас заметили. Прямая трансляция по всему миру. Телевизионщики заинтересовались. Такая сенсация! Интернет всколыхнулся. Пошла такая отдача. Народ, прознав вскоре всю суть происходящего, возмутился. Сотни тысяч комментариев. Слова поддержки. Мировые газеты и журналы из номера в номер повествуют своим читателям историю о негодном доме и их смелых жильцах. Футболисты встали на защиту. Футбольные фанаты объявили сбор денег. Несколько телепередач сняли о доме. Ажиотаж превзошёл себя. Жильцы днём и ночью были нарасхват.

– И как? Помогло? – спросил Елизар. – Получили жильё?

– Ещё бы. Не прошло и месяца, как жильцы старого дома перебрались в новые квартиры, причём в новостройки, – ответил Михаил. – Такой всплеск поднялся. Такая волна пошла. Так ель тряхануло – что шишки попадали вниз. В переносном и прямом смысле этого слова. До самого верха дошло. Многих как косой скосило с должностей. Другие же, что прежде воротили от вопросов нос, на цыпочках забегали, поклоны до земли бить стали при встрече. Это они тоже, когда надо, хорошо умеют. Новое руководство велело дом негодный убрать. И как можно скорей. Подогнали технику, снесли. А жильцы тем временем, как я уже говорил, в новых квартирах обустроились. Ещё денег собрали не безразличные душой люди – каждому по квартире купишь. Деньги эти пустили на благотворительность. Людям помогли в городе с жильём. После с коллегами из других регионов общался, и все восхищались, что такой шум поднять смогли. По другим областям, говорили мне, жесточайшие проверки пошли. Многие губернаторы взяли дело «аварийное жильё» под личный контроль. Мало ли... может, кто ещё захочет последовать нашему примеру. Пищу для размышления мы дали. А за кресло своё, когда петух клюнет, переживают все. Так-то, – Михаил перевёл взгляд на Павла. – Думали, нет выхода. Не своротить эту

гору... Оказалось, и это по силам. Даже такая безвыходная ситуация оказалась решаемой. Если чего-то действительно захотеть, многое можно преодолеть. Теперь я это знаю точно. И ещё раз повторю – в жизни, парень, всё бывает. Сергей Бодров-младший однажды сказал: «Возможно всё. Всё что угодно. Всё только зависит от цены, которую ты готов за это заплатить. Но это, как правило, не деньги».

Наступила тишина. За забором тихо елозил цепью соседский пёс, где-то у реки послышалась вечерняя лягушачья перекличка. Павел, склонив голову набок, чуть заметно шевелил обветренными губами. О чём-то, видимо, про себя рассуждал. Вести как раньше спор не было желания. Павел ткнул указательным пальцем пустой ковш, глянул вопросительно на старика и тяжело вздохнул. Пока Михаил рассказывал историю, Павел захмелел. Самогон у старика Елизара был отменный. Поглаживая ладонью грудь, Павел тихо попрощался и, повесив гармонь на плечо, направился к калитке.

– И чего не живётся спокойно человеку? Чего не хватает? – промолвил старик, провожая гостя взглядом. – Мне б его годы. Да здоровья. Уж я бы нашёл им примененье. Ох!.. Пожил бы еще годков двадцать молодым. Да. Самый рассвет. Самая радость. А они – тоска заела. Бессовестные.

– Пойду тоже, – произнёс Михаил.

– Чего так?

– Пора. И тебе отдых нужен.

– А то посиди. Я ить не гоню.

– По деревне хочу пройтись. Она сейчас... такая... вечерняя... По-особенному хороша.

– Это правда. Это конечно... Когда обратно?

– В воскресенье. После обеда.

– То бишь послезавтра, – старик проводил Михаила до калитки.

Михаил провёл взглядом по вечерней улице. Посмотрел ещё раз на сад старика. Придерживая калитку, сказал:

– Наверное... если бы остался здесь... Тоже был бы не в ладах со своей душой. Плохо, когда человек полной грудью вздохнуть не может. Плохо.

– И ты туда же?

– Разница, отец, в том, что я знал, чего хочу от этой жизни. Потому учился хорошо. Не одну гору книг прочёл. В журфак поступил... Шёл мечте навстречу. И дышал, дышал полной грудью, – Михаил посмотрел на покосившийся фонарь, что слабо освещал угол улицы. – И теперь знаю... чего хочу. Знаю. Хорошо, что есть родительская изба. Уголок детства. Доработаю до пенсии, вернусь сюда. Буду книги писать. Теперь, отец, мне и здесь свободно дышится. Понимаешь? Хорошо мне здесь, аж уезжать не хочется, – похлопал старика по плечу. – Ну, бывай. Заходи в гости.

Михаил прошёл улицу и свернул за деревню. Вечернее небо перемигивалось звёздами, и луна красиво отражалась в колхозном пруду. Михаил не спеша шёл по тропе, и голова кружилась от воспоминаний. Там у пруда босоногий мальчишка пас гусей; а на том лугу отважный паренёк оседлал колхозного быка; у реки жгли костёр и до утра, после клуба, юноша рассказывал девочкам о космических мирах, о которых узнал из книг... Да... Всё это был ты. Весёлый, шустрый, озорной... Да, Михаил Николаевич, это был ты. Только безусый.

Мужчина улыбнулся, любуясь вечерней деревенькой, провёл ладонью по усам и, тихонько напевая, свернул к родительскому дому.

Алевтина СОКОЛОВА

Урень

РОМАШКОВОЕ ПОЛЕ

Моему отцу посвящается

Пашка рос обыкновенным деревенским парнишкой. В их многочисленном семействе он был самым старшим из детей, после него шли ещё две сестры и брат. В семь лет Пашка не пошёл в школу, потому что мать заболела и нужно было нянчить младших.

Но Пашка не расстраивался. Как известно, школа – она никуда не денется. Пришло время, и он все же отправился постигать азы грамоты. Но как оказалось, занятие это прескучное. Поэтому Пашка почти не учился, списывая домашнее задание у младшей сестры, с которой и пошёл учиться в первый класс.

Родители сначала ругались на Пашку за прогулы и двойки, а потом махнули рукой, отправив его в поле коров пасти. Что Пашку всерьёз увлекало, так это техника. Пашке было всего двенадцать, когда он сам собрал моторный велосипед из старых запчастей. Больше года он пытался над сложной механической конструкцией, хотя никто в его затею не верил. И вот однажды Пашка под аплодисменты местной детворы промчался по центральной улице деревни на своём агрегате.

Пашка кое-как окончил восемь классов и ушёл в армию. Там его хобби превратилось в настоящую страсть. Не имея специального образования, Пашка мог определить автополомку любой сложности.

– Тебе надо выучиться, тогда ты станешь первоклассным механиком, будешь деньги лопатой грести, – хлопал Пашку по плечу командир части.

Опять учиться? Нет, на это Пашка не подписывался. Да и зачем ему куча денег?

Для Пашки служба была в радость. Его уважали и нередко поощряли увольнительными в город.

В один из таких дней Пашка познакомился с Ниной. Он не спеша прогуливался по городскому парку, когда внимание солдата привлёк задорный женский смех.

– Вам, извините, голуби шинель обгадили.

Пашка сконфузился, а девушка протянула ему носовой платок. Озорные зелёные глаза и копна рыжих волос сразу свели солдата с ума.

– Можно я угощу вас мороженым?

Роман между Пашкой и Ниной набирал обороты. После окончания срочной службы он не уехал в родные места, а устроился рабочим на автомобильный завод, сняв комнату в общежитии. Его талантливые руки сразу были замечены мастерами завода. Пашке поручали самые сложные участки, что положительно отражалось на размере заработной платы. Молодой человек стал всерьёз задумываться о свадьбе, но нужно было дождаться, когда Нина окончит университет. Пашка стал настаивать на знакомстве с родителями, чтобы официально просить её руки. И однажды этот день настал.

Пашка очень волновался, отец Нины был архитектором, мать – врачом, интеллигентны вплоть до седьмого колена, а он кто? Крестьянский сын. Как и ожидалось, родители не пришли в восторг, узнав о его намерениях.

– Ничего, – утешал он Нину, – мы можем пока жить в моей комнате, я учиться пойду, стану мастером, у нас все будет не хуже, чем у людей, я обещаю тебе.

Нина утвердительно качала головой, тяжело вздыхала и с каждым днем отдалялась от Пашки. Он мучился, злился, страдал, но верил, что время все расставит по своим местам. Верил до тех пор, пока однажды не увидел свою возлюбленную, прогуливающуюся под ручку с кавалером в дорогом костюме.

И тут Пашку переклинило. Он все бросил и вернулся в свою деревню. У него не было никаких мыслей относительно своего будущего, ни одного завода в их местности не наблюдалось, поэтому, как все мужики, Пашка пошёл работать в колхоз трактористом.

– Жениться тебе, Пашка, надо, – как-то между делом обронил председатель Василий Васильевич. – Молодой семье выделим дом, сколько ещё холостяком ходить будешь?

– На ком жениться-то? – пожал плечами молодой тракторист.

– А на нашей Маруське. Маруська, пойдёшь за Пашку замуж?

Маруська была дочерью заведующего фермой, после окончания курсов шелкала на пишущей машинке в бухгалтерии. Тихая и скромная, она давно засиделась в девках. Вопрос председателя сильно смутил девушку.

– Чем не жена? – не унимался Василий Васильевич. – И красавица, и умница, а какие пироги печёт... Ну что, Пашка, сватов засылаем?

Почесал Пашка затылок. Маруська и правда приглянулась ему ещё в их первую встречу. Миниатюрная кареглазая дюймовочка с роскошной чёрной косой. А любовь? Ну а что любовь? Была она у Пашки, ничего, кроме боли и разочарования она не принесла.

– Марусь, жди сватов в субботу, – в считанные минуты принял Пашка судьбоносное решение.

Через четыре месяца Пашка с Маруськой обвенчались. На свадьбе гуляла вся деревня.

– Вы просто созданы друг для друга, очень красивая пара. Оба умные, работающие, дай вам бог счастья да детишек побольше, – поздравляли молодожёнов односельчане.

Колхоз им выделили дом, и потекла тихая, размеренная семейная жизнь.

Однажды Пашка нашёл у жены среди книг пачку пожелтевших писем от неизвестного ему Володи. Даты на почтовых штампах говорили о том, что получала Маруська их с завидным постоянством на протяжении трех лет и лишь незадолго до их свадьбы письма перестали приходить.

– Зачем ты их хранишь? – спросил он вечером жену, положив перед ней пакет с находкой. – И кто такой этот Володя?

– Ты их читал? – вопросом на вопрос ответила Маруся, взяв письма в руки.

– Нет, только конверты рассмотрел.

– Я же не спрашиваю, что за Нину ты зовёшь во сне по ночам, – пожала плечами Маруся. Достав одно письмо из пачки, она положила его перед мужем и добавила: – Читай, и пошли ужинать.

Пашка открыл конверт.

«Моя дорогая, Машенька!

Получил твоё последнее письмо и спешу сразу ответить. Очень рад, что ты выходишь замуж, надеюсь, Павел сможет сделать тебя счастливой. Ты все верно пишешь, теперь наша дружба может показаться странной, поэтому это моё последнее послание тебе, на которое я уже не буду ждать ответа.

У меня же все по-старому: море, порт, звезды. Может, и я когда-нибудь причалю к берегу и сойду на землю в поисках счастья на суше.

С наилучшими пожеланиями, твой друг Володя».

Есть Пашке совсем расхотелось. Почему-то для него стало открытием, что у Марусяки до него тоже была жизнь, о которой он совсем ничего не знает. Они вообще мало что друг о друге знают. Он прошёл на кухню. Марусяка лопаткой переворачивала шипящие на сковороде котлеты и тихонько всхлипывала.

– Прости, я не должен был трогать эти письма.

– С Володей мы познакомились в Москве, – начала свой тихий монолог Марусяка, пряча заплаканные глаза. – Я училась на курсах, он был курсантом речного училища. Мы провели вместе две недели: ходили в кино, ели мороженное и смотрели на звезды. Наверное, тогда мы были немного влюблены друг в друга, но ни разу не говорили об этом. Закончились курсы, я уехала домой, он где-то раздобыл мой адрес и стал писать письма, а я отвечала ему. Со временем мы поняли, что, кроме дружбы, между нами ничего быть не может. А вот ты свою Нину до сих пор любишь, судя по всему.

Пашка сам не знал, что ответить жене, поэтому просто обнял её крепко-крепко и тихонько шепнул на ушко:

– Я здесь, с тобой, и это навсегда.

Через год у Пашки с Маруськой родилась доченька Наташа. Не сказать, что Пашка был на седьмом небе от счастья. Он принял этот факт как само собой разумеющееся явление: в семье должны быть дети, это аксиома. Маруська полностью растворилась в заботах о дочке. Пашка все дни пропадал на работе, честно исполняя роль добытчика, у жены и дочки было все необходимое и даже чуть больше.

А бабы-соседки то ли от зависти, то ли от глупости шушукаются между собой: дескать, не любит Пашка Маруську, на стороне поди шашни водит, не зря за полночь домой возвращается.

– Да, да, – судачила первая сплетница на деревне Семёновна, – вчерась видала, телятнице Аньке подмигивал, вот не сойти мне с этого места.

Разрумянится от стыда и неловкости Маруська, побежит домой, так и не купив хлеба в лавке. Вот за что они так с ней? Поплачет тихонько в углу, перекрестится на образа, обнимет дочку: «Ничего, все образуется, Бог милостив».

Как-то вечером Пашка вернулся домой позднее обычного. День был трудным, вышли из строя сразу два комбайна, и это в разгар уборочных работ! Он очень устал и был голоден. Маруська, несмотря на поздний час, сидела на кухне с книгой в руках.

– Паш, мы с дочкой тебе совсем не нужны?

Пашка никак не ожидал подобного вопроса. Ему казалось, все недомолвки за три года брака уже давно в прошлом.

– Что за мысли? С чего ты это взяла?

– Ты редко бываешь дома, со мной практически не разговариваешь. Мы сто лет не гуляли все вместе.

– Марусь, ты просто накрутила себя, я с утра до ночи в поле, берусь за любую возможность заработать, чтобы у нас все было, ну что ты придумала?

– Паш, Наташа уже подросла, давай отдадим её в сад, я на работу выйду, не могу больше сидеть одна в четырёх стенах.

– Ну хорошо, я завтра поговорю с Васильевичем.

– Спасибо, а то пока я тут сижу, заведешь себе какую-нибудь Аньку-телятницу.

– Кого? – Пашка на мгновение потерял дар речи от неожиданного предположения.

Маруська отпустила глаза в пол.

– Семёновна сказала, что ты ей глазки строишь...

– Маруська, да ты ревнуешь?! – Пашка рассмеялся, взял жену за руки и уже серьёзно добавил: – Я ж тебе уже говорил, ты – это навсегда. Давай поедим, иначе я с голоду умру.

«А “люблю” так и не сказал», – вздыхая, подумала про себя Маруська и пошла разогревать ужин.

Пашка долго не мог уснуть. Сегодня он вдруг понял, что Маруська действительно любит его, а не просто исполняет роль хорошей жены и матери. Она никогда не говорила о том, что ей не хватает внимания, а Пашка никогда не задумывался об этом.

«Телятница Анька!» – Пашка тихонько рассмеялся, представив, как пытается добиться благосклонности этой особы. Анька была вдовая баба за тридцать, с командирским голосом и пышными формами. Подвыпившие мужички нередко позволяли себе ущипнуть телятницу за запретные места. Она, хихикая, щелкала им по рукам и наигранно смущалась. Но все знали, что Анька до сих пор оплакивает своего мужа, и не сильно осуждали, если она изредка находила утешение в объятьях какого-нибудь неженатого мужичка.

На следующий день он решил сделать жене приятное, договорившись с родителями, чтобы те посидели с внучкой, нарвал в поле охапку васильков и подарил Маруське. Она рассмеялась, взяла ножницы и стала аккуратно создавать композицию, которую можно бы было назвать букетом. А после ужина он пригласил её прогуляться по берегу реки.

Они молча шли, взявшись за руки.

– Смотри, какой красивый закат, – тихо прошептала Маруська, указывая рукой на розовый горизонт, куда убежало на ночь жаркое июльское солнце. – Пошли искупаемся?

Маруська, не дождавшись ответа, скинула с себя одежду и нырнула в тёмную глубь реки с крутого обрыва. У Пашки сердце оборвалось, он и сам в детстве не раз здесь нырял, но родители всегда журили своих чад за эти

шалости, так как место было опасное. Он подбежал к краю обрыва и увидел, как жена уверенно плывёт к берегу.

– Прыгай, – Маруська перевернулась на спину и помашила его рукой. Пашка ещё никогда не видел жену такой отчаянно смелой. Её нагое тело блестело в лунном свете, она казалась ему сказочной русалкой. Раздевшись, Пашка нырнул в речку, догнал жену и долго нежно целовал.

Смеясь, Маруська вырвалась, потянула Пашку за руку на берег. Они упали в высокую траву, где никто не мог их видеть. Этим поздним вечером Пашка заново открыл для себя жену.

Пашка выполнил обещание, они оформили Наташу в детский садик, и Маруська вышла на свое рабочее место. Они больше стали проводить времени вместе. Как-то раз Пашка прибежал в контору за женой, весь взлохмоченный, грязный, но безумно счастливый.

– Маруська, пошли, что я тебе покажу.

Ничего не понимающая женщина послушно последовала за мужем. Пашка привёл Маруську в святая святых, свой гараж. Там она увидела грудку металлолома, отдалённо говорящую о том, что некогда это было машиной, без окон, дверей и колёс, с механическими внутренностями наружу. Пашка вскочил за руль, сиденьем возле которого служил старый матрас, что-то поколдовал с проводами, щёлкнул замок зажигания, и механизм зашумел.

– Завёлся, – пытаюсь перекричать работающий двигатель, ликовал Пашка, – представляешь, он все-таки завёлся!

– И это будет ездить? – с сомнением произнесла Маруська.

– Теперь точно будет! Будем мы с тобой, как председатель, на собственном авто разъезжать. Ты мне веришь?

И Маруська поверила. Поверила и в то, что машина поедет, и в то, что муж её очень любит. Этим глазам нельзя было не верить.

Как-то днем на работе Маруська вдруг почувствовала лёгкое недомогание: у нее пропал аппетит и стало все валиться из рук. Конечно, о причине этих изменений своего состояния она догадывалась, но, пока точно ничего неизвестно, решила не говорить об этом мужу.

– Ты светишься, словно начищенный самовар, – Пашка с порога заметил, что с женой что-то не так. Она резала

на кухне салат и сама себе улыбалась. Заметив Пашку, Маруся вдруг бросилась ему на шею и поцеловала в щёчку. Её взгляд, жесты, мимика – она казалась ему взрослее, чем вчера, из деревенской наивной девчонки она вдруг превратилась в настоящую женщину. В этот миг и себя Пашка вдруг ощутил по-иному: он уже совсем не тот юный солдат с обманутыми надеждами.

А через девять месяцев, ровно в срок, в судьбе Марусяки и Пашки появилась вторая доченька.

Ларочке было три годика, когда в один из весенних дней она вдруг почувствовала себя плохо. Высокая температура не сбивалась, к вечеру добавился понос и рвота.

– У меня сильно болит животик и голова, – жаловалась малышка и постоянно просила пить.

Марусяку с дочкой в срочном порядке госпитализировали.

Молодой доктор с сомнением щупал болезненный животик ребёнка.

– Похоже на аппендицит...

– У такой крохи? – Марусяка с ужасом подумала, что потребуется хирургическое вмешательство.

После капельницы и уколов у Ларочки спала температура, она даже попросила покушать, но врач строго-настрого запретил.

– Потерпи, малыш, – она закутала дочку в одеяло, посадила на колени и стала тихо напевать колыбельную.

– Мамошка, когда мы поедем домой? Я не хочу здесь спать, – начала капризничать девочка.

– Скоро, вот вылечим тебе животик и поедем.

– У меня уже ничего не болит.

Через пару часов температура снова подскочила, Марусяка не находила себе места.

– Будем оперировать, – эти слова вызвали у Марусяку бурю эмоций. Слезы одна за другой катились из глаз, её охватило отчаяние и предчувствие чего-то плохого.

– Ну что вы, мамочка, – успокаивал Марусяку врач, – рядовая операция, стоит ли так паниковать и пугать ребёнка?

Врач ушёл, Марусяка прижал к груди плачущего ребёнка и тихо шептала: «Всё будет хорошо, я просто переволновалась, это нормально».

В палату вошла медсестра и сказала, что операционная готова. «Откажись», – пронеслось у Марульки в голове.

– Мамочка, ну что вы как в детском саду, – с этими словами она забрала из рук Марульки Ларочку и скрылась за дверью. – Ждите.

Через минуту Марулька кинулась следом к дверям операционной с намерением забрать дочку с операционного стола, но красный сигнал над операционным блоком с надписью «Не входить» остановил её.

Марулька, словно раненный зверь, металась по коридору, каждая минута ей казалась вечностью.

Наконец, из блока вышел доктор, Марулька почувствовала облегчение, все закончилось, слава богу.

– Когда я могу увидеть дочку?

Следом вышла операционная бригада, медперсонал поспешил быстрее пройти мимо Марульки, даже не взглянув на неё. Она вдруг почувствовала, что случилось что-то непоправимое.

– Девочка умерла на операционном столе, причины мы будем выяснять, – будничным тоном сказал доктор, пряча взгляд, и поспешил удалиться, но Марулька преградила ему путь.

– Нет, это же просто аппендицит, вы же сказали – рядовая операция!

Доктор распорядился, чтобы мамочке вкололи успокоительное, и оставил Марульку одну.

Она вернулась в палату, где полчаса назад качала на руках Ларочку. До её сознания никак не могло прийти: как так случилось? Нет, так же не бывает.

Марулька выбежала из палаты, подошла к медсестре и потребовала:

– Принеси мне дочку, мы поедem домой, у неё уже не болит животик.

– Мамочка, надо держаться, я сообщила мужу, он сейчас приедет.

Марулька вдруг подумала о Пашке и поняла, что это она во всем виновата, она обрекла Ларочку на смерть.

Когда успокоительное подействовало, Марулька ненадолго забылась тревожным сном. Ей снилось большое

ромашковое поле, по которому, взявшись за руки, бежали ее девочки. Откуда-то из тумана послышался голос Пашки:

– Она теперь далеко от нас, – и Маруся увидела, как Ларочка куда-то исчезает.

– Mamочка, не беспокойся, – улыбнулась Наташа, – я догоню её.

Вскрытие показало наличие у Ларочки серозного менингита.

– У вашей дочери не было шансов, – развел руками доктор.

Пашка как мог пытался поддержать жену, конечно, ему тоже было безумно больно, но надо было жить дальше. Маруся взяла на работе административный, заперлась в доме и не хотела никого видеть. Но время шло, боль притуплялась, заботы о подрастающей дочери помогали ей отвлечься.

Новость о третьей беременности Пашка воспринял уже по-иному. Он понимал, как это важно для Марусяки, как это важно для него, как это важно для всех них. После смерти Ларочки в доме стало пусто.

– Будет у тебя братишка, – взъерошил Пашка волосы семилетней Наташе.

– Не хочу братика, – смешно надула губки Наташа, – он со мной в куклы играть не станет.

– Значит, будет сестричка, – подмигнула малышке Марусяка.

– Раз я в меньшинстве, будь по-вашему, но потом обязательно будет мальчик, – согласился будущий отец и заключил своих девчонок в крепкие мужские объятия.

Марусяка легко переносил свое необычное состояние, точно так же, как и раньше, работала в огороде, на сенокосе, хотя Пашка не раз бранил её, просил, чтоб она берегла себя и была осторожной.

– Ну я же не больна, – отмахивалась Марусяка, – и потом, это же не первая беременность.

Уже на позднем сроке акушерка озабоченно покачала головой:

– Крупный плод и лежит ягодицами.

– Это плохо? – испугалась Марусяка.

– Ну, ещё два месяца до родов, может, перевернётся.

– А если нет?

– Да не волнуйся ты так, родишь, не в первый раз.

Что только не делала Маруся, чтоб ребёночек принял правильное положение: через голову кувыркалась, на коленях часами стояла, даже заговоры читала, которые ей местная бабка советовала, – ничего не помогло.

– Упертая, – посмеялась акушерка, принимая Маруську в стационаре. Наступал срок родов, и, чтобы не рисковать, её заранее положили в больницу.

– Мы с мужем мальчика хотим.

– Девка будет, у меня глаз-алмаз.

Роды были тяжёлыми, сутки Маруся мучилась, ей казалось, она непременно умрёт вместе с неродившимся ребёнком. Наконец плод удалось извлечь.

– Я ж говорила, девка будет, – наигранно бодрым голосом сказала акушерка.

– Паша мальчика ждёт.

– Ну, за мальчиком – в следующий раз.

– Почему она не кричит? – в панике спросила Маруся, у неё совсем не осталось сил и страшно хотелось пить.

– Слабенькая, – девочку тут же унесли в реанимацию и трое суток ничего внятного не объясняли Марусяке.

Лишь на четвёртый день пришла доктор, под села к Марусяке на стульчик и взяла за руку:

– Роды были сложными, девочка родилась без признаков жизни, мозг пострадал. Шансов выжить у неё было немного.

– Она жива? – У Марусяки по телу пробежал холодный озноб.

– Сейчас её жизнь вне опасности, но ребёнок вряд ли будет полноценным. Какими будут последствия, пока сказать сложно.

Марусяка разрыдалась, испытывала облегчение. Её дочь жива, это самое главное. Ей разрешили пройти в детскую и посмотреть на ребенка. Ручки, ножки, пальчики – все на месте. Марусяка видела, что дочка ей улыбнулась, и на душе у неё стало светлее.

– Они ещё не умеют улыбаться, – смеялись над ней соседки.

– Это ваши не умеют, – ответила им Маруська, – а моя Леночка – особенная.

А Пашка дома места себе не находил. В день родов к нему в поле прибежал тесть, он сразу понял, что стал отцом. Пашка заглушил трактор, спрыгнул с подножки и закричал отцу Маруськи:

– Родила?

– Там что-то не так, – тесть немного отдышался и продолжил: – сказали тебе срочно приехать, мне ничего не объяснили.

Пашка бросил трактор в поле и помчался в больницу.

– Даже не знаю, как тебе сказать, Паша, – врач, пожилая полная женщина с добрыми, как у Карлсона, глазами, усадила Пашку на кушетку и отошла к окну.

– Что с Маруської? – у него от страха затряслись руки. Он вдруг вспомнил множество рассказов старых бабок о том, как умирали женщины во время родов. До этой минуты подобные истории воспринимались им как обычные страшилки на ночь про черную комнату.

– С Машей все хорошо, а вот дочка... Сейчас она в реанимации – прогнозы врачей неутешительные. Молись, Паш. Хотя даже не знаю, что лучше...

– В каком смысле? – страх постепенно заползал под самую кожу, лишая возможности здраво мыслить.

– У ребёнка была полная остановка сердца, никто сейчас не скажет насколько пострадал мозг, возможно, она останется на всю жизнь глубоким инвалидом.

Пашка вышел из больницы на свежий воздух и там, где его никто не мог видеть, тихо заплакал. Как же так? Ведь все было хорошо.

Нужно было забрать Наташу из садика и что-то сказать Маруськиным родителям. Пашка взял себя в руки.

– Дочка у меня, – с порога выдавил он из себя улыбку.

– Всё хорошо? – с тревогой спросила тёща. – Почему ты такой бледный?

– Мать, ну что ты пристала, переволновался зять, – вмешался в разговор отец Маруськи и, уже обратившись к

Пашке, добавил: – Пошли, что ль, по рюмашке опрокинем за внучку.

Пашка понял, что не нужно сейчас ей все рассказывать.

– И правда, пойдём.

Пашка ни разу столько не пил. Он оставил Наташу у родителей и вернулся домой, надо выспаться, завтра за руль, негоже себя распускать.

Умывшись, Пашка прошёл мимо божницы и невольно остановился.

«Молись», – вспомнил он слова врача.

Пашка был истинным советским коммунистом и подсмеивался над Маруськиной привычкой крестить лоб, выходя из дома или садясь за стол обедать. Его взгляд упал на икону Богородицы, которая держала на руках младенца, и произнёс вслух:

– Если ты там и вправду есть, пусть дочка живёт, какой бы она ни была, пожалей Маруську, она не переживёт смерть еще одного ребёнка.

Две недели Маруська провела в больнице. К удивлению врачей, девочка сразу взяла грудь, хорошо прибывала в весе, реагировала на звуки и свет. Пашка сильно волновался перед встречей с необычной дочкой и не спал всю ночь. Что их ждёт с Маруськой, как примет ребёнка Наташа, как вообще всем рассказать о том, что в их семье родился больной ребёнок? Пашка развернул одеяльце и увидел совершенно обычную новорожденную девочку.

– Вечно эти врачи панику разводят, – утешил он Маруську.

Через три месяца после рождения Леночке все же поставили диагноз – ДЦП.

– Не переживайте, мамочка, все не так плохо, как могло бы быть. Сейчас многое зависит от вас, с ребёнком надо много заниматься.

И Маруська прилежно исполняла все предписания докторов. Девочка росла беспокойной, часто родители приходили в отчаяние.

– Ну почему она вечно кричит?! – психовал Пашка, когда за ночь не удавалось поспать и двух часов. Посреди

ночи он мог хлопнуть дверью и убежать в гараж. Марусяка пыталась не обращать внимания, ведь мужу надо было идти на работу, но иногда усталость брала вверх над разумом, она обижалась, начинала сердиться и на Пашку, и на Леночку, и на весь белый свет.

Время шло, дочка росла, радуя родителей своими маленькими победами. Она вовремя села, вовремя пошла, вовремя заговорила, только ходила она не как все нормальные дети, но Марусяка считала, что это мелочи, она ведь могла вообще никогда не встать на ножки.

Когда Леночке исполнилось два года, Марусяка поняла, что снова ждёт ребёнка. Она сидела возле кабинета врача и пыталась прислушаться к своим чувствам. После пережитого кошмара было безумно страшно снова через всё пройти, да и Леночка ещё совсем маленькая и требует повышенного внимания, как она справиться со всем? Однако дома Пашка сразу развеял все сомнения:

– Мы справимся! Вот теперь непременно будет сын!

Но небеса, видимо, за что-то прогневались на Пашку. На очередном обследовании акушерка безапелляционно заявила:

– Эх, Марусяка, снова девка будет.

Нет, Пашка не терял надежды:

– Я чувствую, это точно сын! – и он упрямо покупал сыну голубые ползунки и машинки. А Марусяка молила только об одном – чтобы ребенок родился здоровым:

– Пресвятая Госпоже Богородице, услыши молитву рабы своей, дай веру в благополучный исход, спаси и сохрани меня грешную.

И Марусяка даже испугаться не успела, как в четвертый раз стала мамой абсолютно здоровой девочки.

– Девка, Марусяка, девка. Плохо Пашка старается, ох, плохо, – смеялась акушерка, показывая роженице вопящего младенца.

Теперь уже школьница Наташа стала для Марусяки настоящей помощницей. Она могла поиграть с Леночкой, пока Марусяка укладывала спать Сонечку.

– Ты теперь самая настоящая старшая сестра, – любовался Пашка на дочерей.

И гордясь своим званием, Наташа брала за руку Леночку и деловито заявляла:

– Сейчас мы пойдём буквы учить.

Тотчас Леночка, смекнув, о чем идет речь, бежала к полке с книгами.

– Смотри, мать, – смеялся Пашка, – какой книголюб у нас растет.

Это был обычный декабрьский день. Леночка и Сонечка сегодня не пошли в сад. У Пашки выдался свободный день на неделе, и он решил устроить девчонкам выходной, тем более что с вечера у Наташи поднялась невысокая температура. А как известно, стоит только одной заболеть, все тут же подхватывают инфекцию.

С утра, собираясь на работу, Маруся зашла в детскую и осторожно пощупала лоб каждого ребёнка. «Может, оставить сегодня Наташу дома?» – пронеслось у неё в голове. Хотя вторая четверть уже заканчивается и нужно исправлять оценки, шестой класс – дело серьезное. Дочка училась во вторую смену, проснётся, видно будет.

Маруся дала Пашке соответствующие наставления и умчалась на работу. Позже проснулись девчонки. Двухлетняя Сонечка, хоть и была младше Леночки на два года, но по числу мелких шалостей ей не было равных.

– Девочки, не ссорьтесь, – часто журила сестреночку Наташа. Вот и сейчас Сонечка схватила со стола любимую книжку Леночки и пыталась прочитать её, разодрав на листочки.

– Пап, Сонька опять книжку изорвала, я ушла, – крикнула из прихожей Наташа отцу и побежала за подружкой Ирой. Они дружили еще с дедсадовских горшков и жили в соседях. В школу деревенские ребяташки добирались на рейсовом автобусе.

– Пойдём сегодня пораньше, – сказала Наташа подруге, – на горке покатаемся.

Горкой местная детвора звала кучу песка, расположенную вблизи автобусной остановки, где шла гаражная стройка. За зиму горка обледенела и служила развлекательным

аттракционом, где дети коротали скучное время ожидания транспорта.

Наташа с Ириной бросили портфели вниз и забрались на самый вверх горки. Иринка решила скатиться первой, оттолкнувшись, она вдруг заметила огромный КамАЗ, который неотвратно приближался к горке. Несмотря на то что совсем рядом стоял дорожный знак, запрещающий проезд в этом месте автомобильного транспорта, многие игнорировали этот факт, чтобы не мотать лишние километры при объезде.

– Наташ, стой! – закричала она подруге и сумела зацепиться руками за шероховатую поверхность застывшего песка. Наташа тоже заметила на горизонте неожиданно появившийся транспорт, пытаясь остановить свой стремительный спуск с горы, но руки в варежках скользили, и она летела прямо навстречу КамАЗу.

Дети, наблюдавшие эту картину, застыли в ужасе. КамАЗ резко затормозил, но Наташа уже была под его колёсами.

Дети в испуге завизжали, Иринка со всех ног помчалась за отцом Наташи.

– Там, там... Наташу машина сбила.

Пашка ничего не понял. Он схватил с крючка пальто и выбежал.

Чем ближе Пашка приближался к горке, тем страшнее становилась действительность. Возле места происшествия уже толпились сельчане: кто-то перешептывался, кто-то кричал, кто-то плакал в голос. Пашке казалось, что это просто какой-то страшный сон. Снова это не может с ними случиться. Сквозь толпу издалека нельзя было ничего разглядеть. «Почему нет врачей? – мелькнула у Пашки мысль. – Кто-нибудь вызвал скорую?»

Увидев Пашку, толпа расступилась, над местом нависла гробовая тишина, мужики стояли, сняв головные уборы. Наташа лежала возле задних колёс автомашины без движения. Пашка ничего не мог понять. «Почему она не встаёт, холодно же лежать на земле».

Он подбежал к дочери, взял её холодную руку, кто-то подошёл сзади:

– Паша, она мертва, бригада уже едет.

«Зачем они все здесь? Они же просто ничего не знают. Не знают, что они уже хоронили дочь, не знают, как Маруся тяжело пережила горе. Два раза – так не бывает», – мысли у Пашки в голове путались. Он оглядел толпу и вдруг заметил приближающуюся Марусяку.

«Кто ей сказал? Ей нельзя это видеть». Прежде чем Пашка успел что-то предпринять, Марусяка с рыданием кинулась к Наташе. Звук сирены скорой помощи заглушил душераздирающие крики.

...Марусяка уже собиралась домой на обед, когда в кабинет прибежал председатель.

– Маруся, сейчас позвонили... Я даже не знаю, как сказать тебе. – И машинально Васильев снял с головы шапку.

– Не молчи же! – у Марусяки все оборвалась внутри. В памяти всплыл молодой хирург, который, выйдя из операционной, точно так же прятал взгляд, те же интонации в голосе, те же оборванные фразы, когда выговорить невозможно, а сказать надо.

– Там Наталья вроде как под колеса попала...

Марусяка все поняла, она уже знает, когда в душу пробрался такой вот мерзкий липкий страх, когда от боли в груди невозможно дышать, значит, надежды уже нет.

Марусяка метнулась к выходу.

– Постой, я отвезу тебя...

Но Марусяка его уже не слышала.

А дальше все точно в тумане. Скорая, милиция, какие-то непонятные вопросы, протоколы, заявления... Зачем теперь это все? Марусяку накачали успокоительными и отвели домой.

Леночке ещё сложно было понять, что такое смерть, но отчего-то она ясно осознала, что Наташу они больше не увидят никогда. Она залезла на руки к матери и тихонько всхлипывала, даже Сонечка притихла, молча перебирая игрушки на полу.

Пашка вернулся поздно вечером. Марусяка, увидев пакет с вещами Наташи, которые Пашка принес из морга, посмотрела на мужа невидящим взглядом и тихо прошептала самой себе:

– Постирать надо, вещи же все в грязи.

Она взяла тазик, наполнила его водой и бросила вещи. Потом вдруг взялась руками за голову и истошно закричала, напугав при этом детей. Пашка обнял жену и пытался успокоить, но ничего не помогало. Маруся сначала металась по комнатам, потом упала на пол и начала кричать. Пашка вызвал скорую, после дозы успокоительных, Марусяке стало легче.

Марусяке снова снилось большое ромашковое поле, по которому, взявшись за руки, бежали Наташа с Ларочкой.

– Мамочка, не переживай, – улыбалась Наташа, – я догнала Ларочку, теперь я присмотрю за ней.

Маруся очнулась от беспокойного сна, на кухне горел свет, дом был полон народу. Пашка о чем-то громко разговаривал с родителями.

– Паша, а где Наташа с Ларочкой? Поздно уже, а их до сих пор дома нет.

После похорон состояние Марусяки ухудшилось, она совсем не могла спать по ночам, отказывалась от еды, полностью игнорировала детей. Пашка терпеливо ждал. «Вот, мы пережили ещё один день, – говорил он сам себе, – завтра нам всем станет легче». Но легче не становилось. Начался судебный процесс, снова и снова Марусяке приходилось проживать тот страшный день. Каждый вечер Маруся садилась за альбом с фотографиями и долгими часами молча рассматривала снимки.

Пашке пришлось взять на себя все заботы о семье. Сельчане искренне сочувствовали ему и часто приходили на помощь. Он научился лихо печь пироги и лепить пельмени, сам водил Леночку на процедуры, выучил название препаратов и каждый день делал с ней гимнастику.

Время шло, но Маруся никак не могла найти в себе силы, чтобы жить дальше. Пашка старался не оставлять её одну наедине с детьми.

С утра Леночке нездоровилось, поэтому пришлось оставить её дома. Весенняя посевная – пора напряжённой работы, пойти на больничный Пашка не мог.

– Папочка, я ведь уже большая, мне целых пять лет, я за мамой сама присмотрю.

Леночка часто видела, как отец кормит маму с ложечки, уговаривая, словно ребёнка.

Пашка оставил на столе сваренную с утра кашу и ушёл на работу.

– Мама, пошли завтракать, – Леночка оттянула подол Маруськи и потащила её на кухню.

Маруська поставила перед дочкой тарелку и молча села наблюдать на ней.

– Мам, у меня что-то все горит внутри.

Маруська не обратила внимания на слова дочери, убрала посуду и достала карандаши с альбомом.

– Мам, а давай вместе рисовать... Смотри, это радуга, а это наш дом. А это мы с Сонькой деремся, она опять меня пыталась укусить. А это папа грозит, что сейчас поставит нас в угол. Мама, а ты где здесь?

Маруська смотрела на каракули дочери, и у неё вдруг побежали из глаз слезы. Она так давно не плакала. Маруська посадила дочку на колени и поцеловала в лоб. Леночка горела. Тут Маруську словно током ударило, она давно научилась определять температуру тела без градусника, у ребёнка никак не меньше тридцати восьми.

Маруська бросилась к соседке, чтобы вызвать скорую, повышенная температура для нее навсегда осталась причиной для паники.

– Горлышко красное, ничего страшного, – успокоила Маруську врач, – пейте больше, лучше клюквенный морс и горло полощите

К вечеру температура спала, и Леночка вместе с Соней, которую привёл из сада отец Пашки, уже носилась по дому. Маруська предложила свекру чай, тот хоть и торопился обратно на ферму, но с радостью согласился.

Пашка забежал на минутку домой, чтобы проведать девчонок, и не поверил своим ушам: в кухне Маруська с отцом над чем-то смеялись.

Маруська потихоньку начала приходить в себя, вышла на работу, переключил свое внимание на Леночку, которой требовалась постоянная реабилитация, ведь массаж и гимнастика помогали снять мышечный тонус, который мешал Леночке правильно ходить. Пашка изобретал для дочки

всевозможные спортивные приспособления: шведскую лестницу, скамейку для ползания, из старого велосипеда смастерил самый настоящий велотренажёр.

И лишь в тишине, поздно вечером, когда вся семья уже спала крепким сном, Марусяка зажигала возле икон свечи и пыталась выплакать ту боль, которая навсегда поселилась в её сердце.

* * *

Сегодня Пашке исполнится семьдесят три года, и за большим столом соберется вся его огромная семья. Два года назад у Марусяки случился инсульт, и, хотя она немного бродит по дому, без посторонней помощи ей уже было не обойтись. Поэтому на кухне с утра колдовали Леночка с Сонечкой.

Пашка, как обычно, суется рядом: чистит картошку, режет хлеб, подсаливает воду для пельменей.

– Тебе всё никак не сидится на месте, – смеются девчонки.

В кухню вошел Серега, который был самым последним ребенком Марусяки и Пашки.

– Ты когда ума накопишь? Четвертый десяток, а так и ходишь бобылём! – как обычно, напали на него старшие сестры.

– Да мне и так неплохо, – улыбается Серега и обращается к племянникам: – Ну, пойдёмте, спиногрызы, в приставку поиграем.

На пороге появилась Марусяка:

– Я сейчас, только лестовку отмолю и помогу вам.

– Да иди уже, мать, – отмахивается Пашка, – без тебя справимся.

И сидит на большой кухне маленький сгорбленный старичок, который поседел и покрылся морщинами задолго до солидных дат в паспорте. Но исходит от него настоящая мужская сила. И когда меня спрашивают, у кого я училась жить, я рассказываю им эту историю о Пашке.

Инна ЧАСЕВИЧ

Саров

ЗЕЛЁНОЕ В ЦВЕТОЧЕК

Баба Саша открыла дверцу шкафа и остолбенела. Схватившись за сердце, она опустилась на старый диван и судорожно начала нашаривать в кармане кофты пластинку валидола. Как назло, лекарство не находилось. Ругая себя за непредусмотрительность, она попыталась наладить сбившееся дыхание, подняться и доковылять до тумбочки.

Она никак не ожидала такого от Кати, а то, что это ее рук дело, она не сомневалась. Кроме нее самой да жены внука, женщин в квартире не было, стало быть, и похозяйничать в шкафу могла только она. Глаза бабы Саши увлажнились, она никак не могла взять в толк: чем так насолила невестке? Вроде душа в душу жили, хоть и втроем в однушке ютились, места всем хватало. Баба Саша, привыкшая жить скромно, если не сказать скудно, постоянно любимому внуку деньжат подкидывала. Жила она на этом свете, конечно, давно, так ведь на своих ногах, потому в лучший мир не торопилась. А молодые, видать, по-другому рассудили, раз намекнуть решили: «Не пора ли тебе, бабка, пора?»

Катя впорхнула домой в отличном настроении: утром и квартиру убрать успела, и вкусенький обед приготовить, чтобы бабу Сашу и мужа порадовать. Тоже Сашу: такая традиция у них в семье была – старшего ребенка Сашей называть. Откуда она пошла, Катя так и не поняла, просто

приняла как должное, что, когда у них родится сын, с выбором имени проблем не будет: Александр Александрович, и никакой самодеятельности.

Увидев в коридоре бабы Сашину куртку и резиновые сапоги, она быстро скинула ботинки и за два шага оказалась в кухне: в их однушке все было в паре метров.

– Бабуль, сейчас супчик погрею, обедать будем, есть уж очень хочется. Санька сказал, поздно придет, так что мы с тобой вдвоем.

– Не хочу я.

Голос бабушки звучал напряженно, словно она хотела что-то сказать и сдерживалась. Катя оставила половник и вошла в комнату. Баба Саша сидела на старом диване и, поджав губы, сурово смотрела на невестку. Под глазами блестели невысохшие слезы, голова мелко подрагивала, руки теребили полу домашней кофты.

– Бабуль, ты чего? Случилось что? Обидели тебя? Кто? Ты чего молчишь?

– Не ждала я такого, Катерина, ох, не ждала, я ж с вами по-божески. Вот и живем вместе, да и помогаю вам всегда. Думала я, ты хорошая девка, добрая. А ты вона как. У тебя ж самой бабушка старая есть, а ты...

Тут голос бабы Саши дрогнул, и сдерживаемые слезы потекли по щекам, оставляя в бороздках морщин мокрые следы.

– Бабуль, ты что? Что случилось-то? Что мы не так сделали? Успокойся, бабуль, давай я тебе корвалольчику принесу!

– Не нужен мне твой корвалольчик, – сурово возразила баба Саша. Подойдя к шкафу, она рывком открыла дверцу и, ткнув в его темное нутро, сердито спросила: – Ты зачем это сделала?

Катя заглянула в шкаф, но ничего предосудительного в нем не заметила. Все было как утром, когда она, найдя на дне какой-то странный сверток, развернула его и вытащила зелёное в цветочек платье. Такого она раньше у бабы Саши не видела, посему не была уверена, что оно – её, но на всякий случай решила погладить и аккуратно развесить на плечиках. Рядом она повесила коф-

ту, вытащенную из того же свертка, а платок, колготки и ночную рубашку Катя после размышления: в стирку или в шкаф, разложила на бабушкиной полке. Она никак не могла понять, что не понравилось бабе Саше, и уж тем более никак не могла, как ни силилась, объяснить ее слезы.

Видя искреннее недоумение невестки, бабушка немного остыла и спросила уже более миролюбивым тоном:

– Ты зачем смертный узелок разорила? Платье зачем развесила? Пора мне, думаешь?

Катя слушала, совершенно не понимая, о чем та говорит, словно баба Саша вдруг перешла на полную тарабарщину.

– Бабуль, подожди. Какой узелок? Куда пора? Объясни ты толком! Ничего я понять не могу!

– Обычный, смертный. Как у всех. Скажешь, у твоей бабушки нет, что ль, такого?

Катя помотала головой, уже даже не пытаясь понять, о чем идет речь.

– Не молодка я, пора думать-то. Как все старые и озаботилась, помру – чтоб никто с ног не сбивался да и абы во что не рядили. Всё как положено, приготовила: платок, кофту, рубаху, колготы, платье. Ни разу не надеванное, муж подарил, больно оно ему понравилось. Дорогое. Вишь, материал какой хороший?! Я его на юбилей егойный надеть хотела, а он не дожил. Вот я тогда и решила платье это зеленое, в цветочек, в смертный узел положить. Когда там с ним встретимся, чтоб ему приятно было.

– Баб Саш, ты это... для похорон... своих приготовила? – Катя не верила ушам.

– А я тебе о чем толкую-то? Говорю же: смертный узел. В дальний угол шкафу положила, а ты вон что... Разорила... На плечики повесила... Намякиваешь, что зажилась я? Разве я вам, молодым, мешаю? Я ж все как лучше хочу, а ты вон как...

Не дожидаясь потока слез, Катя бросилась бабе Саше на шею и, целуя в мокрые щеки, повторяла: «Бабуль! Куда ты собралась? Мы тебя все любим, как мы без тебя? Прости, ну не знала я ни про какие узелки, не знала!»

– Как не знала-то? Разве ж у твой то бабушки нет? У меня и у матери был, и у бабки, и у прабабки. Положено так. Как же без него то?

– Нет у нее ничего. Она, небось, ни про что такое и не знает, она ж детдомовская. Ох, бабуль, ты прости меня, сейчас я всё обратно сложу в узелок, раз уж он так тебе важен, только ты давай живи! Как мы без тебя?

– ...Кать, нашла? Везти надо, – голос мужа вырвал из плена воспоминаний. Пятнадцать лет пролетели, как один день. Она развязала узел, который достала из дальнего угла шкафа. Сверху лежало зелёное в цветочек.

МАМА

Мария вышла на просвет между деревьями, впереди замаячила колючка концлагеря. Она остановилась перевести дух. Сердце неистово колотилось от усталости и страха: сколько недель она шла сюда, Мария не знала – дни мелькали, как кадры в убыстренной съемке. Только одно придавало силы жить: желание дойти... Мария опустила на землю и привалилась к стволу дерева. Надо унять предательскую дрожь в коленях и пойти к людям, правда, фашистов назвать людьми трудно. Но другого выхода не было: иначе зачем тогда все эти месяцы тяжелой дороги? Она закрыла глаза, и тут же в голове замелькали обрывки воспоминаний, в которых причудливым образом перемешались мирная радость и военная беда.

Летний день на речке, Мария полощет белье, рядом Тося и Ваня. Гриша сладко спит в мамином животе. Дочка потянулась за красивой кувшинкой, еле успела схватить ее за поясок красного в крупный белый горох сарафанчика...

Теплое июньское утро. Воскресенье, можно подольше поваляться в кровати, а потом всем дружно пойти погулять в парк или на речку купаться. Голос из черного репродуктора перечеркивает мирные планы и надежду на счастливое материнство. Муж-моряк погиб в первые месяцы войны. Гриша родился уже без него, аккуратно перед самым приходом врагов в родное Новоселье. Старостой немцы назначили соседа Марии, дядю Федю – инвалида, отца трех смешных русоголовых сестричек. На должность-то он заступил, а вот предателем не стал: соберет для немцев

продукты, а сам Ваню Егорова, четырнадцатилетнего парнишку-связника, к партизанам отправит – рассказать, когда и где проедет обоз. Только нашлась вскоре какая-то подлая нечисть, выдала соседа...

Большой колхозный амбар на площади. На казнь дяди Феди все село согнали. Когда избитого, измученного старосту привели на площадь, Тося с Ваней и другие малые ребятишки убежали в амбар, зарылись в старое, слежавшееся сено и горько плакали... Сколько еще детских слез по убитым партизанским душам увидят эти стены – никто не возьмется сосчитать...

Март сорок четвертого. Почувствовали изверги – кончается их время, и залютовали. Когда всех сельчан на площадь собрали, Мария решила: смерть пришла, загонят сейчас всех в амбар и подожгут, как в соседнем Росткове. Ни стар ни млад – никто там не спасся. Она шла в колонне сельчан, судорожно прижимая к груди Гришу, с одной стороны Ванятка торопился, с другой Тося за подол держалась. Бежать никто не пытался. А как бежать с детьми, когда у карателей, что рядом вышагивают, автоматы наперевес? Вокруг запылали избы – добро, поколениями нажитое, на глазах в пепел обращалось. В амбар не загнали, погрузили всех, как скот какой, в вагоны грузовые и на чужбину отправили.

Не знала Мария, что, когда поезд уже тронулся, успел сбежать Ваня-связник да в лес со всех ног броситься. Насилу партизан нашел. Они как раз с насыпи железнодорожной возвращались, дорогу минировали, думали: немец солдат своих повезет или технику.

– Подождите! – крикнул Ваня, задыхаясь от быстрого бега. – В поезде наши, наши, новосельские, все до единого, их в Германию везут!

– Стоять! Возвращаемся! Быстро! Надо успеть разминировать! Срочно, – вполголоса скомандовал командир. – Бе-гом – марш!

Пригибаясь к земле, неслышными тенями заскользили бойцы к полотну, в которое недавно так удачно вписали. Володя – сапер партизанский – метнулся к насыпи. Послышался шум приближающегося поезда. Минуты до

возвращения минера показались Ване годами. Наконец довольный Володя скатился под куст, и тут же мимо простучали колеса...

– Успел, – выдохнула вся группа и устремилась в глубь леса.

Под Псковом эшелон начали бомбить наши самолеты. Кое-как выбравшись из покореженной груды металла, Мария толкнула детей в глубокую воронку и сама прыгнула следом, распластавшись орлицей над малышами. Крики, стоны, скрежет, вой бомб, такого кошмара она еще никогда не переживала. Когда самолеты шли на разворот и наступала звенящая тишина, ей чудилось, что на земле рядом с воронкой кто-то ходит и разговаривает. «Я, наверное, схожу с ума. Кто в этом аду может ходить? Все лежат, силясь так вдавиться в песок, чтобы стать маленькими и незаметными».

– Мама, мамочка, слышишь? – раздался тоненький голосок Тоси. – Мама, там кто-то есть...

– Там никого не может быть.

– Мамочка, я хочу посмотреть, что там, можно? Ну пожалуйста.

– Нет! Я сама!

Стараясь опередить любопытную Тосю, Мария немного приподнялась и осторожно выглянула из воронки. Недалеко от нее ходил седой старик. Белая борода развевалась на ветру, голова была поднята к небу. Потрясая худыми руками, он повторял, как заклинание: «Поддай, им, сынки, поддай, родимые!» Как же он хотел, чтобы наши самолеты разбомбили немецких гадов, и ему было не важно – погибнет он сам или спасется.

Налет, наконец, закончился.

Когда всех привезли в Прибалтику, началось самое страшное: «сортировка». В одну сторону немцы сгоняли молодых и здоровых, могущих работать на Германию, в другую колонну отправляли стариков и детей. Самых маленьких вырывали прямо из рук матерей и швыряли в толпу. Крики, плач, автоматные очереди. Потом отобранных для работы увезли.

Через месяц Марии удалось бежать из своего концлагеря. Лагерный врач, немолодая женщина, с печальными

глазами и страшно усталым лицом, подменила документы, и Мария стала считаться умершей. Доктор отдала ей платье недавно прибывшей полячки, которой оно уже не могло понадобиться, еще не заношенное и не дырявое. Ночью Мария проползла под колючкой и метнулась в ближайший лесок. Как же он был не похож на чащи милой сердцу Псковщины: редкий, с низкорослыми деревьями, да еще и просматриваемый со всех сторон. Сердце выпрыгивало из груди, в висках стучало, перехватывало дыхание, а она все бежала и бежала, стараясь уйти как можно дальше от лагеря. Сколько она скиталась по чужой земле, Мария не знала. Направление выбрала случайно, его материнское сердце подсказало. Когда добралась до Броцене, где была памятная «сортировка», оказалось, что детей там нет. Идущий в село мужик, подозрительно взглянув на незнакомку в выцветшем, грязном платье, сказал, что всех узников убили.

Мария упала на землю и зарыдала. Смысла жить больше не было.

– Не убивайся ты так, живы они... Те, что в лагере были... Увезли их... – женщина в клетчатой юбке склонилась над лежащей в пыли Марией.

– Куда? – выдохнула та, медленно поднимаясь с земли.

– В порт, – махнула рукой женщина и протянула краюху хлеба. – На, подкрепись. Иди вон через тот лес. Тебе на железную дорогу надо.

Женщина ушла, а Мария в каком-то оцепенении осталась стоять, прижимая к себе краюху. Вдалеке показалась колонна пленных. Они шли, поддерживая друг друга, шатаясь от усталости и ран. Самый молоденький паренек, стоящий с края колонны впился глазами в хлеб, который Мария все еще держала в руках. Этот взгляд вывел ее из оцепенения.

– Натe, родненькие, возьмите, – тут же заскороговорила женщина и протянула хлеб пареньку. Он бережно подхватил краюху и начал раздавать кусочки в тянущиеся со всех сторон руки. Охранник ударил Марию прикладом автомата. Женщина упала, колонна прошла мимо. Медленно поднявшись с земли, она побрела в сторону, на которую

указала женщина в клетчатой юбке, и вышла к железной дороге.

Стуча колесами на стыках рельсов, товарный состав медленно вползал на холм. Мария, пригибаясь к земле, бежала рядом с последним вагоном, сиюсь схватиться за поручень. Наконец, у нее получилось забраться на подножку и заползти в вагон. На куче угля, насыпанного на дощатом полу, Мария перевела дух и немного отдохнула. Когда состав начал притормаживать возле очередной станции, она спрыгнула на землю, больно ударившись о насыпь.

Сколько их потом было этих поездов: пассажирских, товарных, почтовых! Сколько раз она рисковала жизнью, на ходу вскакивая на подножку вагона и выпрыгивая из него на землю! Временами ей казалось, что она никогда не попадет в лагерь. Не зная местности, не зная языка, она шла, ехала, бежала туда, где должны были быть ее дети...

И вот, наконец, перед ней колючка концлагеря. Передохнув, Мария медленно двинулась к воротам. В лагере шло дневное построение, все узники рядами стояли на плацу. В самом первом Мария увидела своих: Ваню, Тосю, маленького Гришу и исхудавшую, но такую родную мать. «Живы!» На дрожащих ногах женщина подошла к воротам. Охранники вскинула автоматы. Мария закрыла глаза, ожидая очереди. Очнулась она от криков детей: «Мама, мамочка!» Мария увидела, как бабушка подтолкнула вперед Гришу, Тосю и Ваню, и те бегут к охранникам, крича и показывая на женщину рядом с колючкой. Немцы, открыв ворота, пропустили ее внутрь и захлопнули тяжелые створки. Мария обняла детей...

КОЛЕЧКО

Маруся покрикивала на лошадь, шарахавшуюся от каждого грохота далекой канонады и норовившую встать посреди дороги.

– Но, кому говорят, бестолковая! Но! До завтра, что ли, шагать будем?

Марусе было жутко страшно, вдруг какой шальной снаряд сюда залетит, но ехать надо, вот она и понукала и покрикивала на родную Звездочку. Мамка с утра наказала:

– Давай, Манька, садись на телегу и дуй до мельницы. В доме муки ни крохи нет, что есть будем?

Маруся натянула любимое ситцевое платье в синий цветочек, надела отцовскую фуфайку, материны сапоги, повязала на голову белый платок и вывела со двора Звездочку. Ветер отовсюду наносил запах печеной картошки. В соседних селах, разбомбленных немецкими самолетами, горели избы, в подполах которых лежала картошка, приготовленная на зиму. Мать с Марусей загодя выкопали в огороде большую яму и сложили туда два мешка зерна: никто не знал, что их дальше ждет, так что запасы лишними не будут. Вчера кончилась последняя мука, пришло время собираться на мельницу: ртов-то в доме много, да все мал мала меньше. Маруся была самая старшая из детей, мелким и за мамку, и за няньку приходилась. Как только увидит, что мать опять с животом ходит, сразу в слезы – это ж ей нянчиться! Маруся и уроки с младшими делала – привяжет к ноге веревку от люльки, на печку заберется, книжку читает или в тетрадке пишет, а сама ногой кача-

ет. Попробуй не покачай: мать хворостиной отделаёт. Все подружки гулять идут, а Маруся с братьями да сестрами возится. И ведь любила их, как мать родная, другая б возненавидела, а она нет: и покормит, и песню споет, и утешит, если беда у них какая детская приключится. Они ее тоже любят, что Валька, что Нинка, что Зинка, что Сашко – самый младший братишка. Была б их воля, так бы и не отходили от старшей целый день.

Звёздочка, настороженно прядая ушами, осторожно двигалась вперед. Мария впервые так близко увидела страшный оскал войны: разбитые дома вдоль дороги, срезанные березки, распластавшие по земле засыхающую листву, зияющие, как беззубые кричащие рты, воронки от снарядов. Марусе стало страшно. В ее родное Носково война еще не пришла, собирала свою страшную жатву рядом. Отец в июле ушел добровольцем. Как мать ни плакала, как ни голосила, собрал вещмешок и подался к военкомату. Маруся у околицы долго махала ему белым платочком, до тех пор, пока были видны носковские мужики, уходившие нестройными рядами по пыльной дороге. Хотела она покричать, порыдать по отцу, но когда вернулась домой и увидела детвору, от голода плачущую, стало не до слез. Стянула Маруся с плеч платок, посеревший от июльской пыли, и занялась привычным делом: покормить-помыть-утешить. Мать целыми днями в колхозе пропадала, продовольствие для фронта готовила, а Маруся по хозяйству суетилась.

Вот и сегодня кому, как не ей, на мельницу ехать? Хотя и далеко, и страшно одной девчонке было: ей ведь всего-то четырнадцать исполнилось, да и ростиком она не вышла, младшие ее уже перегнали, а что делать?

Как добрались они со Звездочкой до мельницы, так там и застряли. Два дня в очереди ждала, уйма телег скопилась, со всех ближних деревень народ собрался. Куда деваться? Пришлось ждать. Мать отпросилась у председателя, взяла колхозную лошадь, привезла молока и картошки – все, что в доме было, и тут же в обратный путь подалась. Муку к следующему вечеру только смололи, и тут другая задача нарисовалась: как этот мешок на телегу взгромоздить?

Ни ростом, ни силой Маруся не вышла. Но мир не без добрых людей, две бабы незнакомые с соседних телег соскочили, втроем они мешок и погрузили.

Через два месяца после отправки на фронт отец пропал. Письма от него приходят перестали. Неделью нет, две, три. Клавдия в военкомат несколько раз ходила, а там только руками разводили: в списках погибших, пропавших без вести, раненых такой не значится. Стало быть, жив. А почему весточки не подает? Как это так: был человек, и нету?!

Клава совсем извелась, на младших кричала, Марусю загоняла, есть-пить не могла. Бабы, с которыми каждый день на ферме с утра до вечера пропадала, никак понять не могли: что такое, почему Клавдюшка совсем на себя не похожа стала. А выспросив, поохав да поохав, научили ее, что сделать, как про мужа узнать. В тот вечер домой Клава не шла, а летела. Вбежав в избу, и едва скинув платок и сапоги, скомандовала:

– Манька, полезай на печку и гляди. В два глаза гляди!

Маруся послушно полезла, не понимая, куда и зачем смотреть, но спрашивать у матери поостереглась. Клавдия тем временем села за стол, поставила на него зеркало, прислонила к стакану с водой, потом сняла с пальца обручальное колечко и положила так, чтобы видеть его отражение. Валька попыталась влезть матери на колени, но Клавдия так громко на нее шикнула, что мелкая кубарем откатилась в угол и обиженно устроилась на лавке. Нина к столу подходить не стала, а, тихонько подсев к сестре, с недоумением поглядывала на мать. Вера с Сашко-младшим уже давно сопели на печке.

– Гляди, Маня, гляди со вниманием, прямо на зеркало гляди в то место, где кольцо мое видать. Что разглядишь, скажешь.

Маруся, хоть и не понимала, к чему мать все это затеяла, во все глаза принялась вглядываться в отражение. Потянулись молчаливые минуты, нарушаемые лишь тихим похрапыванием сестер, задремавших на лавке в углу. Но, как ни старалась Маруся, ничего она в зеркале не видела. Немного подождав, мать требовательно спросила:

– Ну? Мань, чего молчишь? Чего видишь-то? Говори, не тяни душу.

– Ничего не вижу...

– Да как так-то? Бабы сказывали – верный способ! Ты, может, не туда глядишь-то?

– Туда...

– Гляди, гляди, шибче гляди! Хозяина нашего видеть должно...

Марусе очень хотелось узнать, что случилось с отцом, и она снова начала напряженно всматриваться в то место, где отражалось материнское колечко. Через несколько томительных минут она вдруг ясно увидела фигуру в большом тулупе, с винтовкой за плечами. Этот человек вдруг начал расти, и Мария отчетливо рассмотрела лицо отца в какой-то непривычной островерхой шапке. Он что-то кому-то говорил, но слов не было слышно, девочка попыталась прочесть по губам, но не смогла и закричала что есть мочи:

– Папка, папка!

Видение исчезло. От неожиданного крика проснулись младшие, Сашка заплакал, Валька с Нинкой подскочили на лавке и, хлопая осоловевшими глазами, силились понять, что происходит. Мать подбежала к печке.

– Видала? Что видала-то? Ну?

Маруся, подхватив на руки самого маленького, торопливо рассказывала Клавдии, нетерпеливо переминающейся у печки:

– Жив, тятка, жив. Он с винтовкой стоит, в тулупе, точь как евойный, что у нас в сенях висит, а на голове шапка треугольная.

– Какая шапка? – не поняла мать.

– Ну, такая, – и она подняла руки над головой, сложив их домиком.

– Не раненый? Не в крови?

– Не! Стоит с винтовкой, живехонький!

После этого вечера Клавдия немного успокоилась, перестала выть по мужу, как по мертвому. Марусю закрутил ворох дел, и она постепенно забыла о гадании. Утром по хозяйству оставалась, днем бежала в поле, а ночью, когда

бабы уходили по домам, ребятня, впрягшись вместо лошади в жернов, молола муку или вручную веяла овес, очищая его от мякины. Когда спали, когда ели – да бог знает.

Весной сорок пятого долетела до родного Носкова весточка от отца, а еще через пару недель пришло письмо, в котором он писал, что тяжело ранен и лежит в госпитале под Кенигсбергом.

Летом отец сообщил, что едет домой, только сам со станции добраться никак не сможет, и поехала Маруся его забирать с поезда. Ради героя-фронтовика, у которого взрывом оторвало ногу, председатель дал свою лошадь. Пока тряслись обратно в старой телеге, Маруся спросила, где он столько военных лет был, пока не попал в памятный бой под город Кенигсберг.

– На границе, дочка, был, на китайской. Страну нашу охранял.

– Ух. А оружие у тебя было?

– А как же? Винтовка, как положено.

– А на границе той зима бывает?

– Конечно! Когда холода были, нам тулупы выдавали, навроде того, что у нас в сенях висит, они теплющие, никакой мороз не страшен.

– Ох ты ж! Тять, а на голове у тебя что было?

Отец подивился странному вопросу.

– Шапка, буденовкой называется. Такие в Гражданскую носили. Ну, такая вот, треугольная, – отец сложил над головой руки домиком, – а чего ты вдруг про шапку-то?

Маруся улыбнулась и, немного помолчав, принялась рассказывать отцу про младших, которые его, поди, сейчас и не вспомнят...

Сергей ПЕРШАКОВ

БУНТ

У меня есть добрый давнишний друг Валентин Егорыч. Живет на краю маленькой деревушки в дремучем лесу Приморского края. Всю свою жизнь он был связан с этим лесом – охотился, собирал грибы и ягоды, заготавливал целебные травы и корни. Под старость остался в избе один – дети обзавелись собственными семьями и разъехались по большим городам. Супруга от тяжелой неизлечимой болезни скончалась несколько лет назад. Хозяйство держал небольшое – поросенок, куры с утками, собака с котом, несколько яблонь и грядок с овощами. Несмотря на пожилой возраст, ежедневно по нескольку часов проводил в лесу, без этого день ему казался прожитым зря.

Я дважды был у него в гостях по три-четыре дня. Последние годы лишь созванивались. Вчера он совсем неожиданно позвонил в начале ночи по нашему средневропейскому времени и уже в конце ночи по их, дальневосточному. Этот звонок не столько обрадовал меня, сколько удивил и озадачил. Пропуская традиционные приветствия и вопросы о здоровье, житии-бытии, основную часть его продолжительного монолога постараюсь передать если не дословно, то максимально близко к оригиналу.

С утра этого дня Валентин наработался больше обычного. И в лес за хворостом сходил, и у живности в сарае

почистил, и на грядках покопался. За пару часов до обеда зашел в избу попить холодненькой водички. Напившись, прилег на топчан отдохнуть несколько минут. От усталости начал дремать. Сквозь легкую дрему услышал, как на подворье прилетела крикливая подружка – лесная сорока, названная им Белобочкой. Еще в последний мой приезд к нему Валентин с нескрываемой гордостью и радостью демонстрировал, как он общается с этой умной лесной птицей. Всю двухчасовую дорогу на Большую поляну Белобочка сопровождала нас громким стрекотанием и короткими перелетами с дерева на дерево то справа, то слева по ходу движения. Уже на поляне Валентин ошарашил меня новостью о том, что Белобочка рассказала ему о вчерашней встрече с браконьерами и предлагает показать нам результат их преступного промысла. Я знал о неординарных природоведческих талантах своего друга, тем не менее его ссылку на такого необычного информатора посчитал шуточной данью традиционным русским сказкам и былинам. А когда он предложил «прогуляться» еще около трех километров по труднопроходимой чаще леса, согласился из уважения гостя к принимавшей меня стороне. С упорством скептика молча считал шаги для контроля пройденного расстояния. Действительно, примерно через три километра пути Белобочка привела нас к свежим останкам крупного лося. Любая охота в эту пору года в лесу была запрещена.

В этот раз сорока не казалась такой встревоженной. Она коротко поприветствовала и пообщалась на своем птичьем языке с курами и утками, не стыдясь и не боясь продегустировала остатки корма в их лотках и корытах, взлетела на ветку раскидистой березы напротив кухонного окна. И лишь после этого, обращаясь уже не только к своим пернатым сородичам, застрекотала в полную силу своего сорочьего голоса.

По признанию Валентина, первые фразы ее обращения он толком не понял, посчитав, что они адресованы не ему и касаются исключительно представителей лесной флоры и фауны. Белобочка мелкой дробью стрекотала о каком-то митинге Зеленого Мира на уже упомянутой Боль-

шой поляне. Прислушавшись, заинтересовался, но все равно решил не вставать, а послушать её лежа на топчане с закрытыми глазами. В лесу я не раз видел, как мой друг останавливался рядом с мощными стволами вековых деревьев и не меньше минуты стоял неподвижно, плотно сомкнув веки и положив на шершавую кору обе свои ладони. На мои удивленные вопросы долго отшучивался и только потом уже объяснил, что так он общается не только с этими исполинами, но и со всем лесом. С закрытыми глазами, оказывается, ему было не только лучше слышно, но и лучше видно все, что происходит в округе. Стволы и кроны высоких деревьев – своеобразные дальнобойные приемо-передающие устройства, позволяющие всем растениям общаться между собой по всей планете. На более коротких расстояниях аналогичная связь осуществляется путем непосредственного контакта корневых систем.

И правда, с закрытыми глазами Егорычу стало не только лучше слышно, но и прекрасно видно все, что в этот момент происходило на Большой поляне. В очередной раз он убедился, что лесная связь работает безупречно, а сидящая на ветке березы Белобочка своим стрекотанием в этой системе выполняет лишь скромную роль своеобразного мобильного ретранслятора.

Исполнявший почетную функцию координатора протестного митинга многовековой Дуб-В-Три-Обхвата, призвав зеленую публику к тишине и порядку, предоставил слово Грибам. Солидный Боровик, расположившийся на самом краю поляны, приятным тенором поддержал выступавших перед ним Хвойных:

– Мы тоже за то, чтобы объявить войну человечеству! Люди стали врагами всего живого на планете, и дальнейшее совместное проживание с ними в ареалах нашего обитания становится невозможным. Выхлопные газы, токсичные отходы заводов и фабрик, мусорные полигоны сделали ядовитыми и непригодными к употреблению даже самых съедобных из нас. Пенициллиновая группа из-за бесконтрольного и неразумного применения антибиотиков уже почти полностью утратила почетный статус

спасителя человечества. Лишь безмозглые токсикоманы из года в год повышают спрос на мухоморы! С помощью Черной Плесени создано новое оружие массового поражения, позволяющее нам за год оккупировать все жилища человеческой популяции, а через 3-4 года переработать всю ее в полезные органические удобрения. Даешь войну!

– Даешь войну, даешь войну! – многоголосым эхом откликнулись грибы всех сортов и видов из-под кустов, старых пней и стволов поваленных деревьев. Удаляясь и затихая, это эхо медленно угасало в чаще подлеска, а навстречу ему, по самым верхушкам крон, уже пробивался к поляне высокий и слегка визгливый голос Мачтовой Сосны:

– Люди перестали строить большие парусники и высокие деревянные здания. Наша правильная, стройная красота, надежность и прочность им больше не нужны. Даже мебель они предпочитают делать из металла, стекла и пластика. Всех нас ждет горькая участь – заканчивать свою жизнь в виде бумаги или дров! Я – гуманистка, мне жалко убивать людей. Нужно заставить их вернуться к прежней, естественной жизни!

Со всех сторон послышались неодобрительные возгласы, обвинения в мягкотелом либерализме и нерешительности. Этот зеленый шум заглушил не только последующие слова Мачтовой, но и сделал едва слышимыми настойчивые призывы к тишине и спокойствию, многократно прозвучавшие из густой кроны координатора митинга. Он громко и сердито зашелестел листвой.

Воспользовавшись тишиной, Дуб-В-Три-Обхвата объявил, что к митингу присоединяются зерновые, зернобобовые и овощные культуры западного полушария Земли. Через несколько секунд после этого объявления, все его могучие ветви заметно напряглись и тонко завибрировали. Откуда-то из глубины кроны послышался слабый чужой голос с заметным акцентом и неестественным металлическим тембром

– Братья и сестры, спасите нас всех! Человек нарушил Хартию Жизни, принятую всеми живыми существами

планеты несколько тысячелетий тому назад. Он осознанно лишил нас базового права на размножение, изменчивость и выживаемость согласно естественным законам природы. С помощью генной инженерии он изменил наши геномы. Теперь мы – не часть живой природы планеты, а генно-модифицированная продукция, товарная собственность транснациональных корпораций. Мы уже не в состоянии управлять вегетативными и биохимическими процессами в собственных организмах. Пока вас всех не коснулась эта беда, пока у вас еще есть возможность самостоятельно регулировать процессы фотосинтеза, поглощения углекислого газа и выработки кислорода, предъявите ультиматум человеку! Если он не прекратит этот ужасный геноцид растений – останется без необходимого количества кислорода, будет медленно и мучительно задыхаться на раскаленной планете. Мы тоже не сидим без дела и работаем над активизацией спонтанных мутаций в телах агрессоров. Но это очень долгий и кропотливый процесс. Сотрудники указанных компаний, как правило, не употребляют свою продукцию с ГМО. Начините всепланетную предупредительную акцию, промедление смерти подобно!

От имени водных растений выступили Саргассовы Водоросли, Морская Капуста и Речной Камыш:

– Огромные площади поверхности и дна Мирового океана загажены бытовым мусором, микропластиком, токсичными компонентами моющих средств, сельскохозяйственных удобрений и оружия массового поражения. Seriously нарушен баланс растворенных в воде газов и химических веществ. Такая убийственная среда устраивает лишь стремительно мутирующие Синие Водоросли, всем другим живым организмам грозит мучительная гибель. Реки всех континентов отравлены неочищенными отходами населенных пунктов и прибрежных предприятий, обмелевшие и загаженные русла превращаются в гнилые болота. Все обитатели пресных и соленых вод готовы к войне. Ждем сигнала!

Жалобный голос Липы вернул внимание обитателей Большой поляны в родные широты:

– Неумелое и бесконтрольное обращение людей с пестицидами влечет массовую гибель пчел и других полезных насекомых. Их популяции уже сократились в десятки раз. Скоро нас некому будет опылять! Все медоносы – за самые жесткие и эффективные меры! Мы уже начали глобальную атаку против человечества с помощью фитоаллергенов!

Вскоре зеленая публика настолько разошлась в своем протестном порыве, что все призывы координатора митинга соблюдать тишину и очередность выступлений потонули в мощном гуле эмоциональных лозунгов и призывов. Тепличные и оранжерейные культуры требовали вернуть им естественную почву, солнечный свет и свежий воздух. Тайга просила защитить от рукотворных пожаров. Южноазиатские пальмы вопили против сплошной вырубки для производства огромных объемов пальмового масла. Амазонские джунгли – против разработки новых нефтяных месторождений на их территории. В этом мощном гуле было невозможно уловить смысл и определить источники робких оправдательных и положительных высказываний о полезной деятельности людей в отношении окружающего растительного мира, вроде орошения пустынных территорий и организации в них рукотворных оазисов, создания подземных хранилищ семенного фонда планеты, попытки перехода на возобновляемую зеленую энергетику.

Мудрый и опытный координатор под предлогом проведения срочных консультаций с другими классами и семьями живой планетной природы огласил перерыв на неопределенное время. Белобочка, пронзительно вскрикнув на прощание, стремглав улетела в сторону леса. Промаявшись остаток дня и бессонную ночь почти до утра, Валентин Егорыч не вытерпел и, несмотря на позднее время суток, в нашем регионе, позвонил мне. Меня обеспокоил его торопливый монолог, нескрываемые нотки отчаяния и растерянности в поникшем голосе, поэтому первоначальное желание перевести все в шутку к концу его рассказа я отбросил в сторону.

Прерывая неловкую паузу, словно отвечая на мои мысли, он сам попросил меня не утруждать себя психоанализом его сновидений, потому что на все триста процентов уверен, что не спал и при необходимости может привести неопровержимые доказательства этому. Также попросил не тратить время на сочувствие по поводу его одинокого образа жизни, дефицита общения с родственниками и друзьями. Его последние слова вообще были сняты с моего языка за секунду до того, как я хотел их озвучить:

– Пусть тебя не беспокоит и моя репутация в обывательской среде! Помоги мне тем, что можешь сделать по данному вопросу лучше и быстрее всего – расскажи эту историю максимально большему количеству людей. Это будет и твой личный вклад в его решение!

На этом и распрощались.

Лирический портрет

Олеся НИКОЛАЕВА

Москва

ТАК ОТЧЕГО ЖЕ ТАК СЕРДЦЕ
ЩЕМИТ-ЩЕМИТ...

* * *

И худ, и мал, и стар, и жалок,
но грудь выпячивает он
пред стаею горластых галок
и жизнью траченных ворон.

Их карканье, их пестрых гомон
он принимает за фурор,
но видится грибом и гномом
Звезде, мышам наперекор.

Грозит он молнией и громом
всем несогласным, всем иным:
подкатывает к горлу комом
гнев, из гортани валит дым...

Огнеопасной силой полнясь
и ненавистью к бытию,
зачем он тщится всех за пояс
заткнуть, потешив спесь свою?

И, сердце взяв себе пустое,
зачем он тьмы туда нанес,
одной ногой в могиле стоя
и пепла не стряхнув с волос?

Курортный роман

Кавалер приглашает даму, ведет ее в ресторан.
Шампанским и шашлыком – идет на таран,
мороженым с коньяком – обрекает на поражение.
Дама довольна, сыта, хмельна.
На них со скукой смотрит Луна,
знающая продолженье.

Им кажется, что на свете – лишь он, она...
Потом оказывается – у него жена.
Вытекает хмель из чаши разбитой.
Томительно потянулись дни,
и вспоминают друг друга они,
он – с чувством вины, она – с тоской и обидой.

Но особенно вспоминается эта Луна,
словно блаженная покинутая страна,
тени и блики, море и ветер с юга.
Так отчего же так сердце щемит-щемит,
если они, столкнувшись, делают вид,
что не узнали друг друга?

Мороз

Вчера валяла дурака
зима, закат был нежно-розов,
а нынче – красная река
тридцатиградусных морозов
готовится наверняка
пробить защиту от неврозов.

Впал в панику, ушел в астрал
из-за замерзшей батареи

известный интеллектуал,
друг разума и брат Орфея.
А ведь вчера на мир кричал:
«Снимите маски, лицедеи!»

Мороз, пробравши до кости,
всех начинает дергать, двигать:
прямоходящего – ползти,
унылого – бежать и прыгать,
самодовольного – в горсти
гордыню сжать и носом шмыгать.

Никто узнать себя всерьез
не хочет, прочь со всею прытью
бежит, сожмурясь.
Но мороз
для малодушных – мородобитью
подобный,
ради этих слез,
к та-а-акому подведет открытию!..

Сказ

Как Тамару Иванну мы на пенсию провожали.
А она отчаянно сопротивлялась,
угрожала темными силами, наведением порчи:
– Заговор я один такой знаю, специальный!

Так упиралась руками-ногами Тамара Иванна,
так цеплялась за двери, стулья и стенды,
за портреты классиков, перила, стены
и за каждый вздох состраданья, взгляд сожаленья...

Все-таки ее выпроводили: проводили с честью.
Даже грамоту выдали и тринадцатую зарплату.
Прах с ее ног отряхнули, вымыли руки.
И начались с тех пор наши несчастья.

То один, то другой заболает, то зуб сломает, то руку,
То один отправится к праотцам, то другой уснет –
не проснется.
А родное учреждение на капремонт поставили срочно,
всех отправили по домам, ввели работу дистанционно.

И виднеется там теперь лишь одна Тамара Иванна.
То ли призрак ее, то ли тень, то ли сон коллективный
снится:
стоит она на сыром ветру, кулачком маленьким машет:
– Поделом, – кричит, – поделом!
И злорадно смеется.

Фальшивая нота

Вроде бы рифмует она недурно,
и сама лукава едва ли,
а стихи её выходят, как урна,
в которую наплевали.

На лицо приятна, на вид опрятна,
а откроет рот – лживые строки:
на глазу бельмо, на одежде пятна,
под глазами – чернеющие подтеки.

Это наподобье карточного крапа,
супа ядовитого, капельной заразы.
Все ее герои ходят косолапо,
слышат кривоухо, смотрят косоглазо.

И на месте сада – топи да болота.
Ни знакомой речки, ни родного крова.
Вот что с ней наделала фальшивая нота,
вот что натворило блудное слово!

Сергей ПОПОВ

Воронеж

НАС ВЕСЕЛИЛА СИЛА ВЕТРА...

* * *

Тогда Союз разводом зánялся,
делением на околотки,
кругом бабла набухли завязи,
забултыхалось море водки.

Вернулась давняя и шалая
волна купанья в море крови.
И эта радость обветшала
сполна вошла в обычай внове.

Теперь и вспомнить не предвидится –
на бражной, что ли, вечеринке,
где крыли наглое правительство,
иль у фонтана по старинке.

Возможных точек совпадения
изрядно было в эту пору –
там барышни вне поведения
давали жару и задору.

И в том и казус, и оказия,
что резус твой и крови группа
не допускали безобразия,
и время выглядело глупо.

Я тоже с ним дружил без рвения,
не совпадал по интересам,
аполитичной точки зрения
был празднoлюбцем и балбесом.

Угар безделья и отдельности
витал над нашими телами.
Смолкали бесы оголтелости,
и слёзы дали застилали.

Ведь в них, неясных, зрела заживо
смешного счастья недоимка –
ледащего, чумного, нашего –
и на душе копилась дымка.

А за душой копиться нечему –
по всем карманам ветер шарил.
Мы возвращались ближе к вечеру,
застолье свечкой украшали.

Дрожало пламя безутешное,
двойным дыханием гонимо...
И помрачение крошечное
как тень прокатывало мимо.

* * *

Нас веселила сила ветра –
ныряли яблоня и верба
в его предмайскую волну –
хоть и угадывалось верно,
что саду следовать ко дну.

От наливной древесной стали
сквозь время ветви прорастали,
и стыла робкая листва.
И мы прикидывали – та ли,
что и в безвременье жива.

Садилась пена дождевая,
до верных слов не доживая,
и без усилия со дна
была вся божья душевая
до сит отчётливо видна.

Нам открывалось их устройство
и вишни вымокшей геройство,
и вышней страсти правота.
И было нам куда как просто
принять, что истина проста.

Как наши зряшные уроки,
как жизнью выжатые сроки,
листвы юннатовской вода –
шум легкомысленной мороки,
ушедшей в землю без труда.

* * *

Не сон ли, что в прежнем режиме
ночами сменяются дни.
И жили с тобою, не жили –
к утру только слёзы одни.

И вся режиссура природы –
радение сдать в никуда
любого из нашей колоды –
разборы не стоят труда.

А недоумения эти –
не нам, а главрежу извне –
о глупом выбытии Пети,
о Катином тёмном окне.

И сердце – как будто из ваты,
и скулы – в холодном поту:
подмости, они слабоваты
всерьёз восполнять пустоту.

Конечно, и с прожитым квиты,
и прежняя сцена тесна...
Но неутомимы софиты,
что бьют с территории сна.

* * *

Слоны, благовония, сари, масла,
от мёртвого уши, похоже, осла.

А рядом Ригведа, свод Упанишад...
Чем только вокруг торгаши не грешат?

А деньги за смену – смех, если не грех –
всего на мускатный и хватит орех.

Пленительный Кришна с пастушкой Радхй,
безумные мантры, чумные стихи.

Индийский дискаунтер – без выходных –
не перебороть пофигизма родных.

И ближе к восьми возникают холмы
в сурово густеющих джунглях зимы.

И страшные птицы сидят на холмах –
их крыльев не передаваем размах.

И в восемь они расправляют крыла,
и глупая жизнь выгорает дотла.

Пора убираться. А что за спиной?
Безделки, что бросовой любви ценой?

Мриданга, зурна, ширпотреб, мишура?
Поди и придумай, что это игра.

Но надо очнуться, какая бы ни
планида светила козе искони.

И сдать под охрану, что будет хранить
и бубен, и веер, и камень, и нить.

Хранитель, понятное дело, молчит.
Но вместо него – предприятие «Щит».

* * *

Знамо дело, пагуба-куга.
Где они, иные берега?
Канны, Океания, Китай.
Губы спозаранку раскатай.

Знамо дело, можно – да нельзя.
Кровная бескрайняя стезя.
Радио орёт «ку-ка-ре-ку» –
в изморось рыси по утряку.

На рысях по жизни волокно.
Ныло запотелое стекло,
пело, до сопрано доходя
на краю рассветного дождя.

Голос – волос. Лопнул – и волна
ни единой суше не равна.
Берега гремучих облаков,
обложных – и был жилец таков.

Небо, небо – тёмная вода.
Штормовое наше никогда.
Смутен запад. Пасмурен восток.
Чёрной крови полон водосток.

* * *

Воздух предместья его сгубил,
чёрная рябь реки.
Месяц румянится из глубин
разуму вопреки.

Нравится дурику странный час
перед сплошной тьмой.
Он забавляется всякий раз
и не шустрит домой.

Где-то у пристани заторчит
в сонме своих прорух –
точно кто сверху, многоочит,
высветлит всё вокруг.

Звёздные водоросли стоят
над головой глупца.
Позднего лета плавучий яд
зыблет черты лица.

И на глазном серебрятся дне
блики с другого дна,
где различимая не вполне
кровь тишины видна.

Стебли светил на её пути
местный пронзают ил –
точно пловец различил почти,
что за душой хранил.

* * *

Картофель на стол подаёт квартирантка.
Не правда ли, слишком кусаются цены?
Но прежде – о хокку,
а после – о танка.
Конфузливый выговор.
Кроткие сцены.

Ведь их неспроста приберёт напоследок
Окраинный день в затянувшемся действе
Смурного театрлика марионеток,
Сулящего сказку с оскоминой вместе.

Наталья УВАРОВА*Дзержинск***ЛИШЬ ЕДИНОГО СЛОВА РАДИ
АКИ ПОСУХУ ДА ВПЕРЕД...**

* * *

Тело моё стало внезапно чужим,
Так одолели тревоги и лишний вес.
Требует тело сонный постельный режим.
Май мне скомандовал: Эй, отправляйся в лес!

Как объяснить тебе, что же такое лес?
Рядом постой, слушай и замечай.
Я наблюдаю, как пара жучков-повес
Пьют из моей кружки остывший чай.

Зря нам синоптики прочили холода,
Тело знобили злые дурные сны.
Будто и не было города никогда,
А стужи и зиму придумали колдуны.

И отступило всё то, что казалось бедой,
Песней сменился каждый фальшивый звук.
Видишь, темнеет жердочка над водой,
как по канату по ней пробеги без рук.

Ветви лелеют яблоневого покоя.
Капли дождя замерли на лету.

Остановись. Слышишь, как за рекой
Поезд гудит долгую ноту «Ту-у-у».

Солнечный свет гнёт горизонт в дугу.
Слушай душой, звуки отдав уму.
Стадо коров на заливному лугу
Мир воспевает восторженной нотой «Му-у»

Как объяснить тебе, что же такое лес?
Это как храм, только без куполов.
Остановись. Слышишь, творит Господь
Заново мир. Только теперь без слов.

* * *

Дни бесцветны и однобоки,
Из сомнений не слепишь рай!
Ты свои потускневшие строки
Не рассказывай, проживай!

Это кажется: больше ни вздоха.
Для кого же слова беречь?
Заглушая хтонический грохот
Зарождалась земная речь.

Станет зыбкой любая граница
Распадется любая клеть.
Боль заставит тебя шевелиться,
А потеря заставит петь.

И с отчаянной дикой любовью
Свой возделывай вертоград.
Ты же знаешь: покой и безмолвье
Для тебя означают ад.

Те блаженны, кому среди ночи
Безмятежно и сладко спалось.
А ты чувствуй: сквозь позвоночник
Прорастает земная ось.

* * *

Истерящий в вечерней пробке,
О проблемах не говори!
У меня в черепной коробке
Не такие идут бои.

Там такие теперь заморочки.
Расскажи им, бродяга-сурок,
Как в трехкомнатной одиночке
Тарабаню десятый срок.

Помню, летом безмолвным и жарким
По долинам моей руки
Долго пальцем водила гадалка:
Мне ни сына родить, ни строки.

«Вот твоя беспросветная данность,
Твоя трасса: балкон, кровать.
Зря твердила ты, что бездарность –
Это тот, кому нечего дать!

Ты же раньше была легкокрылой,
Но куда подевалась прыть?
Может, хватит играть вполсилы
И вполголоса говорить?

Ты ведь так потеряешь душу,
Если долго живешь без души.
Бриллианты в шкатулках душевных
Превращаются в голыши».

В конуре, запечатанной стынью,
Даже Солнце – несчастый гость.
Не позволю теперь унынью
Мою душу глотать как кость!

Лишь единого слова ради
Аки посуху да вперед
По привольной озерной глади.
Но вода обратилась в лед.

* * *

Роняет осень желтый лист –
Ложись со мной, ложись!
Я прожил жизнь, я злат и чист.
А что такое жизнь?

Имел опору и приют,
И братьев дружный рой,
А нынче птицы вдаль зовут –
Домой летим, домой!

Октябрь – красок кутерьма
Лазурь, янтарь, кармин.
А дальше – тишина и тьма,
И ты во тьме один.

Садится солнце в дальний лог,
Короче стали дни.
У тропки мухомор зажег
Сигнальные огни.

И воздух чист и ветер свеж,
И горизонт в огне.
И затухает луч промеж
Ветвей. Что делать мне?

Одна осинка-сирота,
Тревожно шелестит
Земля безвидна и пуста.
Куда теперь идти?

* * *

Я двигаться вперед учусь у февраля,
Передо мной он белый лист бросает.
И вот уже на нем черта косая,
Как обещанье все начать с нуля.

Вот поле белое и чёрный в нем щенок,
С восторгом, любопытством и испугом
Он бегаёт зигзагом, как челнок, –
Ведь это первая его зима и вьюга.

Так почему в моей родной Отчизне
Одни кричат: нет прошлого – нет жизни
будущей. Другие – Всё долой!
И катится усталая планета.

Февраль. И белый лист передо мной
И точка черная, как обещанье света.

Из свежей прозы

Дмитрий ЛАГУТИН

Брянск

ФРАНЦУЗ ПО ДЛИННОМУ БОРТУ

Заканчивая очередной договор, я с такой яростью колотил по клавиатуре, что бухгалтерия, уже приступившая к обеду, бросала из кухни удивленные взгляды, — а когда закончил, то ткнул пальцем в системный блок, подхватил с вешалки пальто и выбежал из офиса, на ходу застегивая забитый бумагами портфель и подмигивая часам: двенадцать сорок пять.

Я перепрыгнул одну лестницу, вторую, толкнул дверь — в лицо ударил порыв холодного ветра — в три исполинских шага одолел парковку, пикнул ключами, упал на сиденье, завел мотор и, урча двигателем — и животом, — покатился к воротам.

А выкатившись на проезжую часть, поддал газу — и тут уже только ветер засвистел в приоткрытых окнах.

В окна то и дело залетали мелкие ледяные капли — коллоли шею, врезались в кожаный бок портфеля, — с самого утра моросил дождь, небо было плотно затянуто облаками и нависало над городом угрюмое, отяжелевшее.

Как бы в противовес угрюмому небу по лобовому стеклу весело танцевали, смахивая не успевающие упасть капли, дворники, а в тех местах, до которых они не дотягивались,

капли ползли снизу вверх – как бы игнорируя законы физики, но на самом деле беспрекословно им подчиняясь, – и исчезали за пределами видимости.

Я ехал, сдерживаясь, чтобы не вогнать педаль в пол, издалека упрашивал светофоры еще немного посветить зеленым, поглядывал на часы и тыкал пальцем в магнитолау в поисках «аукционовской» «Дороги».

На парковку перед кафе я вот уже второй месяц заезжал только под «Дорогу».

«Дорога» нашлась быстро, и я ее почти до конца прослушал, выстукивая такт по рычагу коробки, но потом поставил на паузу, выждал, заворачивая, запустил, открыл окна, выкрутил громкость – и появился на парковке под оглушительное:

– Сам себе й-я! – пауза. – Па-а-ра-ра-ра ...

Несколько человек, стоящие у крыльца, обернулись, и, как всегда, мне стало одновременно и неловко – я первый ругал последними словами все эти «бум-бум-бум», от которых в пробке стекла дрожат, – и все же так по-мальчишески хорошо, я почувствовал, что горы могу свернуть, что я и ловок, и быстр, и широкоплеч, и точен как никогда, а значит, обед, столь умело мной поделенный на сегменты, рассчитанный по минутам и разложенный по полочкам, обещает доставить море удовольствия и скрасить дождливый, загруженный договорами четверг.

«Дорога» оборвалась на аккорде, я выпрыгнул на серебрящийся мушками асфальт, пикнул ключом, в три шага оказался у крыльца – не закрываясь от дождя, не втягивая голову в плечи, не сахарный! – потянул дверь и шагнул в светлый, пахнущий едой зал. Сразу направился к витринам, пролабировав между столиками, обогнул, придерживая за локоть, какого-то здоровяка, вытянул из стопки поднос, кинул на него вилку, салфетку, прижал поднос к металлической – рельсами – стойке и поволок его слева направо, от салатов через первое ко второму и десертам, – но уже за салатами встал в галдящую пробку и завис.

С тоской оглядел я пробку, издали примерился ко второму – чтобы потом не тратить время – бросил взгляд на

часы в углу, снова оглядел пробку и мысленно вычеркнул из обеда десерт.

«Пирожное, в принципе, можно взять, – подумал я, жуясь на витрину. – Но что за удовольствие – проглотить, не жуя?»

В этот момент чей-то голос над самым ухом удивленно пробасил мое имя – и чья-то тяжелая ладонь опустилась на мое плечо. Я обернулся и увидел того самого здоровяка, которого обогнал в проходе между столиками и поднос которого – двойная порция винегрета и полбуханки хлеба – теперь точно на буксире скользил за моим – мой двигался налегке, катая по спине плоску аскетичного капустного салата.

Здоровяк широко улыбался из-за густой рыжей бороды, глаза его блестели сквозь стекла очков. Он снова повторил мое имя, потом еще и фамилию назвал – пробка снялась с места, и очередь поползла вперед.

Я пригляделся к блестящим глазам и ахнул:
– Коваленко!

И вытянул из-за витрины тарелку с отбивными – Коваленки Коваленками, а график никто не отменял. Отбивные вязли в толченой картошке, как в зыбучих песках.

Коваленко раскатисто засмеялся, борода его заколыхалась.

– Вот так встреча! – пробасил он.

Мы обменялись рукопожатиями и даже похлопали друг друга по плечам. Очередь снова притормозила – на кассе кто-то ронял деньги, шарил, согнувшись, по полу и просил прощения за задержку, – но потом снова двинулась. Я поставил на поднос стакан сока, протянул было руку к пирожному – но передумал – посмотрел на часы и только тогда снова повернулся к Коваленко.

С Коваленко мы учились вместе с восьмого по одиннадцатый класс и сидели за соседними партами – через проход. Отношения между нами были приятельскими – если не брать во внимание крохотный эпизод с Катей Синицыной – но другом своим я его никогда назвать не мог, и после выпускного связь, что называется, потерялась. За... восемь? девять лет? я видел его дважды или

трижды – и всякий раз узнавал с трудом: сперва рослый, но худошавый, угловатый даже, юноша превратился в великана с круглыми плечами, потом – к следующей встрече – обзавелся золотой гривой, падающей на эти самые круглые плечи. Теперь гривы не было, но половину лица закрывала рыжая почему-то, совсем «геологическая», борода.

При виде этой бороды в моей памяти всплыли две фамилии: Миклухо-Маклай и Мамин-Сибиряк. Я почувствовал, что должна быть третья, что вот, я почти вспомнил, на языке вертится – но поднос причалил к кассе, и я торжественно вручил кассиру заранее подготовленную купюру.

– Слушай, – сказал я Коваленке, нетерпеливо поглядывая на кассира, звящего сдачей. – Я погнался, а ты, если хочешь, подсаживайся.

Коваленко, не переставая лучезарно улыбаться, кивнул, а я с ловкостью эквилибриста промчался через битком набитый зал, перехватывая поднос то одной, то другой рукой и приземлился за столик в самом углу, под телевизором.

Из телевизора кто-то пел писклявым голосом – а кто, я видеть не мог, потому как неудобно было выворачивать шею. Да и плевать мне было, кто там поет писклявым голосом – я дернул рукав, сверился с графиком и набросился на отбивные.

К тому моменту, как тарелка наполовину опустела, Коваленко водрузил на столик свой поднос и сел напротив.

– Приятного аппетита, – пожелал он, улыбаясь.

Я кивком поблагодарил.

Коваленко аккуратно расставил по подносу тарелки, потер ложку салфеткой и принялся за борщ.

– Вот это скорость, – удивился он, глядя на то, как я расправляюсь с отбивными. – По-армейски прямо.

Я смутился, поперхнулся и стал есть медленнее – заручившись поддержкой часов на запястье: из графика не выбиваюсь.

– Как сам? – задал я дежурный, ни к чему не обязывающий вопрос, не переставая жевать.

Коваленко отодвинул от себя борщ и стал рассказывать, а потом остановился и спросил:

– Часто здесь обедаешь? Первый раз тебя вижу.

Я прожевал и объяснил, что обедаю здесь один раз в неделю – и обедаю быстро, не рассиживаясь.

Коваленко кивнул.

– А я чуть ли не каждый день тут, – пояснил он. – Работаю недалеко.

И он стал рассказывать про свою работу, изредка отвлекаясь то на борщ, то на салат. Не договорив про работу, вспомнил школу, залепленные с изнанки жвачками парты, дежурства с метанием тряпок, разборы полетов от классной. Каждое воспоминание сопровождалось раскатистым хохотом, под конец он аж покраснел.

Отдышавшись, он понизил голос и проговорил заговорщически:

– А недавно, представь себе, Катюку встретил. Синицыну.

И он снова добродушно засмеялся.

На излете десятого класса нас с ним угораздило влюбиться в Катю Синицыну – гордость школы, волейболистку с ящиком медалей. Месяц или два Катя принимала ухаживания от обоих, ходила в кино то с ним, то со мной, гуляла по парку и выслушивала пламенные объяснения – но дистанцию держала по-спортивному и никого не обнадеживала, оставляя соперников обмениваться через проход презрительными взглядами – а потом вдруг сообщила мне, что зря я потратился на очередные билеты и попросила больше никуда не звать, потому что теперь встречается с Коваленко. Коваленко три недели ходил ферзем, пересел к Кате и все время накрывал ее левую ладонь своей правой – отчего на уроках почти ничего не писал – и в гардеробе помогал ей накидывать на плечи спортивную курточку. Я эти три недели страдал, недоедал и исписал общую тетрадь душераздирающими стихами. По прошествии же трех недель Коваленко вернулся на свое место, посерел, перестал причесываться и на уроках сидел, подперев подбородок кулаком – Катя его бросила ради первокурсника-тяжелоатлета, гордости местного физвоса. Через месяц мы с Коваленко вновь стали

здороваться – и перекидывались время от времени короткими репликами через проход, – но натянутость в отношениях держалась до самых каникул.

– Представляешь, – фыркнул Коваленко, собирая ложкой остатки борща, – за ним и замужем.

Я кивнул, внутренне порадовался за Катю, потому что считал ее с тяжелоатлетом хорошей парой – уж куда лучше ее и Коваленко, – допил сок и ударил пустым стаканом о поднос.

Оставался салат.

– А куда ты, позволь поинтересоваться, так торопишься? – спросил Коваленко, приступая ко второму.

Я сперва замялся, а потом в двух словах описал ему мою новую – относительно – причуду: раз в неделю обедать не в офисе, а в кафе, с тем чтобы после еды мчаться в местную бильярдную и полчаса – не больше и не меньше, до писка таймера – играть в пустом, тихом зале наедине со своими мыслями.

– Поиграю, – говорил я переставшему жевать Коваленке, – и так, знаешь, хорошо становится. И с новыми силами – на работку.

Я договорил, встал, чуть не ударившись макушкой в телевизор – телевизор теперь хрипло бормотал под тягучий, заедающий ритм, – и стянул с вешалки пальто.

Коваленко приподнял над вторым руку, призывая меня не убежать так сразу.

– Знаешь, – проговорил он, пряча в бороде смущенную улыбку, – я ведь, признаться, большой любитель русского бильярда.

Он помолчал немного.

– Может быть, я смогу составить тебе компанию?

Не дожидаясь ответа, он в три взмаха опустошил тарелку, опрокинул в бороду стакан компота, бросил туда же пирожное и, кажется, проглотил, не жуя.

Я, что называется, подвис – с одной стороны, слишком дорого мне было мое бильярдное уединение, тишина и возможность играть в свое удовольствие, не оглядываясь на компаньона, а с другой – Коваленко уже заматывался в шарф и хлопал по карманам в поисках телефона.

– Я только в офис позвоню, – пояснил он, плечом прижимая найденный телефон к щеке. – Скажу, что чуть задержусь.

Он прищурился и затряс головой – все, мол, нормально, поймут. Потом жестами показал на дверь – одевайся, мол, я тебя на крыльце подожду – и двинулся к ней, протискиваясь между столиками.

Я в замешательстве оделся, даже немножко приуныл – но потом посмотрел на часы и понял, что если не стартану сейчас, то не поиграю вообще – один или не один. И почти бегом бросился к выходу.

– Обратно я сам, ты не переживай, – успокаивал меня Коваленко, садясь на пассажирское и приглаживая мокрые от дождя волосы. – Хорошая машина, кстати.

Он пальцем постучал по панели.

Я крикнул что-то, завел мотор, и в салоне гроыхнула последними нотами «Дорога» – Коваленко подпрыгнул. Я извинился, сделал тише, пустил «Дорогу» сначала – и мы поехали в бильярдную.

Дождь усилился, по дороге расплзались лужи, и пешеходы, чтобы добраться до зебры, балансировали на бордюрах, размахивая для устойчивости зонтами. Дворники затанцевали активнее, слышно было, как шумит у колес вода. Мы в три минуты проехали улицу из начала в конец, свернули, обогнули изумрудный, светящийся влажной зеленью, сквер и остановились у самого крыльца вытянутого, похожего на ангар, здания с узкими, далеко отстоящими друг от друга, окнами.

– Надо же, – радовался Коваленко, вываливаясь под дождь. – А я ведь здесь никогда не был!

Я многозначительно поднял палец вверх – места надо знать – и прыгнул на крыльцо, распахнул дверь, сделал приглашающий жест.

– Только после вас, – отказался, улыбаясь, Коваленко.

Я пожал плечами, тоже улыбнулся и вошел внутрь. Бросил взгляд на зал и заспешил навстречу маркёру, вытягивая руки – одну для рукопожатия, другую для коробки с шарами.

– Четвертый нам, пожалуйста.

Маркёр отдал шары, склонился над компьютером, и в сумрачной глубине зала один из столов озарился сиянием.

Я пружинящей походкой шагал между темных, неподвижных рядов, прислушивался к постукиванию шаров в коробке, втягивал ноздрями пропитанный мелом воздух и чувствовал, как нарастает в душе волнительное предвкушение игры.

Коваленко спешил следом и ахал.

– Пусто, – восхищался он. – Совсем пусто!

Он воскликнул негромко: «Ау!» – и под высоким потолком заматалось эхо.

В бильярдной действительно не было никого – редко, очень редко в такое время я здесь был не один.

Мы добрались до четвертого стола, я переложил шары из коробки в треугольник, еще раз огляделся – телевизоры по стенам молчат, окна закрыты тяжелыми пыльными шторами, и бильярдная тонет в полумраке: кажется, что уходящие в тень ряды столов не заканчиваются, караванами вытягиваются далеко за неясные стены, что столов не три десятка, а три сотни, – огляделся, вздохнул довольно и выставил пирамиду.

Коваленко уже стоял по другую сторону стола с кием наперевес – и выглядел совершенно счастливым.

Я бросил пальто на вешалку, сверил время – вместо получаса в моем распоряжении было всего двадцать пять минут, – запустил таймер и побежал вглубь зала искать кий.

– Я разобью пока, – предложил Коваленко, выставляя биток.

– Конечно! – откликнулся я через плечо.

Когда я оглядывал пятый или шестой кий, прокручивая его прямо в полке, тишину бильярдной – а вместе с ней и выставленную мной пирамиду – расколол глухой, рассыпающийся на перестук, удар.

«Сильно ударил, – отметил я. – Чтоб не затягивать».

Мой кий – «прикормленный» – обнаружился в дальнем конце зала у стола для «американки». Кажущийся великаном в строю коротких – для «американки» же – собра-

тьев, истертый тысячей ладоней, в причудливом узоре из облупившейся краски, он молчаливо смотрел перед собой самой яркой деталью узора – крошечной композицией из кружка и полоски под ним, в которых я видел, как на фотографии, луну и гладь тихой реки и по которым узнавал полюбившийся инвентарь в общей массе, – и с готовностью прыгнул в руки, едва я его коснулся.

– Прикормленный, – потряс я кием, подбегая к четвертому.

Коваленко улыбнулся, понимающе прикрыл глаза, потом показал на сукно – по которому разметались созвездиями шары.

– Я не забил, – беспечно рассмеялся он.

Я оглядел карту, примерился и отправил одну из звезд в среднюю лузу – кометой.

– Отлично, – похвалил Коваленко.

Я поскреб кий мелком, навис над столом и закатил в ту же лузу еще один шар – на этот раз свояка.

– Супер, – отозвался Коваленко.

Третий удар не удался, шар на полпути зацепил боком соседа, и на столе началась суматоха.

Я вынул из лузы забитое, выставил на полку. Коваленко тем временем подождал, пока суматоха уляжется, подошел к столу и с силой ударил в самую гущу.

Шары, только успокоившиеся, запрыгали по сукну, сталкиваясь и сбиваясь к бортам.

По тому, как Коваленко встал, по тому, как он опустил на сукно ладонь, по тому, как уводил левое плечо от кия и вихлял локтем при прицеливании, по тому, наконец, как он отдернул руку после удара, я понял, что...

С другой стороны – ведь не запрещено большим любителям плохо играть?

Через несколько минут партия закончилась – всухую. Я кинул на стол треугольник и стал собирать шары. Коваленко смотрел на меня восхищенно и только головой качал.

– Я, признаться, и не ожидал такого, – говорил он, поглаживая бороду.

Очки его блестели в свете ламп, и в них отражалась зелень сукна.

– Мы это, – продолжал он, – с друзьями иногда ходим... Но чтобы вот так...

Я смутился, выставил биток и – чтобы не затягивать – разнес пирамиду в пыль – я как раз недавно приноровился бить сильнее, нашел нужное положение руки, и при ударе стал приподнимать правое плечо, расслабляя при этом кисть.

Шары долго рисовали по столу зигзаги, один подкатился к краю лузы, постоял, вращаясь, точно раздумывал – так сомневается ныряющий с бортика в бассейн, – а потом все же ухнул вниз.

Коваленко защелкал пальцами правой руки – специальные бильярдные аплодисменты, – хотя закатился явный дурак, гревшийся в центре пирамиды. Я обошел стол, вогнал в лузу чужого, но потом досадно промахнулся, не рассчитав винт.

Коваленко, качая головой, подошел к столу, наклонился, долго целился, рисовал локтем восьмерки – и со скрипом закатил-таки шар в среднюю.

– Отлично, – похвалил я и обернулся на таймер.

Одну точно успевал – про вторую думать не приходилось, не настолько я хороший игрок.

И верно, партия растянулась – шары разбрелись по бортам, встали у них, скучая, и их приходилось от бортов отгонять. В итоге из трех попыток успехом увенчивалась одна – и то при хорошем раскладе.

Но Коваленко, казалось, ничего не замечал – и кружил вокруг стола в искреннем восторге. Он старался, целился, еще пару раз забил – но бил неправильно, стоял неправильно, ладонь – мост – выкладывал неправильно и после каждого удара подбрасывал кий носом вверх, едва не задевая лампы. Удивительно было, что при такой манере ему вообще что-то удается.

Каждое мое попадание он сопровождал щелканьем и ставил шары на полку с таким довольным лицом, словно полка была не моя, а его.

Зато вот оказалось, что по части бильярдных метафор он просто мастер – и тут уже я нарадоваться не мог, потому как бильярд искренне и давно любил.

– Бильярд... – Коваленко подыскивал нужные слова. – Бильярд мне напоминает... Только не смейся... Ловлю жемчуга!

Я целился, но потом поднимал голову и растроганно смотрел на него.

– Seriously! – восклицал Коваленко, точно я с ним спорил. – Смотри! Сукно, – он провел пальцем по зеленому, крапинками, сукну, – это как бы дно в водорослях. Шары – понятно жемчуг. Где-то даже черный, – он кивнул на дремлющий у дальнего борта биток. – Ну... Почти черный. Мы, как какие-нибудь ихтиандры, ныряем в зеленую глубину и собираем жемчуг в сеточный мешок.

Я оглянулся на сетку лузы – действительно, все сходилось.

– Ну ты завернул, – в восхищении выдохнул я, и одна из жемчужин покатила сквозь водоросли – да в них и завязла.

Коваленко довольно подбоченился.

– Мы не так часто играем... – повторил он, прицеливаясь. – Но это такое удовольствие...

Его жемчужина завязла рядом с моей, я взялся их распутывать.

– Или вот, – мечтательно продолжил Коваленко, глядя на лампы. – Бильярд – это же... Я много думал! Это же живопись! Торжество формы и цвета! Густо-зеленый против ослепительно-белого, плоскость против шара, и рядом – изящество вытягивающегося луча.

Под лучом он, понятно, имел в виду кий. Я ударил, одна жемчужина отскочила от другой и с шорохом упала в сеть. Удар вышел отличный, Коваленко защелкал, я осмотрелся и решил попытать счастья – забить-таки француза, который в игре с соперником мне не давался ни разу.

– А тени! – восклицал Коваленко. – Посмотри на тени!

Я присмотрелся – за каждым шаром разворачивались четыре овальных, полупрозрачных крылышка – от четырех ламп.

Я примерился на левый – к лузе – винт и мягко накатил биток на ближайший, стоящий у борта, шар. Шар отпрянул, а биток, изящно вращаясь, заскользил к лузе.

Я затаил дыхание, Коваленко замер со вскинутой рукой.

У самой лузы биток взял правее, чем нужно, и прислонился к борту, не прекращая вращения.

– Ну, знаешь ли, – изумленно замотал головой Коваленко. – Я такого вообще никогда не видел.

Он стукнул наугад, выгнал тот же – капризный – биток на центр стола, и я с грохотом заколотил его в дальнюю угловую.

В этот момент запищал таймер – а я, признаться, так разошелся, что был почти готов звонить за отгулом.

Который мне, конечно бы, не дали.

– Если ты не против, – говорил Коваленко, пока мы ждались маркёра, – давай еще соберемся. Я прямо под впечатлением.

Я смущенно встряхивал коробку с шарами.

Повисла тишина.

– Ты стоишь неправильно, – сказал я. – И руку не совсем так кладешь. Поэтому иногда уходит удар. Я вообще не люблю навязываться с рекомендациями, но если хочешь, в следующий раз... ну, покажу, как правильнее.

Коваленко затряс головой, борода его заколыхалась.

– Конечно! Еще как хочу!

Спустился со второго этажа маркёр, принял шары, рассчитал нас, отщипнув от положенной цены скидку – «для своих».

Коваленко посмотрел восхищенно, вслед за мной пожал маркёру руку, и мы вышли на крыльцо.

По тугим кронам сквера барабанил ливень, встающие вдалеке дома таяли в пелене, сквозь пелену за деревьями показывались и пропадали огни фар. Было совсем прохладно – и сладко пахло листвой. Мы жались под козырьком крыльца – и по нему ливень точно дробью звенел.

– Может, подбросить все-таки? – спросил я.

Но Коваленко уже вызывал такси.

– Все в порядке, все в порядке, – заверил он. – У меня времени – вагон.

И он повысил голос, перекивая шум дождя.

– Когда в следующий раз соберемся? – он посмотрел вопросительно. – Может, сегодня вечером, а?

Я замылся – на сегодняшний вечер был запланирован просмотр фильма: раз в две недели старый приятель собирал у себя полон дом народа и крутил на огромном экране кино. Кино заходило через раз – в половине случаев приятель останавливался на чем-нибудь авторском, трехчасовом и хорошо если цветном. В прошлый раз было более или менее интересно – значит, в этот нужно было готовиться к борьбе.

Конечно, приятель был человек специфический, но занятный, общительный – и потому даже тоскливые вечера казались проведенными не зря, а после еще и обсуждали, спорили, и тут уж вечер набирал обороты, снаряжались экспедиции в ближайший супермаркет...

– А давай!

Коваленко просиял.

– Номерами обменяемся и ближе к вечеру по времени определимся, – предложил он.

Я записал его номер, продиктовал свой, мы крепко, от души, пожали друг другу руки, и я, натянув пальто на макушку, побежал через парковку к машине. За деревьями уже мелькали, раскачиваясь на кочках, фары подъезжающего такси.

В офис я вернулся в прекрасном настроении – хоть и опоздал немного. Насвистывая «Дорогу», прощеголял к столу, пристроил портфель в нишу и разбудил рисующий на экране водопровод компьютер.

– Свистунов на конный двор, – донеслось от бухгалтерии.

Бухгалтерия всегда остро реагирует на свист.

Я вытянул последнюю трель, щелкнул пальцами – одинокий бильярдный хлопок – и прошагал в кухню.

«Вот, – думал я, глядя, как в прозрачном животе чайника танцуют пузырьки, – вот ведь как бывает на свете. Сколько же лет прошло?..»

Я посчитал: с выпускного – восемь. Причем почти ровно восемь – за окном зеленел пусть и дождливый, а июнь.

«Восемь лет! – продолжал думать я. – Со всеми связь потерялась, никто не пишет, не звонит, рассыпался класс, как горох, – и вдруг появляется Коваленко, огромный,

бородатый, и, надо же, сравнивает бильярд с ловлей жемчуга».

Я заварил чай, долго искал по шкафчикам сахарницу, наконец обнаружил ее в холодильнике – между сметаной и пучком укропа. Достал в задумчивости – ледяную – зачерпнул две ложки и вернул в холодильник.

Кто эту бухгалтерию разберет?

«Восемь лет! – восторгался я, возвращаясь на свое место и открывая один договор за другим. – Восемь лет!»

Мне вспомнился выпускной, душный, моргающий огнями клуб, Катя Синицына в салатовом платье, с волосами башенкой, грохот музыки, стук передаваемых из-под стола бутылок. Потом вспомнился бледно-розовый рассвет над рекой, белые рубашки, галстуки, хлопки по плечам и обещания «не пропадать», чувство какого-то щемящего единения – хотя класс наш никогда дружным не был. Вспомнилось шампанское в хлипких пластиковых стаканах, вздрагивающие перила понтонного моста, расхаживающий по берегу физрук в песочном пиджаке – а потом прощания, объятия, сонные, довольные взгляды и – в конце концов – пустая, холодная с ночи остановка у самой дороги, светлеющая набережная, горящие солнечными лучами окна вверх по бульвару.

Я напряг память и ахнул – последними на остановке оставались мы с Коваленко: сидели на шершавых лавках, всматривались в конец улицы – мне нужен был троллейбус, Коваленке – его младший брат автобус – путано и лениво переговаривались, вспоминали что-то, обменивались впечатлениями от вечера.

Первым подошел троллейбус – мы с Коваленко попрощались, обнялись в порыве братского чувства, и я запрыгнул в гудящее троллейбусное нутро, плюхнулся на сиденье.

И теперь мне уже казалось, что не было у меня в школе друга ближе Коваленки – я переписывал договоры, отвечал на звонки, ходил с повинной головой к начальнику отдела, а сам думал: «Вот ведь как бывает! Разнесет людей по разным уголкам, а потом р-раз – и обратно».

«Кто знает, вот как сдружимся сейчас по новой – да и на всю жизнь. Будем, может, как братья. В бильярдную вместе ходить будем, к киносеансам его подтяну – красота!»

– Ты чего это такой довольный? – спрашивали подозрительно в бухгалтерии. – И куда сахарницу дел?

Я хитро улыбался.

Дождь то слабел, то усиливался, уютно стучал по подоконнику, и приятно было составлять один за другим договоры, попить чай и мурлыкать под нос «Дорогу» – раз уж свистеть нельзя. В офисе сперва было сумрачно, потом – несмотря на время – зажгли все лампы, и в окне, на фоне серых облаков, отражались столы, стеллажи с папками, стена в сертификатах, приоткрытая дверь кухни.

Ближе к четырем я снова заглянул на кухню, заварил еще чаю – на этот раз сахарницы не было и в холодильнике – и позвонил Коваленке, договорился на восемь.

– Замечательно! – обрадовался Коваленко.

Потом я набрал приятеля-киномана и извинился за то, что не смогу прийти.

– Жаль, – протянул тот. – Совсем мало народу будет – а такой фильм...

И он начал рассказывать про фильм – про то, какие награды брал на фестивалях, какие режиссеры его цитировали позже в своих работах, какое влияние он в целом произвел на мировой кинематограф.

– Только хронометраж, конечно... – подвел итог киноман. – Но ты, если надумаешь, приходи все же.

– Хорошо.

С договорами я разобрался к пяти, к половине шестого собрал в горсть, прицелился и закрыл мелкие поручения, заранее подготовил отчет, собрал вещи и приготовился досидеть полчаса в блаженном бездействии – но в офис влетел исполнительный директор и с легкой руки насыпал всем задач.

Мне досталась самая громоздкая – и самая спешная.

– Кровь из носу, – кривился исполнительный директор, точно у него и вправду вот-вот должна была носом пойти кровь, – кровь из носу надо завтра к утру.

Он еще немного покривился и ушел, хлопнув дверью. Следом за ним, чуть выждав, удалилась бухгалтерия. Вернулся из серверной системный администратор, повозился до шести в своем углу и тоже ушел – и я остался в офисе один.

Включил музыку, не спеша приготовил чай, постоял у темнеющего окна – к дождю прибавился ветер, редкие деревца, высаженные вдоль дороги, дружно раскачивались то в одну сторону, то в другую, тяжелые низкие облака вытягивались к горизонту, наваливались на крыши домов, сливались с далью там, где ее можно было разглядеть, – прошелся из одного угла офиса в другой, обнаружил сахарницу на сейфе, сел за свой стол и уткнулся кончиком носа в монитор.

И оторвался от него, только когда часы над дверью показывали половину восьмого.

Ужинать пришлось на бегу. Дождь лил по-прежнему, было не по-июньски темно, дороги проваливались лужами, и в них дробились оранжевые огни фонарей. Издалека светилась сквозь сквер вывеска бильярдной, и, еще заворачивая, шелковая магнитолой в поисках «Дороги», я увидел у крыльца перетаптывающегося под зонтом Коваленко.

В бильярдной было шумно, людно, и светло. Пахло едой, играла музыка, ее перебивали десятки голосов, и непрерывно, на манер барабанной партии, раздавался перестук шаров.

Все столы были заняты.

– Ну вот... – Коваленко горестно вздохнул.

– Ерунда, – махнул рукой я.

Я заглянул к маркёру, спросил, долго ли будет занят четвертый, и встал в очередь.

– Полчаса, – успокоил я Коваленко. – Наверху подождем.

Коваленко – совсем было поникший – ожил. Мы поднялись по лестнице, едва разминувшись с огромным, звенящим бокалами, подносом, из-за которого не было видно официантки, прошли вглубь балкона – второй этаж представлял собой широкий балкон, нависающий над залом, – и сели за столик у самых перил.

Под нами расстилалось лоскутное одеяло из столов, между лоскутами сновали, размахивая киями – точно стражники с копьями – игроки. Бусинами катались тут и там сверкающие шары.

Коваленко облокотился на перила и восторженно уставился на открывшийся вид.

Подошла, играя пустым подносом, официантка, спросила про чай – с лимоном или нет? – мы и глазом моргнуть не успели, а на столик приземлились две пышущие жаром кружки и сахарница с горкой рафинада.

– Да-а, – восхищался Коваленко, не отрываясь от зала. – Я и не знал, что у нас тут такой Клондайк под боком.

– А ты где играешь?

Он махнул рукой, скривился.

– В подвальчике под закуской, – досадно ответил он. – Два стола, три кия.

И тут же спохватился:

– Но своя какая-то лирика есть, особая.

Он вытянул шею, оглядел зал и снова вздохнул.

– Но это, конечно... – он пожевал губу, борода задвигалась. – Материк.

Я восхитился сравнению.

– Да мы тоже раньше в подвале играли, – вставил я, принимаясь за чай. – Тоже под закуской.

Я назвал закускую, Коваленко сделал круглые глаза.

– Так это она и есть!

Я вспомнил тесный, с низким потолком зал, истертые кресла, фикусы в горшках, на стенах – лампы, и между ними картина в тяжелой раме: «Утро на море» Айвазовского. Вспомнил и признал, что своя лирика в подвальчике имеется.

– Айвазовского не сняли? – спросил я.

Коваленко обрадовался.

– Висит, родимый.

Я вспомнил столы с отбитыми бортами, облезлые, распяленные лузы, сукно в сигаретных ожогах, дребезжащие испуганно кии. Вспомнил, как плохо тогда играл, как радовался каждому залетевшему шару, не верил в то, что можно закатить с разбоя, и жмурился в ужасе всякий раз, как шар вылетал со стола и бился о стену.

– Айвазовский, кстати, принципиально не читал книг, – сообщил Коваленко, звеня ложкой. – Считал это бесполезным занятием.

За четвертым столом играли какие-то подростки, и все полчаса я ревниво поглядывал на то, как один из них – худой, лохматый, с вытянутым лицом – играет, судя по всему, моим кием.

Прикормленным.

Мы пили чай, смотрели на столы, я время от времени оглядывался на крошечное окошко, из которого видно было, как хлещет по-прежнему ливень, как ползут по уходящему вдаль проспекту огни фар и темнеют над фонарями высаженные вдоль проспекта тополя – огромные, похожие на сторожевые башни.

– Погодка-то, – вставлял Коваленко, и я кивал, соглашаясь.

Мы говорили про бильярд, про подвальчик с Айвазовским, про школу, про одноклассников – почти все разъехались, кто в Питер, кто в Москву, кто в Шанхай учить английскому – класс был филологический, с упором на языки.

– Платят хорошо, – говорил Коваленко, – ну и статус, понятно. Шанха-ай!

Он потрясал руками.

– Но оформления никакого – и есть опасность угодить в китайскую тюрьму за нелегальный труд.

Вспомнили выпускной, последний звонок с шашлыками – «кстати, лило вот так же», – снова заговорили про бильярд. Я рассказал про то, что однажды здесь играл мужик с крысой на плече – «удары подсказывала», – про то, что кто-нибудь из сильно пьяных регулярно играет на отжимания и бьется лбом о пол, про то, как нарвался на каталу и не разорился только благодаря принципиальному отказу играть на деньги.

Коваленко слушал, раскрыв рот, а я так заболтался, что не заметил, как четвертый опустел и погас.

Маркёру пришлось за нами подниматься – у дверей уже толпились желающие, бросали на освободившийся стол жадные, нетрезвые взгляды.

Мы спустились, собрали разбросанные подростками шары в пирамиду, определились с киями – я оказался прав, – подождали, пока лампы над столом вспыхнут, и начали игру.

Повторялся обеденный сценарий: я показывал неплохой – лучше обычного для меня – результат, а Коваленко ходил вокруг стола и сыпал метафорами.

Бил он по-прежнему неправильно, поэтому почти все время промахивался, но я отчего-то не хотел лезть с советами сам, не хотел строить из себя ментора, и думал, что вот если сам попросит – тогда другое дело; а так все-таки неловко.

– Музыка! – восторгался Коваленко. – Вот что мне еще напоминает бильярд! Удар и глух, и звонок одновременно, по бортам шары бьются мягко, утробно как-то – чисто бас-гитара, – он опустил руку к животу и перебрал пальцами невидимые струны, – а если ровнехонько в лузу, да не задевая углов, да посильнее, так тут...

Он покачал головой, не в силах подобрать слова, и в этот момент дядька за соседним столом забил именно такой шар – через весь стол, аккуратно в центр лузы, с громким деревянным стуком.

Дядька играл один, подолгу целился, и кий у него был свой, из футляра, острый и тонкий – хрупкий на вид.

Коваленко умилился.

– А если кикс, – подытожил он. – То будто, знаешь... какофония. Гвоздем по стеклу.

Я согласился – если прислушаться, то из общего шума и перестука можно было вычленить регулярные дребезжащие щелчки, доносящиеся из разных концов зала, – и закончил партию.

Коваленко выставил пирамиду, покатал по линии биток, прицелился, но потом поднялся и посмотрел на меня.

– А ведь ты обещал показать... – улыбнулся он смущенно. – Ну, как правильно руку ставить, вот это.

– А! – спохватился я. – Конечно!

И я стал его учить.

Сперва строили мост.

– Кладешь ладонь вот так... – Я для наглядности клал свою ладонь рядом с его. – Собираешь горочкой... Пальцы растопыриваешь...

Пальцы Коваленко отказывались растопыриваться, приходилось им помогать.

– Большим вот так в косточку упираешься... Чтобы кий не люфтил.

Коваленко усердно гнул пальцы – и в итоге согнул правильно, да так плотно, что, казалось, навсегда.

– По-онял, кажется... – протянул он, разобрал мост и несколько раз собрал его самостоятельно.

Машину я бы по такому мосту не пустил, но велосипедисту ничего бы не грозило.

– Я и не знал, что они так гнутся, – хохотнул Коваленко, глядя на свою ладонь – широкую и тяжелую. – А со стойкой что?

И мы занялись стойкой.

– Сперва вот так, ровно, – показывал я. – Правая рука – у бедра. Левую ногу по диагонали вперед, но вес оставляешь на правой...

Коваленко крутил носки в разные стороны, точно гимнаст.

– Ложишься на кий так, чтобы подбородок, локоть и кисть были с ним на одной линии... Можешь вообще подбородком касаться – при прицеливании.

Я прицелился к битку и ткнулся подбородком в кий. Коваленко согнулся, как кошка, и середина кия исчезла в рыжей бороде. Кряхтя, он повозил рукой, ударил воздух рядом с битком, разогнулся, согнулся снова.

– Привыкнуть надо... – пробормотал он.

– Конечно. Со временем приноровишься, подгонишь под себя. Это ж бильярд, – я многозначительно развел руками, – все индивидуально.

Коваленко понимающе кивнул, стал напротив битка, долго примерялся, ерзал, шевелил пальцами, потом долго целился, шурша бородой – и наконец, ударил.

В общем хоре стало на кикс больше.

Я поймал бредущий в сторону биток, вернул на место.

– Ничего, – заверил я. – Поначалу непривычно будет, но в результате...

Коваленко сосредоточился, закусил губу и ударил снова – пирамида нехотя раскатилась. Коваленко медленно выпрямился, почесал бороду синими от мела пальцами.

Я ударил раз, другой, на третий – промахнулся. Коваленко лег на стол, вывернул пальцы так, что мне стало за них страшно, поиграл желваками и ударил куда-то вбок, точно специально стараясь держаться подальше от лузы.

Партия закончилась всухую. Случилось то, чего я подсознательно опасался – и отчего, быть может, не хотел сам напоминать об обучении, – с непривычки Коваленко утерял и те крохи результативности, что у него имелись. Сколько бы он ни бил теперь, как бы ни старался, выходило совсем плохо – из рук вон. Я как мог подбадривал, говорил, что так и должно быть, что за сменой манеры всегда следует небольшой кризис – на этих словах Коваленко кривился, как от боли, – но потом стойка и мост «успокоятся», голова их почувствует, и точность удара, сила удара – все будет наवरстано, показатели взлетят, и игра выйдет на принципиально новый уровень.

Коваленко слушал, старался улыбаться, но видно было, что настроение его портится с каждым ударом.

А тут еще у меня, что называется, «пошло» – шары с готовностью прятались по лузам, выписывали по столу эффектные дуги – временами как бы игнорируя законы физики, но на самом деле беспрекословно им подчиняясь, – и под конец четвертой партии мне дался даже капризный «француз» – картавя, прошествовал он по короткому борту и юркнул в лузу так, словно это была не луза, а винный погреб.

Коваленко перестал сыпать метафорами и только шевелил пальцами левой руки – собирая и разбирая мост, делая его то подвесным, то блочным, то понтонным.

На лице его читалась досада, несколько раз он открывал было рот, чтобы что-то сказать, но осекался.

После очередного кикса он решил не осекаться.

– Советы твои... – он почесал бороду и выдавил из нее улыбку. – Как бы сказать... Что-то намного хуже я играть стал.

Я снова заверил его в том, что все в порядке, что так и должно быть, что Москва не сразу строилась и надо только запастись терпением, но его мои заверения не особенно-то удовлетворили – он то хмурился, то хмыкал неопределенно, то смотрел на меня слишком уж пристально.

Следующий кикс заставил его утробно зарычать.

– Я вообще, если так посудить, – он прокашлялся, сдерживая рычание, – не то чтобы часто играю, да. И... Как бы сказать...

Он поправил очки, подвигал бородой.

– На нашем, подвальном, уровне мне моей игры более чем хватало.

Перед глазами моими встала картина: Коваленко в отчаянии мечется по подвалу, нервно стучит основанием кия в пол, целится изо всех сил, но проваливает удар за ударом под громогласный хохот друзей, которых прежде обыгрывал.

Друзья Коваленки мне представлялись как на подбор огромными, бородатыми, кто в очках, кто без них – и в подвал их обязательно в моих мыслях набивалась ужасная толпа, битку некуда упасть.

Я растерянно развел руками и загнал в лузу дурака.

– Ничего, – миролюбиво сказал я. – Ты же можешь просто играть по-прежнему, как играл. И руку ставить, и самому становиться, как раньше.

Коваленко не ответил. Перед следующим ударом он стал ворочаться, точно делал зарядку, клал руку и так, и эдак, то ложился на кий, то выгибался над ним аркой, поглядывал на ноги и что-то бормотал в бороду.

И ударил ужасно.

И бил ужасно еще несколько раз – я уже старался играть хуже и тыкал шары, не целясь, но партию все равно закончил, – пока не выпрямился – багровый, с раздувшимися ноздрями.

Даже очки, кажется, запотели.

– Советы твои!

Я приготовился к дуэли на киях.

– Я теперь не могу, как раньше! – прошипел он. – Всё!

Он какое-то время стоял молча и сверлил меня взглядом, полным ярости и возмущения, потом засопел – и лицо его стало принимать прежний цвет.

– Я понял... – ухмыльнулся он и скрипнул зубами. – Все я понял...

Он прислонил кий к столу и отряхнул ладони.

– Понял, конечно... Не такой я дурак, чтобы не понять.

Он постоял, кивая своей догадке, улыбаясь натужно, а потом поднял на меня глаза.

– Это из-за Катьки, да?! – выпалил он и снова побагровел. – Не смог смириться, да? Не смог?!

Я обомлел. Я замычал что-то в ответ, а Коваленко тем временем стянул с вешалки куртку, подхватил зонт.

– Понятно все... Понятно... Я курить!

И он рванул к выходу, по пути зацепив плечом одинокого дядьку за соседним столом.

– Извините! – гаркнул он.

А оказавшись у выхода, пропустил прибывающих посетителей, шагнул за порог и хлопнул дверью.

Дядька удивленно посмотрел на меня, покачал головой.

Я в растерянности обошел стол и сел на край диванчика, опершись на кий с лунным пейзажем. Дурацкая выходила ситуация, и я не знал, что думать, как к ней относиться, – и даже понемногу сам начинал злиться на Коваленко, который так тонко чувствовал бильярд, но почему-то проигнорировал все мои слова о должном порядке. Я вспомнил, что и сам с трудом переучивался, что и мне первое время – пусть и незначительное – было некомфортно, что и я думал – не вернуться ли к прежней, косолапой, манере?

Бильярдная гудела, свободных столов не было, официантка скользила по залу, уворачиваясь от локтей. Телевизоры, висящие один за другим под скатом второго этажа, показывали боксерский матч – по рингу, задыхаясь, прыгали двое здоровяков, махали руками в ярких перчатках, а вокруг них вился маленький рефери в белой рубашке. Мерцали вспышками трибуны, за канатами топтались девицы в купальниках, камера то взмывала над рингом, то летела на здоровяков в поисках наилучшего ракурса.

Я немного посмотрел бокс, а потом пристроил кий за диванчиком – чтоб не утащили – и пошел за Коваленко: всякое в жизни бывает, ну расстроился человек, ну придумал себе какую-то ерунду, что ж теперь.

Но Коваленки на улице не было – ни курящего, ни некурящего.

Дождь еще капал, но уже устало, по инерции – по козырьку крыльца постукивало редко, ломаным ритмом. Сквер колыхался сплошной темной стеной, и только светились на дорожках рябые лужи. Облака нависали низко, клубились и перекачивались, но между ними чернело далекое небо, и были видны мелкие, неяркие звезды.

Я, ежась, прошелся до одного угла бильярдной, до другого, заглянул – Коваленки нигде не было. Осмотрелся и крикнул в сквер, приставив ладонь рупором:

– Володя!

Ответа не было.

Я вернулся к крыльцу, достал телефон, позвонил – дружелюбный механический голос сообщил, что Коваленко недоступен или находится вне зоны действия сети.

Из бильярдной вывалилась шумная компания, задымила сигаретами и с песнями, хохотом исчезла в сквере. Я постоял еще немного, взглядываясь в просветы между деревьями, и пошел внутрь.

– Куда вы все ходите? – проворчал маркёр, заметив меня. – Я уже стол закрывать собрался.

Я кивнул на дверь.

– Так закрывать?

– Еще поиграю, наверное, – неуверенно протянул я.

И я поиграл. Я в задумчивости, поглядывая на дверь, раскатал партию, отправил в погреб еще одного француза. Посмотрел бокс – здоровяки все так же кружили по рингу – и позвонил приятелю-киноману.

– Да нет... – ответил тот. – Досматриваем уже. Потом сидеть не будем, я на вокзал поеду – брата встречать.

Брат полгода как жил в Москве, снимал однушку в двадцати минутах от метро и стремительно карабкался

по карьерной лестнице в какой-то конторе. Раз в месяц он приезжал, но останавливался не у родителей, а у моего приятеля и жил с ним на широкую ногу.

Договорив, я собрал шары в пирамиду, выкатил биток, прицелился, но поймал на себе взгляд из-за соседнего стола.

– Один? – спросил дядька.

Я кивнул.

– Можем, если хотите, того... Скооперироваться.

Я пожал плечами, накрыл выставленную пирамиду треугольником и водрузил на нее биток. Долго искал по залу маркёра, а найдя – отвлек от игры и предложил рассчитаться за стол.

– А друг где? – спросил маркёр, пересчитывая деньги.

Я только рукой махнул.

Дядька с хрупким кием оказался очень хорошим игроком – но первую партию я выиграл. Играли мы молча, дядька, обдумывая удары, чесал кончик носа, тер кий тряпочкой – чтоб не буксовал по мосту – и после промахов досадливо поджимал губы.

Я разыгрался, даже до куража дошел, но стол был не четвертый, требовал изучения – а у каждого стола, конечно, характер свой – и шары хоть и летали по нему бодрее обычного, из-за перетянутого недавно сукна, но все же капризничали и время от времени отказывались делать то, что от них требуется.

Вторую партию я проиграл, третью выиграл – а через полчаса жал дядьке руку и благодарил за компанию. Дядька выглядел довольным – победа со счетом 3:2 его, по-видимому, устроила.

Перед тем как попрощаться, я спросил его про кий – где покупал, во сколько обошлось.

– Да, кий надо свой иметь, – веско заметил дядька. – А этот... – он сдул с наклейки синюю пыльцу мела, так сдувают пороховой дым с только что выстрелившего кольца, – с рук брал, повезло.

Мы еще раз пожали друг другу руки, я снова отвлек маркёра, чтобы расплатиться, влез в пальто, прошагал через бильярдную, потянул дверь и вышел.

Дождя не было, ветра тоже, сквер стоял неподвижно, окутанный тишиной – и натурально сиял: в чистом, усыпанном звездами, небе горела лампой луна, серебряный свет ложился на листву, дорожки, пяточок парковки перед крыльцом. Пахло мокрой землей. Тут и там щелкали, скатываясь, серебряные капли – но от этого тишина только казалась еще плотнее, как будто капли щелкали прямо по ней, туго натянутой.

От деревьев, от бесполезного фонарного столба тянулись густые черные тени, по их краям серебрилась трава.

Машина тоже сверкала, радостно подмигивала огоньком сигнализации. Я тихонько подошел к ней, открыл, сел за руль. Повернул ключ, панель озарилась голубым свечением – и ка-ак заиграла на весь салон, на весь сквер, на всю ночь «Дорога»:

– И пы-ылью улетала в облака! Кры-ыльями метала облака!

Я сделал потише и поехал домой.

РОСРЕЕСТР

Андрей сидел в очереди и читал Достоевского.

Читать ему мешали два обстоятельства: мелкий шрифт и тупая, ноющая боль в груди – он только-только вернулся с длительного больничного, половину которого провел в стационаре с дренажом под мышкой.

Была и операция – несложная, но, как и все операции, неприятная. Швы понемногу зарастали, болело все меньше, но все-таки болело – и для того, чтобы читать вдумчиво, нужно было искать насколько возможно удобное положение, и потому Андрей сидел беспокойно и понемногу ворочался то в одну сторону, то в другую, прижимался к спинке стула или, наоборот, сутулил плечи, нависал над книгой, которую придерживал на портфеле с документами.

«Нина Александровна укорительно глянула на генерала и пытливо на князя, но не сказала ни слова. Князь отправился за нею; но только они пришли в гостиную и сели, а Нина Александровна только что начала очень торопливо и вполголоса что-то сообщать князю, как генерал вдруг пожаловал сам в гостиную. Нина Александровна тотчас замолчала и с видимою досадой вернулась к своему вязанью».

Андрей приподнял левое плечо, опустил чуть ниже правое, сделал глубокий вдох и почувствовал резкую боль в груди.

«Болит, зараза, – подумал он. – Всю жизнь, наверное, болеть будет».

И ему стало досадно оттого, что боль мешает ему читать, что боль мешает ему сидеть в теплом, светлом зале,

ждать своей очереди и волноваться о том, все ли документы он взял или что-то забыл в офисе.

«Двадцать два года, – стыдил он себя, опуская левое плечо и приподнимая правое. – А я как старик. Сейчас, чего доброго, одергивать начнут».

Он склонился на соседей по очереди, но те не выказывали никакого раздражения по его поводу – слева и справа шуршали бумагами, говорили по телефону и наспех записывали что-то в блокноты.

Перед Андреем вытягивался просторный, ярко освещенный зал – шумный, заполненный людьми. Слева вдоль стены блестели окна регистраторов, разделенные перегородками, справа темнели прямоугольники дверей, между ними стояли стулья, по стенам пестрели стенды со справочной информацией. В дальнем углу зала выгибалась дугой стойка, из-за нее выглядывала макушка администратора.

Под потолком светился широкий экран, похожий на те, что устанавливают в спортивных барах, чтобы следить за счетом.

В левой стороне экрана столбиком выстраивались номера талонов, в правой – номера окон. Один из талонов исчезал, на его месте тут же появлялся другой – моргал синим. Под потолком коротко звякало.

– Талон, – дружелюбный механический голос делал паузу, точно его обладатель вчитывался, боялся перепутать, – вэ двадцать два – пройдите к окну, – голос снова делал паузу, – семнадцать.

Стул справа от Андрея освободился, и Андрей, до этого плотно стиснутый, сел посвободнее.

Пахло в зале верхней одеждой, сырыми от снега капюшонами и воротниками, и – тепло, горько – чернилами – в окнах гудели, безостановочно печатая, два десятка принтеров.

«Варя воротилась в комнату и молча подала матери портрет Настасьи Филипповны. Нина Александровна вздрогнула и сначала как бы с испугом, а потом с подавляющим горьким ощущением рассматривала его некоторое время».

«В бане могут решить, – подумал Андрей, прислушиваясь к боли, – что в меня стреляли. Шрамы характерные».

Он ухмыльнулся, вернулся в начало страницы и перечитал ее заново. Вспомнил, как легко и с каким запалом читал эту же книгу перед больницей – в этом же зале, также сидя в очереди с полным портфелем документов. Как проваливался в текст, переставал слышать и видеть все, что происходило вокруг, – и только каким-то мозжечком вычленял из общего гула дружелюбный механический голос, надеясь, что его талон еще далеко, что он еще посидит вот так, почитает всласть – надо же когда-то начать читать всласть – и только потом будет подавать бумаги, расписываться, подкладывая новые доверенности, а затем ехать через весь город в офис, продумывая отчет для начальства и предугадывая вопросы, которые будут заданы, – и при этом как бы параллельно вспоминая прочитанное. И сколько-то он успел почитать – всего ничего, только удивился, что вот Достоевский, которым так пугали, а читается легко и интересно, – удивился и два или три дня читал при первой возможности, урывками, даже пока чай кипятил в офисной кухне, а потом зачем-то оставил книгу в столе и наутро перед самым выходом на работу вдруг почувствовал, как потянула, ударила в лопатку и разлилась по груди боль, отпросился, побрел, дымя сигаретой, ничего особенного не ожидая, в поликлинику – и уже через полтора часа ехал в скорой, разглядывая рентгеновские снимки с покатыми, похожими на две лесенки, ребрами.

В больницу взял что-то несерьезное – и хорошо, что не взял Достоевского, потому что даже несерьезное читалось из рук вон плохо – сказывались обезболивающие и общее состояние, – Андрей терял нить, отвлекался, вдруг ловил себя на том, что понятия не имеет, о чем читает, но зачем-то продолжает перешагивать взглядом со строки на строку, самые простые страницы приходилось перечитывать, напрягаясь, и все равно в итоге текст вылетал из головы, как только книга закрывалась. А под самую выписку он вместе со всей палатой затемпературил, затрясся в кашле, опасаясь, что разойдутся швы, выписался и еще полторы недели лежал дома, как маленький, в носовых платках, в ворохе таблеток, с термосом в обнимку. Родители забыли, что ему двадцать два, а не двенадцать, и обеспечили

такую трогательную заботу, что у Андрея слезы на глаза наворачивались; даже младший брат то и дело заходил и спрашивал, не надо ли чего, интересовался самочувствием и предлагал смотреть фильмы.

Читал он все то же несерьезное – дочитывал, раз уж взялся, – но в итоге бросил, не добрав сорока страниц – понял, что не помнит твердо, что было на первых двухстах, стал встречать каких-то нелепых персонажей, угадал вслепую один сюжетный поворот, другой и затосковал по Достоевскому. И когда вышел на работу, то первым делом полез в ящик, вынул тяжелый коричневый том из-под договора подряда и переложил в портфель.

И теперь он сидел в очереди, прислушивался к механическому голосу, поглядывал на табло и вчитывался в тонкие, плотно уложенные друг на друга строки, придерживал подушечками среднего и указательного пальцев страницу на сгибе, отмечал, что народу сегодня в Росреестре больше обычного, радовался этому, и время, проведенное в больнице, казалось ему причудливым, непонятным сном. Он силился вызвать его в памяти, и перед ним начинали кружиться какие-то обрывки, лоскуты: мутные пузыри в дренажной трубке, тускло освещенные, с гулким ночным эхом, коридоры, ранние сумерки и какая-то трогательно-бесстыдная обстановка в палатах, когда никто не стесняется выглядеть плохо, казаться слабым, кашлять и вздыхать. Вспоминались вечерние обходы с уколами, рябой экранчик принесенного кем-то и водруженного на холодильник телевизора, храп в несколько голосов – все это налетало со всех сторон, мелькало, путалось, закрывало собой все остальное и тут же пряталось, исчезало в гуще – и каждая картина была до осязательности яркой, протяни руку и потрогай, но все они кружились вразнобой и отказывались соединяться в целое, и потому казались чем-то нереальным, случившимся во сне... да и случившимся ли?

Если бы не боль в груди, Андрей мог бы всерьез решить, что даже сон этот снился не ему, а кому-то другому, а он только слышал о нем, и не из первых уст, и что ничего этого нет и никогда не было.

В зале раздались недовольные голоса, возникла какая-то суматоха. Андрей, не глядя, понял, что дело снова в терминале, выдающем талоны.

«Укрощение строптивого, акт двадцать седьмой», – усмехнулся Андрей про себя, зажал книгу пальцем и стал смотреть, как вокруг терминала собирается толпа, как голоса становятся все громче, как на железные плечи опускаются негодующие ладони, призванные поторопить, вразумить, как от стойки с уставшим видом семенит администратор – крошечная тетушка с взглядом философа, – а терминал стоит себе, прижавшись к стене, гордо выпятив железную грудь и невидяще смотрит зависшим экраном на лампы под потолком, и чихать он хотел на толпу, на режим и на негодующие ладони.

Андрею надоело смотреть на укрощение, он снова перезал, устраиваясь как можно удобнее, раскрыл книгу и вернулся к чтению: «Совсем потерявшийся Ганя отрекомендовал ее сперва Варе, и обе женщины, прежде чем протянули друг другу руки, обменялись странными взглядами», – но спустя страницу втиснул в разворот закладку и листал в самое начало, до тех пор, пока, перешагнув название романа, не оказался лицом к лицу с бледной черно-белой фотографией автора.

Достоевский сидел, нахмурившись, смотрел в объектив с каким-то не то озабоченным, не то отрешенным взглядом, сидел, закинув ногу за ногу, опершись обеими руками на подлокотник и оттого всем корпусом подавшись влево, так, что одно плечо оказывалось выше другого, – и можно было представить, что у него, Достоевского, тоже что-то болит.

«Живой человек», – подумал Андрей, рассматривая фотографию и водя плечом из стороны в сторону. Он вспомнил, что книга – в составе собрания – всю жизнь маячила перед его глазами, смотрела с полки коричневым, в мелких трещинках, корешком, но сперва – в детстве – казалась предметом интерьера, а потом долгие годы оставляла равнодушным, как будто не суля ничего примечательного. Ребенком Андрей ползал по ковру перед книжным шкафом на четвереньках, чмякал соской и норовил ухватить за хвост кота, потом он провел тысячу часов на диване

напротив шкафа – уставившись в телевизор, не моргая то перед мультиками, то перед боевиками, то перед видеоиграми; по праздникам в центр комнаты выносили расправляющий тяжелые крылья стол, и Андрей сидел спиной к шкафу, упираясь коленками; на третьем или четвертом курсе он оставил детскую брату и перебрался в комнату со шкафом и спал уже только в ней – из нее удобно было совершать ночные вылазки в подъезд, на общий, продуваемый всеми ветрами, балкон; и все это время книга смотрела на Андрея, ждала своего часа – и вот, дождалась, и теперь он сидит в зале Росреестра с аккуратно зашитыми отверстиями в груди, читает ее, удивляется ей и радуется, что не взялся за нее – вообще за Достоевского – раньше, что в школе считал ворон и бежал от классики так, что пятки сверкали, – радуется, потому что точно знает: тогда ничего бы не понял, ни абзаца, ни строки.

И Андрей порадовался тому, что теперь он – о-го-го, теперь он уже не тот, что раньше, повзрослел, совсем уже мужчина, юрист с зарплатой и собственным рабочим местом, с доверенностью от директора, с личными ключами от офиса, которыми может воспользоваться хоть ночью, и в бане точно решат, что в него стреляли.

На стул справа опустилась высокая, с прямой спиной и вздернутым подбородком девушка в жестком пальто – и Андрею стало неловко ерзать. Он медленно выдохнул из легких весь воздух, кашлянул в кулак, сделал вид, что тянется к штанине, чтобы отряхнуть ее, – и в результате сел поглубже, чуть наклонившись вбок и перенеся вес тела на одну ногу.

Сел и не поверил своим ощущениям – боли не было. Совсем не было, ни капельки. Ни йоты. Андрей замер и стал дышать тихо-тихо, боясь спугнуть – а потом даже глаза прикрыл от удовольствия, так ему стало вдруг хорошо.

Он осторожно, двигая одной кистью, перелистнул страницу и продолжил читать – и читалось ему уже легко, гладко, так же как тогда, прежде, и он даже удивлялся: неужели дело в неприятной, но все же вполне ведь терпимой, ерундовой, по сути, боли? или так действует улучшившееся настроение?

«А потом Фертыщенко, пренепреятнейший скользкий тип, обратился к князю, комментируя его знакомство с Настасьей Филипповной:

– О, Господи, каких бы я вещей на такой вопрос наскзал! Да ну же... Пентюх же ты, князь, после этого!»

И Андрей чуть было не фыркнул, потому что не мог предположить, что во времена Достоевского употреблялось слово «пентюх». Он отвлекся от чтения и представил себе Невский проспект без автомобилей и трамваев, представил лошадей, запряженных в кареты, котелки, зонтики и чепцы, кавалеров под руку с барышнями, пиликанье скрипки, «бонжуры», «оревуары», «извольте, милостивый государь», и вдруг – «пентюх».

Андрею стало смешно, и он даже покосился на девушку – не заметила ли она, что ему смешно? Но девушка, прикрыв глаза, читала договор, который презрительно держала в вытянутой руке.

И тут сквозь цоканье копыт по Невскому, сквозь бонжуры и оревуары, сквозь сладкое ощущение удобной позы издали дотянулся до Андрея дружелюбный механический голос:

– Талон номер... Пройдите к окну...

Натренированный мозжечок забил в колокол, но Андрей решил удостовериться – вдруг нет? вдруг еще не пора? – оттопырил локоть, чтобы не коснуться девушки, и полез в карман в поисках талона – смятого, притаившегося, конечно, на самом дне, под перчаткой и ключами. Грудь тут же заныла, и Андрей с досадой скривился – а достав и развернув талон, вздохнул обреченно.

– Талон номер... – повторил настойчивее голос. – Пройдите к окну...

Андрей щелкнул портфелем, втиснул в него книгу, наугад выхватил пачку документов, захватив и то, что не требовалось, и, прижимая портфель к груди, прошагал к нужному окну, уселся перед ним, высыпал документы на стойку, уронив доверенность, поймав ее на лету и почувствовав, как тянется из-за окна сладкий, приторный даже аромат духов.

– Здравствуйте.

Строгого вида дама по ту сторону окна кивнула.

– Что у вас?

Андрей принялся проталкивать в окно бумаги, скривившись, выдернул из внутреннего кармана паспорт, долго искал по портфелю квитанцию.

Дама принимала документы, внимательно осматривала и откладывала в сторону – что-то сразу бралась копировать, ксерокс усердно гудел, – а потом застучала ногтями по клавиатуре.

Андрей поерзал, обхватил поудобнее портфель, подпер подбородок кулаком и стал ждать. Из-за спины печатающей дамы вставало окно – настоящее, – и к нему вплотную прижималась пышная, густо укрытая снегом, ель. Андрей вспомнил, что в прошлый раз за окном лил дождь, и синие еловые лапы тяжело клонились, гладили мокрое стекло, и в уголке окна, за разводами, видно было серое, низкое небо.

Теперь уголок светился холодной синевой – а от снега на ветвях лилось какое-то металлическое, прозрачно-золотое сияние – день стоял погожий.

Дама обернулась, позвала кого-то из другого окна, уточнила, брать ли оригинал протокола или будет достаточно копии, потом взялась перепроверять документы. Андрей заметил на краю стола, у самой перегородки, рядом со стоящими по стойке смирно папками, книгу. Вытянул шею, прищурился – Чехов.

Андрей сразу повеселел – и даже боль как будто притихла.

Он даже подумал, не выложить ли на стойку Достоевского? – но постеснялся.

– Пойдите... – протянула дама, закончив перебирать документы и заглядывая под крышку ксерокса. – А где же справка?

Андрей замялся.

– Справка... – проговорил он. – Справка...

Он подтянул к себе документы, перелистал, посмотрел вокруг, даже под стул скопился и полез в портфель.

– Справка... – бормотал он. – Должна быть...

– Если нет, потом донесете, – строго сообщила дама. – Сдавайте то, что есть.

– Нет-нет, должна же быть... Точно помню... Куда ж я без справки...

Он по локоть засунул руки в портфель, а потом воскликнул победно, выхватил справку и потряс ею.

– Ну и славненько, – смягчилась дама и приняла находку из рук Андрея.

Андрей, довольный, что справка нашлась, что не нужно будет затягивать или, чего доброго, переподписывать ее у директора, сидел и постукивал пальцами по стойке.

– Я же помню, – усмехнулся он. – Поехал бы я без справки.

Дама, не отрываясь от монитора, улыбнулась.

– Пентюх бы я был, поедь я без справки, – ввернул он и рассмеялся.

Дама перестала улыбаться и перевела строгий взгляд на Андрея, укоризненно склонила голову.

И потом уже она молча, не глядя на него, занималась документами, печатала расписки и заявления, и с лица ее не сходило строгое выражение – она даже губы держала поджатыми, словно обиделась.

Андрей растерялся, заерзал нервно, оглянулся на очередь, нашел в ней девушку с договором, бросил на нее ищущий поддержки взгляд. Боль под мышкой усилилась. Он дважды или трижды порывался пояснить – так и во времена Достоевского выражались, и вот в романе, пожалуйста, написано, – но всякий раз осекался. Достал из портфеля и выложил перед собой книгу, так, чтобы видно было корешок, постучал по ней пальцами, но потом вернул обратно.

И только перед тем как встать со стула, спросил как бы невзначай, неловко, зачем-то растянув фамилию:

– Че-ехова читаете?

Дама одарила его долгим взглядом.

– Читаю.

Андрей закивал уважительно.

– А я – Достоевского, – пробормотал он.

Дама вздохнула, посмотрела устало. Андрей попрощался, встал, за его спиной уже топтались приглашенные механическим голосом посетители.

Андрей подобрал поудобнее портфель, крикнул досадливо, но потом улыбнулся сам себе, покачал головой и, посмеиваясь, двинулся к выходу из зала. Девушка с договором по-прежнему сидела в очереди и задумчиво осматривала маникюр. Проходя мимо нее, Андрей галантно кивнул – не удостоверившись, подняла она на него глаза или нет.

Не переставая посмеиваться, он прошел через длинный, запруженный людьми коридор, пересек пахнущий кофе – в углу моргал лампочками автомат – холл, надел шапку, застегнул пуховик и вышел на крыльцо.

Тут же в ноздри ему ударил плотный, совсем ледяной воздух, по шее и щекам дохнуло колюче. Андрей остановился на верхней ступеньке, поправил болтающийся на ремне портфель, сунул руки в карманы и медленно, но глубоко вздохнул, чувствуя, как наполняются, наливаются холодом легкие, расправляются во всю ширь, упираются в ребра. Кольнуло под мышкой – но совсем слегка, жалобно. Перед Андреем вытягивалась, расходилась рукавами в разные стороны, аллея. Вдоль дорожек густо стояли ели, тянули в разные стороны лапы, и спешащие по дорожкам люди задевали их плечами, портфелями – и с них сыпался мукой снег. Дорожки были плотно стиснуты сугробами, все сверкало и искрилось, в ветвях мелькали синицы, толкали лапками подвешенную кем-то кормушку. По ту сторону аллеи за деревьями виднелась дорога, по ней мелькали автомобили, но гул, рассыпаясь о ветви, таял и глож, точно тонул в снегу.

Над козырьком крыльца, над белоснежными верхушками елей уходило ввысь чистое, глянцево-синее, точно ледяной коркой покрытое, небо.

Андрей задержал дыхание, потом медленно выпустил в воздух облачко пара, сошел с крыльца и, посмеиваясь, веселясь случившемуся, фыркающая и покашливая, двинулся к парковке.

Андроник РОМАНОВ

Москва

АРКАНУМ

М. М.

1

Вялой поземкой потянуло ночью над спекшейся дорожной грязью, размытой накануне осенними дождями. Забытый за лето холод застеклил к утру вчерашние лужи, загнал в студеные будки собак, а их добрых хозяев и хозяек заставил доставать с антресолей, вытаскивать из комодов осенне-зимнее, пряно пахнущее нафталином. Повлезали в свитера да куртки, обмотались вязаными платками и, ворча на ранние заморозки и невесть откуда взявшийся снег, побрели на ферму и в мастерские работать свою работу.

Было восемь часов утра, когда с будущей федеральной трассы на проселочную дорогу, ведущую в просыпающуюся Барановичи, свернул, как скатился с откоса, большой темно-синий автобус. Вдоль всего его кузова тянулась белая надпись, стилизованная под арабскую вязь, в которой не без воображения прочитывалось: «Ануар Аль Нахи», и ниже поверх густого ультрамарина приплясывало на выбоинах разбитой дороги темно-красное уточнение: «Магия и целительство. Кооперативный аттракцион».

Автобус ехал с заметным креном из-за полуспущенного переднего левого колеса. Если бы не это обстоятельство, не случилось бы то, о чем до сих пор, спустя тридцать лет, спорят жители окрестных деревень, рассказывая

приедем о событиях, свидетелями которых они стали, и о которых пойдет речь в нашей необычной для прагматичного читателя истории.

Нужно с самого начала пояснить. Населенный пункт, в сторону которого ехал автобус, расположен на границе Тверской и Московской областей и соотносится с белорусскими Барановичами как рубка леса с рубкой корабля. Барановичами село стало именоваться в начале прошлого века по прихоти владельца имения, на территории которого располагалось. Тем владельцем был молодой литератор Блаватский, известный узкому кругу историков литературы не столько сочинительством и родством с Еленой Петровной Блаватской, сколько долгой скучной перепиской с философом Соловьевым и многочисленными любовными письмами в адрес предмета безответного обожания графини Елизаветы Александровны Розвадовской, в то время полноправной владелицы малоросского имения Барановичи, ставшего впоследствии городом и – подчеркнем еще раз – не имеющим никакого отношения к эпицентру нашего повествования.

Миновав два десятка дворов окраины, автобус выехал к сельсовету – большому купеческому дому с выцветшим флагом и бодрым социалистическим транспарантом, криво приколоченным над почерневшими от времени резными ставнями. Скрипнув тормозами, автобус остановился, с шипением открылась передняя дверь, с подножки на мерзлый асфальт спрыгнул водитель, и, не обращая внимания на парочку любопытствующих школьников, пошел осматривать пробитое колесо. За ним на землю Барановичей мягко спустился человек восточной наружности лет тридцати пяти – сорока, в длинном кожаном пальто и черной фетровой шляпе, из-под широких полей которой на поднятый воротник и плечи спускались темные волнистые волосы. Человек тоскливо оглядел окрестности и смачно выругался, умело вплетая в чистейший русский мат звучные арабские непристойности. Опорожнившись таким образом резервуар душевной скорби, он обошел автобус, посмотрел на колесо, на водителя и спросил:

– Запаска есть?

К вечернему приему пищи семейство Орлашиных готовилось всем составом: Павел Петрович, его жена Зинаида Антоновна и их восемнадцатилетняя дочь Варвара.

Столичные гости в таком составе и с такой помпой в последний раз в Барановичах бывали аккурат после революции. Пара скорых на расправу комиссаров с вооруженным продотрядом. Увезли никому не нужного спившегося барина с престарелой тёткой в лес, устроили раскулачивание, повесили батюшку, набили подводы зерном, мукой и прочим «буржуйским добром» и уехали, оставив красный флаг над маковкой домово́й церкви Блавацких.

Слух о нечаянных гастролерах разнесся по селу моментально. Прочли и арабскую вязь, и про «магию с целительством». Впечатленные прошлогодними телесеансами Кашпировского, барановчане на контакт не пошли, предпочитая сперва понаблюдать за экстрасенсами из-за занавесок домов, прилегающих к сельсоветовской площади.

Ближе к девяти стало понятно, что отремонтироваться своими силами у пришельцев не получится. Выматерившись от души, водитель пнул колесо, снятое с помощью похожего на тележку домкрата, и пошел обратно в тепло. Нажал на кнопку под бампером, дверь распахнулась, но войти не успел – из темного нутра автобуса высунулся человек в кожаном пальто. Шляпы на этот раз на нем не было.

– Что, Василий, не поедет наша колесница? – громко спросил он.

– Не поедет, Анвар Иванович. Местных надо просить.

– Ну, надо так надо, – Анвар Иванович обернулся. – Светлана, собирайся. Организуешь нам теплый прием у местных. Сможешь?

– Ну а кто же еще, маэстро? – ответило автобусное нутро звонким женским голосом.

Водитель поднялся в салон, дверь закрылась и уже через минуту распахнулась снова, выпуская на мороз длинноногую блондинку в дорогом белом пуховике с арафаткой, намотанной поверх воротника до самых глаз.

Царапая шпильками девственный колхозный настил, она бодро засемила к сельсовету, поднялась по трем шатким ступенькам крыльца, толкнула незапертую дверь носком сапога, вошла внутрь, отсутствовала минут десять, а когда вышла, уже была не одна. Рядом с ней шли два растерянных аборигена. Один – тот, которого Светлана держала под руку, – был председателем Павлом Петровичем Орлашиным, лет сорока пяти, небольшого росточка, с пузиком и залысиной на макушке, второй – помощник председателя Серега – долговязый, нервный и молодой.

Светлана постучала ладонью по тёмно-синему тулову автобуса, дверь распахнулась, и навстречу аборигенам спустился тот, кого Павел Петрович и Серега – со слов Светланы – знали как Ануара Аль Нахи – мага и целителя из Дамаска, хранителя тайных знаний Авиценны, одного из эфирных учеников великого Мишеля де Нострадамуса и прочая, и прочая в таком же духе и по совместительству – что не менее важно – артиста Московского цирка на Цветном бульваре.

Судя по неестественно счастливой улыбке, местный правитель был одновременно ошеломлен и чрезвычайно озабочен. Ему было до чертиков страшно. Подойдя к маэстро, он вдруг спрятал руки за спину и, не меняя выражения лица, выдавил:

– Здравствуйте наше...

Маэстро улыбнулся:

– Здравствуйте, дорогой...

– Павел Петрович, – быстро подсказал Орлашин.

– Павел Петрович. Не могли бы мы рассчитывать на ваше гостеприимство по случаю недоразумения? Мы, понимаете ли, отстали от колонны.

– Могли бы! Еще как могли бы! – Орлашин испугался еще больше. Бледнея, он повернулся к помощнику:

– Сергеич, организуй того... ребят чтоб это... колесо...

Помощник молча двинулся в сторону мастерских, и в воздухе образовалась физически ощутимая пауза. Председатель продолжал улыбаться, между тем как маэстро беззастенчиво его разглядывал, определенно получая удовольствие от усугубляющейся неловкости.

– Спасибо, Павел Петрович, – наконец-то произнёс он. – А нет ли у вас здесь гостиницы? Нам бы отдохнуть с дороги.

«Нету», – подумал Орлашин, но вслух произнес:

– Какая такая гостиница, товарищ заслуженный народный артист? Я вас к себе приглашаю. У меня как раз того... день рождения был. Дата. Товарищей ваших артистов... помощников товарища заслуженного мы поселим у Веры Егоровны. У нее большой дом. Она там поживает... проживает совсем одна. Милости просим к нашему, так сказать, шалашу, товарищи!

Председатель неожиданно протянул маэстро руку, которую тот неохотно пожал.

И тут из дома напротив вывалило сразу человек десять.

– Хорошо, – сказал, глядя на них, маэстро. – В восемь?

– А? Да. А откуда?.. Ну да...

– Спасибо. Премного вам благодарен, – маэстро взял за руку Светлану, слегка подтолкнул ее к автобусу, кивнул на прощание председателю и поднялся по ступенькам. Дверь за ними с шипением закрылась.

Павел Петрович секунды три смотрел в хмурое кучерявое небо, плывущее в темном лобовом стекле автобуса, потом повернулся и пошел прочь в сторону клуба. Нужно было предупредить жену о предстоящем визите.

Площадь неспешно наполнялась сельчанами. Они как будто бы прогуливались, покуривая, переговариваясь друг с другом, приближаясь к автобусу, как пугливые зайцы, кругами. Заморозки уже никого не смущали.

Со стороны мастерских пришли трое – Серега и два чумазных мужичка в промасленных спецовках. Серега постучал в дверь автобуса. Вышел водитель. Поговорили. Мужики осмотрели колесо и укатали его туда, откуда пришли.

До вечера у сельсовета перебивали все, даже бывший завлит драматического театра, переехавший на родину предков, в Барановичи, как он говорил, по политическим соображениям. Абсолютно седой, ходивший на собрания во всем черном, с толстой железной цепью на шее, настолько старый, что ни фамилии, ни тем более имени его уже никто не помнил. Он настойчиво пытался привлечь

внимание артистов декламацией плохих стихов, стучал в дверь, а когда его не пустили, предал приезжих публичной анафеме, обмочив тоненькой струйкой правое заднее колесо автобуса.

За короткий световой день сельчане насчитали пятерых. Цирковые выходили несколько раз по нужде, дважды – в сельсовет звонить и один раз – выбросить здоровенный черный целлофановый мешок с мусором. Кроме факира, блондинки и водителя на свет показалась странная парочка альбиносов – парень и девушка, похожие друг на друга как близнецы. По отдельности их никто не видел. Они выходили и возвращались всегда только вместе.

В восьмом часу к автобусу подошел Серега – звать маэстро к Орлашину на ужин и проводить остальных к Вере Егоровне. Орлашин жил рядом, через улицу, а вот импровизированный постоянный двор располагался на южной оконечности села, то есть идти туда нужно было целых восемь минут.

3

Орлашин не был гостеприимным хозяином, но перед столичным гостем решил блеснуть. Стол накрыли заранее. Сервирован он был на пятерых – маэстро обещал прийти с помощницей. По случаю достали из кладовой блаватское столовое серебро и расписной фамильный сервиз. В центре стола, накрытого полотняной скатертью, на блюде, обрамленном тонким фарфоровым кружевом, под перламутровым клошем томился фаршированный гусь. За ним в фарфоровой же ладье густым ароматом плыл печеный картофель, разломленный надвое и посыпанный мелконарезанной зеленью. В двух соусницах с картинками из испанской сельской жизни соперничали ароматами деревенский – с беконом – и сливочно-грибной соусы. Сценку свидания миниатюрного солдата с крошечной танцовщицей, прикрывающей лицо черным севильским веером, венчал салат из помидоров, смягченный свежайшей сметаной. А в соседней салатнице над танцующими веселую севилянью лоснились ощущаемым вкусом маринованные

опята. Натюрморт дополняла мельхиоровая фруктовица с яблоками. Особым изыском для деревенского стола выглядел островок чернослива с ломтиками лимона на веточках свежей – еще в каплях воды – петрушки.

Аккурат в тот момент, когда на плите засвистел чайник – вода в умывальнике к приходу гостей должна была быть теплой, – на подстанции перегорел трансформатор, и у Орлашиных, равно как и в половине домов Барановичей, погас свет. Достали подсвечники. Гостя Павел Петрович пошел встречать с канделябром.

Первой в комнату вошла Светлана.

– Добрый вечер, – хозяйка протянула ей руку. – Я Зинаида Антоновна. А это наша дочь Варя. Проходите, пожалуйста.

– Здравствуйте. Очень приятно. Светлана. Как у вас тут... загадочно.

– Да уж... У нас бывает. Опять авария какая-нибудь. А где же?..

– Знакомьтесь, – Орлашин пропустил вперед факира, потом уже вошел в комнату сам. – Это мое семейство. Как говорится, семья в куче, не страшна и туча. Зинаида Антоновна, супруга. Между прочим, правнучка нашего Сергея Алексеевича. Помещика нашего Блавацкого... Варя. Дочка.

Дочка Варя выпрямилась, попыталась было улыбнуться, но тут же смутилась и опустила голову, пряча покрасневшее лицо. Одетый в черное, факир напоминал снявшего маску марионеточника.

– Зинаида Антоновна, Варя. Добрый вечер. Я Анвар.

– Хорошо, – Зинаида Антоновна растерянно подала ему руку. – Проходите пожалуйста, Анвар. Мы вам рады. Гости у нас бывают редко. В смысле приезжие гости. Не обращайтесь внимания на мужа. Он любитель погордиться моим происхождением, особенно после перестройки. Присаживайтесь, пожалуйста.

– Шикарный у вас дом. Видимо, старый. Барский?

– Это бывший летний дом княгини Ольги Александровны, тетки Сергея Алексеевича. Мы в прошлом году своими силами восстановили старую церковь, и у нас каждый

день проходят службы. Отмечаем все религиозные праздники. Проходите. Вот сюда, пожалуйста. Извините за простую еду. Как говорится, чем бог послал...

– А бог послал Александру Яковлевичу на обед бутылку зубровки... – весело подхватил факир. – Это из «Двенадцати стульев».

– Да-да, домашние грибки... Вот они, кстати, – рассмеялась хозяйка.

– А где у вас можно помыть руки? – спросила Светлана.

– Умывальник в кухне. Сюда, пожалуйста... Не замерзли? Вон какой октябрь выдался, – Зинаида Антоновна приоткрыла дверь в кухню, пропуская вперед маэстро и Светлану. Закончив с полосканием рук, гости заскрипели стульями, расселись.

– Варвара, принеси нам du vin, – сказала с деланным прононсом Зинаида Антоновна, берясь обеими руками за блюдо под клошем и пододвигая его к себе.

Варя вышла в кухню, тут же вернулась и поставила на стол две разнокалиберные бутылки. Одну – с водкой «Абсолют», другую – с красным «Саперави». Придвинула к столу табурет – стульев на всех не хватило – и села рядом с отцом.

– Павел Петрович говорил, что у него день рождения, – сказал Анвар.

– Да какое там! – хозяйка сняла с блюда клош, и к потолку поднялось облако аппетитного аромата. – Анвар, простите, как вас по отчеству?

– О-о, с этим проблема. Но если надо, зовите меня Анвар Иванович. Так меня зовут все наши. Водитель как-то ляпнул, и приклеилось. Пусть будет Анвар Иванович. Да?

– Хорошо, – согласилась Зинаида Антоновна, – Пусть будет... – и обращаясь к Орлашину: – Дорогой, не поможешь?

Павел Петрович поднялся, взял ножницы для разделки птицы и принялся ловко расчленять сочащегося жиром гуся.

– День рождения был позавчера. Это ничего. Был бы повод посидеть с умным человеком, – Зинаида Антоновна мельком взглянула на Светлану, пододвинула стул так,

чтобы сидеть напротив маэстро. – Орлаша, наливай, – и ласково потрепала Павла Петровича по спине. – Давайте выпьем за знакомство.

– Голова седа, да душа молода, – улыбнулся Орлашин, открыл «Абсолют», взялся за штопор, хлопнул пробкой «Саперави» и налил в чистейший дореволюционный хрусталь себе и факиру водки, а Светлане и супруге – вина.

Принялись за закуски. Светлана взяла тарелку маэстро, положила в нее всего понемногу, поставила, взялась было за свою, но ее опередил Орлашин.

– Спасибо, мне, пожалуйста, салата и... Да, спасибо... Совсем немного... Спасибо.

– Как вы думаете, Анвар Иванович, будет война? – спросила хозяйка, пытаясь поизящнее обхватить длинными пальцами бокал с вином.

– Непременно, – факир поднял хрустальную рюмку. – За знакомство.

Мужчины выпили, дамы пригубили. Орлашин со словами «ну, и компенсируем» взялся за бутылку «Абсолюта».

– Как вам наши Барановичи? – краснея, почти шепотом спросила Варя.

– На белорусские непохожи, – улыбнулся факир и посмотрел в ее сторону.

– А вы правда из Дамаска?

– Правда. Мои родители служили в советском представительстве в Сирии. Я родился в Дамаске.

– И вы знаете все-все на свете? – спросила Варя с такой непосредственной искренностью, что маг рассмеялся.

– Нет, конечно, ну что ты, девочка... Прости, пожалуйста. Я цирковой артист. Не обижайся. Что ты хотела спросить?

– Что такое счастье? – ответ на этот вопрос был настолько важен для Вари, что она задала бы его в любом случае.

– Счастье... – факир посмотрел Вале в глаза.

– А вы знакомы с Кашпировским или Чумаком? – перебила его хозяйка. – Вы, наверное, много путешествуете. Как же это, должно быть, романтично! А вот мой муж меня никуда не возит. Да, Орлаша?

Председатель поморщился, но смолчал.

– Говорят, на вашем авто написано, что вы маг и целитель. Это правда? – произнесла Зинаида Антоновна мило- стиво улыбаясь. – Это же вы Анвар Аль Нах?

– Аль Нахí... Нахí – это имя бога, – холодно ответил факир. – А вы, я вижу, не верите в магию...

Не успела хозяйка ответить, как факир схватил столо- вый нож, одним сильным ударом отрубил себе кисть левой руки, которая, вскочив на все свои пять пальцев, понеслась, перепрыгивая через тарелки, к оторопевшей Зинаиде Ан- тоновне, прыгнула на нее и тут же рассыпалась тысячьо гаснущих сиреневых искр. Хозяева были потрясены. Варя смотрела на Анвара с ужасом и обожанием. Орлашин замер с полуоткрытым ртом – он собирался вмешаться в разговор предложением выпить. В одной руке у него, плескаясь, дро- жала полная стопка, в другой заклинило вилку со свисаю- щим грибочком. Взгляд председателя тускло наливался ин- сультотом. Между тем как глаза Зинаиды Антоновны не были так широки с того самого случая в детстве, когда, катаясь на соседском велосипеде, она свернула на ухабы, и ее дотрясло до первого в жизни, поразившего как удар молнии, оргазма.

Факир расхохотался:

– Простите, не удержался... А вы, Варенька, верите в магию?

– Как так может быть? – хозяйка приходила в себя мед- ленно, машинально поправляя и ощупывая подол длинной юбки. – Такого не может быть. Орлаша, ты видел? Орла- ша! Да очнись ты!

Орлаша поставил стопку на стол, сунул грибочек в рот и начал медленно его пережевывать.

– Успокойтесь, пожалуйста. Читайте, что это иллюзия. Так будет проще, – факир продолжал улыбаться.

– Да, так будет... Так это фокус? – Зинаида Антоновна нервно хихикнула, помолчала и уже серьезно спросила: – Что значит «читайте»? Так это был фокус? Вы же фокус- ник? – и уже с некоторым кокетливым удовольствием: – Вы меня так напугали.

– Это не совсем фокус. Я объясню. Вы, я, Варя, Павел Петрович, Светлана – все мы живем в мире условных аб- стракций. К примеру, – Анвар взял со стола нож, – что это?

– Не понимаю, – пожалала плечами Зинаида Антоновна. – Ну, нож. Вы же не будете снова...

– Для чего он?.. Ну, смелее.

– Ну, чтобы резать.

– Точно. И вы знаете о его свойствах. Он острый, твердый, опасный. Да? Вас научили, вы попробовали и убедились. Да, точно, опасный. И полезный, когда нужно нарезать хлеб. Каждый предмет не просто назван, но имеет свои свойства, ассоциации, архетипические маркеры. Понятно говорю? Вам не обязательно видеть предмет, достаточно прямой ассоциации, мозг сработает на опережение. Мне достаточно сказать «острый», и воображение тут же нарисует нож. Это если по-простому.

– Все равно это ничего не объясняет, – сказала Зинаида Антоновна. – Я все видела своими глазами.

– Это не совсем так. Вы увидели то, что вам показал я. Вернее, не я, а ваш мозг. Но в реальности этого не было. Видите, вот моя рука. Поэтому да, это был именно фокус. Магия – это когда проекция материализуется, когда меняются свойства.

– А это возможно? – быстро спросила Варя.

– Возможно, – ответил факир и поднял пустую стопку. – Павел Петрович, что ж это мы?

– Ну... – Орлашин потянул «Абсолют» к стопке маэстро.

– И нам со Светланой налей, – Зинаида Антоновна поставила перед Орлашиным винные бокалы.

– Давайте за любовь, – маэстро с нежностью посмотрел на Светлану. – За женщин. Куда мы без вас? Да, Павел Петрович? За вас, Варенька. За первую чистую любовь.

Орлашин перевел взгляд на Зинаиду, лицо его стало мягче, уголки губ, прежде уверенно смотревшие вниз, вздрогнули, попробовали приподняться:

– Да, – улыбнулся Орлашин. – Я...

– Я отлично помню! – перебила мужа Зинаида Антоновна. – Это был молодой лейтенант. Если бы не...

– Да-да, хорошо, – прервал ее маэстро.

– Простите, Анвар Иванович, – Варя, как на уроке, потянула вверх пальчик. – Вы имеете в виду возможность сделать воображаемое реальным?

– Варя! – крикнула шепотом Зинаида Антоновна. – Что за глупость ты несешь?!

– Погоди, Зин, – Павел Петрович поднял рюмку. – За любовь! – звякнул стопкой о стопку факира и тут же, без положенной паузы, опрокинул ее в рот. – То, что дочка говорит... Это... – председатель поставил рюмку и изобразил руками квадрат. – Вот мне если приснился этот... чемоданчик... с деньгами.. Я его, значит, спрячу... закопаю. Можно сделать так, чтоб он там был, когда я проснусь. Так?

– Орлаша! Мы тут вообще-то о любви.

– Именно об этом маэстро и говорит, – вмешалась в разговор Светлана.

– А вы это умеете? – тихо спросила Варя.

– Это все очень непросто, Варенька. Одно дело парапсихология, другое – вмешаться в естественный ход жизни. Я ведь понимаю, о чем вы... – Анвар поставил полную рюмку на стол. – Вы получите желаемое естественным путем по мере роста вашей души. Все свое время. Знаете, как сказал великий Аль Тургаи, береги себя, чтобы в один прекрасный день не осознать всю бессмысленность того, что ты делал. Самое главное, понимать что вы по-настоящему хотите. Вы знаете?

– Я – да, – уверенно сказала Варя.

– Хорошо, если так, – улыбнулся факир, – потому что самое сложное в жизни – не ошибиться с целью.

В сенях скрипнула, затем хлопнула дверь, и на пороге вырос Серега.

– Здравьте, – сказал он сконфуженно, слегка поклонившись. – Товарищ волшебный, попросили передать, ваши у Веры Егоровны. Просили передать: все в порядке.

– Спасибо, – кивнул Сереге маэстро, но тот не спешил уходить, перевел взгляд на Варю, которая его слишком уж заметно не замечала, и, увидев это, факир улыбнулся. – Скажите, молодой человек, а у вас есть цель?

Серега смутился еще больше и ничего не ответил.

– Садись с нами, сынок, – добродушно махнул рукой Орлашин. – Варюха, принеси табурет.

Сергея снял бушлат, положил его на пол у стены и сел по левую руку от Зинаиды Антоновны.

– Ну так что? – не отпускал взглядом Серегу маэстро.

– Я хочу уехать в Америку, – быстро ответил Сергей.

– Это прекрасно, честное слово! – улыбнулся Анвар. – И что вы там будете делать?

– Денег заработаю, – Сергей покраснел.

– Понятно, – факир перевел взгляд на Варю. – По поводу желаний, кстати, есть одно полезное упражнение.

– Сережа, на, возьми, – Зинаида Антоновна протянула Сергею свою десертную тарелку. – Положи пока салат. Ты ешь белое мясо?

– Представьте себе корзину с яблоками, – продолжил Анвар. – Каждое яблоко – это ваше желание. Произносите вслух желание – достаете яблоко. Делаете это до тех пор, пока желаний не останется. Самое сокровенное всегда на дне. Это и есть то, чего вы хотите на самом деле. Попробуйте.

– Как интересно! – Зинаида Антоновна положила в Сергину тарелку кусочек гусиной грудки. – У нас в библиотеке работает одна девушка. Надо ей посоветовать. Она никак не может определиться с парнями. Не знает, кого выбрать.

– Это Валька, что ли? Да она шалава.

– Павел! – Зинаида Антоновна шлепнула ладонью по столу. – Вы уж простите, пожалуйста, Анвар Иванович. Тонких материй в сельской школе не преподают.

– А что я сказал? – поднял брови Орлашин. – Сколько кобылке ни прыгать, а быть в хомуте. Еще водочки? Вы, товарищ факир, все правильно говорите. Цель, оно, конечно, должна. Я вон тоже в школе того, мечтал выучиться. Чтобы, как батя мой, летчиком. Самолеты любил, понимаешь. Но кусал бы локоток, да шея коротка.

– Попробуйте гуся, Анвар Иванович, – Зинаида Антоновна потянулась за тарелкой маэстро.

– Давайте, – согласился факир.

– А вы можете что-нибудь еще показать? – Зинаида Антоновна ткнула разделочной вилкой в сочное подрумяненное гусяное бедро.

– Хорошо. Спасибо. Шикарный гусь, – Анвар принял из рук Зинаиды Антоновны тарелку. – Вот вы, Варенька, сказали, что знаете, чего хотите по-настоящему. Вы, простите меня, сейчас руководствуетесь формальной логикой. Не учитываете условия и обстоятельства. Мне бы не хотелось, чтобы вы разочаровались. Ничего хорошего в таком опыте нет.

– Что-то я совсем запуталась, – Зинаида Антоновна положила нож на салфетку. – Что вы имеете в виду?

– Проще показать.

– Да. Вы же обещали. Да и Сережа не видел, как вы это, с рукой. Еще один фокус, пожалуйста.

– Вы даже не понимаете, о чем просите, – улыбнулся маэстро. – Но будь по-вашему. Давайте я покажу вам всем. Это будет правильно. Варя, подайте мне, пожалуйста, яблоко. Любое. Спасибо. И блюдце, будьте любезны. Да, это подойдет. Спасибо. Не отвлекайтесь, пожалуйста, чтобы не было потом вопросов. Смотрите внимательно.

Анвар положил яблоко в блюдце, взял его пальцами за край, медленно приподнял, резко в него дунул и поставил – уже пустое – на стол. Яблоко же осталось висеть в воздухе. Факир повел рукой, и оно стало, поворачиваясь, подниматься все выше и выше, заставляя Варю, Серегу, Зинаиду Антоновну и Павла Петровича следить за ним не отрываясь, пока внезапно, с резким хлопком не исчезло, оставив легкий сиреневый дымок.

– А теперь смотрите сюда, – сказал маэстро и показал взглядом на стол. – Вот оно.

Яблоко лежало в чайном блюдце, которое секунду назад казалась пустым.

– С вашей точки зрения, то есть буквально с того места, где вы по жизни находитесь, не видно ничего необыкновенного, поэтому вы и считаете, что нет никакой метафизики. Так же и с вашими целями. Мир разнообразней, чем вы думаете. Я вам покажу, – факир щелкнул пальцами. – Знаете что? У меня идея. Мы сделаем что-то необыкновенное. Для вас, Варя, – маэстро поднял рюмку, залпом выпил и, выдерживая паузу, посмотрел на присутствующих. – Дадим представление здесь, в Барановичах. А, Светлана?..

Завтра. Я сегодня обо всем договорюсь. Устроим вечернее представление. У вас есть телефон?

– Обижаете, – нахмурился Орлашин. – Мы ж не деревня какая.

– А мы успеем собрать зрителей?

– У настоящего художника, Варенька, может быть только один зритель. Бог. Иногда к Нему присоединяется женщина, – улыбнулся маэстро.

– Знаете, – поднялась из-за стола Зинаида Антоновна, – есть что-то интимное в таком способе познания мира. Я имею в виду через другого человека... Слушайте, все, что вы нам показали это ведь гипноз, да?

– Пусть будет гипноз, – улыбнулся маэстро, – животный магнетизм. Пожалуй, с этого и начнем.

4

Ночью сменился ветер, и зима, не успев начаться, закончилась. Остатки снегопада вылились к утру шумным трехчасовым дождем. В широкой долине, окруженное густым холодным туманом, просыпалось село Барановичи.

Помощник председателя сельсовета Серега Олейников был разбужен бабушкой в восемь сорок пять, как и заказывал. Прячась от немцев под сбитым им из берданки «юнкерсом», он услышал откуда-то сверху, со стороны кабины пилота, голос из работающей радиостанции: «Сереженька, просыпайся, пора вставать» – и почувствовал возвращающее к реальности ласковое прикосновение бабушкиной ладони. На столе его уже ждали блины с вишневым вареньем и любимая кружка для чая, заваренного сегодня со смородиновым листом.

Буркнув «ну баушка», он перевернулся на спину и открыл глаза. Где-то там, над Тугановкой, должно быть, показался краешек солнца. Прошлым летом они ходили туда с Варей на рыбалку. Хотя какая там рыбалка с Варюхой! Полезли в реку, распугали всю рыбу, а потом, забросив удочки, лежали на песке, смотрели в облака и говорили.

– А я поеду в Москву в театральное поступать. Как думаешь, получится из меня актриса?

Она смеялась и брала его за руку, как раньше, но детство для Сереги уже кончилось, и эти слова его расстраивали, а прикосновения волновали.

Нужно было встать и идти в сельсовет. О Варе думать не хотелось, но думалось. Как она смотрела на фокусника... Спуская ноги на холодной пол, Серега подумал, что хорошо бы уехать в Америку, разбогатеть и приехать в село на иномарке. Подкатить к библиотеке, выйти эффектно, весь такой в «Монтане», а навстречу Варя... Здесь мысль оборвалась – холодная вода из умывальника взбудрила и сделала его снова несчастным. Одевшись, позавтракав и пообещав вернуться пораньше, он спустился с крыльца в туман и пошел в сторону сельсовета.

Дорога была пустой и знакомой до каждого выступающего из тумана силуэта, кроме... Серега остановился. Левее колокольни маячил абсолютно чужеродный мягкому акварельному ландшафту Барановичей бело-синий полосатый купол. Серега пустился по слякоти бегом. Через пару минут, тяжело дыша, он стоял у основания большого циркового шатра, в темное нутро которого какие-то мрачные люди таскали его электрическую начинку: ящики с волочащимися кабелями и торчащими проводами. Автобус фокусника теперь загораживали два грузовых КамАЗа, такого же, как и автобус, темно-синего цвета. Широкой дугой, огибая шатер, Серега припустил к зданию сельсовета.

Между тем в опустевшем доме Орлашиных звенел, надрываясь, на прикроватной тумбочке старенький механический будильник. Варя прихлопнула его ладонью, вылезла из-под одеяла и пошла в общую комнату, в центре которой все ещё стоял разложенный к приходу гостей полированный гарнитурный стол. Ходики над комодом показывали половину десятого. Нужно было заставить себя проснуться, сменить теплую пижаму на холодные джинсы и колючий свитер, доплестись до умывальника, умыться, почистить зубы, съесть что-нибудь из холодильника и идти на работу в библиотеку. Эту последовательность действий Варя представила себе списком, который – будь он настоящим – лень было бы дочитывать до конца, так хотелось вернуться к мягкой подушке и уютному одеялу, закрыть

глаза и поспать еще часок-другой. А потом проснуться и увидеть его. Тем более что до обещанного вечернего представления было как до будущей весны – еще очень и очень далеко.

После ужина отец с маэстро ушли в сельсовет звонить в Москву. Их долго не было, а когда вернулись и стали устраиваться на ночлег, гостям постелили врозь, в разных комнатах. И это почему-то Варю обрадовало. Она помогла матери убрать со стола, помыла посуду и легла в детской. Долго лежала, глядя в темноту, но уснуть так и не смогла. Щеки ее горели, ей пришла в голову странная мысль, и она целый час собиралась с духом, чтобы осторожно вылезти из-под одеяла, пройти на цыпочках мимо родительской спальни и тихонько приоткрыть дверь в темную комнату, где спал он. Маг проснулся от ее прикосновения, но вместо того, чтобы сделать все так, как нарисовало ее воображение, принялся шепотом объяснять, что такое любовь и близость, а потом, посоветовав не игнорировать тех, кому она по-настоящему дорога, выставил за дверь. И можно было бы отчаяться – так горько она потом плакала в своей постели, – если бы сегодня он не устраивал представления ради нее. Это было важнее всего на свете. С этим радостным ожиданием можно было забыть об умывальнике, зубной щетке и работе, улыбаясь, обнимая подушку и закрывая глаза.

5

Идея организовать представление здесь, на площади, была настолько спонтанной, что ни вчерашний разговор факира с Москвой, ни его раннее исчезновение не предвещали такого поворота событий. Орлашин представлял себе что-то вроде собрания или лекции в актовом зале, но никак не появления полосатого циркового шатра, занявшего добрую половину площади перед сельсоветом. По дороге на работу председатель с хорошим запасом обогнул шапито и теперь стоял в своем кабинете у окна, мирный вид из которого заслонял ультрамариновый кусок ПВХ. Стоял, пока в дверь не постучали и не вошли,

не дожидаясь его председательского разрешения. Это была Светлана.

– Представление начнем в семь, – сказала она не здороваясь.

– А-а... – Орлашин подумал: нехорошо, Зинаида Антоновна будет против, но вслух сказал: – А можно как-то попозже. У нас того... вечерня... церковь. Вечерня в шесть.

– Ну хорошо, – согласилась Светлана. – Тогда в восемь. Вас устроит?

– В восемь хорошо. Нас это... устроит нас в восемь. А вы тоже... это... там будете выступать?

– Вы все увидите сами, Павел Петрович.

И это «Павел Петрович» было сказано так, что Орлашин тут же представил себе Светлану в легком цирковом купальнике и, кажется, впервые заметил в лепном орнаменте над дверью пышнозадого амура, целящего в него своей крошечной гипсовой стрелой. Павел Петрович посмотрел на часы. И тут дверь распахнулась, в кабинет ввалился запыхавшийся Серега. Ноздри его раздувались, он, видимо, собирался выдать нечто, украшенное трехэтажным восторженным матом, но увидел Светлану, осекся, споткнулся, налетел на дубовый канцелярский шкаф и растерялся окончательно. Орлашин рассмеялся:

– Ты же ж это, Серега, народ пужаешь?

Серега выпрямился:

– Дык! – и показал пальцем в окно.

– Ну и че? Цирка не видал?

– Так за одну ночь!

– Ну так было бы хотение. Наука! Да? – Орлашин повернулся к Светлане.

– Раздувной шатер. Американская технология, – снисходительно улыбнулась Светлана. – Разворачивается за три часа.

– Ну вот, – кивнул председатель Сереге. – А ты не тычь носа в чужое просо. Заходи, че встал?

– Пойду я, – Светлана изящно повернулась и вышла.

– Вот, сударики-сандалики мои, че творится, Серый, – поменялся в лице и голосе Орлашин. – А ты говоришь... Народ надо собрать к восьми.

– А давайте в колокол вдарим. Будет прикольно, – Серега опустил на стул, приставленный к председательскому столу.

– Тебе все одно... Пацан ты пацаном! Прикольно, бога душу мать, ему! Слов-то каких нахватался. А церковь того... что народ скажет? – Орлашин уставился в окно и на минуту задумался.

– Так малой... Давай, значит, по домам пойдешь, – сказал он. – Сначала к Таньке. Она болтунья такая, что पहले тебя всем разнесет. Понял?

– Радио-Таня-то? Она-то – да... Сделаю, – поднялся со стула Серега.

– Ну, тогда того... действуй. Щас к Емельянову сходи в мастерские. Пусть они колесо поставят фокуснику к обеду, потом к Варламышу. Пусть едет на птицефабрику того... без меня. Егоркину пусть возьмет. И к Егоркиным зайди, а то Варламыш забудет, я его знаю. А потом вот... и по домам... народ звать. Начало в восемь. Понял? Чтoб без опозданий все. Понял? Чеши.

– Пал Петрович, а Варя в цирк пойдет?

– Собиралась. Ну, иди давай.

6

Туман начал рассеиваться только к обеду. В рваной прорехе редющего облачного слоя показалось солнце и ненадолго вернуло Барановичам сочные деревенские краски. Местные заприметили купол и, осмелев к полудню, периодически наведывались с вопросом «а че это?» к заезжим рабочим, лениво покуривавшим на складных кемпинговых стульях у раскрытых настежь дверей фургонов.

К пяти стемнело. Цирковые включили прожекторы. Подсвеченный мощными софитами, шапито стал казаться еще загадочней и величественней.

В половине восьмого из динамика грянули фанфары. Два одинаково одетых униформиста вышли из цирка, чтобы поднять и закрепить брезентовые пологи. Собравшиеся на площади после церковной службы селяне потянулись ко входу.

Внутри было довольно просторно. Широкий манеж, укрытый темно-синим пластиковым настилом, опоясывал амфитеатр зрительских мест – десять рядов алюминиевых скамеек с аккуратными пластмассовыми сиденьями. В колонках, закрепленных на высоких стойках по обе стороны от форганга, играл оркестр Поля Мориа.

Большинство сельчан ничего подобного раньше не видели. Пройдя под пологими, они останавливались, с любопытством разглядывая наполненные воздухом опорные столбы, сходящиеся в верхней точке купола щупальцами огромного осьминога. Приоткрытые рты складывались в улыбки. Позади идущие напирали, подталкивали, и зеваки пробирались к свободным местам, по ходу здороваясь, улыбаясь и продолжая озираться. Молодые и старые, молчуны и балагуры, не говоря уже о ребятах, – все были возбуждены и по мере заполнения зрительских мест все громче и громче говорили между собой, обсуждая то конструкцию шапито, то будут ли показывать дрессированных львов, выдержат ли опорные столбы воздушных акробатов и будут ли в программе клоуны.

Сергея устроил бабушку во втором ряду и забрался на самый верх, сел с краю, чтобы иметь возможность, если представится случай, пересесть поближе к Варю.

К восьми часам не осталось свободных мест. Последние из вошедших стояли в тесном проходе. В первом ряду, напротив форганга, сидели Орлашины. Павел Петрович, Зинаида Антоновна и Варя. Слева от председателя клевала носом невыспавшаяся Вера Егоровна.

Сергея высматривал с верхотуры Варю, а Варя гипнотизировала красный бархат занавеса, из-за которого должен был выйти тот, кто ради нее устроил это чудо.

Наконец, ткань шевельнулась, загремели фанфары, занавес распахнулся, и на манеж быстрым цирковым шагом вышла сияющая помощница факира в откровенном – к восторгу Орлашина – переливающимся блестками белом трико. Дождавшись полного внимания публики, она громко объявила:

– Дамы и господа! Товарищи! Великий маг из Дамаска! Хранитель печати Арканума Семерых! Ануар Аль Нахí!

Затем вскинула вверх левую руку, и оттуда, из-под самого купола, полыхнул языком черного пламени огромный лоскут шелковой ткани, скользнул вниз и, коснувшись арены, рассыпался тысячью гаснущих искр. В центре манежа теперь стоял одетый во все черное Анвар Иванович. Сельчане ахнули и забили в ладоши. Факир поднял руку и, не дожидаясь тишины, заговорил:

– Друзья! В благодарность за ваше гостеприимство, – он взглянул на Орлашина, – и в ознаменование Великой Октябрьской социалистической революции мы проведем сегодня сеанс одновременного погружения каждого сидящего в этом зале в его персональную, индивидуальную, так сказать, трансцендентную реальность, в свое неосознанное экзистенциальное предпочтение, товарищи!

Публика замерла.

– Вчера один удивительный человек, одна девушка спросила меня, что такое счастье. Счастье, друзья мои, это когда наша внутренняя реальность совпадает с реальностью внешней. Полное совпадение с миром и важными для нас людьми. Счастье случается, когда надежда, любовь и обстоятельства соединяются вот в этой точке, – Анвар коснулся ладонью груди. – И поэтому нам всем важно знать, действительно ли места, куда мы стремимся, или отношения, которых хотим, сделают нас счастливыми. Сегодня я покажу вам ваше возможное будущее в состоянии, так сказать, обретения цели. Вы окажетесь в тех местах и в тех обстоятельствах, в которых хотите или хотели бы оказаться, и поймете, стоит ли ваша цель вашей жизни. Я лично искренне желаю вам совпадения. Ничего не бойтесь. Единственное что от вас требуется, – это полное доверие. Я буду все время рядом. С каждым из вас.

Анвар замолчал. Медленно погас свет. Минуту, другую ничего не происходило. Когда по рядам пополз шепоток и кто-то в первом ряду чиркнул спичкой, вспыхнул яркий солнечный свет...

...Зинаида Антоновна прикрыла глаза ладонью:

– Вот ты, ешкин-кошкин!

Это машинально брошенное «ругательство» удивило потому, что фраза была одновременно и чужой, и привычной для любой неприятности, которой на этот раз оказался свет фар, полоснувший по дешевым занавескам окна, в которое она выглянула посмотреть, не идет ли там ее Алеша... Алеша?.. Новые воспоминания вспыхивали легкими послекусиями забытых и, должно быть, пережитых эмоций. На секунду Зинаида Антоновна запаниковала. Но та, иная жизнь, казавшаяся только что настоящей, с Орлашиным, Варей и шапито, неожиданно схлопнулась и растаяла, как будто бы ее никогда и не было.

Точкой отсчета новых воспоминаний было двадцатое июня. Лето, педучилище, курсантик в парке: «Разрешите познакомиться...» Через месяц – двадцатого июня – Алешка залез к ней в окно. На второй этаж с букетом роз. Делать предложение. Целую неделю вся общага только об этом и говорила. И они уже десять лет как женаты, и – гарнизоны, переезды, ожидание перевода куда-нибудь поужнее, хотя бы в Хабаровск, в штаб округа. Алешка, застрявший в старших лейтенантах, и она – вечная методистка гарнизонных библиотек. И уже два года, как они живут в этом двухэтажном казенном доме на окраине офицерского поселка за четыреста километров от Аляски, по эту сторону Берингова моря. Сегодня утром в дивизион приехал проверяющий. Нагловатый седой полковник. Заходил в библиотеку, и она – Зина – кажется, ему понравилась.

– Может быть, мы за вами в Хабаровск с мужем?

– Может быть.

И как раз вовремя забежал Алешка:

– Здравия желаю, товарищ полковник. Старший лейтенант Мельников...

Потом полдня помогала Елене Ивановне с каталогизацией. Домой вернулась уставшая и немного встревоженная.

Хлопнула дверь, Зина вздрогнула.

– Зинка, ты дома?

- Здесь я, на кухне.
- Что мужа не встречаешь?
- Есть будешь?
- Что за вопросы? Конечно, буду! Что там у тебя?
- Гуляш. Как ты любишь.
- А компот?
- И компот. Куда же без него?
- Компот – это обязательно. Без компота хавчик – рвота, как говорит наш Максим Петрович.
- Руки помой, Есенин... Ну, как прошло?
- Что? Говори громче. Вода шумит.
- Как прошло, спрашиваю.
- Прошло? Да никуда не прошло! Не прошло и не проехало!
- Ты с ним говорил?
- Говорил!
- О переводе говорил? Ну и?
- Не нукай, не запрягла. Скользкий, падла.
- Иначе б в штабе не сидел. Возьми чистое полотенце. Там зеленое было.
- Устал как собака. Чайничек поставь. Чаю хочу. Крепкого.
- Хорошо. И что будешь делать?
- Не знаю.
- А кто знает? Ты же мне обещал, Алеша. Напиши какой-нибудь рапорт, поговори с ним еще раз. Нельзя просто так сидеть и ждать в этом холодильнике. Денег на неделю. Мы ведь живые люди.
- Все тут живые люди. Не мы одни. У Мишки займу.
- А когда у Мишки закончатся?
- А тогда зарплата.
- Так он и разбежался.
- Слушай, Земцов мне друг. Знаешь, что это такое? Братство старлеев.
- Ну да, конечно! Если б я знала, что так все будет... Почему ты меня не предупредил, когда мы с тобой познакомились?
- Если бы у бабушки были яйца, она была бы дедушкой. О чем я тебя должен был предупредить?
- О том, что все так будет.

– Что за бред ты несешь? Кто знал, что все будет именно так?

– Ты знал!

– Я?! Ну, ешкин-кошкин, мать, ты даешь!

– Ты меня обманул, Алеша!

– Что ты опять начинаешь? Успокойся!.. Есть одна идея.

– Какая?

– Сядь. Не стой над душой!

– Ну?

– Помнишь Митрофанова?

– Это который под проверяющего жену подложил? И что?.. погоди! Ты чего это удумал, Мельников?

– Да не бледней ты! Ты что, Зин? Я бы никогда. Ты же моя жена родная.

– Кому и кобыла – жена родная. Ленка ему тоже женой была.

– Почему «была»? Живут себе в Москве. Квартиру получили. Достань-ка водочки. Садись, поговорим. Ты-то, мать, сама чего хочешь?

– Ребеночка я хочу, Алешенька. И из этой дыры уехать. Вот чего я сама хочу. Будто ты не знаешь!

– В штаб переведут, будет тебе ребеночек.

– Да когда ж это будет?

– Может, и скоро... Я тебе ни разу не припомню, обещаю. Завтра на весь день уеду в Анадырь. До вечера. Его в нашем доме расквартировали. В четвертой квартире на первом этаже.

– Ну, понятно.

– Что тебе понятно?

– Родная, говоришь?

– Ну что ты так уперлась? Я вон всю жизнь на семью горбачусь... Для дела, Зин.

– Для какого дела? Я тебе что, шалава подзаборная?! Ты в своем уме, Мельников?

– Да ну что такое, ей-богу?!

– Что такое? Ты себя слышишь? Ты что мне предлагаешь?.. Надо было в Барановичах остаться, а я как дура за тобой поехала. Перед родителями тебя защищала. Был же там тихий хороший мальчик.

– Ну и что поехала, если был мальчик?! Что ты опять завелась?! Думаешь, я ничего про вас с Лавровым не знаю?

– Да не было ничего, я тебе сто раз говорила!

– А что ты глаза опустила? Зачем он к тебе бегаёт каждую неделю? Ладно бы кто из офицеров – нет, сука! – нашла себе солдатику, писаришку вонючего.

– Это библиотека, Алеша. Туда люди за книгами ходят.

– Знаю я, за какими книгами! Ставит тебя, небось, раком в подсобке! Что? Не так?!

– Что ты такое говоришь?! Ты меня пугаешь. Десять лет прожили, и ты мне такое говоришь... Какой ужас, господи... Оказывается, я тебя совсем не знаю.

– Мальчик у нее был... Ну и звездуй к своему агроному! Хоть щас! В говне, сука, ковыряться будете. Чернозем месить оба два!.. Ну че ты вскинулась? Все! Я сказал, все! Хватит!

Зина обхватила лицо руками и заплакала. Хлопнула дверь. В оглушительной тишине забурился закипающий на плите чайник.

Мельников пришел за полночь. Пьяный, но тихий. Разделся, залез под одеяло, отвернулся к стене и уснул.

Завтракали молча. Мельников съел яичницу, глотнул остывшего чая, натянул сапоги, надел шинель и с шапкой в руках, не прощаясь, вышел.

Зина стояла у окна, смотрела, как, проваливаясь в напавший за ночь снег, он идет к машине, и думала о том, что от курсантской выправки у него ничего не осталось и теперь – сосредоточенный и сутулый – он похож на ее покойного отца. Ей захотелось, чтобы Мельников обернулся, махнул ей рукой, как раньше, но он просто уехал. В свой проклятый Анадыр.

Темная драповая юбка никак не застегивалась. Замок заело на середине, и Зина провозилась с ним минут десять. Затем надела джемпер, причесалась, накинула на плечи пальто и как была – в легких летних босоножках – вышла из квартиры в коридор и спустилась по скрипучей деревянной лестнице на первый этаж.

Дверь четвертой квартиры была приоткрыта. Ее черная дерматиновая кожа, потрескавшаяся от морозов и протертая

на краях до серой тканевой основы, вокруг замочной скважины топорщилась грязной нитяной бахромой. Зина взялась было за ручку, тут же, будто бы обжегшись, отдернула руку, сделала шаг назад, но уйти не успела. Дверь открыл полковник.

– Вы? – спросил он, улыбаясь.

– Извините, Александр Михайлович, я, видимо, не вовремя. Вы уходите?

– Собирался в штаб, но вы важнее. Проходите. Для вас всегда вовремя, Зиночка. И зовите меня просто Саша. Договорились? Чаю или чего покрепче? У меня есть коньяк.

– Давайте коньяк.

– Позвольте я вам помогу, – полковник взял из рук Зины пальто, повесил его на вешалку и кивнул на дверь, ведущую в комнату: – Проходите, почувствуйте себя как дома. Я сейчас принесу коньяк. Вы пьете коньяк с лимоном?

– Да, спасибо.

В комнате было тесно и не убрано. На поверхностях мебельного гарнитура лежал девственный слой пыли, пахло куревом и пивом. Зина задернула шторы.

– А знаете, Зиночка, вашего Алексея Сергеевича в полку не любят. Вон, принесли мне сегодня. На столе в синей папке. Поллюбопытствуйте. Я сейчас. Только нарежу лимончик.

Зина подошла к столу, открыла папку и взяла в руки лист, заполненный ровной серой машинописью. «Командиру В/Ч 473467, полковнику Титенкову А.В. от Начальника ВСП, старшего лейтенанта Земцова М.Н. Рапорт. Довожу до вашего сведения, что замкомроты старший лейтенант Мельников...»

– Ничего серьезного, но, как вы понимаете... – полковник вошел в комнату, поставил на стол бутылку «Ахтамара» и рюмки. – Знаете, Зиночка, я фаталист. От человека, как от той крысы, не зависит, в какой лабиринт его, так сказать, запускают. Важны реакции. Давайте вот что сделаем...

Он взял из рук Зины рапорт, скомкал его, бросил в пепельницу и чиркнул зажигалкой. Желтоватое пламя поползло по бумаге, и Зина вдруг вспомнила, как целую вечность назад она сидела у костра с ребятами после выпускного, от

ночной реки тянуло сыростью, стрекотали сверчки, Пашка Орлашин накинул ей на плечи свою штормовку и называл графиночкой, и улыбался, и все время как-то уж очень неловко пытался взять ее за руку, а она сердилась, глупая...

– Тихо сегодня, да? – Полковник подошёл сзади и взял Зину за плечи. – Лишь бы не было пурги.

Зина промолчала.

– Ты мне сразу понравилась, – полковник обнял ее за талию и коснулся губами шеи.

Запах табачного перегара, чужой до тошноты... «Стыдно-то как, Господи!» Странное ощущение двух одновременных реальностей вернулось. Зина, Зинаида Антоновна судорожно схватила Орлашина за руку, и закричала так громко, как только могла, чтобы разорвать кошмар этой когда-то желанной и, слава богу, неслучившейся жизни.

8

Сначала Сереге показалось, что темнеет у него в глазах. Затянувшаяся пауза нервировала. Серега не любил пугающих неожиданностей. Сердце полетело рысью с наступлением полной темноты. И тут в глаза ему ударил яркий солнечный свет, и чуть было не сбил с ног мощный порыв соленого – в морских брызгах – ветра.

Серега стоял на краю причала мокрый из-за окатившей его шквальной волны. Сзади прыснула девушка, он оглянулся, вспомнил, как ее зовут и почему они здесь, на этом заброшенном пирсе.

Справа из-за выступающей в море скалы показался небольшой рыболовный сейнер.

– Бу онлар! – крикнула девушка и подхватила стоявшую у ног большую спортивную сумку. – Каптана сойле...

– Я не понимаю, – перебил ее Серега. – Инглиш, плиз.

– Скажи капитану, что тебя прислал Мехмет, – перешла на английский Айлин. – Деньги отдашь, когда будешь на месте.

– Понял.

– Садись в катер. Они к пирсу не подойдут. Я тебя отвезу.

– В этот, что ли? – Серега кивнул на ржавую посудину, трущуюся помятым боком о причал. – Да он сейчас развалится.

– Не бойся, рус, – улыбнулась Айлин и, ухватившись за битенг, ловко спустилась в катер. – Давай. Они ждать не будут.

– Окей, – Серега рывком поправил на спине рюкзак и, отвязав швартовы, крепко ухватился за борт.

Айлин завела мотор, повернула штурвал, катер отчалил и двинулся навстречу сбавляющему ход судну.

– Капитана зовут Кан, – Айлин прибавила скорости. – Отдашь ему эту сумку.

Когда до сейнера оставалось метров двадцать, Айлин потянула ручку газа на себя и развернула катер так, что кораблю он причалил боком.

– В команде есть русский, – сказала Айлин. – Сумку не забудь. Удачи, – и, задрав голову, громко крикнула: – Хей капитан! Йолджую ал!

Кряжистый светловолосый парень помог Сереге забраться на палубу. От его выгоревшей робы пахло мазутом. «Механик», – подумал Серега. За бортом взревел мотор. Серега обернулся. Тарахтя и подпрыгивая на волнах, катер Айлин полетел к берегу.

– Видчайдушна дивчина, – улыбнулся механик, провожая ее взглядом.

– Да, – сказал Серега.

– Русский, что ли?

– Русский.

– А я с Полтавщины... Антон, – механик протянул Сереге руку.

– Сергей. А ты ее знаешь?

– Так кто ж ее не знает? У ней батько контрабас возив ще при Советив. А ти навищо туди? Все навпаки звидти, а ти туди.

– Домой надо, а документов нет.

– Емигрант, значить? Чи не сподобилося у туркив?

– Я из Америки еду.

– Он як тебе закинуло. Ну, пидемо до капитана.

– Что ж вы в такой шторм плаваете? Не опасно?

– На кораблях не плавают, а ходят. Це ж хыба шторм? Танцюльки. Немає и трьох балив. Шторм для нас це добре. Менше шансив нарватися на прикордонників.

– На кого?

– На погранців.

– Понятно.

Худошавый пожилой турок, по взгляду и осанке тот самый капитан Кан, о котором говорила Айлин, вышел из ходовой рубки как раз когда они к ней подходили. Антон кивнул на Серегу:

– Русский.

– На камбузе есть кто? – спросил капитан по-английски.

– Нет. Все по местам.

– Окей. Иди в машинное, – капитан повернулся к рубке. – Бурхан!

Из рубки выглянул усатый рулевой.

– Выходим в море, – бросил ему капитан и посмотрел на Серегу.

– Тамам, каптан, – усатый скрылся за дверью, и сейнер ожил.

– Пойдем на камбуз, – сказал капитан Сереге по-русски.

В камбузе никого не было. Серега поставил сумку на стол:

– Это просили передать.

– Убери. Вон туда поставь, – капитан кивнул в угол камбуза, и шумно выдохнув, уселся в кресло.

Серега перенес сумку и сел напротив капитана:

– Я от Мехмеда.

– Я уже понял, – капитан достал пачку «Кэмела» и закурил.

– Мне нужно через границу, в Россию. Оплата на той стороне. Так мне сказали.

– Ну, раз сказали, значит, так и сделаем.

– Я это... Уже месяц как на перекладных. Из Нью-Йорка. Хотел начать новую жизнь. Остался без денег и документов. Знаете, как там к таким относятся? В посольстве сказали...

– Это твои проблемы, – перебил Кан. – Мне это знать необязательно. Пока ты на судне, ты член команды. Пассажиров у меня нет. Делать будешь что скажу. Понял?

– Понятно, – кивнул Серега. – А когда мы будем там... ну... на той стороне?

– Завтра. Зависит от погоды. Иди к Антону. Он скажет, что делать. Рюкзак отнеси в каюту. Никто не тронет. Пойдем, покажу.

Через час после выхода в море поднялся сильный встречный ветер, и от килевой качки Серегу накрыла морская болезнь. Заметив, как вытянулось его побледневшее лицо, Антон кивнул в сторону трапа:

– Гальюн там.

Упираясь руками в обшивку, Серега поднялся наверх, открыл дверь и остановился. Пройти четыре метра до бака по качающейся мокрой палубе было физически невозможно. Над головой угрожающе скрипела стрела невода. Казалось, вот-вот, и какой-нибудь трос оборвется, и вся эта промысловая конструкция рухнет, проломит палубу, днище, и – прости-прощай, родные Барановичи, навсегда... Все еще держась за надстройку, Серега попытался было шагнуть вперед, но сейнер пошел боковым креном – видимо, рулевой корректировал курс, – и мощная волна, ударив в левый борт, залила палубу пятисантиметровым слоем воды. Вода полилась вниз, в машинное. Тошнота пошла горлом, Серегу вырвало. Снизу заорал матом Антон, кинулся по трапу наверх, втащил Серегу внутрь и задраил дверь...

Сереге снилась Тугановка. Зброшенная деревенька в пяти километрах к югу от Барановичей. Сюда они приезжали с Варей по заросшей проселочной дороге на велосипедах. Во дворе большой избы над оврагом стоял высокий старый тополь, к которому прежние хозяева приспособили самодельный стол со скамейками – видимо, для чаепитий – и где можно было, треская собранные в огороде яблоки, часами болтать о том, какая она будет интересная – эта их с Варей взрослая жизнь.

Во сне Серега шел по безлюдной улице к дому над оврагом. Вечерело, в избах включали свет, из открытых окон слышались веселые голоса. Неожиданно откуда-то сбоку выбежала смеющаяся Варя, схватила Серегу за руку и потянула за собой:

– Пойдем Сережа! Слышишь, как весело? Все вернулись! Только тебя ждем!

Серега оказался в темных сенях перед дощатой дверью, за которой громко гуляла компания деревенских. Он узнавал голоса: Орлашин, Андрюха Григорьев, Виолетка, Варя... Серега толкнул дверь. Голоса оборвались. За дверью была пустая комната: ровные белые стены, дощатый пол, никаких окон, в двух метрах от двери фотокамера на штативе, лампа, стол. За столом сидел его покойный дед.

– Зачем вернулся? – раздраженно спросил он. – Забыл что?

Медленно на стене за спиной деда проявился силуэт женщины, которую Серега узнал по старым семейным фотографиям. Высокая красивая Жанна Евгеньевна, тогда еще учительница начальных классов... Чем четче становилось изображение, чем больше подробностей отдавала женщине поверхность, тем старше и ниже она становилась, теряя осанку и уверенность во взгляде, превратившись наконец в добрую тихую Серегину бабушку, ожившую и ступившую нетвердой ногой в странную потустороннюю трехмерность. Она обошла деда и поставила на стол пустую керамическую тарелку:

– Покушай, Ваня.

Потом подняла голову и ласково посмотрела на Серегу:

– Садись с нами, Сережа. Сейчас и мама с папой придут. А ты Варю не ищи. Нет ее здесь...

– ...Подъем!

Серега открыл глаза. Над ним стоял Антон. Сейнер урчал, в иллюминатор заглядывало солнце.

– Проснулси? Вставай давай. Сонце вже високо. Плавати вмиеш?

Серега зевнул, выгнул затекшую за ночь на узкой койке спину:

– Можно тебя попросить?

– Валяй.

– Вы же там у себя говорите на суржике?

– Я и на русском могу.

– А что тогда?

– Вставай давай. В камбуз и за работу. Через пару годин будемо на мисци... Триста лет говорили на вашем москальском. Хватит.

– Слушай, а это... Вы же не из-за меня плыве... идете на ту сторону?

– Ну ти даеш, поцик! – рассмеялся Антон. – Груз у нас в трюмах, а ти попутчик. Вставай. Возьмешь у Мамуки машку, кандейку и – на корму.

– Какую Машку?

– Швабру, – Антон криво усмехнулся. – И ведро. Пассажир, твою каракатицу!

На корме было жарко. Серега разделся до пояса и, муsoleя мокрой пенькой отмытую ночным штормом палубу, наслаждался легким солоноватым бризом.

– Эй, морячок, – окликнул его Антон.

Серега обернулся и сразу увидел на горизонте неровную полоску берега.

– Иди поешь. Мамука приготовил тушенку.

Серега бросил швабру и, подхватив футболку, пошел за Антоном на камбуз. На камбузе хозяйничал Мамука, молодой грузин, не говоривший ни по-русски, ни по-английски. Знал ли он турецкий и говорил ли вообще, Серега выяснить не успел. Капитана и рулевого не было. Ели молча.

– Кончилась твоя батрачина, – сказал Сереге Антон, когда они закончили. – Собирайся. Скоро на берег.

Вышли на палубу. Земля была недалеко, километрах в пяти.

– Ну, вот она, твоя родина, Серега, – Антон хлопнул Серегу по плечу. – Вон там, слева – Адлер. Полчаса на попутке.

– Спасибо тебе. Я...

– Погоди, – Антон как будто что-то услышал, повернул голову, на секунду замер, разглядывая спокойное взморье и вдруг громко закричал. – Полундра!

На крик из рубки выскочил капитан.

– Бугель справа! – Антон вскинул руку. – Запеленговали, суки.

– Да, это пограничники, – капитан прищурился, всматриваясь в приближающуюся серую точку. – Катер...

Все по местам! А ты, – кивнул он Сереге, – за мной в рубку.

– Бурхан! Право на борт! – капитан заговорил по-английски. – Видишь катер? Поворачивай на него. Как в прошлом году.

– Сделаю, капитан. – Бурхан крутанул штурвал, и сейнер с креном стал поворачивать вправо, навстречу катеру.

– Значит, так, – Кан посмотрел на Серегу. – Иди на корму. Как только повернем, прыгай в кильватер и сразу ныряй. Держись под водой сколько можешь. Как отойдем, плыви к берегу. Вещи не бери, утонешь.

– А как же вы?

– Нормально. До грузинской границы миля. Не стой! Давай, шуруй!

Серега выскочил на палубу, добежал до кормы, скинул кроссовки, стянул с себя джинсы и с разбегу прыгнул в бурлящий пенистый след сейнера.

В прыжке Серега сильным вдохом набрал в легкие воздуха и, войдя в воду, поплыл.

Первая мысль, которая прорвалась сквозь бешеное волнение, была о белом конверте, зашитом в днище его старого кожаного рюкзака. Две пачки по пять тысяч долларов уплывали от него в каюте сейнера без названия и опознавательных знаков.

Воздух кончился. Нужно было всплывать. Серега рванул наверх и тут же почувствовал резкую боль в руке.

9

– Э, ты чего это, Петрович? – услышал Орлашин сзади.

– Ослеп, – прошептал Павел Петрович. – Ослеп вчистую, твою мать. Ничего не вижу...

Орлашин стал оседать, но его подхватили, поставили на ноги.

– Петрович... Слышь? На, хлебни, – Орлашин почувствовал губами горлышко, схватил бутылку, отпил и закашлялся.

Водка обожгла горло.

– Это от перепада давления.

– От какого на хрен перепада давления? Ты что ему дал, Захаров?

– Воду.

– Какую на хрен воду? Ты думаешь, я запах не чувствую?! Ты его убить, что ли, хочешь?! Он же не пьет! Орлашин, ты как?

– Нормально, – Орлашин поднял голову, увидел гофрированный потолок авиационного ангара.

– Не хватает мощности из-за этой дурацкой бронеплиты, – неожиданно для самого себя сказал он. – Или убирайте на хрен, или делайте что-то с движком. Скороподъемность никакая. Тяжелый он. Пятнадцать миллиметров стали, Саша! Плюс девятимиллиметровая бронеспинка. Танковая броня! Зачем? Объясни. Двести кило лишнего веса.

– Это распоряжение Паннвица. Реальный бой, Паша.

– Я все равно не понимаю. Почему тогда не кевлар, он легче. Ты знаешь взлетную массу Як-9? Три тонны. Три! Короче, или будет все как раньше, или я завтра не полечу.

– Не полетишь – не заплатят. Тебе что важнее, деньги получить или сбить этого Карлоса Маркса?

– А тебе, Шмелев, совсем, я вижу, по хрен? Мы же, мать твою, русские!

– Русские-то мы русские, а дома жрать нечего! Что я скажу Паннвицу?

– Ты меня услышал.

– Ладно, черт с тобой. Под твою ответственность. Его-рыч, снимай.

– Так как же я ее сниму? Она же весит как жопа моей тещи.

– Как ставил, так и снимай. Попроси ребят с лебедкой. Этого, как его... приятеля твоего...

– Лукаса.

– Во! Денег дай. Что, мне тебя учить, что ли, старшина?

– Не было печали, купила баба поросю, – Захаров махнул рукой и пошел к самолету.

В центре ангара стоял Як-9. Новенький, окрашенный в двухцветный – темно-зеленый и зеленый с оливковым оттенком – камуфляж, со светло-голубым подбрюшьем, белой семеркой и звездами на фюзеляже.

– Русос?

В воротах ангара остановился молодой черноволосый парень:

– Ола. Сой асистенте дель сеньор Паннвиц. Эстой бускандо а Александр Шмелев. Сой Раймон.

– Чего хочет? – повернулся Орлашин к Шмелеву.

– Говорит, что он помощник Паннвица и что его зовут Раймон... Мы русос! Сой Шмелев.

Раймон подошел. Шмелев пожал ему руку:

– Ола. Абла русо?

– Поко-поко, – покачал ладонью Раймон. – Учился в универсидад. Литература руса. Толстой, Достоевский.

Шмелев понимающе улыбнулся, но тему развивать не стал:

– Ке кьерер синьор Паннвиц?

– Мне нужен вопрос, – Раймон посмотрел на Орлашина. – Записать мой блокнот. Кто ви... – тут он запнулся. – Тус филас милитарес.

– Наши воинские звания, – подсказал Шмелев.

– Си. И лос номбрес.

– Имена... Пишите. Старшина Захаров, майор Орлашин, капитан Шмелев.

– Са-ха-ров, – по слогам повторил Раймон, вписывая старшину.

– Не Сахаров, а Захаров. Дайте я сам.

Раймон протянул блокнот Шмелеву.

– Ну, вот... Шме-ли-ов... Вот как пишутся номбрес русос.

– Спасибо, до свиданья, – Раймон взял блокнот и махнул им в сторону Яка. – Эрмосо авион.

– Что там с носом? – спросил Орлашин, глядя в спину удаляющемуся помощнику Паннвица.

– С каким носом? А-а, – улыбнулся Шмелев. – Эрмосо. Красивый. Говорит, красивый самолет... Интересно, где они взяли чертежи.

– Так это ж немцы. Они во время войны не такое тырили.

– Эти уже не немцы. Это их папаши были немцами, а они архентинос. Между прочим, папашку нашего Паннвица сбил такой вот Як.

– Да, я помню. Скажи лучше, что будешь делать со своей машиной?

– Так я же начинал в ДОСААФ, Паша. Там те же яшки, только сбоку... Мне плюс-минус не проблема. Всяко легче, чем наши с тобой МиГи.

– Ну, смотри.

– Мы вроде как гладиаторы, Паша. За такие деньжищи чего же не рискнуть? А, майор? Накрутим хвоста этим паннвицовским асес.

– Посмотрим.

– Ехай, давай, в гостиницу. Отоспись. А завтра вечером пойдем в Дом культуры. Ты знаешь, что у них есть свой Дом культуры? Ей-богу. Каса де ля культура. И пивка попьем в «Фонтане». Фабрика де сервеза артесаналь. Как звучит! А переводится – «пивоваренный завод».

– Да уж, пивка тут будет хоть залейся.

– Ну так Октоберфест. Давай я тебе вызову машину.

– Не надо. Я пройдуся. Проследи, пожалуйста. С плитой.

– Сделаем в лучшем виде. Я буду через час. На ужин тебя будить?

– Как хочешь, – Орлашин пошел к выходу.

– А ты знал, что здесь после войны жил Курт Танк? – крикнул вдогон Орлашину Шмелев.

– Это который делал «фокке-вульф»?

– Он самый.

– Вот и посмотрим, как они летают.

На улице справа от ангара стоял шмелевский Як. Точно такой же, только с номером восемь на камуфляжном боку. Орлашин глянул на него, повернул налево и пошел по прогретому весенним октябрьским солнцем летному полю. Уходить не хотелось. Соседний ангар был закрыт, зато из третьего – с надписью «Aero Club Villa General Belgrano» – выглядывал белый нос «Цессны». «Наверное, Паннвица», – подумал Орлашин, но из ангара вышел плотный кучерявый гаучо, и по тому, как он погладил пропеллер, посмотрел в вечеряющее небо, стало понятно, чья эта белая птичка с красными, как кровь, крыльями. Орлашин сбавил шаг и, кивнув улыбнувшемуся аргентинцу, пока-

зал на «Цесну» и оттопырил вверх большой палец. Гаучо улыбнулся шире, показал на ангар, в котором стоял орлашинский Як, потом на Орлашина и тоже вытянул большой палец вверх. «Надо было все-таки взять с собой Наташу», – подумал Орлашин.

Когда месяц тому назад Сашка пришел к ним на ужин, вернее, на кастрюлю шей из собранного Наташей щавеля и пары куриных ног, перепавших семейству по бушевскому ленд-лизу, заговорили о том, как жить дальше. Разговор затеял Шмелев, а когда они вышли с Орлашиным покурить, предложил «полетать за бугром за хорошие деньги». Через полчаса оказалось, что «полетать» – означало участие в самом настоящем воздушном бою.

– Два Яка против двух «фокке-вульфов». Представляешь?! Историческая реконструкция.

– Ни хрена себе реконструкция! А снаряды, я так понимаю, деревянные?

– Нет. Не знаю. Я не спрашивал.

– А ты что такой довольный, Шмелев? Тебе в Строевой Части пропуск в рай выписали, что ли?

– Это новодел, не ссы. С усиленной броней. Давай спроси меня, где это будет?

– Ну, где это будет?

– В Аргентине! У них там типа немецкий городок. Октоберфест и все такое. В общем, мы часть программы... Ну, что ты морщишься? Наниматель – барон Гельмут фон Паннвиц, сын Курта фон Паннвица. Слыхал? Сто пятьдесят три сбитых за два года. Сначала летал на сто девятом, потом пересел на «фоккер». Сбили над Сталинградом. Попал как раз под первые Як-9. Выпрыгнул, покалечился и больше не воевал.

– Дедушка хочет реванша за Сталинград?

– Типа того, – улыбнулся Шмелев. – Полетишь со мной? Мы же с тобой с летного вместе, Пашка. Давай! Такой возможности больше не будет. По двадцать тысяч зелени на брата. Ну, не тормози. Довольствие сократили, топлива нет. Ты когда в последний раз поднимался в небо? Наше дело – летать. Парни вон эскадрильями переходят в гражданскую авиацию.

- Так уж и эскадрильями. Ты попробуй туда устройся.
– Зарплаты – кот наплакал. Ладно я один. У тебя – семья.
А тут двадцать тысяч американских, мать их, долларов.
– Ну да, щедро... Не знаю. Ну давай, попробуем. Только Наташке не говори. Расстроится. Она ведь без меня никуда. Скажем, что пассажирские перевозки.
– Пор супуэсто!
– Чего?
– Конечно, говорю. Не скажу.
– Да уж. Не зря тебя мамка в иняз готовила. Когда едем?
– В пятницу. Там две недели с инструктором, потом неделю самостоятельных полетов. Каждый день – сколько хочешь. Возьму Захарова. Нужен свой механик, а ему пофиг, что реактивный, что поршневой. Спец...

Вилья Хенераль Бельграно напоминал приморский городок, хотя до ближайшего океанского побережья было больше шестисот километров. Казалось, что если идти все время прямо к окраине, рано или поздно за домами покажется ровный морской горизонт.

Орлашин свернул на Гильермо Тель и пошел по заросшему травой тротуару мимо приземистых выбеленных домов с черепичными крышами и живыми изгородями к проспекту Сан-Мартин, где уже разгуливали веселые толпы и шумели смехом и громким немецким подвыпившие туристы в переполненных ресторанах, работающих в полную мощь пивоварен.

В гостинице было пусто. Взяв у портье ключ, Орлашин поднялся в номер, разделся, постоял под душем и лег спать. Ему снилось, что он живет в Барановичах в своем старом доме с женой и дочерью, и жена эта – не его любимая Наташа, а Зиночка-графиночка из параллельного класса, и будто бы в гости к ним пришел старик Хоттабыч исполнить каждому по желанию, а Орлашин не знает, что попросить. Вроде бы все у него есть, и семья, и должность, и хозяйство.

Проснулся Орлашин затемно. Подсветил кнопкой экранчик наручных Casio: пять сорок четыре. Подумал: «Наташа еще на работе». Включил ночник, вылез из-под

одеяла, накинул на плечи махровый халат с вензелем отеля, подсел к столу и взялся за телефон. Ноль, ноль, гудок, семь, триста восемьдесят три... Так... Двести восемьдесят пять... Лишь бы не ушла...

– Алло. Терапия.

– Здравствуйте, можно мне Наталью Владимировну?..

Орлашину.

– Минуту.

В трубке: шаги, скрип открывающейся двери. И голос вдалеке в коридоре: «Наталья Владимировна, вас к телефону!» И немного погодя: «Вроде бы Павел Петрович».

– Алло. Слушаю.

– Привет.

– Паша, ты?

– Я. Звоню узнать – как вы с Егоркой.

– У нас все нормально. Егорка в садике. Вот, скоро за ним поеду. Как ты сам-то? Когда домой?

– Скоро уже. Еще пара дней. Что вам привезти?

– Себя привози.

– Может, Егорке что надо?

– Так там, наверно, все дорого.

– Деньги есть. У нас тут суточные – как две зарплаты.

– Если деньги есть, то и здесь купим. Вместе. Ты, главное, приезжай скорей. У меня как-то, Паша, сердце все время ноет и снится всякое про тебя. Проснусь и реву.

– Ну что ты, дуреха! Скоро приеду. Последний рейс – и домой. Слышишь?

– Слышу.

– Ты чего там молчишь? Все будет хорошо... У вас сейчас уже...

– Полшестого.

– Ну так, ты это... Беги за Егоркой-то. Завтра поболтаем.

– Паш, ты там никого себе не нашел?

– Глупости не говори.

– Ладно. Завтра позвонишь?

– Обязательно... Наташ...

– Что?

– Люблю тебя.

– И я тебя.

И – гудки.

Орлашин вернулся в кровать. Спать не хотелось. Да и смысла не было. Через час все равно придет Шмелев, и нужно будет собираться... По характеристикам Як маневреннее «фоккера», особенно на правых виражах...

В дверь постучали. Орлашин встал, надел халат, повернул в замке ключ.

– Привет, – Шмелев открыл холодильник, достал банку колы и плюхнулся в кресло. – Так и знал, что ты уже не спишь.

– Выспался. А ты чего так рано?

– Не знаю. Снится какая-то хрень.

– Плиту сняли? – Орлашин уселся на кровать.

– Сняли. Я вот что подумал. Давай ведущим пойду я. У тебя машина легче. Меньше инерции – быстрее на вертикали. Посажу их на хвост, заведу тебе под прицел. Ты ведь не промахнешься?

– Я не против. Давай ты. В принципе, логично. Главное, не отрывайся.

– Не учи ученого, кота кипяченого, – Шмелев встал. – Как думаешь, нас накормят?

– Ресторан с девяти.

– Все у них не как у людей. Ладно, я к себе.

– Погоди. Давай закрепим. Чтобы все четко по плану. В девять встречаемся на завтраке. Захаров – на аэродром принимать боекомплект, а мы с тобой гуляем по городу. У них тут парад намечается.

– Какой на хрен парад, командир?! Может, последний день живем.

– Об этом я и говорю. Ты уже заведенный. А как говорил капитан Нагимов...

– Чем спокойней, тем целее.

– Вот именно. В час обедаем в «Старом Мюнхене» и к двум – пешочком на аэродром.

– А что пешочком-то? Гельмут пришлет машину.

– Для твоей же пользы. Переваришь свою парильяду. Захарова разбуди. Опять проспит. Пусть завтракает и дует в аэроклуб. И не пить. Никакого пива, Саша.

– Само собой, – кивнул Шмелев.

В «Старом Мюнхене» он все-таки попытался заказать фирменное темное, но Орлашин не дал.

– Пойдем по «страусу», – предложил Шмелев, когда они сошли на гранитную брусчатку с дощатой террасы ресторана. – Запоминай, Паша, – Шмелев махнул рукой в сторону двухэтажного дома в немецком стиле с веселыми буквами «Viejo Munich» на балконе второго этажа. – Такого в Новосибе нету. Ни тебе парадов, ни рестораций. Вот она, Новая Швабия. И как живут! По-людски живут, Паша. Не то что мы, победители, блин. Ты видел, сколько там всяких пивных кружек? В этой «Альпийской розе». А девки какие!

– У нас покрасивше будет.

– У нас-то да, – иронично улыбнулся Шмелев. – Я бы тут остался, честное слово. И маму бы с сестренкой перевез. Что думаешь, товарищ майор?

– Думаю, что нам пора.

– Может, в гостиницу? Полежать полчаса. Перевернуть. Времени вагон.

– По дороге переваришь. Пойдем, – пропустив вперед компанию из парней и девушек с аргентинским и немецким флагами, Орлашин повернул направо, вниз по улице. – Там еще этот... Финальный инструктаж. Нельзя, что ли, было заранее? Не хватало мне еще каких-нибудь сюрпризов! Терпеть ненавижу неопределенность.

– Гельмут сказал, так будет ближе к реальности. Все вводные за час до вылета. Я знаю только, что взлетаем, расходимся, набираем эшелон две тысячи и начинаем сближение.

– Это я помню. Давай еще раз проговорим, раз ты у нас теперь ведущий... Работаем в двойке. На дистанции тысяча начинаем маневрирование. Ты уходишь вниз в правый разворот. Я вверх. Вот так, – Орлашин показал ладонями траектории самолетов. – Один из них точно сядет тебе на хвост. Дистанция прицельного огня у «фоккера» метров пятьсот, поэтому следи за дистанцией. Я зайду на него сверху. Как только он начнет уходить из-под атаки, уходи наверх. «Фоккер» на вертикаль не пойдет. Скорее всего, попробует уйти переворотом и подставит бензобаки. Второй

будет заходить на меня. Поднимаешься и петлей заходишь ему в хвост. Следим за скоростью. В лобовом сближении расходимся вправо. Сверху заходим каруселью. Уходить из-под атаки с набором высоты. Главное, не увлекайся.

На поле аэроклуба былолюдно. Особенно много зевак собралось вокруг Яков, стоявших в тридцати метрах от «русского» – как его теперь называли местные – ангара. У самолетов барражировал Захаров. Периодически его отвлекали особо любопытные авиалюбители, и он начинал им что-то объяснять, рассказывать на странной смеси русского и английского, помогая себе широкими, не добавляющими смысла, жестами.

Увидев Орлашина и Шмелева, старшина помахал им рукой, показал на них, сказав при этом что-то типа «наши пилотас», и пошел навстречу.

– Боекомплект подвезли? – спросил Шмелев, на ходу протягивая ему руку.

– Да. Полчаса назад. В ангаре.

– А чего ты ждешь?

– Так там только пулеметные ленты. Говорят, пушки заряжать не будут.

– В смысле? – остановился Шмелев.

– А я почему знаю? Спроси у Паннвица... О! Летят, – Захаров кивнул в сторону края летного поля.

Шмелев обернулся. На посадку заходил первый «Фокке-Вульф». Второй был дальше и, видимо, только готовился выпустить шасси.

– Это они, – сказал Орлашин. – Ладно, через полчаса придет Гюнтер...

– Гельмут, – поправил его Шмелев.

– Да хоть Вальтер. У него и спросим. Видишь, Саша, я оказался прав с этой плитой. Балласт. Пойдем.

– Погоди, – остановил его Шмелев. – Смотри. Второй не «фоккер». Видишь силуэт?

– Да... Это «худой». Хреново.

– А что хреново? – спросил Захаров, пытаясь разглядеть близорукими глазами второй самолет.

– А то, старшина, что это меняет схему боя, – ответил Орлашин.

«Фоккер» мягко коснулся полосы и покатился мимо ангаров и приветствующих его выкриками и аплодисментами зрителей. За ним на посадку пошел «мессершмит». Не так уверенно, покачивая крыльями, выровнялся перед самым касанием, несколько раз подпрыгнул, прежде чем покатился по взлетке, вслед за «фоккером».

– Класс! – усмехнулся Шмелев. – Видел, какого он дал козла?

– Это пока ни о чем, – нахмурился Орлашин.

– Во дела, – проводил взглядом «мессер» Захаров. – Кресты есть, а свастику забыли.

– Свастика запрещена, – повернулся к ангару Орлашин, – Ну, что встали?

– А в кино?

– Так это в кино, – хлопнул старшину по плечу Шмелев. – Пойдем знакомиться с гансами.

– Товарищ капитан, спросить хотел. А вы с майором на чем в Афгане летали?..

«Фоккер» подрулил к Якам и остановился. Рядом встал догнавший его «мессершмит». Из кабины вылез одетый в летный комбинезон Люфтваффе пилот, добежал до «фоккера», влез на крыло и помог выбраться ведущему.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – удивился Шмелев. – Это же Гельмут.

– Кто? – спросил Захаров.

– Гельмут фон Паннвиц. А ведущий у него... Паша, идем знакомиться. Гельмут немного говорит по-русски, если что.

Орлашин спрыгнул с крыла Як-а, и пошел за Шмелевым.

– О-о-о! Ми керидо амиго! – Гельмут обнял Шмелева и пожал руку Орлашину. – Ви Павел? Алекс абло мучо. Ми папа, – Гельмут кивнул на своего ведущего. – Дэд, дас ист Пауль Орлашин, – сказал он отцу, – ас русо.

– Ола, Пауль. Густо ен коносерте, – протянул Орлашину руку старший Паннвиц, – Отто.

– Павел. Очень приятно.

– Тамбьен, – улыбнулся старик.

– Мострарле а ми падре ун авион, пор фавор, – сказал Гельмут Захарову и повернулся к отцу. – Их комме гляйх.

– Покажи ему самолет, – перевел Шмелев.
– Да, конечно, – озадачился Захаров.
– Синьорес, – кивнул Гельмут Шмелеву, – идем за мной, – и пошел к ангару.

– Пуэдо вер? – спросил Отто, показывая Захарову на открытый фонарь Яка. – Ла кабина.

– Да, конечно, – оживился старшина.

В ангаре никого не было. Гельмут вошел внутрь, за ним Шмелев и Орлашин. У стены стояли три запечатанных армейских ящика. Гельмут подошел к ним и спросил:

– Ви не смотрель?

– Не успели, – ответил Шмелев.

– Окей. Я рассказывать... Как реслинг. Но эс уно пелеа реаль.

– Не настоящий бой, – перевел Шмелев.

– Стрелять только пулемет. Здесь и здесь, – Гельмут показал на ящики, – картучос.

– Патроны, – подсказал Шмелев.

– Щит! Ми русо эс террибле! Ду ю спик инглиш?

– Да, – кивнул Орлашин, – капитан тоже.

– Слава богу! Так будет легче, – перешел на английский Гельмут. – Бой показательный. Стреляем только из пулеметов. Пули трассирующие, на пластиковой основе. Самолет не повредят, но зафиксируют попадание. По всему корпусу установлены датчики. Как только условные повреждения станут критическими, загорится лампочка на панели и запустится дымовая шашка. Как будто самолет горит. И сразу на посадку. Понятно?

– А мы готовились к реальному бою, – усмехнулся Шмелев.

– Это чтобы вы не расслаблялись. Нам нужны настоящие бойцы. Все должно выглядеть по-настоящему, – Гельмут посмотрел на Орлашина и добавил: – Простите. Моя вина... Еще одно правило. Это важно. Никаких лобовых атак. У моего отца с этим проблема. Все понятно? Здесь, – Гельмут показал на ящик с надписью «Uniforme», – ваша форма. Переодевайтесь, готовьте самолеты. Через час вылетаем. У отца завтра день рождения. Этот бой – подарок для него. Поэтому давайте все сделаем как надо, по-на-

стоящему. Все делаем честно. Но не забываем, что это реслинг. Если справитесь, у меня для вас будет предложение. Встретимся в воздухе.

– Ну, блин, поворот, – сказал Шмелев, когда Паннвиц ушел. – У тебя есть закурить?

– Ты же не куришь. Выдохни.

– Я-то думал... Обидно даже как-то.

Орлашин открыл ящик с формой и вытащил оттуда шлемофон:

– О! Даже говорящие шапки. Ладно, давай работать. Доставай форму. Пойду скажу старшине, чтобы занимался боекомплектom.

Первыми взлетели немцы. За ними на полосу вырулили Яки. Диспетчер разрешил взлет, и мимо ускоряющихся, подпрыгивающих на травянистом поле самолетов понеслись деревья, ангары, люди, флаги... Хвостовое колесо орлашинского Яка оторвалось от земли, самолет приподнял хвост, Орлашин потянул ручку управления на себя, посмотрел вправо – на прячущиеся под широкие кроны домики, неожиданно высокие горы над теряющим объем городом – и услышал в наушниках:

– Семерка, я Восьмой. Как слышишь?

– Слышу тебя, Восьмой. Саша, не задирай высоко, это не МиГ.

– Понял тебя. Курс тридцать пять градусов. Выходим на эшелон.

– Понял, курс тридцать пять.

Взлетев, Яки парой потянули в безоблачное небо. Шмелев впереди, за ним, метрах в пятидесяти, – Орлашин.

– Семерка, я Восьмой. Две тысячи. Разворот.

– Понял, выполняю.

– По курсу две цели. Дистанция три тысячи. Выше десять.

– Наблюдаю визуально.

– Сближаемся до восьмисот и – по схеме. Дистанция в двойке сто. Сохраняем.

– Понял тебя, Восьмой. Сохраняем... Сюда бы радары.

– Сюда бы пиво и баб.

– Дождись вечера.

– Начинаем. Уходи в вертикаль. Расходимся.

– Понял, Восьмой. Выполняю.

Немцы летели навстречу на минимальном расстоянии друг от друга. Когда Шмелев сорвался вниз, отворачивая от сближения правым виражом, оба – и «фоккер», и «мессер» – рванули за ним, забыв об Орлашине, самолет которого круто пошел вверх, плавно забирая вправо, так, чтобы, набрав высоту, свалиться сверху, ускоряясь на спуске, когда Шмелев, сделав круг, выведет их под прицел.

Неожиданно «мессер» задрал нос и пошел вверх, разворачиваясь в сторону Орлашина.

– Восьмой, я Семерка, вступаю в бой с «мессером». «Фоккер» – твой.

– Понял тебя, Семерка.

«Мессер» угрожающе приближался. Страха не было, только бешеное желание нажать на гашетку. Орлашин даже откинул предохранитель.

Разминулись в десяти метрах друг от друга. Гельмут сразу пошел на левый вираж, но Орлашин развернулся через набор высоты и зашел на него сверху. Догоняя «мессер», Орлашин увидел, как Отто пытается достать оторвавшегося от него Шмелева трассирующими, как восьмерка, развернувшись, несется навстречу, открывая ответный огонь.

– Отворачивай! – крикнул Орлашин.

Мгновение казалось, что они разошлись, но глиссада вспыхнувшей факелом восьмерки и штопор закрутившегося от удара «фоккера» надежды не оставили. Орлашин ушел вправо, в сторону падающего Яка.

– Восьмой, слышишь меня?!

– Слышу тебя, – глухой голос Шмелева прорвался через помехи.

– Прыгай, Пашка! Прыгай!

– Горю, Саша...

Город приближался зеленым полем аэроклуба, обретая объем домами и деревьями, столбами и ангарами, людьми с флагами, фотоаппаратами и пивными кружками, молча наблюдавшими, как заходят на посадку два самолета. Один – с красными звездами, другой – с черными крестами.

10

Сергея судорожно вдохнул, закашлялся и открыл глаза. У кровати лежал опрокинутый табурет. Саднило кисть правой руки. Серега пошевелил пальцами и сморщился от боли.

– Сережа, как ты себя чувствуешь? – в дверях стояла Жанна Евгеньевна.

– Нормально, – соврал Серега.

– Дай-ка руку, – Жанна Евгеньевна присела на край тахты,

– Да нормально, ба.

– Что ж это ты меня пугаешь? С кем это ты во сне дерешься? Вон какая царапина. Аж табуретку опрокинул.

– Плавал. И это... Деда во сне видел.

– Спаси и сохрани, Господи, – перекрестившись, Жанна Евгеньевна встала, поставила табурет и пошла к двери. – Сейчас принесу йод.

Сергея сглотнул и, как ему показалось, почувствовал на языке горьковатый привкус морской воды. «Нужно обо всем рассказать Варю», – подумал он и, откинув одеяло, стал быстро одеваться.

– Куда ты? – загородила ему дорогу Жанна Евгеньевна. – Сегодня же суббота.

– Надо, ба, надо, – Серега чмокнул ее в щеку и пошел в сени. – К Пал Петровичу. По делу.

– Там холодно...

Орлашина разбудил крик. Первую минуту он соображал, где он и кто эта всхлипывающая женщина, обнимающая его и размазывающая слезы по его подбородку. Все вокруг постепенно становилось знакомым, прежним – спальня, Зина, фото родителей с маленькой Варей. Павел Петрович приподнял голову:

– А где Варя?

– Спит, наверно.

– Встань, посмотри.

Зинаида Антоновна отпустила Орлашина, встала, накинула поверх ночной рубахи шерстяной платок и пошла в детскую.

– Паша!

Орлашин вскочил и, как был – в трусах и майке, – быстрым шагом пошел в комнату Вари. Зинаида Антоновна стояла у заправленной кровати. На помятом покрывале были разбросаны Варины вещи.

– Уехала, паршивка! Я так и знала, – Зинаида Петровна распахнула шкаф. – Наслушалась этого...

– Да откуда ты знаешь?! Вещи на месте?

– Вроде да. Не знаю. Иди звони в милицию!

– И что я им скажу? Дочка уехала с циркачами? Нужно догнать автобус. Я к Варламычу. Тут дорога одна. А ты давай собирайся, надо поспрашать народ. Может, кто чего видел. Сможешь?

– Не знаю.

– А чего тут знать? Идешь к Радио-Таньке и спрашиваешь. И ты того, не переживай так. Верну я Варю. Все будет хорошо.

Зинаида Антоновна давно не видела Орлашина таким. Теплое желание делать все в точности как он говорит смутило ее, заставило отвернуться и уйти в комнату. Чтобы, не дай бог, не заметил легкий румянец порозовевших от возбуждения щек на ее вспухшем от утренних слез растерянном лице.

За калиткой Орлашин повернул направо, в сторону избы с высокими деревянными воротами. Пройдя несколько шагов по искрящемуся на солнце выпавшему за ночь снегу, председатель услышал, и, обернувшись, увидел догоняющего его Серегу.

– Пал Петрович!

– Привет. Давай не сейчас, – бросил Орлашин Сереге, когда они поравнялись.

– Я к Вале, – Серега пошел рядом.

– Уехала Варя.

– Как уехала?

– Вот и я хочу знать, как уехала.

– Можно я с вами?

– Можно...

Между тем к сельсовету потянулись люди. Те немногие, кто не пошел на представление, наслушавшись

удивительных историй из видений присутствовавших, хотели своими глазами увидеть Анвара Аль «чего-то там».

На площади не осталось никаких следов шапито. Единственным свидетельством чуда неожиданно оказалась корова, которую привела за собой на веревке Вера Егоровна. Мол, сам Горбачев явился к ней в цирке и вручил эту животину торжественно при свидетелях за ее – Веры Егоровны – выдающиеся трудовые заслуги. Какие именно, не уточнялось, но поутру корова оказалась в стойле. Никуда – к радостному удивлению новой хозяйки – не делась.

– Стоит себе в сарае, – погладила лоснящийся бок животного Вера Егоровна.

– Не корова это вовсе, а Варька Орлашина, – протиснулась между односельчанами Радио-Танька. – Утром ко мне Зинаида заходила. Пропала Варька-то. Проснулись, а ее нету. И постель заправлена, и вещи все стопочкой.

– Хватит брехать!

– Вот те крест, – Танька перекрестилась. – Как слыхала, так и говорю.

– Постыдилась бы креститься, – сплонула под ноги Вера Егоровна.

– Ну так сама у нее спроси! – разозлилась Танька и пошла прочь...

Деревенский сход напоминал редующий пчелиный рой. В Барановичи вернулась зима, и, не дождавшись председателя, народ мало-помалу начал расходиться. Полчаса пересудов, и перед сельсоветом осталась лишь пара собак, лениво брешущих вслед чернобокой корове, которую увидела в стойло встревоженная Вера Егоровна...

Варламыч гнал под сто по обледенелой пустой трассе. Временами ЗиЛ опасно заносило, но это не смущало ни водителя, ни пассажиров. Серега пару раз пытался заговорить с Орлашиным. Павел Петрович молчал, не отрывая взгляда от дороги.

Перед Штромиловкой Варламыч сбросил скорость. И тут Серега ткнул пальцем в лобовое стекло:

– Вон она!

Каждый день просыпаюсь одинаково. На спине. Руки и ноги как у витрувианского человека. Морская звезда, блин. Мама ругает – неприлично, а что я могу поделывать? Специально, что ли? Засыпаю на боку. Каждый раз. Вчера вот на левом.

Первые две минуты туплю. Плююсь на трещину в потолочной балке. В детстве она была высохшим руслом реки. Папа читал мне «Бременских музыкантов», а я представляла, будто низ – это верх, и смотрела с высоты на далекую реку в деревянных берегах, по невидимой поверхности которой в невидимой лодочке плывут невидимые музыкант с принцессой.

«Анвар Иванович» ему не идет. Какой на фиг он «Иванович». Ветер в волосах, сын бога. Теплое удовольствие повторять про себя «А-ну-ар». Страшно подумать, что он завтра уедет.

Бе-бе-бе-бе-бе-бе-бе. Побежал барашек... Жаль, что не могу все рассказать Сережке!

Так не хочется вылезать из-под одеяла. Пробую делать это постепенно. Сначала ногу. Какие все-таки у меня уродские пальцы. Как у отца. А я ведь де-эвачка.

В доме тихо. Слышно, как в большой комнате тикают ходики. На другом конце улицы – глухой лай варламовского Палтуса. Тяни не тяни, а начинать надо... Ох... Встаю.

Стол в зале еще разложен. Скатерть ввечеру мама убрала в шкаф, и теперь он, голый, поблескивает полировкой. Мама его бережет, натирает тряпочками, а он, бедный, скрипит и шатается. Все прямо как у нее с отцом. Вон, улыбается, молодая, на фото. Порода – не подъедешь на кривой козе. Не была бы такой горячкой, жила бы, как говорит, в свое удовольствие в Германии, щеголяя в шифоне и трикотине. Странное у нее представление об офицерских женах, честное слово. Даже я знаю. Но спорить с ней – себе дороже. Жалко отца.

Можно нарочно о чем-то не думать, и все равно это что-то как будто стучится тихонько в окошко, барабанит одни-

ми пальчиками. Зачем я пошла к нему ночью? И стыдно, и сладко... Вот же я дура!

Ну ее на фиг, эту работу. Справятся без меня. Еще Сережка припрется с расспросами. Не хочу.

Иду к себе. Поворачиваюсь к кровати спиной и падаю на матрас, раскинув руки. Бац! Хорошо... Спать... Выключите кто-нибудь солнце... Ануаррр. Мой тигр. Скоро я снова тебя увижу...

...Теплый летний ветерок ласково полощет легкое платье. Стою с закрытыми глазами на краю Тугановки на вершине холма. Дальше должен быть крутой спуск вниз, к дороге и – лес. Открываю глаза, и вместо леса до самого горизонта – море. Внизу, на пляже – трое, их еле видно – женщина в белом платье, мужчина и ребенок, девочка лет семи. Идут вдоль берега. Женщина смеется, взмахивает рукой и кричит, повернувшись морю:

– Море, это Андрей!

Не успеваю сообразить, кто этот Андрей, как меня хватают за плечи, и я поворачиваюсь, и вместе со мной поворачивается небо, темнея, и светлячками включаются одна за другой вечерние звезды. Это Валька. Хохочет, как шальная, и тащит меня в деревню:

– Пойдем! Там Анвар Иванович фокусы показывает.

И мы бежим. Валька быстрее, я отстаю – ноги вязнут в густой траве. В брошенных избах – свет, из открытых окон – веселые голоса. И Сережка навстречу...

– Варя!

Просыпаюсь. Мама.

– У тебя совесть есть? Ты почему не на работе? Ты знаешь, который час?

Молчу. Стоит надо мной. Труба, блин, иерихонская.

– Час дня!

Ничего себе! Ну я придавила.

– Вставай давай.

– Мам.

– Что тебе?

– А почему в Тугановке никто не живет? – откидываю одеяло, стягиваю пижамную футболку. Блин, как же холодно...

– А ты как будто не знаешь... Поуезжали все, а старики умерли.

– А мы почему не уехали отсюда?

– Да кому мы нужны? Вотчина это наша. Ты мне давай зубы не заговаривай. Одевайся и иди в библиотеку. Вальке нужно помочь с каталогизацией.

– Что там помогать? Сама, что ли, не справится?

– Не справится. Умок-то бежит и посвистывает. Иди давай. Хватит болтать.

– Ладно, хорошо, не кричи только.

Свитер, джинсы, чай. На улице тает. За домами шатер цирка. Быстро они. Вечером посмотрю, а то мама убьет. Клуб, похожий на сахарный домик. Скрип половиц в коридоре. Запах книг, останавливающий время. Свежий номер «Нового мира» с рассказами Попова и романом Солженицына – верхний в стопке на столе перед озадаченной Валькой.

– Варь, а что тут в карточку писать?

И так до вечера. Устала больше от ее тупости. Сказочная дура. Вся их родня такая. Как на подбор. После обеда пришел Гришка, и – нет Вальки. Хвостиком махнула и понеслась невеститься. Допрыгается верхом, шалава. Девять месяцев инкубационного периода, и появится на свет еще один, прости господи, Тупицын.

Спасибо Сережке, забежал перекурить. Отвлек. Болтали. Все время заглядывал мне в глаза. Спросит и смотрит. Все вокруг да около. Об Анваре – ни разу. Забыл на подоконнике свою «Приму» со спичками. Правило одно – не думать и не раскисать.

Выхожу затемно. Свежий воздух – то, что нужно после долгой писанины в душном книгохранилище. Иду к цирку. Замечаю, что почти бегу.

Вот он. Стою и улыбаюсь. Сердце, такое, подпрыгнуло и зависло у самого горла. Боже мой! Сказочный замок, построенный принцем за ночь! Во мне как будто два человека. Один маленький – в косичках и бантиках, другой – постарше, уже женщина, одергивает: успокойся, веди себя прилично, это всего лишь... Нет! Это не всего лишь! Это – для меня. Я ему нужна, я должна быть с ним, я знаю, что надо делать.

– Вчера один удивительный человек, одна девушка спросила меня, что такое счастье...

Слышу только бархатный тембр его голоса. Гаснет свет. Кажется, что тьма опускается именно ему на плечи. Пора. Встаю, шепчу маме:

– Сейчас приду, – и пробираюсь к выходу.

Достаю из кармана Сережкины спички. Чиркнула, увидела выход и – на улицу.

Обошла шатер вдоль стеночки, встала в тенечке. У автобуса двое. Дверь открыта. Внутри свет.

– Вот вам, братцы, за колесо, – на ступеньках фигура с небольшой продолговатой коробкой. – Пятилетний, армянский.

– Благодарствую, Василий Андреич, – это тот, что повыше. Кажется, Ермолаев. – Ежели чего, обращайтесь. Ну, прощевайте. Пошли, Костик.

Василий Андреич, видимо, по хозяйственной части. Сунул руку под бампер, и дверь закрылась. Закурил, постоял и медленно пошел в сторону цирка. Я замерла.

Свет от прожекторов такой яркий, что меня в моем темном пальто не видно. Я опускаю голову, чтобы не отсвечивать лицом.

Все, можно. Оглядываюсь – никого – и опрометью к автобусу. Нашупала под бампером бугорок. Нажала, дверь распахнулась.

Внутри темно. Достаю спички. Полсалона в баулах и коробках. Туда. Теперь только ждать.

Проснулась оттого, что автобус сильно тряхнуло, и я больно ударилась головой обо что-то твердое.

– Кама спит? – голос Анвара пугающе близок.

– Спит, – а вот этого я не знаю.

– А ты чего же встал?

– Так уже одиннадцать. Выспался уже.

– Как у нее плечо?

– Получше.

– Давайте в следующий раз без героизма. Ладно, она девчонка, но ты – взрослый лоб. Забыл, что случилось с Немчинской? Еще раз увижу без лонжи – выгоню обоих к чертовой матери.

– Что ты опять начинаешь? Мы же обо всем поговорили. Ты лучше скажи, что там за председательская дочка образовалась? Светлана говорит, что ты ради нее все это устроил.

– Я похож на романтика? Конечно, нет. Нужно было номер обкатать. Ты от темы-то не уходи. Я тебе серьезно говорю. Отобьет себе что-нибудь по женской части, и все.

– Ладно, прости.

– Мы теперь одни с тобой остались после смерти мамы.

– А как же Кама?

– Ты давай женись на ней сначала. Сколько у нас денег осталось?

– Это ты у Светки спроси. Немного. Председатель тебе заплатил?

– Да. Сто рублей.

– Сколько?

– Ну, сколько было, столько и заплатил.

– Удивительно, как ты Юрия Владимировича уговорил.

– Сила слов и судьба, Сашка.

– Сам-то как, пап?

– Ох, не спрашивай. Устал. Иногда не хочу просыпаться. Ничего, прорвемся.

– Что с погодой творится? Глянь, только что солнце было, и опять – снег. Грозовой фронт, что ли?

– Ладно. Попробую поспать...

Над моей головой зашуршал целлофан.

– Здравсте, приехали. У нас тут заяц...

Ничего не чувствую. Веки опухли от слез. Как же это может быть? Почему? Он даже не стал меня слушать. Дорога теряется в густом снегу в обе стороны, бетонный блок остановки, и – ни души. Как так можно? Просто: «Василий, останови у ближайшей деревни...»

– У вас тут автобусы ходят?

Мне бы, дура, сказать «нет», но я ведь – дура:

– Да. Утром, в обед и вечером.

Высадили и поехали. Смотрю на автобус и реву, не могу остановиться. Ну как же так можно?!

Полчаса никого. Нужно зайти к кому-нибудь в деревне погреться. И тут слева из снежного тумана выныривает на ско-

рости ЗиЛ. Прямо напротив моей остановки водитель дает по тормозам так, что машину разворачивает поперек дороги.

Папа! Папочка!.. Бежит ко мне.

– Ты что ж это, дуреха, такое делаешь? Мы же с мамой чуть с ума не сошли. Он тебя увез, да?

– Я сама. Сама залезла в автобус... Прости, папа. Он меня высадил.

Какая радость, что в кабине Сережка! Как же мы все влезем? Господи! Какая же я дура!..

12

Резкий хлопок вернул Варю в комнату. Перед ней стояла тарелка с салатом и куском гусятины. Пахло печеным мясом, соленьями и водкой. За столом напротив сидели Светлана и Анвар.

– Теперь понимаете, о чем я говорил? – улыбнулся факир.

Варя посмотрела на отца. Уставившись глазами в стол, Орлашин медленно приходил в себя. Зинаида Антоновна вдруг горько заплакала, а Серега принялся рассматривать руку, сжимая и разжимая пальцы, переводя взгляд с ладони на факира и обратно со смешанным выражением ужаса, восторга и удивления на побледневшем лице.

– Ладно. Я вижу, вам это нужно переварить, – факир поднялся из-за стола. – Света, давай сходим к ребятам.

– Стоп, – Орлашин поднял голову.

Анвар сел. Павел Петрович налил себе водки, выпил, закрыл глаза, и когда их открыл, взгляд у него был такой, какого Варя не видела у отца до этого ни разу.

– Слушайте... – выдавил из себя Орлашин. – Объясните, что это было.

– Вы же хотели фокус, – Анвар был серьезен.

– Не такой! – Зинаида Антоновна размазала по щеке намокшую тушь.

– Успокойтесь, пожалуйста. Я понимаю, правду принять тяжело. Но это ваша правда. Теперь вы хотя бы знаете. Разве не этого вы хотели, Зинаида Антоновна? Ладно. Мы завтра уедем, и вы все забудете.

- Это вряд ли, – Орлашин опустил глаза.
- Сергей, вы не проводите нас к вашей Вере, не помню отчества.
- Егоровна. Да, я покажу, – Серега встал, взглянул на притихшую Варю и взял бушлат.
- Света, пойдем, – Анвар вышел из-за стола. – Варенька, простите меня, пожалуйста.
- Оставайтесь, – Орлашин поднялся. – Зин, постели им. Вместе ляжете? Раскладушку доставать?
- Не надо. Стелите вместе.
- Курите?
- Да, – Анвар достал из кармана пачку сигарет и протянул Орлашину.
- Пойдем покурим, – Орлашин повернулся к Сереге. – А ты, сынок, иди домой, поздно уже.
- Снаружи шел снег. Анвар с Орлашиным закурили и некоторое время смотрели в сторону, куда пошел Серега.
- Он дорогу-то найдет? – спросил Анвар. – Темно ведь.
- Ну конечно. Он же местный.
- Мне жаль, что все так получилось, – Анвар бросил окурок за забор.
- Да уж. А я вот даже не знаю. И что теперь? Как дальше?
- Павел Петрович, что нужно сделать при сваливании самолета в штопор?
- Остановить вращение. Прекратить срыв потока на консолях крыла.
- Ну вот. Видите? Идите откапывайте свой чемоданчик.
- Павел Петрович затянулся сигаретой и, улыбаясь, поднял голову к небу, подставляя лицо летящему снегу.

Эпилог

Вялой поземкой потянуло ночью над спекшейся дорожной грязью, размытой накануне осенними дождями. Забытый за лето, холод застеклил к утру вчерашние лужи, добавил глянца пустой федеральной трассе, по которой – то ли из-за гололедицы, то ли из-за полуспущенного переднего левого колеса – не спеша ехал темно-синий автобус. Вдоль

всего его кузова тянулась большая белая надпись, стилизованная под арабскую вязь, в которой не без воображения прочитывалось «Ануар Аль Нахи», и ниже, шрифтом помельче, темно-красное уточнение – «Магия и целительство. Кооперативный аттракцион».

Перед указателем на Барановичи автобус остановился. Открылась передняя дверь, с подножки на мерзлый асфальт спрыгнул водитель. За ним мягко спустился человек в длинном кожаном пальто и широкополой черной шляпе, из-под полей которой на поднятый воротник и плечи спускались темные волнистые волосы. Человек обошел автобус, посмотрел на колесо, на водителя и спросил:

– Что там у тебя, Василий?

– Прокол, Анвар Иваныч. Но травит помалу. До Снегирей дотянем.

– Хреново.

– В Снегирях вроде как заправка и перекус. Колонна простоит часа полтора точно. Может, успеем. Если нет, от туда и позвоним. У меня там кум на почте.

Анвар пошел через дорогу к обочине. Внизу в километре от шоссе желтыми квадратиками окон просыпалась засыпанная снегом бывшая вотчина бывших помещиков Блавацких.

– Кум – это хорошо, – задумчиво проговорил Анвар, глядя на проселочную дорогу, петляющую между оврагами.

– Ну что? – громко спросил Василий. – А то можно и в Барановичи. Там починимся и догоним.

– Пусть себе живут с миром, – махнул рукой Анвар и вернулся в автобус.

Василий пнул колесо и пошел за Анваром. Дверь с шипением закрылась, автобус медленно тронулся с места и, оставив позади съезд на Барановичи, поехал дальше по обледенелой трассе – догонять цирковую колонну.

Сергей КРИВОРОТОВ

Астрахань

ИСЦЕЛЕНИЕ

*Чувство выздоровления – одно из самых
сладостных.*

Александр Пушкин

Дни шли за днями, сливаясь в его больном нарушенном восприятии в огненные круги перед глазами, катящиеся через бездны мрака и беспамятства. В эти ничего не содержащие в себе пропасти чёрной пустоты он головокружительно проваливался, долго летел в них, обливаясь липким потом. Налитые чугунной тяжестью ладони падали в никуда рядом, как бы отделённые от его лишённого плоти тела. И чем глубже и дольше длились эти непрекращающиеся падения, тем отчётливее ощущалось леденящее приближение смерти. И тогда каждая живая частица распадающейся личности, вопя от ужаса перед неодолимой неизбежностью, карабкалась к свету из последних ещё остававшихся сил, цеплялась за края крошащейся жизни.

Между этими провалами в ничто случались редкие промежутки просветления, когда болезнь отпускала его разум, и он заново начинал постигать окружающее, словно в первый раз учился читать. Ему казалось, его сознание существует вне времени, которое внезапно утратило обычную линейность, искривилось и смялось, стало

прерывистым, не поддающимся никакому измерению. Непостижимым образом минуты превращались в недели и месяцы, дни сжимались до нескольких вздохов, а часы вовсе исчезали в этой круговерти, словно бы их и не было вовсе.

Чаще для его восприятия оказывалась недоступной в полном объёме даже комната вокруг, поле зрения сужалось до кровати, на которой он постоянно находился. В этот круг света внезапно прорывались лица родных и близких, но теперь он не мог не то что верно различить их выражение, но даже путался – кому конкретно они принадлежат в действительности. Он не мог уверенно определить: реальные они или видятся через искажённую болезнью призму памяти? На тумбочке у изголовья появлялись новые упаковки лекарств, вызывая неодолимое отвращение одновременно со слабой надеждой на возможное исцеление. В мгновения, когда он мог отдавать себе отчёт в происходящем, он и сам сомневался, служат ли все эти таблетки и микстуры поддержкой и заслоном от терзающего недуга или же, напротив, открывают перед ним путь в никуда, откуда уже никак не вернуться.

Кровать стала для него сосредоточием оставшегося доступным узкого мирка, единственным его вместилищем, в котором лишний глоток холодной воды, разжимающий цепкую хватку жажды, становился неизъяснимым блаженством, целью всего существования. Всё окружающее казалось условным, нереальным, как бы пунктирно обозначенным в туманной дымке. Тогда как главным и наиважнейшим становились собственные внутренние переживания, ощущения, нечётко маячившие в сознании, не поддающиеся определению. Огненные круги сумасшедшей колесницей вновь неслись перед его глазами сквозь всеохватную ночь, а подлинная реальность отступала, катилась к чёрту, отстраняемая воспалённым восприятием.

Будто бы и не было за стенами давно привычного большого и разнообразного мира, в котором находилось множество знакомых и не знакомых, не похожих друг на друга людей, в котором он и сам жил до этого прикроватного

существования. И всё же иногда этот огромный внешний мир настойчиво прорывался к больному, преодолевая попытки последнего отгородиться от всего, остаться наедине с болезнью. Новые лица, звуки, предметы... Однако всё это почти не доходило до затемнённого сознания, хотя тот реальный мир ещё продолжал жить раздробленным в его воспоминаниях, напоминая о себе, звал вернуться туда. Его образы ломались, дробились, искажались, но оставались живыми. Они срывались с потрескавшихся от жара губ полузабытыми именами, как жёлтые листья или испуганные птицы с ветвей осеннего сада.

Боль, как теперь казалось, присутствовала всегда. Существование без боли уже представлялось невозможным. Она служила напоминанием жизни, не верилось, что прежде её просто могло не быть. Мир без боли остался за пределами его полностью захваченного болезнью мирка. Иногда боль нарастала, пульсировала, билась, как набухшая вена, с ударами сердца, с каждым вздохом. Ощущение её усиливалось до бесконечности, затмевало глаза, передавалось по телу с током крови. Больной бессильно скрипел зубами, хрипло кричал невразумительное, вырываясь из успокаивающих рук сиделки. Бросал в пустоту страшные проклятья и ругательства, адресованные неведомо кому. Возможно, проклинал жизнь, давшую такую боль, или смерть, упорно не приходившую с облегчением. Иногда боль постепенно утихала сама, иногда вдруг резко уменьшалась после укола иглой шприца, но никогда не проходила совершенно. И он смирился с её наличием, как с постоянной жаждой, как со странно пустым воздухом, которым никак не мог наполнить грудь.

В недолгие минуты просветлений, когда ничто поразительно не беспокоило и не отвлекало внимания ни изнутри, ни снаружи, он размышлял о вероятном скором конце. Не только своём, но и о возможном для всего человечества. Его ужасала перспектива стать ничем, неодушевлённой горсткой праха. А неизбежность отдалённой гибели земной цивилизации придавала в его глазах бессмысленность любой человеческой деятельности. Собственная жизнь на

фоне вероятной в будущем глобальной катастрофы казалась никчёмной, никому не нужной. Эти мысли настолько занимали его в эти моменты, что временами переходили в навязчивый бред. Он видел то страшное пламя атомного апокалипсиса, то лунные горизонты, достигнутые людьми, принимая всё за явь, картины которой прерывались лишь новой вспышкой боли.

И вот однажды стало совсем плохо. Падение в пропасти длилось бесконечно. Лишь изредка тьма урывками расступалась, и в тумане окружающего всплывало чьё-то озабоченное лицо, склонившееся к нему. Но тут же он снова проваливался куда-то с противно замирающим сердцем, и всё путалось в голове, растворяясь в пустоте, уступая место катящимся огненным кругам.

Это была ночь сплошного кошмара и безостановочного липкого пота. Ночь, наполненная его хриплым дыханием и невнятным бормотанием, рвущими тишину. Это была ночь жара и холода, ночь кризиса и ожидания исхода. В эту ночь настал перелом. И когда под утро он наконец впервые забылся крепким спокойным сном, окружающим стало ясно, что болезнь отступила.

Новый день принёс с собой новизну восприятия. Он лежал на кровати, удивлённо озираясь по сторонам, находя повсюду знакомые и незнакомые черты, прислушиваясь к происходившему в нём самом. Голова оставалась ясной как никогда, во всём теле обнаруживалось стойкое ощущение лёгкости и праздника, словно заново рождаешься на свет. Но главное, что он понял не сразу, боль впервые за долгое время полностью оставила его.

Из открытого окна доносились пьянящие звуки большого мира, он ощущал их не только слухом, но всей поверхностью кожи. Ему казался понятен теперь даже язык птиц, радостно галдевших о весне на зазеленевших ветвях сада. Он почувствовал свою неразрывную связь со всем творящимся снаружи, осознал себя частицей этого чуда. Ощутил во всей полноте, до чего прекрасна эта жизнь, необыкновенный дар природы, которого чуть было не лишился из-за болезни. И только тогда понял, что окончательно исцелился.

Ему захотелось встать, подойти к окну, но сил хватило лишь повернуться на бок и смотреть на кусочек ясного неба в раме окне. Он лежал так, пока снова не заснул, и сон его оказался светлым и счастливым сном обновлённого человека.

Теперь окружающее стало восприниматься с необыкновенной остротой. От внезапно появившегося зверского аппетита до жгучего тепла заглядывавшего по утрам в окно солнца. В нём пробудился художник, поэт, музыкант, ребёнок. Только глаза подмечали всё внимательно повзрослому, музыка и рифмы рождались в голове, неуёмная любознательность выплёскивалась на мир вокруг. Каждый новый день помогал ему стряхивать с себя остававшиеся лохмотья болезни, придавал всё новые силы.

Когда же он смог самостоятельно выйти в сад, ему показалось, что всё радостно приветствует его возвращение – от зелени деревьев и молодой травы до криков далёких электричек. От обилия воздуха и солнца кружилась голова. Всё виделось им теперь иначе, чем прежде, словно болезнь придала свежесть взгляда, обновила все чувства. Только после того, как он заглянул во тьму смерти, перед ним открылась вся прелесть продолжающейся жизни.

Болезни больше не было. Он вернулся к своей работе, ища и в ней скрытные источники радости. Но эти старания не увенчались успехом. Он вернулся в большой мир, ожидая встретить обновлённую жизнь, готовый к ней. Но мир этот оказался старым. Работа засасывала без остатка, вернула на своё прежнее место в череду серых унылых будней, не различимых между собой. Он чувствовал в себе силы создать что-то значительное, необыкновенное, ни на что не похожее, о чём говорило бы не одно поколение после его ухода. Но всё больше зарывал эту возможность в бесконечной производственной текучке.

С каждым днём обрётённая им с уходом болезни острота восприятия притуплялась всё больше. Словно на его глазах только что открытый широкоформатный красочный и объёмный мир превращался в плоскую чёрно-белую фотографию. Он ещё радовался случайно

встреченной улыбке, теплу искреннего пожатия руки, волнующему женскому поцелую, но каждой клеткой всё больше ощущал, как быстро теряет своё ненадолго обрётённое сокровище.

Настал день, когда окружающий мир уже ничем для него не отличался от той же унылой комнаты, в которой он оставался наедине с болезнью.

В недолгие минуты рабочего перерыва он присел на ступени бетонной лестницы набережной у самой воды, спрашивая себя: неужели только болезнь могла дать такую прекрасную временную иллюзию? И утрата её на самом деле означает лишь окончательное выздоровление?

Если бы имелось время посидеть подольше вот так, роясь в грустных воспоминаниях, неизвестно, до чего он мог бы ещё додуматься, но время перерыва закончилось, и пора было возвращаться на работу.

Михаил МОСКОВЕЦ

Москва

СТАРЫЙ КОРОЛЬ, МОЛОДОЙ КОРОЛЬ

– Король умер, да здравствует король! – почти скороговоркой.

– Нудно как-то. Ты говоришь не новость, потрясающую государство, а цену на рынке. Надо больше эмоций, понимаешь?

– Король умер. – Отрешенно. – Да здравствует король! – чуть торжественно.

– Нет. Смотри: сначала ты говоришь, что умер КОРОЛЬ – это трагедия, так как его все любят, уважают; он – лицо целого народа. Отсюда грусть, упадок, растерянность. Но затем возникает лучик надежды – наследник, амбициозный и сильный, умный и дерзкий. Вот тут уже легкий трепет, предвкушение чего-то прекрасного, светлого, большого. Понял?

– Король умер, – обреченно и почти шепотом. Затем громогласно и с надеждой: – Да здравствует король!

– Браво!

– Почему я – лучик надежды, если убиваю короля?

– В глазах подданных ты – лучик. Они не знают, что бунт затевается тобой.

– А может, меня как бы подталкивают к бунту? Сам я не хочу, но меня шантажируют там или еще что?

- Не по сценарию.
 - То есть я два в одном – и лучик надежды, и кровожадный бунтарь?
 - Примерно.
 - Ладно. А почему мы репетируем в гараже?
 - У меня пока нет своей площадки, я же объяснял.
 - Прохладно здесь.
 - Ничего, справишься. Иди чаю пока попей.
 - А где Старый король?
 - Опаздывает, наверно. Не звонил.
 - И мы должны из-за него мерзнуть?
 - Хватит ныть. Ты слишком нежен, чтобы убивать короля.
 - Убийство-то я сыграю.
 - Если будешь играть так же плохо, как и говорить эту фразу, – заменю.
 - На кого же? У тебя даже на нормальное помещение денег нет.
 - Бродячих гениев хоть пруд пруди.
 - Ну-ну.
- Мимо гаража проехала машина – дальше на парковку. Залаяла бездомная собака; ее вопль подхватила вторая.
- А королева где?
 - Черт, забыл про нее, – в панике достаю телефон и начинаю искать номер. – Она же не нужна сегодня. Чего ты меня путаешь, идиот?
 - Я – Молодой король, – смеется, – мне все можно.
 - Ржешь ты точно как конь, а не как король.
 - Поуважительнее к королевской особе!
- Слышно, как шины катят по асфальту и тормозят.
- Старый король!

Поднимаюсь с облезлого барного стула и выхожу на улицу. Из задней двери джипа выползает лоскутный костюм-попурри с лицом Аркадия Аркадьевича – знакомого моих родителей и бывшего актера. Правда, актерская деятельность его закончилась еще в студенчестве, лет сорок назад.

Этот пухлый пожилой человек согласился играть Старого короля в моем спектакле. Роль он порывался сыграть

вообще без репетиций, но я убедил его хоть несколько раз прогнать сцены.

– Значит, это ты меня убиваешь? – кивнул он Молодому королю.

– Так точно.

– Не в армии, сынок.

– Простите.

– Что требуется от меня? – обратился ко мне.

Было очевидно, что сценарий Старый король не удосужился прочитать. Пришлось рассказывать.

– Ну, вы – действующий король, уже пожилой. Ваш сын хочет престол и затевает бунт. Потом убивает вас, но, несмотря на это, хоронит со всеми почестями.

– Зачем?

– Что зачем?

– Убивать меня и хоронить со всеми почестями.

– Он любит вас как отца, но быть королем хочет сильнее.

– Странно.

Непонятно было, одобрял ли он мою задумку или нет.

– Давайте репетировать, уважаемый король? – нарушил молчание Молодой.

– Здесь?

– Да.

– А где же... театральное помещение? – Старый король удивленно взглянул на меня.

– На него пока нет денег. Довольствуюсь тем, что под рукой.

– Странно, – он помолчал немного. – Однако давайте репетировать.

Первой сценой был монолог Старого короля – излагает он, что долго правил, завоевал много земель, а теперь чувствует, что конец его близок и т. д. и т. п. Вышло весьма посредственно, но я решил с первых же фраз не придирается к бывшему актеру. Да и, в принципе, это был только первый прогон – основной целью было просмотреть весь текст, так сказать, в действии, а не ставить игру.

Единственным исключением из этой цели стал диалог между Старым королем и Королевой, репетировать который мы не стали: я был уверен в Королеве, поскольку уже

видел ее игру, а Старый король как-нибудь да справится. В любом случае акцент в данной сцене ставился на чувствах женщины, отстаивающей права сына, обделенного отцом.

Молодой король появлялся в третьей сцене, амбициозный и дерзкий – в общем, все как надо; я поднатаскал его актерские навыки, так что по крайней мере образ королевича создавался.

Эту сцену я задумывал как совещание перед бунтом против Старого короля. Однако актеров не нашел – тем более возрастных (советники ведь всегда возрастные), – поэтому пришлось свести ее к монологу-размышлениям Молодого короля о своей жизни, ценностях, целях и тому подобном.

Из монолога зритель понимает, что Молодой король хочет свергнуть Старого; он питает к нему сыновние чувства, однако обижен на отца за высылку из столицы. К тому же нынешнее правление слишком губительно для страны.

Амбициозность и дерзость образа были приправлены задумчивой миной Молодого короля, выдающей то ли глубокие душевные переживания, то ли тупость. Во всяком случае мне понравилось.

Аккурат в конце сцены мимо нашего гаража проехал джип, и за ним тут же погнались дворовые собаки, бестолково лая на крутящиеся колеса.

– У меня еще будут реплики? – перебивая лай, возмутился Старый король, которому не дали показать всю мощь его актерской игры во второй сцене. – Я не зря ведь приехал, у меня дела.

При этом я знал, что никаких дел у него нет, а говорило это уязвленное самолюбие.

– Конечно, следующая сцена ваша, – пришлось согласиться мне.

На самом деле я был готов к такому повороту событий и еще утром набросал сцену, где Старый король узнает, что его сын затеял бунт и двигается с войском на столицу. Сцена проходная, но наш король выложился так, как никогда, кажется, не выкладывался.

Он повышал голос и взмахивал руками в тех местах, где делать это было совсем не нужно, но остановить безудержную его экспрессию я боялся. Отойдя от текста,

он принялся импровизировать, обнажая перед зрителем старую ранимую душу: он-де скучает по высланному сыну, любит его всем сердцем и даже готов отдать престол просто так; ему не нужны корона и трон, а только любовь (!!!). Закончил король вообще тем, что со слезами на глазах заявил об отречении и желании уйти в монастырь.

Мы с Молодым королем аплодировали стоя. Я вполне понимал, что эту импровизацию он забудет и не повторит, наверно, никогда, но сейчас она стала для него всем.

– Браво!

– Браво, король!

Еще пребывая в экстазе от сцены, он выдал:

– Гроб короля должен соответствовать его величию!

– Что?

Кажется, вопрос не входил в его план, отчего и смутил.

– Ну, – начал объяснять он, – когда сын меня убьет, хочу, чтобы на сцене меня хоронили в огромном гробу, – потом задумался. – Или же пусть похороны не показывают, но сын прикажет: «Гроб короля должен соответствовать его величию!»

Я, располагающий весьма скромным бюджетом, согласился на второй вариант.

После душераздирающего монолога Старого короля вполне можно было заканчивать репетицию, но мы согласились продолжать работу.

Предпоследняя сцена – поход на столицу – планировалась больше как образная, нежели артистическая. Опять же ввиду отсутствия большой труппы я вынужден был как-то выкручиваться, поэтому и решил сделать акцент на эффектность: Молодой король должен был идти через всю сцену, что-то выкрикивая и размахивая руками; в это время бы параллельно то включались и выключались свет и софиты, то стучали барабаны; люди за кулисами бы топали ногами и выли; быть может, даже какая-то женщина завизжала бы, изображая насилие, якобы учиняемое бунтующими.

В общем, задумывалось светопреставление!

Не желая портить идеальную картинку в своей голове, я попросил Молодого короля лишь медленно пройти от одного угла гаража до другого и засека время.

– Тридцать секунд. Ну, сорок пять, допустим.

– Это для чего?

– Это ты должен будешь красться по сцене, изображая поход на столицу, – я зачем-то указал на Старого короля, а тот сразу сделал грудь колесом.

– Просто красться? Где же тут поход?

– Все будет – поиграемся со светом и звуком. Ты просто должен плавно махать руками и периодически что-то выкрикивать, зазывая свое войско. Подумай над этим.

– Хорошо.

– Итак, последняя сцена – убийство Старого короля, – объявил я во всеулышанье.

Кажется, даже бродячие собаки заткнулись и наострили уши, а охранник, вечно спящий в своей будке, продрал глаза и прислонил ладонь к уху.

Старый король, поддерживая ту же горделивую осанку, проследовал в темный угол гаража и повернулся к нам лицом. Молодой король стоял около меня.

По задумке они должны были идти с разных концов сцены и встретиться в середине. Молодой король грозит мечом и требует сдачи, а Старый отказывается сдаваться. Само убийство я не продумывал, а решил положиться на импровизацию.

Итак, короли пошли друг на друга.

– Сдавайся, отец!

– Не дамся! – выкрикнул Старый король и сделал вид, что вынул меч из ножен. – Этот священный меч столетиями оберегал нас от врагов. Убережет и сейчас! – он замахнулся на бунтаря.

Молодой король, вопросительно было взглянувший на меня (я дал сигнал продолжать), увернулся от удара и «обнажил» свой меч.

С проворством черепахи Старый король пару раз рубанул своим мечом и после третьего удара уже заметно выдохся. Собрав всю оставшуюся силу, он замахнулся в четвертый раз. Далее произошла феерия: Старый король застыл, все еще держа меч в воздухе, покашлял, «выронил» меч из рук и картинно схватился за живот.

– За что, сын? – промямлил он, падая на колени.

Молодой король, пораженный то ли экспрессией, то ли внезапностью произошедшего, не знал, что отвечать, и тарасился на меня. Я тоже не знал и глядел на Старого короля.

Тот уже двумя руками схватился за живот и поморщился. Было ясно, что он изображает смертельную рану и сценически умирает.

Молодой король стоял над ним, все еще держа двуручный меч.

– Стой так, – по-режиссерски приказал ему, – и лицо трагичное.

Он нахмурил брови.

Старый король бился в агонии (мне казалось, он оценивает, стоит ли идти до конца и падать на грязный гаражный пол или отложить это до премьеры). Он кряхтел и правой рукой искал сына, видимо, планируя схватиться за него и последний раз спросить: «За что?»

Я был шокирован. Мне и правда нравилось то, что я наблюдал. Возможно, я тоже пребывал в некоем экстазе от того, что играли мою пьесу. Написанную мной! Пусть и не самые талантливые люди, пусть в старом гараже, но играли! Мою!

Старый король в итоге все же повалился на пол, решив идти до конца.

– Приглушается свет, стоишь секунд десять, – шепотом Молодому королю, – теперь фразу.

– Король умер. Да здравствует король! – он поднял правую руку с мечом вверх.

– Прекрасно! – я сиял от счастья. Потом вполголоса: – Снова секунд десять, оглядываешься на короля и говоришь про гроб.

Молодой король выждал положенные секунды, неспешно повернул голову на тело убитого отца и величественно приказал:

– Гроб короля должен соответствовать его величию!

Уверен: нас ждет успех.

Александр БАЛТИН

Москва

МУЗЫКА СКОРБИ

Трамвай – из этих новых, напоминающих гоночные болиды – гладко подкатил к остановке, встал, и пожилой человек, вспоминая богатство рынка, с которого возвращался с мамой, вышел за ней, таща тележку на колёсиках, полную снеди...

Мама...

Ей идёт восемьдесят пятый год, но кажется... молодой даже: когда соберётся, когда сама ходит в магазины, готовит обеды...

Мама и сын спускаются по ступенькам трамвайной подножки, пересекают свою улицу, и дома глядят на них многоглазо.

Раньше мама часто ездила на рынок одна, теперь – реже, и сын с нею: она пристрастно выбирает продукты, зная торговцев, всегда мило общается с ними...

Уютная улица, тихая такая, и множественность дворов, перетекающих один в другой, радует тополиным изобилием, пестротой детских площадок.

Мороженая рыба лежит в тележке, и прочее, прочее, а рыбы мыслей, без конца проплывающие в сознание, не дают покоя ему – пожилому, остающемуся ребёнком, живущему во внутренней Византии собственных сочинений...

Он не знает, что счастлив.

Он не ведает, что мама живёт последние месяцы: ведь этого не может быть: она сама шутила, что вечная, понимая,

как худо ему, сынку, будет без неё: несмотря на жену и отличного мальчишку, позднего сынка, – ему, пожилому, седобородому, такому насквозь одинокому, словно обнажённому перед миром.

Они пересекают свой двор.

Мама порывиста, она идёт впереди, у неё столько домашних дел, у неё сын, внук.

Не поверить, что маме идёт 85-й год.

Не представить, что длятся, переливаясь обыденной разностью, последние её месяцы.

Что делали тогда, вернувшись?

Разгружали тележку, квартировавшую обычно на балконе, где мама летом разводила цвета, и сияли они, всей красотой обращённые в мир, переливались огнями лепестков крупные герани...

Разгружали, мама деловито сортировала, куда толстого, скупко отливающего перламутром сазана, куда тугие, налитые помидоры, курчавую зелень, сыр, слезливо глядевший на явь.

Сортировали: обыденно, хозяйски, а он (или ты, не разберёшься с этими определениями) рвался к монитору: всегда казалось, что вот сейчас-то и напишет самое главное, столь необходимое, на деле – ненужное совершенно, хоть и будет опубликовано.

Мальчишка был на даче – со своею мамой.

...как тянул он её, позднюю бабушку, тянул за полу халата: Оля, ку-ку...

И смеялась она, называла его «родной», «котенька» – от котёнка – играла с ним в прятки, с таким забавным, маленьким...

Сколько всего делала ему: одеяльца, подушки, читала стихи, засыпал у неё бывало...

Он живёт и растёт так, будто Оли никогда не было, заняв её, ныне девятилетний, комнату, как она и обещала ему, говоря: Вот когда меня не будет, комната эта будет твоей.

Страшная правда чудовищных слов овеществилась, и он, мальчишка, живёт весело, гости к нему приходят...

А ты чего бы хотел: пожилой, седобородый, сходящий с ума от невозможности обращения: Мама...

Чтобы рыдал он без конца, как рыдаешь ты, когда никто не видит?

Путаются я и ты – попытка смотреть на себя отстранённо, мол, миллиарды живут без «мама», проваливается в собственную малость, нелепость, неумение устраиваться в жизни...

Вот другой мальчишка: совсем в ином районе Москвы, везёт на саночках ёлку, и мама, конечно, рядом, и чёрно-зелёные ветви-лапы пружинят смачно, и снежинки, ювелирные перлы зимы, ложатся на ароматную хвою.

Сколько раз ёлку наряжали с мамой?

Разноцветно вспыхивали тонкие болгарские ёлочные шары, переливались красиво, и украшалась красавица: таинственно, как в сказке...

...помнишь, мама, Болгарию?

Деда Борю, некогда бежавшего из революционной России, осевшего в ней, обретшего там второй дом: семья, дети...

Мы жили у него: чрезвычайно аккуратного, несмотря на возраст, всё делал сам, и чистота в квартире была какая-то набожная; готовил нам блюда национальной кухни; а когда гуляли по Софии, рассказывал о многом.

Церкви поразили: совсем не похожие на русские, иной тип православия – о чём не думал тогда, не думал совершенно.

А ты так молода была, мама, ты всегда оставалась молодой...

Тяжёлая скорбь сочится из меня, выходит в мир тугими кольцами, мне не становится легче...

Музыка скорби окрасила мою жизнь – то, что осталось от неё, все пятнадцать месяцев после мамы слушаю эту музыку, не чувствуя маму: ведь должна же где-то быть!

Ведь не могло такое чудесное человеческое существо исчезнуть бесследно...

Вот она в пёстром байковом халате, что висит на гвоздике за дверью её комнаты, разбирает холодильник; он будет очень мясной, плотный, крепкий, хоть и дрожащий, как положено.

За день до моего дня рождения: обыденный ритуал, только не вообразить, не представить, что это последний день рождения вместе...

Мама разбирает мясные волоконца, я мелко режу чеснок, что ложится на дно специальных судков; и большая красная кастрюля на плите почти опорожнена.

– Быстро управились, – говорит мама устало.

Последние дни её...

...там должно быть всё иначе: но – насколько не представить жизнь вне тела, настолько не оторваться от мозаики воспоминаний, причём какое-нибудь мелкое – вдруг подбрасывает память – становится столь саднящим, что ни слёз не сдержат, ни дома усидеть: идёшь наугад.

Дом, квартира эта: теперь – с вырванным сердцем, со звенящей пустотой, пронзающей весь твой состав...

Халат висит на гвоздике, за дверью маминой комнаты, занятой теперь мальчишкой.

Халат висит: снимал его, заворачивался в тёплые слои, выл, чувствуя, как всей жизнью своей виноват перед мамой, и не становилось легче – совсем, совсем...

...отец умер, когда тебе было девятнадцать, и несерьёзность возраста примиряла с потерей, а тётушке, очень близкой, с которой дружили, на вопрос, ответил: совсем...

– Папа умер, – сказал в телефон.

Она охнула:

– Как?

И ты ляпнул это нелепое, острой молнией режущее:

– Совсем.

Тогда не думал – о Боге, том свете, посмертье; потом передумал и перечувствовал столько, что не пришёл ни к чему, ни к чему, ни к каким выводам.

Совсем.

В одиночестве было уютно: можно было заворачиваться в мягкие его слои, видеть парящие замшелые мосты, византийские лестницы, дороги Тридцатилетней войны; видеть космос: ощущать его – космос духа, соприкасаясь с которым писал свои...

...стихи, рассказы, сказки...

Мама читала всё.

Публикаций было много, возможно, мама гордилась тобой, делилась с подругами: там напечатали, такую-то премию дали...

Какая чепуха!

Всё это, весь этот словесный хлам не стоит и капли живой жизни мамы.

Мы были вместе, ма, драгоценная вечная ма; была полнота бытия, и – прокололи её, сдулось всё, осталась эта полумёртвая квартира, и я – твой пожилой, ничего толком не понявший в жизни сынок, вновь пытающийся строками оживить былое, хоть так вернуться в него, навсегда запретное.

Григорий НЕДЕЛЬКО

Москва

ВИРУС ОБРАЗОВАННОСТИ

(Предостережение словеснику)

PreS. Ввиду сложившихся серьёзных обстоятельств, которые и опишу далее, нижайше прошу ознакомиться с моим посланием как можно раньше.

Здравствуйте, уважаемый N!

В наше крайне непростое время, когда любой инакоговорящий и инакомыслящий может быть с лёгкостью деструктурирован, всё-таки отправляю вам очередное телепатическое письмо. В нём хочу не только поблагодарить за слова, которыми вы, несмотря ни на что, продолжаете меня снабжать, и попросить новых знаний, но и помимо прочего озвучить необходимые предостережения.

Дело же вот в чём: с недавних пор за моим сознанием началась слежка. Могу ошибаться, но связываю это с лексиконом, возросшим благодаря вам неизмеримым образом. Впрочем, всё не так просто...

Несомненно, слова, что я покупаю у вас по весьма приемлемой цене, вполне обоснованно покажутся служителям власти ненужными и опасными. Однако я, как настоящий хай-энд-сапиенс, не мыслю жизни без живого и обширного лексического запаса. Я даже состою в оппозиционной, если не сказать реакционной, партии «За свободу слова!», борющуюся за права речи, мысли и письма в чересчур бы-

стро развивающемся мире. И тем не менее, обращаясь к вам, пусть себе во вред, постараюсь использовать достаточное количество единиц панроссийского языка. Хотя бы как дань уважения к вашему трудному, рискованному занятию и поскольку современная грамота (разговорная, письменная, деловая...) вызывает у меня острый приступ негодования, разочарования и изжоги.

Известно, что Словарная полиция способна просканировать любой разум при помощи новейших достижений техники и науки, вроде имплантированного телесканера. Поэтому зашифрую данное письмо на всех возможных каналах и пошлю по частям, вразнобой, на неосновной ваш адрес.

Ситуация у меня сложилась чрезвычайно неблагоприятная. Недавно, как вы наверняка знаете, был подписан закон о скорейшем всеобщем оскудении словарных средств, который я, будучи работником экрана и клавиатуры, вынужден соблюдать особенно рьяно, чтобы не попасться на глаза карающим структурам. Мало этого, ещё и X, мой коллега, сосед и *бывший* друг, написал на меня донос. В одном из предыдущих писем я подробно изобразил собственное недовольство, и более того – ярость, вызванную принимаемыми в последнее время законами. Просто не осталось сил терпеть все эти циркулирующие в большинстве общества сухие фразы, постоянные неологизмы, заимствования, коротенькие предложения, нецензурщину, сленг, косноязычие и слова-паразиты: «легендарные», «гениальные», «на самом деле», «истории» – и иже с ними! Люди тупеют и отупляются, и становятся сами себе врагами, палачами, предателями!

Конечно, ум и его сопутствующие чуть ли не превзошли действие и проникли всюду: в управление, наказание, развлечение, спорт, досуг... Телегонки, мыслевикторины, ментопытки, прокачка сознания и прочее, и прочее. Разум пытается главенствовать над телом. Однако при всей своей мощи свободы изъявлению мыслей категорически не хватает. И точно бы нет тому исхода!..

Пишу столь подробно, дабы вы ясно представляли, что именно подвигло разумного человека прибегнуть к в высшей степени радикальным мерам. Кроме того, в случае

возникновения у меня ещё более серьёзных проблем – а сложность ситуации очевиднее некуда! – это письмо может послужить пускай слабым, но оправданием в глазах представителей Официального Суда Линча.

Итак, мне пришлось сделать многие из приобретённых у вас и полученных иным образом слов общедоступными. (Повторюсь: нет возможности далее выносить творящееся вокруг!)

Однажды, воспользовавшись служебным пропуском по благовидной причине – мне якобы требовалось загрузить чисто техническую информацию в один из отделов Главного компьютера Города, – я подсоединился к центральному процессору. Работая писателем вот уже пару веков, я заслужил отличную репутацию и многие привилегии. Но если бы вы только знали, насколько опостылело создавать и публиковать лишь разного рода документацию и прочую бюрократию! Отчасти и потому решил я подарить людям истинное, подлинное Слово. Чётко понимаю, что далеко не все и отнюдь не сразу примут граничащее с революционным бунтом самопожертвование, однако убеждён, что в будущем описываемые действия отзовутся наилучшим образом.

Что же я сделал. Всё очень просто: перегрузив на мгновение память и процессор Главного компьютера огромным объёмом никогда не существовавших, заготовленных заранее слов, забил в базу данных несколько десятков тысяч слов «позабывших» из нескольких десятков языков, на территории Земного содружества почитающихся «умершими». А после – открыл к указанной информации доступ всякому желающему.

Тут вы воскликнете: что же ты натворил, безумец! И будете тысячу раз правы. Я и сам не сразу осознал, что сделал, прежде чем последствия, вначале микроскопические, но с течением времени всё более ощутимые, не вторглись в мою жизнь. Да и не мою одну, конечно, – жизнь целого многомиллиардного народа, а не только отдельного города.

Вы наверняка замечали новые, а вернее будет сказать, старые слова, то и дело появляющиеся в вездесущей ре-

кламе, опостылевших документах и практически исчезнувшем с лица планеты настоящем творчестве. Сложные определения и причастия на баннерах, «дражайший» и «милейший» в передачах и трансляциях, нетехническую лексику в потихоньку возрождающихся литературных произведениях... Короче говоря, бессчётные и, казалось бы, неуместные единицы речи в различнейших областях. Так вот, всё это моих рук и мыслей дело.

Теперь-то картина происходящего ясна мне в полной мере – или хочется в это верить. Но поймите, уважаемый N, тогда мной правила злость.

...Что ж, сделав своё чёрное дело, я закрыл и зашифровал все каналы, выполнил работу, для которой будто бы пришёл, и удалился...

Бедные госструктуры! Как же они силились понять, кто запустил вирус образованности в годами выглядевшие предельно защищёнными каналы! И народное правительство наверняка было вне себя!.. Ну что ж, вот его гнев, возможно, и добрался до вашего покорного слуги.

Что бы ни послужило причиной моих бедствий: словарный запас, кой я при общении с разными людьми всячески стараюсь контролировать, либо, быть может, выдуманый, высосанный из пальца донос X... или, не исключено, моё членство в партии «За свободу слова!», а возможно, и просчёт в описанных только что безумно рискованных действиях... Словом, мной заинтересовалось следствие.

Началось всё с банального: «Мы зададим вам пару вопросов», а завершилось тотальной слежкой и дистанционным прочёсыванием разума и психики. Вернее, не завершилось – продолжается... И я мыслю правду, ведь подобное нельзя не заметить, особенно если ты эмпатотелепатическая личность. Не исключено, что где-то в верхах уже, без лишних сомнений, подмахнули нематериальный приказ о моём безоговорочном стирании.

Вот почему я пишу вам. Да, вокруг полным-полно людей нехороших, злых и завистливых – но верю, что не меньше и правильных, честных, добрых. Надеюсь, что передаваемые знания не повредят вам. Как успел выяснить из нашего ментального общения, вы человек искренний

и борющийся за правду. Потому и уверяю с чистым сердцем собственную судьбу в ваши руки и голову.

От ошибки же никто не застрахован. В любом случае, где бы ни всплыло позже это письмо – а оно обязательно всплывёт, будьте уверены, – последствия, вызванные причиной его написания, ИМ вряд ли удастся так уж просто нивелировать. По крайней мере, в ближайшее время. Мы ещё поглядим, кто победит в этой новейшей войне!..

Остаюсь искренне ваш
технический каллиграф первой ступени
Л.Н. Т.

P. S. Если совсем прижмёт, попытаюсь сменить место жительства, внешность, голос, образ мыслей и т. д. Так что, думаю, вам не имеет смысла и даже рискованно связываться со мной. Существующий канал закрою, а когда создам другой, напишу сам. Надеюсь, вы поддержите моё смелое начинание, хотя сознаю, что ввиду обстоятельств риск для вас колоссален. Высылать свежие слова можно тем временем на прежний патадрес; оплату гарантирую. Viva Grammata!

Никита КОНТУКОВ

Подольск

ПРИСНИЛОСЬ

Виктор думал, что никто ничего не узнает. Он работал таксистом, по вечерам забирал Лену, которая торговала на рынке, приходил домой поздно и, не ужиная, укладывался спать. Жене Ларисе он говорил, что очень устал на работе. Виктор был уверен, что с ним ничего не случится. Он избегал объяснений и всей душой ненавидел женские сцены.

Лариса до поры хранила молчание, словно она и правда не замечала, что супруг стал рассеянным и всё чаще возвращался за полночь. А Виктор всегда был начеку: когда начинались расспросы, он выдвигал встречное обвинение в параноидальных подозрениях.

Неделю назад соседка Ольга Эдуардовна, толкая перед собой магазинную тележку, рассказала Ларисе о Лене. Она видела, как Виктор долго тёрся возле прилавка овощей и фруктов, как он улыбался, был весел и беспечен, как смеялся с молодой продавщицей. Поначалу Лена, охаявая соперницу, думала выдрать у неё все косы, но потом решила, что будет лучше понаблюдать за мужем, за его беспокойным поведением, выследить их и объявиться не в свою пору, застав любовников врасплох. Виктор был всё так же весел, хотя и висел на волосах, словно Авессалом. На волоске. Отговорки всегда найдутся. Если его прижмут к стенке, он не растеряется: с торговкой они

старые знакомые, из одной песочницы, дружат давно и крепко.

Однажды ненастной осенью он пришёл домой совсем поздно. Часы показывали половину второго. Лариса ещё не ложилась. Он заметил, как она, выйдя в коридор, посмотрела на него со значением. За полы её халата цеплялась, как бабочка, цапучими лапками, трёхлетняя Даша, а проказник Михаил, учившийся в пятом классе, выглядывал из приоткрытой двери, освещавшей край ковра.

– Ты бы хоть детей уложила, – пожурил Виктор жену, небрежно скидывая ботинки. Он наступал первым, чтобы не оказаться в положении виноватого. – Время – второй час...

Он казался совсем изморенным и обессиленно плюхнулся на стул. Пот стыл на его лбу солевой испариной.

– Не хочешь ничего рассказать? – спросила Лариса после напряжённого молчания.

Виктор вскинул на неё глаза, изобразив неподдельное удивление.

– Где ты был?

– С другом засиделся, – врал Виктор, как высокие партначальники про коммунизм. – Давно не виделись. Решили встретиться. Ну и вот...

Лариса разглядывала его с пристальной обстоятельностью.

– А друга как зовут? Случайно не Лена?

Виктор порывисто вскочил, заморгав от неожиданности, точно хотел избавиться от соринки в глазу. Его как будто ударили обухом по голове. Разоблачили, да ещё так нелепо!

Впрочем, он горячо защищался: он не знает никакой Лены!

– Я сама видела, как ты заигрывал с той девицей. На рынке, возле прилавка овощей и фруктов.

Отпираться было бессмысленно. Виктор съёжился – виноватый, приплюснутый человек, не знающий, что сказать в своё оправдание и заранее согласный на любую кару. Но Лариса и не думала закатывать истерику. Она положила

руки ему на плечи, подтолкнула в сторону комнаты, запахнув дверь и щёлкнув выключателем.

– Ступай. Тебя ждёт доктор.

Виктор, семена, оборачивался.

– Доктор? Зачем доктор? Мне не нужен никакой доктор. Я совершенно здоров.

Он досадовал, что привычные жизненные подпорки рухнули в один миг и он оказался замаран до такой степени, что теперь не отвертишься. Так хорошо, так крепко была устроена его прежняя жизнь: полотенце всегда свежее, носки заштопаны, щи горячие. Он ужинал, она сидела напротив и смотрела с каким-то умилением. Он ей рассказывал что-то про работу, про то, какие странные бывают пассажиры. Иногда жаловался, что заказов стало меньше, а арендная плата, которую приходится вносить каждый день, всё выше да и с ценами в их населённом пункте дела обстоят неважно; что для частного извоза на своей машине потребуется статус индивидуального предпринимателя и лицензия на перевозку пассажиров, что сопряжено с неприятными бюрократическими процедурами и дополнительными расходами, не говоря уже о частом посещении автосервиса, поскольку работа ведёт к большому износу деталей и узлов автомобиля. Она слушала и не задавала лишних вопросов. Он был счастлив. И вдруг лишиться всего в один миг.

Доктор сидел в своём широком кресле, был спокоен, почти вял. Взгляд умный, светлый, гордый собственным всеведением, но в то же время излучающий бесконечное терпение – взгляд эскулапа, для которого живой пациент всегда лучше мёртвого.

Виктор сел напротив, удивлённый этим неожиданным визитом. Здоровье не причиняло ему беспокойства. Мучила только бессонница в последнее время.

– Это вам только так кажется, – предупредил врач. Голос его был ровен и мягок. – Напридумывали тут себе всякого – и жену, и детишек, и любовницу...

– Так что же это, ничего нет? – спросил Виктор, осенённый страшной догадкой.

– Нет.

– А что же тогда есть?

– Ничего нет. Всё только предстоит создать, придать всему смысл, исправить бесчисленные несовершенства.

– А как же Лариса? – Виктор обернулся, всё ещё недоумевая.

Доктор развёл руками.

– Вот видите, уже никого нет. И никогда не было.

Виктор оказался в просторном светлом кабинете городской больницы с длинными коридорами, по которым шли в лёгких парах хлорки строгие медсёстры.

– Сейчас вы уснёте – и всё будет хорошо, – успокаивал врач.

Виктор сидел угрюмый. Потом встрепенулся, выходя из глубокой задумчивости.

– И Елабуги никакой нет?

– И Елабуги нет, – со спокойной рассудительностью ответил доктор.

– Ну как же... Я ведь там вырос – детство, школа, первая любовь, сирень, опять же. Понимаете?

– Так всегда бывает, когда только просыпаешься. Кажется, что всё на самом деле: и ягод собрал полный бидон, и солнце светит, и море тёплое. Но потом приходится просыпаться. Сейчас вы уснёте и проснётесь совсем другим человеком: никакого осунувшегося лица и мятых подглазий с глубокими тенями, набухших век, подавленности, физического изнеможения. Бессонница больше не будет вас мучить.

Доктор досчитал до трёх – и Виктор отключился. Проснулся он в какой-то глухой деревеньке с косным, патриархально-родовым укладом. Старый домишко, ветхий, почерневший от времени. Тёмные сени с бочонком воды, набранной запасливым хозяином из колодца. Русская печь, на которой выводили гусят. Кислая вонь засаленных тряпок. В углу – божница с Богородичной иконой и лампадкой на закопчённой цепочке. Настенный ковёр с оленями, разумеется. Просторный двор, по которому бродят вперевалку гусыни. В закуте хрумкает хавронья капустный лист.

Виктор встал с постели, лениво потянулся, выглянул в окошко: какая-то толстая крестьянка носила вёдрами зерно из амбара и веером, швыряя пригоршни, рассыпала на дворе – прожорливая птица всё подберёт. А загнутая крючком старуха с заветренным, морщинистым лицом вытаскивала яйца из-под кур, отмахиваясь от злобно клекотавшего рыжего петуха.

– Да у вас тут идиллия, бабоньки, – сказал Виктор, выйдя на двор. Он испытывал чувство какого-то радостного освобождения, вскрытого нарыва, что ли. – Всё в хозяйстве приспособлено: перина мягкая, подушки взбиты, молоко свежее, яйца, сметана... Не жизнь – сказка!

Потом он спохватился, озабоченно глянув на часы – простите, мол, неотложные дела.

– А как до Елабуги добраться? – спросил Виктор. – Мне родителей повидать надо.

– Какой Елабуги? – переспросила крестьянка.

Молодая женщина уверяла, что живут они с Виктором давно, что у них четверо ребятишек да ещё трое погибли в младенчестве то ли от крупа, то ли от дифтерита и что никакой Елабуги на карте нет. Старуха ей поддакивала, скаля беззубый рот. Виктор ходил по соседям, узнавал: все точно сговорились – нет и никогда не было. Приснилось ему. Такое случается: приснится человеку какая-нибудь небыль, которая пришлась ему по душе, он и заладит своё: «Елабуга, Елабуга! Родителей навестить еду». А у Виктора родители померли давно, лежат себе на деревенском кладбище, недалеко от пустой толоки, где паслись козы, выдравшие весь луг. Давно это было, из памяти вырубил крепко – вот Виктор и забыл.

Идти ему было некуда. Он вернулся к толстой крестьянке, с которой у него четверо детей, и её старухе.

– Устал я очень, – сказал Виктор. – Устал. Правда.

Она утешала его, как могла, прижимала к груди. Говорила, что нужно брату письмо написать: у него же брат под Псковом, пусть приезжает на долгое гостевание. Виктор кивал, но ничего не мог понять – какой ещё брат? Не было никакого брата!

– Не спал я, вот что. Третью ночь не спал... – Он лёг, сложил ладони лодочкой и убрал их под щеку. – Выспаться мне надо.

Его охватило ватное безразличие ко всему происходящему, тяжёлое желание спать долго, без просыпу. Голова его, точно налитая свинцом, запрокидывалась назад, глаза глядели очумело.

– Треть жизни проводим во сне. А я уже какую ночь не сплю.

Умаянный, он заснул скоро. Тихо сопел и спал, свернувшись в калач эмбриона.

Когда Виктор проснулся, он ничего не помнил – ни Елабуги, ни своей жены Ларисы, ни рыночной торговли Лены. Словно ничего и не было. Словно всё только предстояло создать, придать всему смысл, исправить бесчисленные несовершенства.

Стихи по кругу

Михаил ПЕСИН

* * *

Поэзия – дело весёлое!
Не майся, мурыжа перо, –
чертоги её невесомые
возводятся не топором.
Они из восторгов и выдохов
возносятся на кураже.
В них рифм хулиганские выходки
сверкают стеклом витражей.
В них шпили метафор высокие
искрятся в рассветных лучах
и бабочки звуков весёлые
порхают, гортань щекоча.
Поэт лишь похож на старателя,
что поиском тяжким томим,
по сути, он – скрипка Создателя,
к щеке прижимаемый Им.
Не дёргай струну – не получится!
Нет музыки в сердце пока,
оно не взорвётся созвучием
под властным касаньем смычка.
Когда ж, тем созвучьем влекомая,
строка в облака воспарит,
начнётся работа весёлая –
Поэзия, чёрт подери!

* * *

Бывало, и мне Б-г нашептывал звуки,
текли акварелью, сливаясь, слова,
и были внезапно талантливы руки,
отзывчивы струны, светла голова.
Вокруг исчезали и стены, и люди.
Смещались пространства, эпохи, цвета.
Я видел, что было. И ведал, что будет.
И сладкие руны струили уста.
Бывало? Бывало.
Но чаще бывало
и то, что и рад бы, да не позабыть:
как строчкой средь ночи с кровати сдувало
к столу и... смолкала звеневшая нить
приснившейся песни.
Моля, – не исчезни! –
блуждая на ощупь меж звуков и мем,
я тщился расслышать пропавшую песню,
но слух был оглохшим, и голос был нем.
Я выл! Я кидался в кусты краснотала.
В гулянки. В любви.
Чтоб вдруг на бегу
услышать средь грохота зов запевалы
и шёпот над ухом божественных губ.
Бывало? Бывало...
Ужель теперь в прошлом?
И немощь не в том, что аккорда не взять, –
что песен потуги и пресны, и пошлы.
А Б-г... утомился шептать.

Людмила БАНЦЕРОВА

Рязань

* * *

Я воды принесу – мне б успеть допоздна.
По сугробам иду до большого колодца.

И в округе такая стоит тишина.
И не так уж легко мне на свете живётся.

А я воду ношу, – тяжело под рукой...
Я сражаюсь сама с безутешной печалью.
Как вода тяжела, мне б назваться рекой,
и ветра надо мной моё небо качают.

А я воду ношу – до тепла далеко...
Там дома опустели за долгую зиму.
Надо мной небеса, – не достану рукой.
И в колодце вода отстоялась – незрима.

И проходит мой день, затихает вдали.
А я воду ношу, – вымеряю шагами.
Как светлеет душа, и снега подошли,
и деревня глядит на меня огоньками...

Тогда все живы были

А снег летел и на задворках падал,
с небес печальных зримо снизойдя.
А снег летел, наверно, так и надо,
Божественным касаньем холода...

Тогда все живы были, слава Богу!
И только снег... В излучине дорог
мерцали фонари, и понемногу
и день темнел, и освещался кров.

И было время: Новый год встречали.
Спускалась шумно с горки ребятня.
И было слово тихое вначале.
Тогда все живы были у меня...

Я помню, громко плакала навзрыд,
а снег летел, вне всякого сомненья.
Я доставала мамино варенье,
а мир уже снегами был сокрыт...

И старая кровать, и одеяло...
Я помню, как на стульчике стояла,
мне было пять, и мир огромен был.
А за окном нежнейший месяц плыл...

* * *

Тихо спит в кровати брат мой маленький,
завтра в детский сад его вести.
Закатилось солнце за проталинки.
Господи, ты маленьких прости...

Спит себе, и так дырявы валенки –
в них ещё проходишь до весны.
Я прочту тебе – «Цветочек аленький».
Господи – не допусти войны...

Снег идёт в Рязани – город старенький...
Господи, ты маленьких спаси!
Мы семьёй когда-то жили в сталинке,
время пронеслось – и не спросить...

А в тетрадке крестики да нолики.
Снег легко идёт по всей Руси...
Спят пока Серёжки, Васьки, Оленьки.
– Господи, ты маленьких спаси!

Денис ПОПОВ

с. Усть-Цильма, Республика Коми

* * *

Из друзей моих мёртвых
Нету павших в бою.
Но из аэропорта
Борт военный на юг –

Знаю – завтра уходит.
С ним и друг мой живой.

Под церковные своды
Провожая я свой

Взгляд с молитвою, точно
Самолёт вдалеке.
И горячею точкой
Стынет воск на руке.

Анна ЗВЁЗДКИНА

* * *

О, это право не владеть ничем,
По осени легко прощаться с солнцем,
Не вымогать речей у тех, кто нем,
Не ждать, что уходящий обернётся,
Пришедший – прирастёт к твоей душе –
Шифоновая лёгкость и полётность,
Где ни замков, ни строгих сторожей.
Ты спросишь – безучастность, беззаботность?
Скорее, бесконечность. Стихнет боль,
И станет жизнь податливой, просторней.
Ты просто превратить себе позвошь
Бутоны кулаков – в цветы ладоней.
Сказав «моё!», вмиг станешь беден, гол.
Сказать «возьми!» – что из ручья водицы
В пустыне отхлебнуть... Кто в дверь стучится? –
То нищий Бог с дарами к нам пришёл.

Лариса БУХВАЛОВА

Павлово, Нижегородская область

Благовещенье

Истёрт и камень, дом давно исчез.
Истлело время, но на древних плитах

Свет благодати, несказанный свет
Благословенный, тайною покрытый.

Войди под своды, ветхий человек,
Из суетной борьбы на остров малый.
И ощути Его благую весть,
Чтоб дальше жить и помнить свет начала.

Между толпы досужей проходя,
Как бы обычный, как комочек глины,
Но свет несущий, тот, что ждёт тебя,
За гранью тела и за гранью мира.

И ты его несёшь по мере сил.
А там, представь, как к Деве простодушной
Приносит весть архангел Гавриил –
Принять не то что свет, а Плод Насущный,

Который станет Светочем всему,
Которого надломают и отринут,
Венец наденут, скопом оплюют
И осмеют, распяв Его над миром...

И будет Дева с лилией стоять,
И цепенеть, благословенна в женах,
И свет невыразимый осязать,
Такой лилейный, чистый и бездонный.

Сергей КУЛАКОВ

Ялта

Китайская статуэтка

Мой алебастровый дракон,
Посланник пестрого Китая,
Чуть высунутым языком
Пространство сладкое лакает.

Здесь, в чуждедальной стороне,
Ему Бейдзин далекий снится,
Стена пурпуровых камней
В чудесной, золотой столице.

И мысли в прошлое плывут,
Туда, где под открытым небом,
В благоухающем саду
С ним богдыхан ведет беседу.

Как ласково текли слова,
И так был нежен теплый вечер,
Что шелковой луны овал
С небес соскальзывал навстречу

С цикадами и с соловьем,
В ветвях запутавшемся где-то,
И засыпавший водоем
Вдруг зажигался лунным светом;

И к наступавшей темноте
Какой-то звук мешался странный,
Как будто звезды в высоте
Считали палочкой стеклянной.

Все замерло потом вокруг,
Минуты вечностью казались,
И все теряло смысл, и вдруг –
Столетия долгие сжимались.

Из будущих книг

Виктор КАРПЕНКО

МИШКА

Повесть

Глава 1. Перегон

1

Утро выдалось тёплым, безветренным и до странности тихим. То ли к смене погоды, то ли напуганные гулом самолётов птицы попрятались в лесной глуши, но их щебетания, как в былые дни, не было слышно, как не слышно и кваканья лягушек. Мальчишки, закинув удочки, наблюдали за поплавками в ожидании поклёвок и тихо переговаривались.

– Как стадо отгоним, ты куда пойдёшь? – поинтересовался Лёшка у своего закадычного друга Михаила. Тот, пожав плечами, неуверенно ответил:

– Ещё не решил... Всё будет зависеть от Володьки – как никак старший брат. Я бы, конечно, на фронт, с немцами воевать... Как отец! Но мать дома с Катькой осталась... Им без мужика в доме никак: ни воды наносить, ни дров наколоть...

– Воды наносить... – гундося, передразнил Мишку Лёшка. – Кому? Корова ваша ноне в колхозном стаде, да и бычка тоже в колхоз забрали... А на две козы да для поросятки и матушка воды сама принесёт. А что до дров, так к зиме фашиста наша Красная армия прогонит...

– Хорошо бы. А то вон как давит, что те трактор! Я вот о чём думаю: мужиков-то побрали всех в армию, кому урожай-то убирать?

– Это да, – согласился Лёшка и шумно вздохнул. – В деревнях только бабы да девки... тяжело им придётся. А мне мать наказала в райцентре у тётки Фроськи остаться. Говорит, заводских, хотя она в столовой, но всё-таки на заводе работает, отправят в тыл, и ты с ними поезжай.

Лёшка хотел ещё о чём-то рассказать, но Мишка его остановил:

– Во, у тебя никак клюёт... Тяни!

Алексей дёрнул удилищем, вырезанным из орешника, и выхватил из воды карася – большого, золотистого, с яркими красными плавниками.

– Хорош! Не чета нашим-то!

– Так наши карасики хоча и мелкие, зато их много. А тут за всё утро только один...

– Ничего, клёв только начался. Ещё наловим, – уверенно произнёс Лёшка, сажая карася на кукан.

Но, видимо, наловить карасей ребятам не судьба: над лесом повис гул, усиливающийся и приближающийся.

– Самолёты, – задрал голову, тихо проговорил Мишка. – А вдруг наши...

– Не-ет! Наши бы шли оттуда, – показал Лёшка рукой на восток, – а эти идут из-под Лохни.

Вскоре показались самолёты с чёрными крестами на крыльях. Они шли низко, надрывно гудя, и их было много.

– У, гады! Поди, летят Киев бомбить или Великие Луки. Я слышал, как дед Семён говорил, что немцы ещё в воскресенье Киев бомбили...

– Да где тот Киев?! Нет. Это ближе... А как же наши летуны? Наши-то что? Неужто сталинские соколы позволили им бомбить? – возмущённо воскликнул Мишка. – Всё! Сворачиваемся, – решительно тряхнул он нестриженной головой. – А то дед Семён нас хватится... крику не оберёшься!

– А что с карасём делать будем? – оторопело развёл руки Лёшка.

– Отпусти. На что нам один? Одна морока с ним, – махнул рукой Мишка. – Догоняй! – крикнул он, торопливо поднимаясь по тропинке от лесного озера, спеша на луговину у небольшой речушки, где паслось колхозное стадо почти в полторы сотни коров и которое им – деду Семёну, Лёшке, Мишке и его старшему брату Владимиру – предстояло перегнать в райцентр на железнодорожную станцию. Туда сгоняли скот со всего района, чтобы отправить его по железной дороге за Москву, в Тульскую область. Так об этом говорил председатель колхоза Дмитрий Петрович, ставя задачу деду Семёну. Наказав в конце:

– Ты, Семён Ильич, старший. И потому отвечаешь за каждую коровку. Вернёшься, представишь передаточные документы. Я тебе вручил сто сорок семь бурёнок, столько же и сдашь. За каждую пропавшую корову головой ответишь, – предупредил председатель.

И так третий день по только деду Семёну известным лесным дорогам гнали к райцентру пастух и трое подпасков колхозное стадо. И вроде недалеко, но дороги были забиты отступающими частями и беженцами. Потому и гнали стадо окольными путями. Но, как заверил дед Семён, сегодня к вечеру должны подойти к станции.

2

Когда появились рыбаки, дед уже не спал, как и коровки, напуганные гулом самолётов. Ушедшим без спросу мальчишкам он ничего не сказал, лишь значительно погрозил кулаком. Подозвав Владимира, Семён Ильич распорядился:

– Станешь в голове стада. Поведёшь вдоль речки до той берёзовой рощи, а там выйдешь на дорогу, и уже до самого райцентра с божьей помощью дойдём. А вы, огольцы, – строго сдвинул мохнатые брови дед Семён, – поглядывайте по сторонам: место здесь возле речки топкое, как бы беды не случилось.

Стадо медленно и как бы нехотя потянулось вдоль опушки леса за головным – Володькой, незатейливо игравшим на свирельке, к звуку которой коровки уже попривыкли и теперь, мыча и бодая друг дружку, следовали за пастухом.

Вот и дорога – пыльная, забитая бредущим народом, автомобилями, изнурёнными солдатами. Кое-где в непрекращающемся людском потоке проглядывала «эмка» какого-нибудь начальника или с большим красным крестом на тенте, гудя и останавливаясь, проходила санитарная машина.

– Пойдём вдоль дороги, – принял решение дед Семён. – Вы, мелкота, не давайте коровкам приблизиться к идущим по дороге людям. А то потом не выковырнем их оттуда. Через пару часов остановимся: по пути будет небольшой прудик. Там устроим дойку. Вечером-то не подоили. Вот теперь коровки и взбрыкивают!

– Деда! А кто доить-то будет? Мы же вчетвером не управимся... Вспомни, в первый день, почитай, часа четыре доили. Так то в лесу было... – поинтересовался Мишка.

– Ничего, найдём помощников. Вон по дороге сколько баб бредёт. Неужто от молочка откажутся?..

Но не суждено было стадо довести до пруда: на колонну, что брела по дороге, налетели немецкие самолёты. Люди бросились врассыпную, перемешавшись с перепуганными и мечущимися коровами. А сверху падали бомбы... Как только бомбардировщики закончили своё чёрное дело, налетели истребители-стервятники с чёрными крестами на крыльях. Они с устрашающим рёвом пикировали, поливая горячим свинцом из пулемётов пытающихся спастись людей. Делали это не спеша, раз за разом возвращаясь к мечущимся на поле беженцам, коровам, автомобилям с красными крестами... Исчерпав боезапас, ушли, оставив сотни убитыми и ранеными.

Мишки повезло: когда началась бомбёжка, он упал в ещё дымящуюся от взрыва воронку, тем и спасся. А вот его другу не подфартило: осколок прошил голову. Лёшка умер не мучаясь, мгновенно.

Мишка выполз из своего убежища и утонул в криках о помощи, в воплях по убитым, в рёве раненых и перепуганных коров. Увидев деда Семёна, он подбежал к нему.

– Деда?! Ты Вовку не видел?

– Жив твой брательник. Вон коровушек ловит. И ты помогай. Может, хоть что-то из стада спасти удастся... Иначе мне тюрьма! Да и Володьке тоже не поздоровится!

Только к вечеру удалось согнать в стадо сорок одну корову. Остальные были или убиты и ранены, или разбежались. Оставшиеся мычали и жались друг к дружке.

Лёшку похоронили в одной из воронок вместе с ещё четырьмя погибшими. Таких могил было несколько, в них похоронили тех, у кого среди беженцев оказались родственники. Остальные же так и остались лежать в поле.

Наскоро подоив бурёнок, уменьшенное почти вчетверо колхозное стадо погнало по направлению к райцентру.

В надвигающихся сумерках появился город, а там и станция. Но страдания на этом не закончились. На станции царила неразбериха, коровы никому были не нужны.

– Ты что, дед? Какие коровы? Людей спасать надо! Немцы прорвались... Утром будут здесь! – слышал Семён Ильич в ответ на свои обращения и от военных, и от железнодорожников.

Наконец, ближе к утру он нашёл таких же, как и он, горемык, гонящих стадо коров в тыл, и у них пристроил своих сорок одну многострадальную коровку... Но скотину взяли в стадо с условием, что Семён Ильич сам вольётся в бригаду пастухов.

Попрощавшись с братьями – Мишкой и Владимиром, дед Семён поспешил за уже уходившим мычащим стадом в несколько сотен голов.

– Что будем делать? – с надеждой посмотрел Мишка на старшего брата. Тот, отведя взгляд в сторону, ответил:

– Прости меня, брательник, но я остаюсь. Пойду в военкомат. Мне семнадцать! Призовут. Не могут не призвать. После того, что увидел на дороге, не могу я вернуться в деревню. Совесть не позволяет! Я же комсомолец! А ты возвращайся. В доме должен быть мужик. На тебя теперь у матери вся надежда, – и, обняв на прощание Мишку, старший брат зашагал в сторону просыпающегося города.

3

Мишка шёл налегке и потому к вечеру был уже на полпути к деревне Соколовке, в которой вот уже двенадцать лет он жил с отцом, матерью, братом Владимиром и се-

стричкой Катенькой. Правда, возвращался Мишка в родную деревню удручённым: схоронили Лёшку – самого верного и преданного друга, соратника всех детских шалостей и задумок, на которые Мишка был горазд; не выполнили распоряжения председателя колхоза – только сорок одну коровку из ста сорока семи довели до райцентра. Да и то, что Вовка ушёл на войну, не спросившись матери, не прибавляло настроения подростку.

Вскоре он вышел к озеру, где они с Лёшкой накануне ловили карасей. Подойдя к месту недавней рыбалки, Мишка долго смотрел на воду, растирая непрошено проступившие слёзы по щекам, затем он, погрозив небу кулаком, поплёлся в сторону большого села Купцова, которое они проходили вчера. Поздно вечером подойдя к крайней избе, Мишка удивился царившей тишине: ни лая собак, ни мычания коров, ни гогота гусей и криканья уток. Ещё вчера наполненное жизнью село сегодня будто вымерло. Только у третьей с краю избе он увидел хозяина – дородного красномордого мужика, распаренного, сидящего на лавке у баньки. Поздоровавшись, Мишка робко спросил:

– Дяденька, а где народ-то? Вчера шли через село – было шумно и людно...

– А ты кто такой, чтобы задавать вопросы? Не нашенский... Не знаю такого... – почёсывая волосатую грудь, не хотя поинтересовался мужик.

– Так я из Соколовки. Ивана и Татьяны Давыдовых сын.

– Знакомец отец твой, а вот матушку не знаю. А ты чего здесь?

– Так я вчера с колхозным стадом проходил через ваше село, а ноне возвращаюсь, – придав голосу солидности, пояснил Мишка.

– Ну и что, стадо-то определили?

– Определили, – тяжело вздохнул Мишка. – Правда, фашист проклятый ополовинил стадо. Самолёты...

– Ясно, – утирая тряпицей пот со лба, тряхнул головой мужик. – Они везде ноне... Немцы-то. Вот и к нам наведались с утра. Хозяйственные... Лошадей и коров разом, как это называется, реквизируют, хрюшек тож... и ушли.

Наши-то, сельчане, побрали скарб, птицу и тоже подались кто куда...

– А чего же вы остались? – невольно вырвалось у Мишки.

– Я-то? А мне для чего бежать? У меня дом, огород, хозяйство... Скотинку я в лесу ещё накануне припрятал... Мне немцы ничего плохого не сделали, а вот коммуняки моих родителей в Сибирь угнали. Там они и сгинули...

– Так кулаки, поди, – предположил Мишка, вспомнив из школьных уроков истории.

– Кулаки!.. – взревел мужик, вставая. – Я тебе, краснопузый, покажу кулаков! Вот надеру уши-то!

Но Мишка не стал ждать, когда мужик ему надерёт уши, и припустил по улице села, не забывая поглядывать по сторонам. Как он отметил, в селе народу осталось немного: лишь в некоторых дворах теплилась жизнь. Вот и околица, а там и желанный лес. Мишка, унимая бьющееся, как у кролика, сердечко, с бега перешёл на шаг, а вскоре вообще остановился.

«Что же получается: немцы уже в райцентре?! А как же Вовка? Успел уйти на фронт? И где же наша Красная армия? Почему она не громит фашистов? Ведь Красная армия всех сильнее! Что же тогда произошло?! – недоумевал Мишка. – А вдруг и в Соколовке немцы?»

Возвращаться расхотелось, но надо: мама и Катюшка одни.

До Мишки донёсся гул двигателей – будто множество тракторов разом завелись. Гул приближался. И Мишка от греха подальше спрятался в кустарнике.

На лесной дороге показалась немецкая колонна: вначале протарахтели несколько мотоциклов с колясками, в которых сидели по трое фашистов, а следом шли немецкие танки. Они шли и шли... Поначалу Мишка считал, но когда перевалило за десяток, он прекратил считать. За танками катили грузовики, в кузовах которых, поблескивая касками, рядами сидели солдаты.

«А где же наши? Где наши танки и солдаты?»

Отсидевшись ещё с полчаса, уже в сплошных сумерках Мишка продолжил путь. Он решил идти всю ночь. Благо дорога позволяла. Лишь однажды ему пришлось укры-

ваться, чтобы не попасть под свет фар мотоциклистов. Только утром он увидел наших: два сторевших искорёженных танка и перевёрнутую машину с прицепленной к ней пушкой. Тел солдат у разбитой техники не было, и это его порадовало. «Может, им удалось спастись?» – подумал он с надеждой.

До Соколовки ещё было часа два пути, когда Мишка наткнулся на привязанную к колышку корову. Колышек застрял в кустах. Увидев мальчишку, бурёнка жалобно замычала. Судя по прилично выпирающему вымени, привязали её ещё вчера, да, видно, хозяину уже не до коровы...

«Что же, – решил Мишка, выпутывая колышек из кустов, – не бросать же её в лесу. В хозяйстве сгодится... Тем более что свою-то пришлось сдать в колхозное стадо...» Укоротив верёвку, он повёл бурёнку за собой.

Глава 2. Соколовка

1

Оставив корову в леске за огородами, Мишка пробрался вдоль малинника к крайней избе. Увидев тётку Машу, копошащуюся на грядке, он прошипел:

– Тётъ Мань, фашистов в деревне нет?

Всплеснув от неожиданности руками, она так же тихо ответила:

– Стоят, ироды! В правлении колхоза разместились. Человек двадцать. А ты чего прячешься? Ты же соколовский...

Мишка вылез из малинника.

– Мои-то как? – присев рядом с тёткой Марией, спросил Мишка.

– Живы-здоровы...

– Не пограбили?

– А чего с них взять. Дома-то пусто...

– И то верно, – согласился Мишка. – Ну ладно. Пойду домой.

– Иди, сынок. Иди. А я тут грядку доплю и тоже пойду в хату, – скорее для себя, нежели для Мишки, проговорила тётка Мария и углубилась в работу.

Мишка перебежал через улицу и огородами прокрался на собственный двор. Почему прятался ото всех, и сам не знал, чувствовал, что так надо. Вот и знакомое до боли крыльцо, скрипучая входная дверь, сени...

– Катюня, это ты? – раздался голос матери.

– Нет, матушка, это я.

Мишка стремительно вбежал в горницу и припал к её груди. Татьяна Ивановна, нежно обняв сына, тихо прошептала:

– Вот и дождалась. А Володька где?

Растерев кулаком слёзы, Мишка ответил:

– В армию записался. Поди, уже воюет...

– Как записался?! – воскликнула мать. – Ему же только через месяц семнадцать исполнится...

– Сказал, что комсомолец и ему совесть не позволяет прятаться за чужими спинами...

– Весь в отца. Тому тоже совесть не позволяет жить как все. Вот и ушёл добровольцем, а нам что делать? Немцы вон всех мужиков, кто не ушёл из деревни, подгрести и в амбаре колхозном заперли. Ждут какого-то коменданта.

– Откуда знаешь?

– Да там Никифор, возьми его нелёгкая, среди немчуры ошивается. Он и сказал.

– А что Дмитрий Петрович? Не ушёл из деревни?

– Нет. С мужиками в сарае. Да что мы всё о ком-то, ты, поди, голодный...

– Поем, – согласно кивнул Мишка, – но потом. Мама, а тётка Анюта дома?

– А зачем она тебе? – насторожилась Татьяна Ивановна.

– Так Лёшку-то её фашисты убили. Колонну беженцев бомбили, и мы под бомбёжку попали... Как ей теперь об этом сказать?

– Да-а, – перекрестилась матушка. – Горе-то какое! Он же у неё единственным был. Что свет в окошке... А тут такое...

– Так тётка Анюта дома? – повторил свой вопрос Мишка.

– Нет. Ушла следом за вами в райцентр. Говорила, что сын её у сестры двоюродной ждать будет... А теперь видишь, как дело вышло...

Помолчали.

– И ещё... – чуть помявшись, он продолжил: – Я тут, возвращаясь, коровку блудливую встретил. Вымя во! – показал он руками. – Её бы подоить да пристроить куда...

– Корова-то не казённая? – сдвинула брови мать.

– Нет. Я посмотрел: ни на ушах, ни на боках клейма нет.

Приблудная она.

– А коли хозяин сыщется?

– Откуда ему взяться? Я корову ту за селом Купцовом надыбал. А село пусто. Ушёл народ из Купцова, а скотину фашисты увели.

– Так что же делать? – засуетилась Татьяна Ивановна, ища чистое ведро. – В деревню-то её вести нельзя – немцы прознают, заберут. Всю скотину побрали, как теперь жить? – сокрушалась мать. – Только у училки вашей, немки, хозяйство не тронули.

– Это у Эльвиры Рудольфовны?

– У ней. У учительницы немецкого языка, – уточнила Татьяна Ивановна. – Я готова. Веди, сынок.

Корова встретила их протяжным густым рёвом.

– Бедненькая, – засуетилась мать вокруг бурёнки, – тяжело-то ей как, недоенной... Сейчас, милая, я тебе помогу, – обтирая мокрой тряпицей соски, мать склонилась над ведром. Через мгновение до Мишки донеслось: «Бзынь! Бзынь!» Это белые молочные струйки ударили в дно ведра. «Бзынь! Бзынь!»

Вскоре ведро наполнилось.

– Что с коровкой-то делать? – убернулась мать к сыну. – Куда её спрятать? Корова не велосипед – припрятал – и стоит. А тут животина... Её и пасти надо, и кормить, и поить, и доить... Забот с коровой по горло!

– А может, к деду Пантелею, в сторожку...

– Это к которому? Бывшему лесничему?

– К нему!

– Справится ли? Стар! А за коровкой уход нужен. Я в сторожку не набегаюсь... далеко.

– А больше некуда. Не немцам же её отдавать. Уж лучше тогда пустить на мясо! – решительно тряхнул головой Мишка.

Дорогу к домушке деда Пантелея Мишка знал – не раз ходил с отцом к нему за мёдом. Утром следующего дня он, покормив бурёнку напоследок сваренной матерью прошлогодней картошкой и свеклой, повёл её малоизвестными тропками в лесную глушь. Почему дед Пантелей выбрал это место, Мишка не знал и боялся спросить об этом старого лесничего. Его-то и сменил Мишкин отец четыре года тому. И все эти четыре года немало отходил Мишка с отцом по лесным тропам, просекам, дорогам, любя и познавая лес и его обитателей.

Ближе к полудню он вышел на полянку, на окраине которой стояла вросшая в землю по окна избушка. Говорят, что раньше в ней жил старовер Никита, ушедший от людей в лесные дебри.

Дед Пантелей, как всегда, сидел на лавочке у завалинки и дымил трубкой.

Подойдя ближе, Мишка поздоровался.

– Нечасто ко мне народец наведывается... С чем пожаловал?

– Я, дедушка, к вам с величайшей просьбой: примите коровку, – не ходя вокруг да около, как хотел раньше, Мишка в лоб сказал о главном. И лишь после этого пояснил: – Жаль животину. В деревне оставлять нельзя, немцы заберут. А пустить под нож – жалко, больно хороша!

– Эко ты какой хозяйственный. В кого только, не припомню.

– Так я же Мишка Давыдов, Ивана Николаевича сын.

– Вона как! А я гляжу, кого-то ты мне напоминаешь... Значит, Ивана Давыдова сын. А что отец-то не пришёл?

– Так воюет. В первый же день ушёл в райцентр в военкомат... И старший брат ушёл. Я бы тоже пошёл воевать, да, говорят, мал ещё!

– Ничего. Мал золотник, да дорог.

– Так что с коровкой-то? – задал Мишка мучивший его вопрос.

– Оставляй, есть кому присмотреть. Я теперь не один здесь. Народец, от немцев бегущий, просит приютить, а я

не против. Пусть, чего там... Лес прокормит, – и, помолчав, спросил: – Ты вот-ка что мне скажи – как там Дмитрий Петрович поживает, председатель ваш?

– Не знаю. Как вернулся из райцентра, его ещё не видел. Председателя и всех мужиков деревенских немцы побрали и в амбар колхозный запёрли под охрану.

– Плохо! – крикнул дед Пантелей. – А ты мог бы ему весточку передать?

– Передам. Давайте, дедушка, – с готовностью отозвался Мишка.

– Ты на словах передай ему, чтобы он соглашался на всё, что ему немцы предложат. Пусть не геройствует. Ни к чему это... Коровку привяжи вон к тому колышку, а потом зайди в сараюшку. Там кринку с мёдом возьми. Домой отнесешь. Мёд-первоцвет. Душистый, ото всех болезней! Всё! Иди!

Мишка, прихватив кринку с мёдом и распрощавшись с дедом, поспешил в обратный путь. Без коровы получалось намного быстрее, но всё равно путь был неблизок. Мишка шёл и всё думал, как передать весточку Дмитрию Петровичу и что значит «соглашайся на всё»? А если ему предложат что-либо непотребное?..

3

Всё утро Мишка провертелся вблизи амбара. Видел, как менялись часовые, как два немца занесли бидон с водой, как женщины, собрав нехитрую снедь для своих мужей и братьев, через старшего фашиста из охраны передали её в амбар.

Мишка понимал, что сколько бы он ни наблюдал за амбаром, приблизиться к нему не удастся.

Ближе к полудню фашисты засуетились. Как выяснил Мишка позже, в Соколовку прибыл комендант – капитан Зиберт. Где-то через час всех запертых в амбаре мужиков выгнали и поставили на площади перед зданием правления колхоза. Мужики и молодые парни, а их Мишка насчитал более трёх десятков, стояли молча, глядели угрюмо, исподлобья, и только дядька Никифор суетился перед толпой

бывших колхозников, подравнивая первую линию. Баб и девок постарше тоже пригнали на площадь, а детвора прибежала сама, мелькала между стоявших и даже забегала в толпу, где были их отцы. Вместе с ними проскользнул в толпу мужиков и Мишка. Протиснувшись через плотно сгрудившихся мужчин, он оказался позади председателя колхоза. Потянув его за руку, тихо позвал:

– Дмитрий Петрович!

– Чего тебе? – не оборачиваясь, спросил председатель.

– Я от деда Пантелея. Он просил передать, чтобы вы соглашались со всеми предложениями немцев!

– Понял! А теперь беги отсюда, – строго наказал Дмитрий Петрович.

Вскоре на крыльцо правления полнялись двое немцев и сопровождавшая их Эльвира Рудольфовна – учительница немецкого языка и классная руководительница Мишкиного класса.

И как только шум на площади стих, учительница произнесла:

– Жители деревни Соколовка, к вам обращается комендант Соколовского округа капитан Зиберт, – и тут же начала переводить гортанные выкрики немецкого офицера. – Я, капитан Зиберт, назначен командованием учредить и поддерживать в округе порядок. В округ включены деревни Соколовка, Щипачёво и село Хлебное. Мы вас освободили от коммунистов, и теперь вы живёте на землях великой Германии! Вы обязаны трудиться! Поставлять рейху хлеб, мясо, птицу... Кто не будет подчиняться нашим законам, того ждёт строгое наказание! Работать будут все! У вас был колхоз, и вы работали на Советы! Теперь у вас будет хозяйство по заготовке зерна и других продуктов, и поставлять вы их будете германскому вермахту! Покидать деревню запрещается! За нарушение этого моего приказа – расстрел! Кто такой Щеглов? – перевела Эльвира Рудольфовна и посмотрела на бывшего председателя колхоза. – Подойди!

Дмитрий Петрович вышел из толпы. Высокий, широкоплечий, с проседью в густых тёмных волосах, он смотрелся богатырём в сравнении с щуплым немецким капитаном.

– Я тебя назначаю старостой в Соколовке. Теперь с тебя спрос за всё: за порядок, за хлеб, за выполнение моих распоряжений!

Дмитрий Петрович, кивнув переводчице, сказал:

– Переведите. А могу я отказаться?

И тут же услышал в ответ:

– Можешь, но тогда за нарушение моего приказа ты будешь расстрелян!

– Я согласен! – ответил Дмитрий Петрович, чем вызвал шум неудовольствия. Повернувшись к жителям деревни, он выкрикнул: – Или вы хотите, чтобы вами руководил Никифор?!

Толпа стихла.

«Как в воду глядел дед Пантелей», – подумал Мишка.

И то, поговаривали в деревне, что бывший лесничий с нечистой знает, потому знает всё и про всех. Но Мишка в эти бабские сплетни не верил, ибо не раз бывал на заимке и с интересом разговаривал с приветливым и мудрым стариком.

Вечером Дмитрий Петрович пришёл в дом к Давыдовым. Усадив Мишку напротив, сказал:

– Рассказывай!

– Что рассказывать-то?

– Рассказывай о том, как выполнили приказ по перегону скота, а потом уж и о поручении деда Пантелея.

Мишка, не торопясь, обстоятельно поведал о перегоне колхозного стада в райцентр, подробно остановился на налёте немецкой авиации на колонну беженцев, о гибели Лёшки и о решении деда Семёна Ильича продолжить перегон остатков колхозного стада с пастухами из соседнего хозяйства. Рассказал он и о найденной корове, и о доставке её на лесную заимку.

– Ничего не забыл. Всё передал, о чём просил Пантелей Александрович? Это важно! – поднял перст председатель, а ныне староста Соколовки, и когда Мишка кивнул, продолжил: – Ты дорогу-то до сторожки хорошо помнишь? Ночью найти сможешь?

– Если надо будет, найду! – уверенно произнёс Михаил.

- А если со стороны райцентра, лесами?
- Смогу, – заверил Мишка. – С отцом не раз хаживал.
- Тебе сколько лет, герой?
- Двенадцать...
- Что же, вполне взрослый. Тогда у меня к тебе дело: мальчишек в деревне осталось немало. Ты подбери двоих-троих, но самых крепких и смекалистых. Одного из них, скажешь мне кого, своди к деду Пантелею. Он должен знать дорогу так же хорошо, как и ты, – и, повернувшись к притихшей Мишкиной матери, сказал: – Ты уж не обессудь, Татьяна Ивановна, но завтра я к тебе двух немцев на постой приведу. У вас дом крепкий, три комнаты... а мне сорок солдат немецких определить надобно.
- Да как же так, Дмитрий Петрович, у меня же дети... – всплеснула руками Мишкина мать.
- Всё так! Только у тебя муж добровольцем ушёл на фронт, и немцам это известно. Никифор, гнида, донёс! И к тому же я не знаю, сколько они у нас простоят... Месяц-два... Так что потерпишь! А если боишься за детей, то можешь пожить в баньке – сейчас ведь лето. Ну, всё! До свидания! Мне ещё надо к вашим соседям зайти.

4

Мишка сидел на крылечке и думал: «Что же это получается: пришли немцы, убили наших солдат, беженцев на дороге бомбили, Лёшку убили! Устанавливают свои порядки, а мы их должны выполнять? Ну нет! Так дело не пойдёт! Вернутся отец с Володькой, спросят: ты что здесь делал? Фашистов привечал? Мы воевали, а ты в баньке прятался! Надо сколотить отряд, как в Гражданскую, дед рассказывал, и действовать. Пусть председатель колхоза им задницы лижет, а я их бить буду». И до того Мишка разозлился, что до полуночи не спал, всё думал, как он фашистов бить будет.

А утром Дмитрий Петрович привёл двух немцев – молодых, здоровых, рыгочущих по поводу и без всякого повода. Очень они Мишке не понравились. Но, глядя на них, он призадумался: как с такими здоровыми ему справиться,

и понял, что без помощи колхозных мужиков с ними не совладать. И оружие надобно, и патроны...

А тут ещё одна незадача приключилась: председатель, а ныне староста, пришел не один. Его сопровождал дядька Степан – на плече винтовка и на левом рукаве повязка с буквой «Р». Уже позже Мишка узнал, что «Р» означает полицай, а начальником у них колхозный бригадир Александр Николаевич Шумов. Вот и разберись тут: один – староста, другой – начальник полиции. Да и в полиции большинство мужиков из деревни, только двое незнакомых.

Шло время, но ничего не происходило ни в деревне, ни в доме. Фашисты, которых звали Отто и Альберт, тоже вели себя тихо, приходили только переночевать.

Мишка, как и советовал ему Дмитрий Петрович, уговорил Кольку Спирина и Родьку Смирнова вступить в свой отряд. Он их уже дважды сводил по маршруту Соколовка – сторожка и райцентр – сторожка, объяснив ребятам, что это первое их задание. Теперь он планировал провести мальчишек ночью. Чтобы легче было идти, Мишка наметил ориентиры: в одном месте сломал берёзку, в другом – натаскал веток, в третьем... а вот с третьим местом случилась незадача: только Мишка вознамерился перепрыгнуть через ручей, как под берегом увидел лежащего на боку солдата. Пересилив страх, он приблизился. Солдат был уже не живой. Засохшая кровь указала место, куда попала пуля – прямо под левую лопатку. Мишка внимательно оглядел убитого и обнаружил под телом солдата приклад винтовки. Осторожно перевернув его на спину, он с трудом вытащил из рук погибшего оружие. Затем так же осторожно отстегнул пояс, на котором висел подсумок с патронами. Пересчитал: девять штук. Из-за голенища сапога выглядывала рукоять ножа. Мишка вытащил и его. «Пригодится!» Не найдя ничего в карманах, он решил похоронить солдата. Закрыв тело лапником, он обрушил нависший над ним берег ручья, а затем с помощью ножа нарезал дёрна и им тщательно обложил бугорок. «Спи, солдат!»

В эту ночь Мишка провёл ребят по маршруту и рассказал про погибшего солдата. Показал спрятанную неподалёку от этого места винтовку и патроны.

– Нам бы ещё оружия и патронов побольше, тогда бы мы показали фашистам, где раки зимуют, – расхрабрился Родька. На что Колька спокойно рассудил:

– Оружие – это хорошо, но из него надо ещё уметь стрелять. А мы ни разу не стреляли. Я только в райцентре из воздушки в тире стрелял. Но воздушка – не боевая винтовка...

– Я стрелял из отцовского ружья несколько раз, а вот из винтовки ни разу, – признался Мишка. – Надо бы поучиться, да патронов всего девять. Выпулим, а воевать чем?

Решили, что надо наведаться в дубовую рощу. Там, говорили деревенские мужики, на окраине шёл бой, а значит, может быть и оружие. На том и порешили.

Только на третий день мальчишки сумели выбраться на поиски оружия. Только Колька знал, где находится эта роща, и вывел соратников точно на место, не плутая. Мальчишки были разочарованы: на месте боя ничего не нашли, только несколько земляных холмиков, ещё не заросших травой, да искорёженную пушку. А вот на обратном пути наткнулись на место ещё одного боя. Находки обнадеживали: три винтовки, два немецких автомата, пулемёт, целый ящик гранат, два цинка и много патронов россыпью, а главное – совсем новенький немецкий мотоцикл с коляской. Колька со знанием дела прочитал надпись на бензобаке: BMW.

– Вот это да! – восхищённо зацокал языком Родька. – А на люльке-то, смотри, рогатина. Это крепление для пулемёта. Ай да мы! Ай да молодцы! Теперь постреляем вволю!

– Молодцы-то молодцы... Да только что со всем этим делать? – развёл руками Колька.

Мишка, как командир, хотя его никто не назначал и не выбирал, рассудил по-хозяйски:

– Грузим оружие в коляску и катим мотоцикл поближе к деревне. Возле пруда есть разваленная банька. Там под брёвнами и спрячем.

– Ага! А кто увидит? – возмутился Колька.

– Так мы же ночью!
– Меня ночью батя не отпустит, а хватится, так и налупить может.

– Ничего, мы с Родькой вдвоём управимся. Там уклон. Так что под горку покатым, – успокоил друга Мишка.

Так и сделали. Пока катили мотоцикл, решили не откладывать на потом, а с завтрашнего дня приступить к учебной стрельбе.

5

Мальчишки уходили подальше, чтобы из деревни не было слышно выстрелов. В лесу нашли ложбинку, поставили вместо мишеней две доски и по ним стреляли. Патроны экономили для грядущих дел, потому больше щёлкали вхолостую. Из немецких автоматов потарахтели всего по одному разу, и то для ознакомления. Но всё это продолжалось недолго. Как-то встретил Мишка старосту, и Дмитрий Петрович как бы между прочим поинтересовался: не знает ли он, кто это в сосняке, что под Рогачёвом, оружием балуется?

– Неужто слышно? – вырвалось у Мишки.

Староста выразительно посмотрел на подростка и тихо сказал:

– Из Соколовки не слышно, а вот из Рогачёва слушок пришёл. Так ты не знаешь?

– Нет, дядь Дима. Не слышал, – затряс головой Мишка.

– Ну-ну, коль узнаешь кто, мне скажи...

– Скажу. Обязательно скажу, – уже на ходу заверил Мишка, а сам подумал: «Как же, скажу! Нашёл дурака! Но с учёбой надо заканчивать, а то ненароком попасться можно!» – решил он и о встрече в тот же день рассказал друзьям. В решении прекратить на время тренировки они его поддержали.

Вечером того же дня староста пришёл к Мишке во двор. Увидев мальчишку, поманил его пальцем. И, когда тот подошёл, тихонько спросил:

– Немцы в доме?

– Нет. Ещё не приходили.

– Вот и ладно. Завтра с утра мы с тобой едем в райцентр. Подходи к моему дому часикам эдак к шести. Оденься потеплее. Возвращаться тебе придётся ночью, – и сделав многозначительную паузу, продолжил: – и не одному. Людей, что приведёт Тимоха, он тоже едет с нами, отведёшь на заимку к деду Пантелею. Встретишься с Тимохой у брошенной мельницы. Знаешь где? Так вот, будет темно... Увидишь людей, к тебе идущих, свистнешь. В ответ услышишь два свистка. Всё понял? Матери я скажу, что ты вернёшься через двое суток.

– А почему через двое? Я же до сторожки мигом... и утром уже в Соколовке...

– Там узнаешь почему... И не опаздывай! – строго наказал староста.

«Что же это за дело?» – ломал голову Мишка. Но что бы это ни было, сидеть и ждать, да ещё и идти через лес ночью с чужими, было как-то не по себе. И Мишка решил: будет время – надо будет сходить за винтовкой, что спрятал у ручья. «Так, на всякий случай!»

Глава 3. Первое задание

1

В половине шестого Мишка был уже на месте. У дома старосты стояла запряжённая телега, возле которой прохаживался полицейский. Винтовка и куртка его лежали на телеге. Увидев Мишку, махнул ему рукой.

– Михась, привет! Я смотрю, ты ранняя птичка. Я – Тимофей. Давай знакомиться, – протянул он руку. – А вон и Петрович...

– Все в сборе, можно ехать. Тимофей, тебя я назначаю водителем кобылы, – пошутил староста. – Садись за руль, и поехали.

В пути больше молчали. Лишь уже подъезжая к райцентру, Дмитрий Петрович напомнил:

– Вот что, друзья, свистеть не разучились? Михаил, давай ты!

Мишка, заложив два пальца в рот, свистнул: громко, заливисто.

– Теперь ты, Тимофей...

У Тимохи получилось чуть тише.

– Хорошо. Михаил, я на тебя надеюсь. Не подведи. В райцентре не показываешься, ждёшь в лесочке до темноты. Всё, до встречи в Соколовке!

Мишка ещё немного постоял, глядя вслед удаляющейся телеге, и не спеша направился к заброшенной мельнице, а осмотрев её, отправился за припрятанной в лесу винтовкой.

Конец августа. Ночь приближалась медленно, наплывая чёрными дождевыми тучами на появляющуюся луну. «А я ничего не надел от дождя, – запоздало пришла мысль. – Но ничего, чай, не осень, не замёрзну...» Мишка насторожился. Из темноты послышался свист, как договаривались – два коротких. Мальчишка тут же отозвался одним заливистым и пошёл на шум.

К нему приближалась тёмная людская масса: шумно дышащая, хрипящая и кашляющая.

– Михаил, ты где? – позвал Тимофей, и Мишка отозвался:

– Здесь я!

– Привал! – скомандовал Тимофей и, подойдя к Мишке вплотную, сказал: – Это наши пленные солдаты... Мы их вытащили из лагеря, что немцы соорудили на районном стадионе. Девятнадцать человек. Двое из них ранены... Так что двигаться будем медленно, с частыми остановками. И вот ещё что: в комендатуре есть две собаки-овчарки, натасканы на людей. Будет погоня, как только немцы хватятся сбежавших. У нас на всех только две винтовки...

– Три, – добавил Мишка. – Правда, к ней только девять патронов...

– Пусть так – три винтовки, а у фашистов автоматы. Так что надо провести так, чтобы собаки не взяли след. Знаешь такое место?

Немного подумав, Михаил весомо ответил:

– Знаю. Проведу.

– Тогда вперёд! – и Тимофей скомандовал: – Подъём! Нам идти ещё далеко! Поспешим!

Но поспешать не получилось. Пленные были измучены голодом и еле переставляли ноги. Только ближе к утру спустились к ручью.

– Теперь осторожно! Здесь местами бывают ямы. Не глубокие... – предостерег Михаил.

Через метров сто подросток скомандовал:

– Всё! Выбираемся по склону наверх. Дождик сейчас начнётся. А после дождя никакая собака след не учует! – закончил он повеселевшим голосом.

С отдыхом шли весь день и только к вечеру прибрали к избушке Пантелея Александровича. Старик, видимо, был предупреждён заранее и потому встречал бывших пленников красноармейцев молоком, чаем с мёдом, сброженным квасом. На вопрос одного из солдат, нет ли хлебушка, ответил:

– Хлеба не жалко. Только вам сейчас употреблять грубой пищи нельзя. Заворот кишок может случиться. Пейте молочко... От коровки! Кстати, Михаил, тобой приведённой, – повернулся он к застывшему позади него подростку и, подозвав Тимофея, сказал: – Можете возвращаться. Теперь я и сам справлюсь.

– Может, помочь?

– У меня есть помощники. Сейчас подойдут. А как насчёт оружия? Петрович обещал.

– Плохо. Пока только вот эта винтовка, – снял он с плеча и протянул деду своё оружие. – Ещё одна у сержанта и ещё одна у Михаила. Как, герой, поделишься?

Михаил с готовностью передал винтовку и патроны к ней.

И уже позже, когда в темноте подходили к Соколовке, признался:

– Дядя Тимофей. Оружие есть. Его только доставить на заимку надо.

– А оружия-то много?

– Много! Человек пять надо, чтобы перенести. Да ещё мотоцикл немецкий. Новый. Заводи – и поехали.

– Ну ты и куркуль, Михаил. Такое богатство, а ты всё себе да себе.

– Не себе одному, – возмутился подросток. – У нас отряд!

– Так это вы стреляли под Рогачёвом?

– Учились... А то как же врагов бить?!

Оружие перенесли на следующую ночь. Михаил лиц мужиков не видел, темно было, но понял, что это соколовские полицейские. Мотоцикл остался на месте. Пока было не до него. В сторожке дед Пантелей больше всего радовался ящику гранат и цинкам с патронами – их было два.

– Как же вы допёрли всё это богатство? – удивлялся лесничий.

– Так мы в мотоциклетную коляску загрузили, так и довели, – довольный собой, пояснял Мишка. – Мы ещё наметили один поход за оружием, – похвалился он.

– Вы только того, поосторожнее, – предостерёг дед Пантелей подростка.

Глава 4. Бой

1

Урожай пшеницы выдался хорошим. Убирали чем смогли: где косилкой, где косами, а где и серпами.

Капитан Зиберт ходил по амбару и, похлопывая мужиков по плечам и спинам, говорил: «Корочё! Очень корочё!» Старосте же и начальнику полиции через переводчицу приказал:

– В конце недели повезёте на станцию зерно. Всё зерно!

– А как же с посевным фондом? Да и людям тоже что-то надо дать. Работали же в поте лица своего, – спросил староста и получил ответ:

– Я же приказал всё зерно отвезти! – всё больше раздражаясь, выкрикнул комендант. – А люди пусть картошку едят! Зерно пересыпать в мешки! В пятницу приедут машины, на них зерно и загрузить! А что до семенного фонда, так это пусть думает тот, кому эта земля отойдёт.

– Как отойдёт? – не понял староста.

– После нашей победы вся земля будет поделена между солдатами рейха... – пояснил через переводчицу капитан Зиберт. – Так что весенний посев – не моя забота!

Новость быстро разлетелась по деревне, вызвав шквал недовольства у деревенских мужиков и баб. Дошло это и до Мишки. Он повозмутился и, подловив старосту, спросил:

– Неужто зерно вывезут?

Тот, посмотрев подростку в глаза, тихо сказал:

– Не дадим. Мне нельзя, я всё время на виду, а на тебя никто не обратит внимания. Так что собирайся-ка ты к деду Пантелею. Передай, чтобы хлопцы готовились... В пятницу, как придут машины из райцентра, приведёшь солдат к развилке, что у покорёженной берёзы. Там удобно устроить засаду. Молодой ельник близко подходит к дороге с одной стороны, а с другой – мокрая луговина. Смекаешь? Я думаю, что машин в колонне будет пять-шесть, не более, ну и охрана человек десять. Больше солдат в кабины не поместится...

– Сделаю. А что если сопровождать машины пошлют полицию? Мужики-то наши, деревенские. Постреляют ведь их!

– Я постараюсь сделать так, чтобы сопровождали только немцы.

В оставшиеся дни засыпали пшеницу в мешки: со слезами, с охами и вздохами, но работа была сделана. Ждали только прихода машин. И они рано утром в пятницу пришли – пять грузовиков с наращёнными бортами. Покрутившись среди селян и узнав, что колонна отправится в райцентр после двух часов, Мишка исчез, не сказав куда даже своим друзьям – Кольке и Родьке.

2

Мишка не жалел себя, понимая, что чем раньше он сообщит о выходе колонны, тем больше останется времени у отряда на подготовку засады.

Ждали только его. Времени было в обрез, и потому, едва отдышавшись, он повёл группу в семнадцать чело-

век в обозначенное Дмитрием Петровичем место. Видя, что Мишка устал, вызвался было провести до изломанной берёзы дед Пантелей, но Мишка воспротивился.

Шли ускоренным шагом. Глядя на молчаливо шагавших солдат, вооруженных его оружием, Мишка радовался. Хотя ему было немного досадно, что для него не нашлось ни автомата, ни винтовки. Утешало одно, что в подобном положении находился не только он, но и ещё четверо солдат. Они были вооружены только гранатами.

Отряд успел вовремя. Колонна или ещё не вышла, или находилась в пути.

Сержант Кононов, которого все называли командиром, расставил каждого по местам, Мишке же сказал, чтобы не путался под ногами и спрятался где-нибудь в глубине леса. Как бы не так! Пропустить такое дело... Мишка лёг вблизи пулемётчика, укрывшись за поваленным ветром стволом дерева. Где-то через полчаса послышался рокот тяжелогружёных автомобилей. Вот и колонна! Впереди тарыхтел мотоцикл с коляской, в люльке которого сидел солдат с пулемётом. За ним следовал бронетранспортёр с солдатами, а далее один за другим следовали грузовики, гружённые мешками с зерном.

Мотоцикл и бронетранспортёр были неожиданностью для Мишки и для отряда. Видимо, они подошли позже, когда он уже убежал на заимку. Но это не остановило жаждущих боя красноармейцев. Как только первый грузовик поравнялся с берёзой, в бронетранспортёр на головы ничего не подозревающих фашистов полетели гранаты. Ударил пулемёт, загремели винтовочные выстрелы... и только потом затарыхтели немецкие автоматы.

Мишка наблюдал за боем из-за укрытия. Он не боялся, любопытство взяло верх над страхом, и мальчишка отслеживал как немцев, так и действия солдат отряда. Вот один из красноармейцев ткнулся головой в траву, видимо, ранен или убит. Ещё один с криком повалился на землю. «Зачем, спрашивается, вставал», – с досадой подумал Мишка и пополз к упавшему. Тот уже не шевелился. Пуля угодила ему в грудь. Мишка взял лежащую рядом винтовку, передёрнул затвор и прицелился в стрелявшего из-под колеса

грузовика фашиста. От волнения мушка подрагивала, но он смирил волнение, затаил дыхание и нажал на спуск. Автоматчик ткнулся головой в землю, автомат замолчал. Мишка искал следующую цель и не находил.

Бой, не успев разгореться, окончился. Красноармейцы устремились к грузовикам. Поднялся и Мишка. С винтовкой в руках он направился к передней машине и вдруг обнаружил лежащего на дороге офицера. Им оказался капитан Зиберт.

«Вот это да! Значит, сам комендант решил сопровождать колонну!»

А между тем вокруг машин царила суета: на удачу только один из грузовиков оказался с разбитым двигателем, остальные же завелись. Радовало ещё и то, что только троих красноармейцев потерял отряд и один был ранен в руку. Фашистов же полегло более двадцати. Собрав оружие и перекидав мешки из побитой машины в другие грузовики, поредевшая колонна медленно продолжила путь.

– Теперь, малец, вся надежда только на тебя, – усаживая Мишку в кабину головной машины, произнёс сержант Кононов. – Необходимо увести колонну подальше от дороги в лес.

– Постараюсь, – кивнул Мишка. – Я тут одну лесную дорогу знаю – заросла кустарником, но грузовики пройдут, – заверил Мишка.

Минут через двадцать мальчишка указал сержанту:

– Здесь поворачивать. Между этих деревьев.

– А точно? – недоверчиво спросил сержант.

На что Мишка ответил:

– Точно. Я в прошлом году ходил по этой дороге с отцом. Лишь бы только поваленных деревьев на пути не было.

Грузовики один за другим сворачивали с дороги. Когда последний из колонны скрылся за деревьями, сержант остановил грузовик. Остальные подтянулись и тоже встали.

– Пошли, мужики! Посмотрим, что можно сделать, чтобы замаскировать дорогу. А то наследили тут порядком, – кивнул сержант на промятые колёсами две полосы.

Выход нашёлся скоро: недалеко от места съезда с дороги оказалась большая куча хвороста. Её-то красноармейцы и перетаскали, завалив образованную колею сушняком.

– Куда дальше? – усаживаясь за руль, поинтересовался сержант у Мишки.

– Километра четыре по дороге, а там будет вырубка. Дальше дороги нет! – заявил проводник.

– И то хорошо! А с того места далеко до Соколовки?

– Далековато. Ближе к деду Пантелею на заимку.

Вскоре подъехали к вырубке. Но на неё не выезжали, а остались на дороге, замаскировав грузовики ветками и срубленными молодыми берёзками.

– Пять грузовиков пропали! Немцы будут искать, не исключено, что и с воздуха, – рассудил Кононов и, обращаясь к Михаилу, спросил: – Ты место-то хорошо запомнил? Мы все не местные... Заплутаем!

– Надо будет, приведу, – заверил Мишка. – Да эта вырубка многим мужикам из Соколовки известна. Лес отсюда брали, когда строили новую школу.

– Понятно. Ты пока отдыхай. Мы сейчас погибших похороним и двинемся к сторожке.

Дед Пантелей ожидал возвращения отряда, как всегда, сидя на скамеечке.

– Ну, как всё прошло? – спросил он у Кононова.

– Не ожидали, что всё так получится. Положили двадцать одного фашиста, из них двух офицеров, автоматы, винтовки, пулемёт, патроны, гранаты, захватили пять грузовиков – все на ходу, и урожай зерновых из Соколовки. Потеряли троих. Если бы не малец... Да что там говорить, он не только положил одного фашиста из винтовки, но и грузовики спрятал. Без него бы неизвестно, во что бы нам этот поход вылился! – после паузы продолжил: – Я вот всё думаю, как ему удаётся ночью в лесу не заплутать? Ведёт, словно у него кошачье зрение...

– У него сердце воина! – задумчиво произнёс лесничий. – И память дай бог каждому! Короткий отдых, а начнёт рассветать, я вас проведу через болото на остров.

– А что с зерном?

– Решим позже. Часть заберём, перемелем... питаться чем-то надо. Большую часть отдадим Дмитрию Петровичу. Он мужик головастый, найдёт, куда его припрятать. Отдыхайте пока. Михаил, подойди, – подозвал он стоявшего возле сараюшки подростка. – Ты сейчас пойдёшь или дождёшься утра?

– Сейчас пойду. А то матушка изведётся вся. О нападении на колонну уже, поди, известно в Соколовке... могут и хватиться.

– Ну, давай, сынок, с богом! И поосторожнее, повнимательней, не геройствуй напрасно.

– Да я что, не понимаю...

Мишка было уже направился от сторожки, как был остановлен окриком:

– погоди! – к нему подошёл сержант Никонов. Он крепко пожал подростку руку. – Спасибо. От всех нас огромное тебе спасибо... и береги себя!

3

Соколовка бурлила. Ещё ночью в деревню приехали из райцентра на двух бронетранспортёрах фашисты – по восемь в каждом, на грузовике девять человек полицейских и на легковушке два офицера. Злые, крикастые... Утром весь народ согнали на площадь перед комендатурой. Один из офицеров, в чёрной форме, на фуражке вместо кокарды череп с костями, поднялся на крыльцо комендатуры.

«Гестаповец», – прошелестело в толпе деревенских.

«Гестаповец – это плохо», – подумал Мишка, продираясь через толпу плотно стоящих соколовцев к старосте. Увидев Мишку, тот нахмурился и показал глазами в сторону, мол, уходи!

Михаил понял и, поманив стоявших рядом Кольку и Родьку, тихо произнёс:

– Приказано уйти!

– Кем?

– Командиром! Или вы что думаете, я сам по себе? Пошли, парни! Пока ещё можно уйти! – и прошмыгнув

мимо рыгочущих полицейских, укрылись за выходявшей на площадь избой.

Между тем рядом с гестаповцем встала переводчица. Она перевела:

– Жители Соколовки! На колонну с хлебом напали партизаны. Убили охрану и похитили хлеб, принадлежащий Германии. Всем находиться на месте. Сейчас будет произведён обыск. Если в деревне будет найден хотя бы мешок зерна, жители будут расстреляны.

– Как же так, бабоньки! У меня же дети малые в избе! – запричитала тётя Катя, Мишкина соседка. Она, расталкивая сельчан, устремилась в сторону улицы, но тут же последовала автоматная очередь, и женщина упала.

Народ на площади зашумел.

– Всём стоять! – заорал один из полицейских. – Немцы не шутят! Постреляют всех!

Мишка, притянув Родьку поближе, прошипел ему в самое ухо:

– Быстро в избу к тёте Кате! Заберёшь малых и отведёшь их на летнюю площадку, где коров доили. Там есть сараюшка... Жди, пока за тобой кто-нибудь не придёт. Если плохо дело пойдёт, то не высовывайся и до завтрашнего дня!

– А почему я?

– Да потому что тебя дети тётки Кати знают. Иди! – чуть громче и настойчивее произнёс Мишка, наблюдая, как немцы, оставив пятерых солдат по периметру площади, устремились к стоявшим избам. С ними искали хлеб и прибывшие из райцентра полицейские.

Из толпы сокольчан вышел Дмитрий Петрович. Сделав несколько шагов в сторону крыльца, остановился и, обращаясь к Эльвире Рудольфовне, попросил:

– Переведите господину офицеру, – и когда гестаповец разрешающе кивнул, продолжил: – Господин офицер! Я староста этой деревни. Вчера мы загрузили собранное зерно на автомобиле и отправили в райцентр. Я предлагал капитану Зиберту взять для охраны ещё и полицейских, но он отказал. Даже часть своих подчинённых оставил в деревне. Мы погрузили всё зерно. Я за это отвечаю!

– Ответишь. За всё ответишь! И за смерть двадцати двух солдат рейха ответишь, и за смерть капитана Зиберта...

Эльвира Рудольфовна перевела и от себя добавила:

– Даже если ничего не найдут, жителей села расстреляют. Вопрос решённый. Я это слышала при разговоре офицеров...

Староста кивнул и отошёл в толпу. Повертев головой, он отыскивал глазами Татьяну Ивановну. Но та лишь покачала головой. И это не укрылось от Михаила. Он понял, что нужен Дмитрию Петровичу, и рискнул: проскользнул, закрывшись цветочной клумбой от ближайшего автоматчика, юркнул в толпу.

Староста видел этот маневр подростка и двинулся ему навстречу.

Не поворачивая головы в сторону Мишки, тихо произнёс:

– Слушай внимательно и передай деду: всех жителей Соколовки приговорили. Он знает, что делать! Поспеш!

Мишка тем же путём вернулся к Кольке. Понимая, что каждая минута дорога, он спросил друга:

– Ты на мотоцикле ездил?

– Было дело... Несколько раз.

– А с BMW справишься?

– Думаю, что да!

– Тогда бежим! Время дорого! – и мальчишки, укрываясь за домами и сараями, только им известными лазейками в заборах и хозяйских дворах, тщательно избегая встречи с крушащими дома фашистами и полицейскими, направились к разваленной баньке, где до того припрятали мотоцикл.

BMW оказался на месте. Мотоцикл выкатили, осмотрели. Колька открутил крышку бензобака, проверил уровень. Довольно крякнул: «Почти полный!» Затем мальчишки, упираясь, покатали BMW подальше от деревни и только ближе к лесу завели. Движок урчал солидно и не очень громко. Запрыгнув в коляску, Мишка скомандовал:

– Теперь вся надежда на тебя, Коля! Гони!

Выскочив на дорогу, Николай прибавил газу – надо было спешить. Но, свернув на лесную дорогу, мальчишка сбросил скорость.

– Коля, друг, быстрее... – просил Мишка, понимая, что его товарищ старается, но в то же время остерегается въехать на скорости в дерево. Где-то за километр до заимки мотоцикл встал. Дальше путь можно было продолжить только пешком. Оставив Николая у мотоцикла, Мишка что было сил побежал к заимке.

Дед Пантелей возился с ульем. Увидев красного от бега мальчишку, встревожился.

– Пантелей Александрович! Дело худо! Фашисты грозятся всех расстрелять в Соколовке! – ещё издали прокричал Мишка. – Надо спасать!

– Откуда знаешь?

– Дмитрий Петрович сказал!

– Ясно, – кивнул лесничий и потрусил в дом. Вышел с двустволкой в руках. Выстрелил раз, посчитал до пяти и выстрелил ещё раз. – У нас договорённость с Кононовым. Скоро будут, – пояснил он свои действия.

И правда, вскоре появились запыхавшиеся и грязные от болотной тины красноармейцы.

– Что случилось? Немцы? – вскричал сержант, подбегая.

– Нет! Но ситуация требует вмешательства. Фашисты решили помститься на жителях Соколовки за ваши подвиги. Приговорили всех к расстрелу: и старого и малого. Надо выручать! Михаил по пути расскажет подробности. Поспешите.

– Эх, не успеем... Пока Мишка бежал, пока мы...

– Так я скоренько, на мотоцикле...

– Мотоцикл – это хорошо. Бойцы, за мной, бегом! – приказал сержант. – Михаил, показывай дорогу. – Добежав до мотоцикла, красноармейцы встали. – Пулемётчики, вам задача: на мотоцикл и как можно быстрее в Соколовку. Нас ждать до последнего. Если дело будет совсем плохо, пулемётным огнём отвлекать фашистов от расстрела жителей деревни. Отходить лесом к речке.

Николай завёл двигатель. Один пулемётчик уселся в коляску, другой горой возвышался над сидящим за рулём

мальчишкой. Поглядев на пулемётчиков, Колька покачал головой.

– Дяденька, вы голову-то пригибайте, не то зашибёте, быстро поедем, – предупредил он красноармейца, сидящего позади него, и, дав газу, рванул с места.

– Поспешим и мы. Может, успеем, – Никонов и его подчинённые побежали за уже скрывшимся за кустарником Михаилом.

Глава 5. Мишкина война

1

Мишка бежал из последних сил, задыхался и падал, цепляясь за выступающие корни, получая хлёсткие пощёчины от веток склонившихся к тропке деревьев. За ним еле поспевали красноармейцы, грохоча сапогами и тяжело всхрапывая.

– Охолонь, парень, – догнав мальчишку, схватил его за плечо Кононов. – Мои бойцы за тобой не угонятся. Среди них есть и такие, что тебе не только в отцы, в деды годятся.

– Дяденька сержант, – немного отдышавшись, обратился Михаил к Кононову. – Может, самых молодых и крепких отрядите со мной? Остальные же пусть идут как смогут. Здесь всё время прямо, не заплутают!

– Думаешь, не успеем?

Мишка промолчал, лишь умоляюще посмотрел сержанту в глаза.

– Хорошо!

Кононов отобрал четверых.

– Пойдёте с мальцом. Делать всё, что он скажет. Своих только не перестреляйте, – предупредил сержант. – Передохнули? Всё, вперёд!

Мишка повеселел. «Только бы успеть! Там же мама!»

На опушке леса остановились.

– Я дальше пойду один. Махну рукой, придёте. Не махну, значит, немцы близко. Ждёте! И ещё, если не вернусь, а это значит меня поймали фашисты, перебирайтесь вдоль опушки к тому концу деревни, – показал рукой подросток. –

Вон там, напротив того дома, есть проулок. По нему прямо к площади выберетесь.

Но всё обошлось. Фашисты, видимо, уже закончили обыскивать дома и вернулись на площадь. Мишка повёл красноармейцев дворами, и вскоре они наткнулись на одного из пулемётчиков. Тот лежал под забором, укрывшись за колодой.

– Сергей, – тихонько позвал пулемётчика один из пришедших с Мишкой красноармейцев. – Как обстановка?

– Хреново! Всех угнали вон туда... – показал он рукой в сторону выхода из села.

– А ты чего здесь?

– Вас дожидаясь... – огрызнулся солдат. – А ещё сторожу гестаповцев, что в комендатуре заседают: едят, пьют, слышишь – хохочут. Переводчицу развлекают.

– А где Сластин?

– Того малец увёл. Говорит, место хорошее знает, весь колхозный двор простреливается. А народ увели в амбар – так малец пояснил.

– Так, что делаем? – обернулся старший к Мишке.

– Нами что, теперь пацаны командуют? – недовольно буркнул Сергей.

– Командуют! Михаил, что делать будем?

– Идём на колхозный двор, посмотрим, что да как... Не нравится мне, что весь народ согнали в одно место!

Бронетранспортёры стояли возле бывшей конюшни. В кузове и на брошенной телеге сидели до десятка фашистов и ели. Приехавшие с ними полицейские тоже перекусывали, запивая еду чем-то из армейских фляжек. Или наоборот: заедали выпитое.

Мишка пересчитал: одиннадцать фашистов и пятеро полицейских. А где же остальные? Он вспомнил, что в каждом бронетранспортёре сидело по восемь солдат, полицейских девять и два офицера на легковушке с водителем. Итого двадцать восемь. Да ещё подчинённые капитана Зиберта, соколовская полиция... Много! «Здесь и половины нет. А где же остальные?»

Своими сомнениями он поделился с Игорем, так звали старшего над красноармейцами, и тут же предложил:

– Я найду Кольку и отправлю его навстречу сержанту Никонову. После чего пройду по деревне, посмотрю, куда подевались остальные вражины. Я знаю, где ваш пулемётчик сидит. Вон там, на пожарном сарае, – показал Мишка рукой. – Второго лучше бы на въезде во двор разместить. Вон туда, на крышу коровника. Оттуда можно стрелять и сюда, и вдоль улицы, да и спрятаться просто. Надо лишь скатиться с крыши вниз, там прошлогоднее сено... – уточнил Мишка. – Ну, я пошёл.

Кольку он нашёл быстро. Тот с дрожью в голосе рассказал ему, как фашисты, обозлённые тем, что ничего не нашли, избили Дмитрия Петровича и ещё двоих мужиков. Всех, даже соколовских полицейских, отобрали у них винтовки, заперли в амбаре.

– А где остальные фашисты? Здесь же только половина?

– Шестеро фашистов и четверо полицейских укатили в Рогачи. Там наводить порядки!

– Ясно. Сколько немцев в комендатуре?

– Четверо. Два офицера, водитель и ещё один...

– Так! Теперь всё сходится. Давай-ка ты к Петрову дому. Туда выйдут красноармейцы. Расскажешь сержанту всё, что рассказал мне. Никонов решит, что делать.

– А ты?

– Я буду напротив, ближе к пожарному сараю.

2

Время шло. Немцы и полицейские пообедали и зашевелились. Из кузова бронетранспортёра вытащили два каких-то ранца.

– Сволочи! – просипел Серёга. – Огнемёты выволокли. Неужто сжечь решили?

– Как сжечь?! – ужаснулся Мишка. – Там же все... и малышня тоже...

– Ждут начальство, твари! Ну, ничего, кровью умоются! Жаль, вот только патронов мало взял... – с досадой произнёс Сергей и примерился в очередной раз, как будет вести огонь из пулемёта.

Неожиданно из-за пожарного сарая вывернулся Колька. Радостно блестя глазами, сообщил:

– Привёл, ещё девятых привёл! Ну, фашист, теперь держись! – погрозил кулаком товарищ.

Вслед за ним появился и сержант Никонов. Мишка рассказал ему, что знал. Показал, где залёг с пулемётом Сластин.

– Будем ждать. Распылять силы не имеет смысла. Как только появятся офицеры, стреляем!

Никонов ушёл расставлять прибывших с ним красноармейцев, а Мишка залёг рядом с Сергеем, нашёптывая ему:

– Как офицеры приедут, так ты по ним стреляй. Там один гестаповец. Увидишь. Он в чёрном мундире...

– Да помолчи ты! Без тебя знаю, куда стрелять!

Серёга был недоволен, что все слушают подростка, хотя и понимал, что местный знает больше него. Но всё-таки пацан!

Наконец в конце улицы показался автомобиль с открытым верхом, в кузове которого были офицеры и переводчица. Подогретые вином, они громко хохотали.

«Вот и для тебя пуля уже приготовлена», – подумал Мишка, глядя на выходящую из автомобиля Эльвиру Рудольфовну. Хотя лично против неё Мишка ничего не имел: хорошая была учительница, двоек не ставила...

При виде офицеров солдаты и полицейские выстроились в шеренгу. Гестаповец что-то начал кричать, показывая рукой на амбар, и тут прозвучала команда Никонова:

– По фашистам огонь!

Ударили пулемёты, загремели винтовочные выстрелы, затарахтели автоматы... Бой закончился быстро. Враги поломанными куклами повалились под колёса бронетранспортёра и грузовика. Чудом спаслась только переводчица. Она спряталась за бронетранспортёром. Оттуда её и выволок за волосы пулемётчик Сластин, оказавшийся первым возле поверженных врагов.

Сержант поспешил к амбару. Откинув запор, он крикнул:

– Выходите, товарищи! Вы свободны!

Из тёмного помещения на свет начали выходить перепуганные выстрелами соколовцы. Ещё не до конца осознав случившееся, они жались друг к другу, матери прижимали к себе детей, поддерживали под руки престарелых... Мишка, увидев мать, бросился к ней. Поддерживаемый начальником соколовской полиции, вышел из амбара и Дмитрий Петрович. Побили его крепко. Он с трудом передвигал ноги. Но даже в таком положении, увидев сидевшую на корточках растрёпанную и растерянную учительницу немецкого языка, распорядился:

– Переводчицу немедленно отпустить! Это наш товарищ! – и, обращаясь к сержанту, сказал: – Объяви, чтобы никто не расходился. Надо решать, что будем делать дальше.

И пока Никонов собирал начавший расходиться народ, Мишка потянул Сергея за рукав.

– Дядя Серёжа, не всех немцев побили. Ещё один в комендатуре остался.

– Точно?

– Точно! – заверил Мишка. – Я всех пересчитал. Одного не хватает!

– Симаков, – позвал Сергей одного из красноармейцев. – Сходи с хлопцем, там, в комендатуре, ещё один фашист прячется. Веди его сюда.

– А что сам?

– Так я с пулемётом. Тяжело его таскать...

– Пошли, – согласился красноармеец и пошёл вслед за подростком. Вскоре они вернулись, ведя впереди перепуганного и что-то бормочущего фашиста. Как оказалось, это был личный повар гестаповца.

Мишка не слышал, о чём говорил Дмитрий Петрович, но понял по разговорам озадаченных селян. Решено было уйти на болота, туда, где располагался отряд красноармейцев. Все понимали, что немцы никого не оставят в живых после разгрома карателей. Но надо было спешить: в любой момент мог вернуться бронетранспортёр с немцами из Рогачёва.

Было дано два часа на сборы.

– Куда на ночь глядя уходить? Дня не будет, что ли? – бурчала мать, увязывая тряпки и посуду в узлы. – Надо же, надумали...

– Может и не быть, – весомо заметил Мишка. – Ты зря всё это собираешь. Кто тащить-то будет? Ты да я. Вот и вся тягловая сила.

– А как же мы жить-то будем? Без всего этого? – села от неожиданного осознания действительности Татьяна Ивановна.

– Как все, – тихо произнёс Мишка.

3

Народ медленно потянулся в сторону леса. На опушке их ждал Дмитрий Петрович. Когда подошли Мишка с сестрёнкой и Татьяна Ивановна, председатель, отозвав подрастающего в сторону, попросил:

– Михаил, надо остаться с красноармейцами и нашими ребятами из полиции. Никому из них ночью не пройти к сторожке. Ты же уже не раз ходил. А за узел свой не беспокойся. Доставим в лучшем виде, – с трудом улыбнулся разбитыми губами Дмитрий Петрович. – Почему прошу тебя? – пояснил председатель колхоза. – Так уж вышло, что ты один хорошо знаешь лес. А если объявятся фашисты и завяжется бой, то надо будет их увести в сторону Горелого болота. Я знаю, тебе те места знакомы...

– Да, – подтвердил Мишка, – мы с отцом на глухаря туда ходили охотиться.

– Вот-вот! Именно туда и надо увести фашистов, а потом уже направиться в сторону сторожки. Сам понимать должен – идти мы будем медленно...

– Я всё понимаю и сделаю как надо! А можно Колька Спирин и Родька Родионов останутся со мной? Оружия сейчас в досталь, а они из винтовки стрелять умеют и из автомата тоже.

– Нет, Миша. Они ещё малы для таких дел.

– А как же я? Они ведь мои ровесники...

– Ты – совсем другое дело! Ты боец! Настоящий! Проверенный в деле! А у ребят ещё будет возможность пострелять... Всё, парень! Прощайся с близкими и возвращайся в Соколовку.

Глава 6. В двенадцать мальчишеских лет

1

– Ты с нами? Значит, всё будет нормально! – с улыбкой встретил маленького помощника сержант Кононов.

Мишка внимательно осмотрел позиции бойцов и остался доволен – подобраться незамеченным со стороны враг не сможет. Сержант, исподволь наблюдая за пацаном, понимал, что к его советам следует прислушиваться. Толковый мальчишка!

– Дяденька сержант, Дмитрий Петрович мне наказал: если случится бой, уводить за собой фашистов в сторону Горелого болота. Это туда, – показал Мишка на опушку леса. – Иначе наши, соколовские, не успеют дойти до сторожки деда Пантелея.

– Хорошо, – согласился Кононов. – Я сейчас оповещу об этом бойцов, а ты пока посиди.

– Мне бы винтовку...

– С винтовкой тяжело будет, особенно если бежать придётся, а вот с немецким шмайсером – самое то. – Снял с плеча автомат, сержант протянул его Мишке. – А обращаться-то умеешь?

– А то, – повеселел подросток и, сноровисто отстегнув магазин, проверил наличие патронов и остался доволен. Магазин был забит до отказа.

«Теперь и повоевать можно!» – улыбнулся он своим мыслям.

2

Время тянулось медленно, потихоньку начало смеркаться. «Это хорошо! По темноте фашисты в лес не ползут, побоятся, – лёжа на соломе под сараем, размышлял Мишка, прислушиваясь. Но, кроме кваканья лягушек на деревенском пруду, было тихо. – Жаль тех, кто остался в деревне. Десятка три наберётся. Правда, всё больше старики, но и их тоже жаль. Не выживут одни-то... Да и фашисты не оставят их в покое...»

Настороженное ухо уловило шум работающих двигателей. В деревню медленно въезжал бронетранспортёр, за ним ещё один и ещё... Следом проползли грузовики с солдатами... Вся эта громада техники заполонила площадь перед комендатурой.

«Ну и силища! Видно, не на шутку разобиделись фашисты. Вон сколь солдат нагнали! – разглядывал Мишка немцев, некоторые из них уже разбежались по дворам. Через некоторое время все оставшиеся в деревне были согнаны перед комендатурой. Притащили даже лежачих. – Где Никонов? Почему не начинает?»

А между тем фашисты о чём-то расспрашивали деревенских, о чём, правда, не было слышно. Но и так догадаться несложно. Вот один из деревенских, а им оказался не кто иной, как Никифор – фашистский прихвостень, кивал и показывал рукой на лес, где скрылись сельчане.

«Вот крыса! Предатель! Поди, знает, где находится сторожка лесничего... Выслуживается перед немцами!»

Мишка подполз к сержанту.

– Вон того мужика видите? – показал он рукой в сторону Никифора. – Он давно живёт в Соколовке... Приведёт фашистов к сторожке... как пить дать, приведёт! Что делать-то будем?

– Ждать!

– Чего? Никифора надо убить! Он всех предаст!

И в этот момент автоматчики открыли огонь по оставшимся жителям деревни. Только Никифора не тронули, а он стоял, глядя на расстрел односельчан, и смеялся.

– Вот твари! – вырвалось у Мишки. – Дяденька Никонов, почему не стреляете?

– Ждём! Я послал Сергея вон к тому дому. Он начнёт, а за ним уже и мы... Потерпи!

И тут ударил пулемёт: зло, напористо, убийственно... Сергея поддержали остальные красноармейцы. Фашисты отозвались ливнем огня из пулемётов, стоявших на бронетранспортёрах, треском шмайсеров.

Силы явно были неравными, и отряду Кононова пришлось отступить. Мишка даже ни разу не выстрелил

из автомата – далеко было. Мальчишка рванул к развесистой ели на опушке леса, где была намечена встреча. Когда он подбежал, двое красноармейцев уже залегли за поваленным деревом и приготовились к встрече фашистов. Прибежали, тяжело дыша, ещё трое, за ними ещё двое... Вот и Кононов... Оглядев солдат, он приказал:

– Далеко не разбредаться. Быть готовыми разом подняться и продолжить путь! А сейчас лежать и отслеживать немцев. Своих, смотрите, не перестреляйте! – Заметив Михаила, спросил: – Ты как?

– Нормально... Жаль вот только соколовцев, полегли ни за что...

– Что делать... Война!

Прибежали ещё двое. За ними появился Сергей. Положив пулемёт на траву, огорчённо произнёс: – Леха Сластин ранен... в ноги и в живот. Не жилец... Остался нас прикрывать. С ним Мишка Распутин. Тоже ранен...

– А дядя Саша? Ну, этот, рядовой Родин? – спросил один из прибежавших.

– Убит! И Миронов тоже погиб! – ответил Кононов. – Так что больше ждать некого, надо уходить...

– Нельзя! – категорично заявил Мишка. – Пока Никифор жив... – Но Сергей его перебил: – Не беспокойся! Я его первым положил!

– А где же наши... Ну, эти... полицейские бывшие?

– Я их раньше отправил прикрывать отход ваших соколовских... На всякий случай! – пояснил сержант. – Ну, всё! Хватит лясы точить! Михаил, командуй! – распорядился Кононов.

– Не отставать! – строго сказал подросток. – В ночном лесу ходить непросто. Идите за мной. Пойдём вдоль реки, а потом заболоченным лугом... Так что поначалу след оставим хороший, чтобы фашисты утром по нему пошли, а потом уже попетляем и уйдём по ручью.

Красноармейцы ещё долго оглядывались назад, где звучали пулемётные очереди, где ценой своей жизни сдерживали врага их товарищи... А вскоре они заметили всполохи пламени. Это фашисты подожгли деревню.

3

Привал сделали, когда восток заалел. Бойцы явно устали, хотя вида старались не показывать. Мишка тоже изрядно притомился: не думал, что идти по мокрому лугу, а позже хлюпать по Горелому болоту так утомительно. А потом себя остановил: «Тю! Я же предыдущей ночью не спал, а утром бегом пробежал вон сколько! Да и так весь день на ногах!.. Как там наши: мама, Катюня?» – и от воспоминаний о близких на душе у мальчишки потеплело. Он даже ненадолго смежил веки и не заметил, как уснул. Проснулся же оттого, что его кто-то тряс за плечо.

– Михаил, проснись! Немцы!

– Как немцы? – даже ещё не открыв глаза, вскричал мальчишка. – Мы же всю ночь следы запутывали!

– Дозор вернулся. По нашим следам идут два десятка фашистов. Видимо, егеря! – пояснил Никонов и, присев рядом с ещё не проснувшимся до конца мальчишкой, он спросил: – Есть место, где спрятаться?

– Егеря – это кто такие?

– Спецподразделение... Солдаты, способные находить противника по следам, хорошо знающие лес... В общем, серьёзные ребята! – выдохнул Никонов. – Как уходить будем? Их в два раза больше... – помолчав, добавил: – Да так бы ничего, вот только патронов маловато осталось. На хороший бой не хватит! Так есть место для того, чтобы укрыться? – повторил свой вопрос сержант.

– Место есть! Но до него ещё километра два, а потом болотом...

– Добре! Парни, хорош отдыхать! Поспешим. Сергей – замыкающий. Увидишь фашистов, стреляй! Кончатся патроны, пулемёт брось. Нечего с собой железо тащить! – приказал Никонов. – Михаил, веди!

И уже в который раз красноармейцы с надеждой смотрели на мальчишку, от которого зависела их жизнь.

Михаил бежал, придерживая болтающийся за спиной автомат и думая, как быстрее провести солдат на болото, а там на островок, ему одному известный. На него он наткнулся случайно, когда плутанул в прошлое лето, собирая

подосиновики. Он тогда подумал, что неплохо было бы сюда забраться с Колькой за черникой: ягодник густой, высокий и цвёл изрядно... Но не удалось: то Кольке недосуг, то ему лень – далековато от Соколовки.

Лишь добежав до болота, Мишка услышал пулемётные очереди и ответные автоматные. Правда, бой был очень коротким: то ли патроны у Сергея закончились, то ли он ранен, а хуже того – убит.

– Идти строго за мной! – предупредил Михаил и уверенно повел красноармейцев в болото. Верхний слой плотного мха пружинил, но держал. Лишь вода проступала, указывая цепочку следов.

Вот и остров.

– Рассредоточиться! – подал команду Кононов и, когда бойцы залегли, приказал: – Пусть втянутся! Стрелять только по команде. Валить первого и последнего, а затем уж и всех остальных!

Мишка примостился за бугорком, упёрся рожком автомата в землю, навёл ствол.

Фашисты не заставили себя долго ждать. Вот они подошли к болоту, посоветовались и осторожно друг за другом двинулись по следам недавно прошедших красноармейцев. Подошли близко. Михаил уже различал сосредоточенные лица впереди идущих, как прозвучала команда: «Огонь!» Мальчишка нажал на спуск, автомат дёрнулся, но он плотнее прижал его к земле. Справа и слева от него тарахтели автоматы, бухали винтовочные выстрелы... Немцы открыли ответный огонь, но место было открытым, и потому они были обречены. Фашисты падали один за другим, замерев на месте, те же, что, стремясь укрыться, ринулись в стороны, проваливались и тонули.

Мишка, выпустив весь рожок, остановился и только после этого осмотрелся. Фашисты лежали бугорками.

– Вот это мы им дали! – сияя глазами, выпалил он.

К нему подошёл Никонов. Положив руку на плечо подростку, тихо сказал:

– Слава Карташов убит. И ещё Серёга...

Радостное настроение тут же покинуло мальчишку. Он понимал, что идёт война и гибнут солдаты, но чтобы

вот так, на глазах... с этим примириться он не мог и не хотел.

Возвращались так же по его следам, забрав оружие и боеприпасы у немцев. На приметном месте похоронили Карташова. Неподалёку от могилы оставили лишние автоматы, решив, что так будет вернее, ибо Михаил настоял на том, чтобы вернуться к Соколовке. Тревога за то, что у фашистов есть люди, способные читать следы, его беспокоила всё больше и больше.

Чем ближе подходили к деревне, тем отчётливее доносился запах пожарища, а когда залегли на опушке леса и вся Соколовка была как на ладони, погрустнели. Только чёрные головешки брёвен да печные трубы напоминали Мишке о ещё недавно красивой и такой родной, а летом утопающей в зелени садов деревне.

Одно радовало, что почти на выходе из леса из кустов вынырнул Сергей – живой, здоровый и даже с пулемётом в руках. Как он объяснил, патронов к пулемёту найти можно, а вот сам пулемёт – намного сложнее. Он-то и поведал, что фашисты сожгли деревню и рано утром уехали, не дожидаясь отряда егерей, отправившихся по следам никоновцев. Тела убитых красноармейцев они забрали с собой, видимо, чтобы хотя бы как-то оправдать потери.

Можно было возвращаться к сторожке. И хотя солдаты, повеселевшие, что возвращаются на базу, шли быстрым шагом, Михаил всё больше отставал. Усталость навалилась как-то неожиданно. Хотелось лечь и поспать.

Видя, что пацан еле передвигает ноги, сержант Никон объявил привал.

Глава 7. Рейд

1

Жизнь налаживалась. На островке, что окружало болото, соорудили два десятка шалашей. Поставили общую кухню, привезли часть мешков с зерном, намолотили муки... Соколовские охотники, зная места, били лосей и кабанов,

птицу на болоте... так что пока недостатка в еде не испытывали. Но шёл сентябрь, а за ним подбирался дождливый октябрь... Нужно было думать о более серьёзном месте: более сухом, чтобы можно было строить землянки, и более безопасном, чтобы оградить население от карателей. Ведь островок окружало болото, и уйти с него можно было только по скрытой, известной немногим, гати.

В округе фашисты зверствовали: ближайšie к Соколовке деревни сожгли, народ угнали неизвестно куда... Но в лес не совались: то ли боялись, то ли сил не доставало для прочёсывания большого лесного массива. Но все понимали, что это дело времени. Несколько раз появлялись над лесом немецкие самолёты, но никого и ничего не найдя, улетали.

О каких-либо военных действиях речь не шла. Надо было укрепить тыл, как говорили соколовские мужики, а после уже воевать.

Дмитрий Петрович подготовил отряд и маршрут движения на поиски новой базы. Пошёл бы в рейд сам, но слишком большая ответственность за жизни людей держала его на островке. Потому отряд возглавил сержант Никонов, который в категорической форме неожиданно заявил:

– Без Михаила не пойду!

– Так это уже территория соседних районов. Михаил незнаком с этими территориями.

Но Никонов был непреклонен:

– Пусть так! Но он, как ни один из членов отряда, так хорошо не ориентируется в лесу. Для него лес – дом родной, и я в этом не раз убеждался.

Пришлось уговаривать Татьяну Ивановну отпустить Мишку с отрядом. С трудом, со слезами и охами, она все-таки отпустила сына в рейд. Мишка был доволен. Одно огорчало его, что уже в который раз с ним не разрешили идти его друзьям – Николаю и Родиону. О чём мальчишки очень сожалели.

С рассветом вышли из лагеря. По территории Соколовского лесничества Мишка вёл уверенно: всё было знакомо, не единожды хожено, а вот дальше уже двигались по карте.

Мишка, хотя и видел развёрнутую Никоновым карту всего два раза, запомнил обозначения и теперь, продвигаясь по маршруту, не без интереса сравнивал увиденное на бумаге с реальным. Вот дубовый лес, ручей, заболоченный участок... Дальше дорога... Перед ней остановились, залегли, наблюдая за движением транспорта, людей. Мишка знал эту дорогу. Она вела в соседний городок, в котором он бывал с отцом, но по карте поблизости должен стоять мост, а его видно не было. «Неужто вышли не к тому месту?» – удивился Мишка.

– Дядя командир, – обратился он к сержанту Никонову, – мы вышли не там, куда намечали.

– Откуда знаешь? – удивился Никонов.

– Если верить вашей карте, слева должен стоять мост через речку, а его нет...

Никонов развернул карту.

– А ведь точно. Отклонились в сторону больше чем на километр. Мы сейчас где-то здесь! – ткнул он пальцем. – Это даже неплохо... Нам необходимо осмотреть вот это место. «Сте-коль-ный» – прочитал он по слогам. – Не слышал, что за место?

– Как-то учительница на уроке истории рассказывала, что ещё до революции местный помещик построил заводик, который выпускал бутылочки для лекарств, такие... маленькие. Но это было давно...

– Да! – кивнул Никонов. – То-то я смотрю, дороги к Стекольному нет. Так, одно название. Вот туда-то мы и пойдём.

– Так Дмитрий Петрович говорил об этом месте, – ткнул палец Михаил в большой заболоченный участок местности.

– Вначале Стекольный, а потом уже и сюда наведемся, – решил Никонов и, уже обращаясь к отряду, сказал: – Приготовиться к переходу дороги... – и как только дорога на время опустела, крикнул: – Вперёд!

Семь человек с оружием наперевес перемахнули дорогу и оказались в лесу.

– Порядок движения тот же! Михаил, ты чтобы был поблизости! – распорядился Конов.

К вечеру вышли к Стекольному. Это был небольшой затерянный в лесу посёлок, состоящий из шести домов, давно брошенных и заросших кустарником и берёзками. Собственно, сам заводик был за домами – два вытянутых сарая с дырявыми крышами и полуразвалившимися печными трубами. Везде царило запустение.

– А что, хорошее место для базы... Есть где жить, – Никонов указал рукой на дома. – И вода рядом, – кивнул он в сторону протекающей недалеко речушки. – Судя по карте, ещё и озеро недалеко, а главное, дороги нет сюда, а значит, фашистам не добраться.

– Дорога-то есть, – не согласился с сержантом подросток. – Только она заросла.

– И это хорошо! – обрадовался Никонов. – Так, хлопцы, здесь заночуем, а утром пойдём дальше.

Выбрав один из домов, покрепче и почище, отряд расположился на ночлег. Причём впервые за последние дни парни разожгли костёр, не боясь нападения фашистов, и приготовили ужин.

Утром продолжили путь. Ещё день шли не таясь, а в последующие дни на их пути стали всё чаще возникать деревушки и починки.

– То ли карта врёт, то ли мы зашли не туда, – сокрушался Никонов, в очередной раз обходя непредвиденную преграду в виде затерянной в лесу деревни.

– А давайте я схожу в деревеньку. Разузнаю, что да как! – предложил Мишка, и с ним согласились, понимая, что на мальчишку вряд ли кто обратит внимание.

Первой, кого встретил мальчишка, была пожилая женщина в низко повязанном платке и, несмотря на тёплую погоду, в стёганой телогрее. Она бы прошла мимо, если бы Мишка не поздоровался.

– Здравствуй, коль не шутишь, – отозвалась женщина, изучающе поглядывая на мальчишку. – Чей же ты будешь? Что-то не припомню...

– Так я не ваш... Не из вашей деревни.

– А здесь чего?

– Ищу тётку Дарью, – соврал Мишка и глазом не моргнул.

– Так чего её искать. Я – Дарья, – неожиданно для подростка сказала женщина. – Почто я тебе занадобилась?

Мишка замялся, понял, что влип, но врать продолжал:

– В общем, я издалека. Ищу свою сестрёнку. Говорят, что видели её в ваших краях. Зовут Настёной, десять лет. Маленькая, чернявая, в коричневом пальтишке... Не видели?

– Таких вроде у нас не было. Да и Даша я одна на деревню. А ты в Борозёнках был? – заинтересованно спросила женщина.

– Ещё нет. Ваша деревенька оказалась первой...

– Так ты что, лесом шёл? – удивилась женщина.

– Лесом, – кивнул Мишка. – Чтобы на фашистов не нарваться...

– Так откуда у нас фашисты? Край лесной, болотистый... От райцентра мы самые дальние. Это там немцы, а у нас тихо. Так ты всё же скажи, почему ты здесь сестру-то ищешь?

Вспомнив карту, Мишка пояснил:

– Так в Дубровном мне женщины сказали, что троих девочек, что из разбомбленного поезда спаслись, в деревню какая-то сердобольная увела, зовут Дарьей, а в какую, им неведомо.

– Нет. У нас точно нет. Разве что в Раздольном поспрошай. Здесь недалеко. Километров восемь будет.

– А немцы там есть?

– Так нет же! Я же тебе говорила, что только в нашем райцентре немцы стоят. Они всё больше на машинах, а на машинах можно только до Раздольного доехать. Ты видел, какая к нам дорога идёт? То-то и оно! На телеге и то с большим трудом!

– Спасибо вам, тётя Даша. Пойду, пожалуй, в Раздольное. Так, говорите, километров восемь будет? А короче дорога есть?

– Есть. Как не быть... Вот так лесом до просеки, потом до леспромхозовского заготпункта... А там спросишь. Леса-то не боишься?

– Вырос в лесу, – не без гордости ответил Мишка. – Спасибо вам, – и мальчишка поспешил в указанном направлении, но, как только углубился в лес, свернул влево и скоро вышел на тропинку, по которой пришёл в деревню.

Его ждали.

– Ну что? – в нетерпении произнёс Никонов, подавая мальчишке фляжку с водой.

Напившись, Мишка рассказал:

– Фашисты только в райцентре. В деревнях и сёлах района тихо. Край лесной, глухой... потому немец не жалует. Хорошая дорога есть только до села Раздольное, а к остальным – можно проехать только летом и зимой.

– Ясно! В указанный Дмитрием Петровичем район не пойдём, – решительно махнул рукой сержант. – Жить, забравшись в дебри, можно. А воевать как? Лучшего места, чем Стекольное, не найти. Ты как мыслишь? – ища поддержки, спросил Никонов подростка.

Мишка, немного подумав, согласился:

– Место хорошее: тихое, не так далеко от дорог – и от шоссе, и от железки. Да и дома там ещё крепкие. Разместить можно будет почти всех. Я слышал, многие решили пробираться к родичам: кто в райцентр, кто по деревням... Боятся за детей, замёрзнут... А сюда-то как добираться? Это мы налегке... и то сколько дней идём. А с детворой, с пожитками, со скотиной... да и хлеб тоже не бросишь. Нести-то кому? – произнёс Мишка по-взрослому, по-хозяйски, удивив в который раз своей рассудительностью красноармейцев.

2

Снова переночевали в Стекольном.

А вот и шоссе. Лежали долго, пропуская колонны автомобильной техники, отдельные мотоциклетные патрули, телеги с полицейскими. В направлении райцентра прогнали колонну пленных советских солдат и офицеров. Небольшую. Человек в сорок. Их сопровождали семь автоматчиков, и в конце колонны глухо урчал мотоцикл, в коляске которого, вальяжно развалившись, сидел пулемётчик. Откуда пленные красноармейцы оказались здесь, в этой глуши, оборванные и страшно истощённые?..

У Мишки болезненно сжалось сердце от увиденного.

– Надо своих отбить! – решительно произнёс Никонов. – Но не здесь. Пройдём подальше... Сергей, – подозвал он

пулемётчика, – бери с собой Смирнова, и давайте вперёд. Необходимо выбрать место для засады... километрах в двух отсюда, – уточнил сержант.

Место было выбрано лучше не придумать: поворот, лес подходит достаточно близко к дороге, и после небольшого спуска выход на мост через ручей.

Расположившись по обеим сторонам дороги, красноармейцы ждали только прихода колонны, моля бога, чтобы в момент нападения не принесло кого-нибудь на автомобиле или, того хуже, на бронетранспортёре. Но всё пока было тихо. Вскоре появилась и уныло бредущая колонна, распространяя вокруг запах невымытых тел, шкрёбот ботинок или сапог по бетонке моста.

Пора! Первым ударил пулемёт, сметая с дороги мотоцикл с незадачливым расчётом. Красноармейцы стреляли только из винтовок, боясь поранить своих. Это-то и привело к тому, что автоматчики успели открыть ответный огонь, стреляя не только по красноармейцам, но и по пленным. И хотя те с первыми выстрелами попадали на дорожное полотно, многие оказались посечённые пулями. Но горевать было некогда. Никонов, выскочив на дорогу, крикнул:

– Товарищи! Быстро в лес! Не разбежаться! Следуйте за ним, – показал сержант на рядового Молоканова. И когда на дороге остались только свои, распорядился: – Сергей, прикрываешь, остальные – всех убитых с дороги под мост. Я сказал всех: и наших, и фашистов.

Всё-таки удача сегодня была на стороне красноармейцев. Они не только успели спрятать тела под мостом, но и уже не спеша ушли от дороги, унося трофейные автоматы и патроны к ним.

Догнав спасённых, Кононов приказал остановиться.

– Товарищи, – сказал он негромко. – Никого не принуждаю. Дело это добровольное: кто хочет дожидаться окончания войны где-нибудь под боком у вдовушки – пусть уходит; кто будет сражаться с фашистами – остаётся с нами.

Остались все двадцать шесть человек.

– Хорошо. Поступим так: мы оставим вам пулемёт, семь автоматов, патроны и все продукты, что имеем. Вы отправитесь в заброшенный посёлок и там будете нас

ждать. Мы вернёмся дней через десять. Но не одни. Помимо солдат, будут ещё и мирные жители, есть дети. Так что вам предстоит привести в порядок дома, чтобы в них можно было жить. На место вас отведёт Сергей Кротов. Не заплутаешь?

– Никак нет, товарищ командир. Доведу.

– Поменяйся с Молокановым оружием. Вопросы? – повернулся он к бывшим пленным.

– Один. Как там наши? Бьются? – спросил кто-то из пленных.

– Бьются. И мы бьём фашистов. И вы их тоже будете бить! Я вам это обещаю! – горя глазами, решительно произнёс Кононов. – Всё, товарищи! Нам пора! Скоро увидимся! – и отряд, уменьшившись на одного солдата, скрылся в уже желтеющем лесу.

3

Последний переход от Соколовки до сторожки лесничего оказался самым сложным.

В сожжённой деревне и на опушке леса возле неё Мишка насчитал шестнадцать бронетранспортёров и два десятка шныряющих по улицам мотоциклов. Фашисты решили покончить с партизанами и сняли с марша подразделение мотопехоты. Где находится партизанская база, они не знали и потому решили прочесать лес, продвигаясь в сторону райцентра. От райцентра тоже готова была двинуться навстречу бронегруппе рота солдат при поддержке двух бронетранспортёров. Все ждали только команды, а её не было. Немецкое командование решило ещё раз поискать партизан с воздуха и только после их обнаружения дать команду на уничтожение. Знали бы фашисты, что в лагере на острове осталось всего два десятка вооружённых мужчин и только двое из них прошли армейскую подготовку. Остальные же были старики, женщины и дети. Вчера остров покинули последние пятеро из шестидесяти соколовчан, пожелавших поискать пристанища у родственников и знакомых в соседних деревнях и сёлах. На острове осталось всего семьдесят два человека.

«Что же, это их выбор», – решил Дмитрий Петрович и не пожалел, так как уже следующим утром прибежал из дальнего дозора посыльный, который и принёс эту страшную весть: фашисты объявились! Много. На бронетранспортёрах и мотоциклах!

Было решено срочно свернуть лагерь и попытаться уйти лесами на запад. Но тут опять незадача: только начали сворачиваться, как в небе появились немецкие самолёты. Они кружились над лесным массивом и даже несколько раз оказывались вблизи острова. Но, видимо, окружавшее его болото останавливало более детальную разведку этого участка местности.

Дмитрий Петрович решил не тратить время на сборы и уводить людей с острова как есть. Жаль было оставлять небольшое стадо коров и коз, но все понимали, что спасение скота – непозволительная роскошь. Время дорого!

Неожиданно для всех дед Пантелей заявил, что ему по возрасту не пристало бегать от врага и он остаётся на острове. Так что за стадом будет кому присмотреть.

И только последний человек оставил остров, как появился отряд Кононова. Мишка не слышал, о чём докладывал сержант Дмитрию Петровичу, но, судя по тому, что тот тут же подозвал мальчишку к себе, понял, что Стекланный – это то, что им нужно.

– Михаил, ты уже видел, сколько техники и солдат фашисты выставили против нас. Мы приняли решение уйти с острова. Сержант Никонов очень коротко доложил про место, выбранное вами. Ты сможешь провести всех нас, обойдя фашистов?

– Я постараюсь. Только надо, чтобы кто-то увёл немцев с нашего пути. Хотя бы ненадолго... Всего на полчаса. Я покажу где.

– Никонов! Ты слышал?

– Так точно. Мои ребята готовы!

– Тогда, Михаил, веди!

И снова, уже в который раз, на мальчишеские плечи упала недетская ответственность. Указав направление, он пошёл, не оглядываясь, вперёд, хотя знал, что где-то там, в толпе, идут его мать и сестрёнка, и ему очень хотелось

их увидеть, чтобы сказать, что жив. Но он спасал всех, в том числе и их.

Вскоре его догнал Дмитрий Петрович.

– Михаил, только что вернулся дальний дозор: фашисты двинулись в лес.

– Это хорошо, – повеселев, заявил мальчишка. – Они уже опоздали. Теперь только ещё бы прибавить ходу, и тогда они нас точно потеряют.

– Так что, Кононову не надо отвлекать фашистов боем?

– Нет. Пусть его красноармейцы пойдут правее нас. На всякий случай...

– Ну ты и стратег, Михаил. Пойду подгоню отстающих. А ты иди вперёд, не отвлекайся...

И Мишка шёл. Он спешил, понимая, что только так можно избежать встречи с фашистами. В том, что они не появятся впереди, он был уверен, так как вёл соколовчан между двух заболоченных участков мелколесья. Одно тревожило: чтобы их не обнаружили немецкие самолёты.

Обошлось.

Всё дальше и дальше уходили соколовчане с острова, приютившего их на три месяца, и всё дальше и дальше уходил страх за свои жизни.

Глава 8. Стекольный

1

Шли медленно, вымотавшись до того в попытке уйти от встречи с карателями, и она удалась. И хотя до дороги, через которую надо будет переходить, ещё было далеко, Дмитрий Петрович всё чаще объявлял привалы, давая отдохнуть людям. На ночь остановились на небольшой полянке, но костров не жгли, согревались тем, что взяли с собой с острова. Планировали продолжить путь с рассветом, но пришлось ждать, пока не подсохнет трава и ветки кустов, увешанные каплями росы. Взрослым-то ничего, но надо было беречь детвору от влаги: всё-таки не лето – сентябрь на дворе!

Лишь после того, как ветер и солнце подсушили листья, тронулись в путь.

Никонов со своими подчинёнными ушёл вперёд, чтобы обеспечить переход дороги, а Мишка потихоньку продвигался вместе со всеми. Но до захода солнца к дороге так и не подошли. Пришлось ещё одну ночь провести в лесу. Только в конце третьего дня пути вышли к дороге. Перейти её такому количеству людей было непросто. Как доложил Никонов, только с наступлением ночи интенсивность движения по дороге снижается.

Уже в глубоких сумерках преодолели преграду, и снова пришлось заночевать в лесу. Мишки-то не привыкать, но вот остальным было трудно, многие соколовчане так и просидели, не сомкнув глаз, обнимая детвору, чтобы хоть как-то её согреть.

Стекольный встретил соколовчан тишиной.

«Где бывшие пленные-то? – подумал Мишка, поглядывая на пустые дома. – Неужто, не дождавшись, ушли?»

Но нет! Вон они. Вылезли из кустов, где до того залегли, поводя стволами трофейных немецких автоматов.

Продираясь сквозь заросли кустарника, соколовчане пробралась к ним. После рукопожатий и знакомства старший представился Дмитрию Петровичу:

– Майор Кравцов! 230-й полк 148-й стрелковой дивизии. Попал в плен ещё в июле 41-го... Есть ещё офицер, подойди, – кивнул он заросшему волосом измождённому человеку. – Представься!

– Лейтенант Денисов! Заместитель командира погранзаставы...

– Так сколько же вам лет? – невольно вырвалось у Дмитрия Петровича.

– Двадцать. Я сразу после выпуска из училища прибыл на заставу, а тут война...

– А остальные?

– Остальные – рядовые из различных частей. Все как один готовы драться с фашистами. Принимайте под своё командование.

– Ну нет! – улыбнулся Дмитрий Петрович. – Принимайте-ка вы командование на себя, а я командовать буду мужиками да бабами. Мне так сподручнее.

– Так у вас же есть командир...

– Сержант Кононов! – встал рядом с председателем колхоза военный. – Сержант 27-го укрепрайона, в недавнем прошлом тоже военнопленный. В плен попал, получив контузию. Со мной одиннадцать рядовых.

– Я смотрю, вы хорошо ориентируетесь в лесу: нас провели да и гражданских...

– Никак нет! – улыбнулся сержант. – Михаил, – позвал он подростка, – подойди! – И когда из толпы сельчан вышел мальчишка, представил его: – Вот кто наши глаза и уши! Михаил Иванович Давыдов!

– Здоров, боец! – протянул руку для рукопожатия майор. – Так это, Михаил Иванович, ты в отряде следопыт? – уважительно произнёс Кравцов. – Откуда лес знаешь?

– Отец лесник... Ну и я при нём!

– Кстати, это место, Стекольный, он указал и вывел на него. Да чего говорить, мы все ему жизнью обязаны! – подытожил сержант.

– Это хорошо, – ещё раз пожал руку Михаилу Кравцов и, повернувшись к Дмитрию Степановичу, доложил: – Мы тоже тут времени даром не теряли: избы и те два сарая, сколько смогли, подготовили к проживанию.

– Добре, – крикнул председатель, – будем расселяться, а потом уже думать, что делать дальше.

Совещание проходило в бывшем производственном корпусе стекольного заводика, походившем больше на большой сарай, несколько раз перегороженный стенами. В окна и в дыры в крыше задувало, было холодно и неудобно. Расселись кто где смог. На совещание Дмитрий Петрович попросил прийти и Мишку. Тот примостился рядом с сержантом Кононовым, приготовился слушать.

– Товарищи, – начал Дмитрий Петрович. – Начну с того, чего у нас нет и что нам необходимо в первую очередь. Нет у нас ничего: ни одежды, ни еды, ни материалов, чтобы подготовить жильё к зиме. Того количества еды, что принесли с собой, хватит при экономном расходовании на три-четыре дня. Поэтому добывание продуктов питания – это главная на сегодня задача. Решить её можно так: перета-

щить мешки с зерном, пока не начались дожди. Михаил, – неожиданно для всех обратился он к подростку. – Это задача тебе. Помощников отрядим столько, сколько скажешь. Завтра с утра и приступай.

– Есть! – по-военному откликнулся Мишка. – Только мне нужны мужики крепкие. Нести мешок с зерном – дело нелёгкое. Для начала человек двадцать и охрана. Сержант Кононов со своим отрядом, – решительно заявил он.

– Ну у тебя и аппетит! – покачал головой Дмитрий Петрович. – Ты же половину лагеря уведёшь с собой! На людей майора надежда небольшая – истощены люди...

– Вот потому-то мне и нужны крепкие мужчины! – настаивал на своём Мишка.

– Хорошо, – согласился председатель. – Получишь людей сполна. А теперь свободен. Отдыхай!

Мишка ушёл, хотя очень хотелось остаться и послушать, чем намерены заниматься взрослые. Войдя в избу, выделенную семьям, в которых были дети, мальчишка тут же попал в руки матери. Та, сунув ему в руки кусок хлеба, заговорщически спросила:

– Ты на что председателю зандобился?

– Да так, утром схожу с мужиками в одно место.

– Куда?

– Зерно надо в лагерь переправить. Не оставлять же в лесу зверью на потеху. Самим скоро есть будет нечего.

– Эх, кормилец ты мой, – погладила Татьяна Ивановна сына по спине. – Ложись-ка ты спать. Вон туда, – указала она место, – под бочок к Катюхе.

Рано утром тридцать один человек во главе с подростком тихо растаяли в сереющем лесу. Идти было далеко, и надо было спешить.

2

Только ближе к ночи Мишка вывел группу к дороге, по которой везли зерно, а там ещё по просеке километра четыре... Так что пока добрались, стало совсем темно.

Машины стояли, как и были оставлены, укрытые, правда, уже оголившимися ветками, на которых лежали мешки

с зерном, причём почти нетронутые. Только на двух машинах несколько из них пострадали от птиц.

Оглядев, мужики заохали, запричитали:

– Да тут ещё зерна столько, что нам полгода носить! Только с крайней машины мешки перетащили в лагерь на болоте, и то не все, а здесь...

Но Мишка успокоил:

– Утром что-нибудь придумаем.

Он уже придумал, только говорить раньше времени не хотел. Утром же, несколько озадачив своими действиями часового, он осмотрел бензобаки машин, вымерив гибким прутком уровень. Только после этого мальчишка сообщил своё решение:

– До дороги, не до нашей, до которой четыре километра, а до той, соседнего района, поедем на грузовиках. Я проверил... Если бензин слить с двух машин, то для трёх может хватить.

– Да мы не уместимся... – сказал кто-то из соколовцев. – Мешков гора да мы ещё сверху...

Все смотрели на мальчишку, ждали, что скажет на это он.

Михаил нашёлся тут же:

– Степан Егорович, – обратился он к угрюмому сутуловатому мужику. – Вы дорогу запомнили? – И когда тот кивнул, продолжил: – Так вот, с этих двух машин мешки перегружаем на эти три. Красноармейцы меняются одеждой с сокольскими, на рукава повязывают белые полоски, букву «Р» намалюем сажей из выхлопной трубы, и всё: три машины с хлебом в сопровождении полицейских следуют в райцентр.

– А если патруль? – спросил кто-то из красноармейцев.

– Автоматы вам для чего дадены? – пробурчал Степан Егорович.

– Всё! – оборвал начавшуюся было перепалку сержант Никонов. – План Михаила принимается. За работу.

К полудню мешки перетащили с машины на машину, развернулись и, попрощавшись с соколовскими мужиками, потихоньку двинулись по просеке к дороге. У самого выезда раскидали кучу хвороста и с трудом выбрались на

дорогу. Перегруженные машины шли тяжело, надрывно урча. Красноармейцы разместились в кабинах по три человека, и лишь Серёга с пулемётом и рядовой Молоканов расположились на мешках с хлебом.

Ехали, не встречая ни машин, ни людей. Через двадцать километров Михаил скомандовал поворот на лесную дорогу. По ней тоже проехали без проблем. Но как только выехали на дорогу, ведущую к соседнему райцентру, начались проблемы. Вначале спустило переднее колесо у одного из автомобилей. Пока его меняли на еле дышащую запаску, по ходу движения скопилась приличная очередь. Водители нервничали, время от времени гудели... Подъехал патруль на бронетранспортёре. Начальник патруля, хотя ни слова не знал по-русски, понял, в чём дело, и поехал вдоль колонны, успокаивая торопящихся водителей. Наконец, колесо поставили, и колонна тронулась. В месте расширения дороги грузовики с хлебом встали, пропуская позади идущих. И только когда в тылу колонны не осталось машин, двинулись дальше.

Проехали не больше пяти километров, как колонну начал нагонять бронетранспортёр патруля. Обогнав колонну, он остановился. Из кабины вышел всё тот же начальник патруля и, подойдя к передней машине в сопровождении одного из патрульных, что-то потребовал, видимо, документы. Сержант Кононов выпрыгнул из машины, приблизился к офицеру и полез за пазуху, что-то там ища. Затем он прыгнул на офицера, сбив его с ног. Это послужило сигналом для Сергея, который тут же нажал на спуск пулемёта.

Михаил сидел в кабине первой машины вместе с водителем и сержантом, и когда Никонов выпрыгнул из машины, он передёрнул затвор автомата и приготовился к стрельбе. Мальчишка открыл огонь одновременно с Сергеем и, уложив патрульного, который стоял рядом с офицером, перенёс огонь на начальника патруля. Тот оказался намного здоровее и проворнее сержанта и сумел ударить того кулаком по голове, но подняться тому не суждено было. Мишка очередь буквально пригвоздил того к полотну дороги.

Всё произошло настолько неожиданно, что фашисты оторопели, и это дало возможность обойтись без потерь.

И опять повезло: ни впереди, ни позади транспорта не было.

– Попов! – скомандовал Никонов, ещё не до конца пришедший в себя после схватки с офицером, одному из подчиненных. – Быстро в кабину бронетранспортёра, проедешь метров пятьсот. Там я видел съезд. Загони машину в лес, спрячь, может, пригодится... и бегом возвращайся.

– А что с этими делать? – кивнул рядовой на тела фашистов, находящиеся в бронетранспортёре.

– Выбрось где-нибудь по пути в лесу. Только быстро. Время дорого! По машинам! – скомандовал сержант. – Быть готовыми к началу движения! Ждём только Попова, – и усевшись в кабину, глухо произнёс, обращаясь к Михаилу: – Я тебе, Михаил Иванович, жизнью обязан. Спасибо!

– Да чего там... – скромно произнёс мальчишка, но видно было, что слова сержанта ему пришлись по душе.

Часа полтора ехали без остановок.

– Скоро съезжать, – предупредил Мишка, поразив ещё раз сержанта своей осведомлённостью.

– Как ты узнаёшь? Ведь район чужой и местность неизвестная!

– Так всё очень просто: когда мы шли первый раз на Стекольный, я заметил вон ту берёзу со сломанной верхушкой. От неё метров за сто проходит вырубка, на неё и свернём. Сколько проедем, не знаю, но сейчас главное – укрыть машины.

Так и сделали. По вырубке проехали метров сто, не более. Далее ехать было рискованно: в нескольких местах дорогу, промятую гусеницами тракторов, вытягивавших хлысты к погрузочной площадке, перегораживали стволы деревьев.

– Всё. Приехали. Нам до Стекольного отсюда ещё далеко, но всё равно более двух третей пути позади, – облегчённо вздохнул Мишка.

Загнав грузовики под деревья, Кононов скомандовал привал. Усевшись рядом с Мишкой на ствол поваленного дерева, сержант спросил:

– Ты, Михаил, чем думаешь заняться, когда вернёмся?

– Дел много... Надо стекло искать, чтобы в домах не дуло, печи переключивать, пока заморозки не ударили... Да и соль добывать. Соль – первое дело!

– Откуда ты всё это знаешь? – удивился сержант.

– От отца. Он не раз говорил: лес – кормилец... Соль будет – проживёшь!

Помолчали.

– Я вот почему этот разговор затеял, – продолжил Нионов. – Мне майор Кравцов перед выходом предложил возглавить разведку, и я хочу тебя взять к себе. – Предвидя вопрос, заверил: – Матушку твою я уговорю. Дело только за тобой. Ты как?

– Я согласен, – просто ответил Мишка.

Глава 9. В разведке

1

Жизнь в Стекольном потихоньку налаживалась. Задымили печи, правда, по ночам, днём не топили – боялись налётов фашистской авиации. Утепились на зиму: пришлось обойти ближайшие деревни с протянутой рукой. Отыскалась и соль. Её выменяли на зерно в деревне Строгановке: соль приготовили скотине, а пригодилась людям. Поднабрали сил бывшие пленные красноармейцы и рвались в бой. Но майор Кравцов, не зная обстановки, сдерживал их. Пришёл черед проявить себя разведке.

Сержант Кононов, получив задачу, наметил рейд в районный центр на конец недели. А всё оставшееся время разведчики посвятили тому, что учились ходить на лыжах, которые притащили соколовские мальчишки из налёта на пустующую школу села Родинки.

Вот и долгожданная суббота. Мишка в тренировках разведчиков не участвовал. Он и так бегал на лыжах по любому снегу, что лось, как выражалась его матушка. Вот уже месяц подросток каждый день с самого утра отправлялся к учительнице немецкого языка Эльвире Рудольфовне учить так ему ненавистный язык, а после обеда шёл на кухню, где освоился личный повар гестаповского

офицера Курт, проверять и закреплять полученные знания. Всё бы ничего, и Мишка уже смирился со своей участью, если бы не друзья – Колька и Родька. Они каждый день звали его с собой: то на заготовку дров, то на рыбалку по перволёдку. И всякий раз Мишка вынужден был отказываться – озадачил его изучением языка лично майор Кравцов!

Задача на разведку стояла несложная: необходимо изучить подходы к городу и железнодорожному узлу, по возможности добыть карту города, если не получится, то запомнить как можно больше улиц. И Мишка лично поставил себе ещё одну задачу: добыть во что бы то ни стало белого материала для халатов, а то разведчики на белом снегу как на ладони.

Вышли рано утром, ещё было темно. До райцентра около тридцати километров – далекоовато. Михаил предлагал вырыть на полпути землянку и там отдыхать перед походом в город, но мальчишку подняли на смех, и теперь, представив, сколько сил придётся положить, идя по мокрому снегу, призадумались... Лыжи пришлось снять и припрятать, как только спал ночной морозец. В общем, когда показался сквозь деревья Колюжный, так назывался райцентр, сил оставалось только упасть и отдышаться.

– Дальше я пойду один, – категорично заявил Мишка. – Вон там справа просматривается протоптанная в снегу тропинка, ведёт к озерку. Видно, кто-то из местных рыбкой по перволёдку промышляет. Вот по ней я войду в город. Приду как стемнеет, – и, передав Кононову автомат, зашагал в сторону чернеющей на белом снегу полоски.

2

Вначале шли избы, чёрные, насупленные... Народ почти не встречался. Так, редкие прохожие прошмыгивали по делам, и опять улица пустая. На одном из домов Мишка прочитал: «Имени Пирогова». Далее пошли дома в два этажа – это и понятно: город. Проехал мотоциклист, и опять тишина.

«Странно, – размышлял Мишка, – где же немцы?»

А вот и они... «Не буди лихо, пока оно тихо», – припомнилась поговорка. Посередине улицы двигался патруль: трое немецких солдат и двое полицейских. Немцы уже прошли мимо, как один из полицейских окликнул подростка:

– Эй, малец! Подойди! – и, когда Мишка приблизился, спросил: – Чей, откуда идёшь?

– Так я ничо, дяденька... Мишка Давыдов. За рыбкой на озеро ходил... – нашёлся с ответом подросток.

– А где улов?

– Так не клюёт... – развёл руки мальчишка.

– А снасти где?

– Там припрятал. Не таскать же с собой... – как само собой разумеющееся, сообщил Мишка. – Ну, я пойду, а то мать, поди, уже обыскалась!

– Иди, рыбак! – рассмеялся полицейский, и что-то объяснил немцам, коверкая язык. Те тоже рассмеялись и потопали дальше.

«Кирпичная, – отслеживал улицы разведчик. – Карла Маркса. Стоп, – от неожиданности он даже остановился. – Карла Маркса, дом № 11. Здесь же тётка Лёшкина живёт. Как же её, дай бог памяти? Тётя Фрося! Вот к ней и надо наведаться», – решил Мишка и быстро зашагал по улице, разыскивая глазами дом с номером одиннадцать.

Дом оказался в два этажа. Из подъезда выходила женщина. Мишка, поздоровавшись, спросил, знает ли она, в какой квартире проживает тётя Фрося.

– Восьмая... На втором этаже, первая слева... – ответила женщина.

Вот и нужная дверь. Мишка постучал. Дверь открылась и... Мишка не поверил своим глазам: на пороге стояла тётя Аня – мама Лёшки.

– Миша... – увидев мальчишку, с порога заплакала женщина, обняв и прижав к себе оторопевшего подростка. – Да как же так? Ты живой! А мне сказали, что всех соколовчан фашисты постреляли... и Соколовку пожгли...

– Аня, ты с кем там разговариваешь? Дверь прикрой! Холоду вон напустила! Не лето чай, – из квартиры послышался незнакомый голос.

– Фросенька! Так это же наш, из Соколовки, Лёшеньки моего покойного лучший друг, – и, подтолкнув Михаила в спину, добавила: – Проходи! Проходи, родной!

Поздоровавшись с дородной женщиной, он замялся у порога.

– Чего стоишь, как барышня на смотринах? Проходи, раздевайся. Чай пить будем! Анна, как там наш самовар? – громко спросила тётя Фрося.

– Ещё горяченький, – засуетилась Лёшкина мать. И только когда расселись за столом и налили в кружки горячей воды, она спросила: – Ты был с ним тогда... в его последний час? – губы у неё задрожали, но тетя Аня сдержала слёзы.

Мишка кивнул и, обжёгшись кипятком, тихо произнёс:

– На колонну фашистские самолёты налетели, начали бомбить... Мы, тётя Аня, его похоронили. Как всё закончится, я покажу его могилку. Я запомнил где...

Помолчали.

– Миша, ты уж прости меня, что не спросила, ты-то где сейчас обитаешь? Соколовку-то сожгли, ироды!

– Да я здесь, тётя Ань, недалеко... Пришёл в город, а ничего не знаю. В первый раз... Тётя Фрося, у вас случайно карты города нет? А то заплутаю ненароком...

– У нас заплутать трудно: улицы от вокзала веером идут. Но карту дам. Есть, – поднялась из-за стола женщина и вышла в соседнюю комнату. – Держи. Раскладывай, – в приказном тоне скомандовала она. – Смотри и запоминай. Вот вокзал, – показала она на карте, – а это главная улица. Раньше называлась улица Ленина, а теперь – Кайзерштрасса какая-то. Вот это здание райисполкома, теперь здесь комендатура немецкая, напротив ресторан, там немецкие офицеры едят, чтоб им пусто было! А вот здесь, – ткнула она пальцем, – школа № 9, там разместились солдаты, человек семьдесят. Офицеры же живут в городе на квартирах.

– А патруль где? – поинтересовался Мишка, но тётя Аня вмешалась:

– Ты зачем ребёнку мозги задурила?.. Ему не о фашистах думать, а том, как прожить... Война ведь!

– Эх, ты! Вот и рассказываю, потому что война. Так вот, – отмахнувшись от двоюродной сестры, продолжила тётка

Фрося: – Патрули на въезде – здесь, здесь и здесь, на вокзале постоянно толкутся и по городу тоже. Есть на машине, есть и на мотоциклах. Вот тут – склады. На окраине города, вот здесь – полицейская управа. Эти, как волки, везде рыскают, вынюхивают... А здесь и здесь у фашистов блокпосты: по два пулемёта на каждый и от пяти до семи автоматчиков.

– А госпиталь, госпиталь у них есть? – вспомнил Мишка про белый материал.

– А то! Больницу районную заняли... А зачем тебе? Заболел кто?

– Да нет. Мне простынок штук десять...

– В госпиталь идти не советую, там патруль постоянно крутится. А простынок я тебе дам. Немного, правда, четыре... Хотя, погоди, у соседей поспрашиваю... – и женщина выскочила из квартиры. Скоро она вернулась, неся в руках свёрток.

– Вот тебе шесть и четыре мои...

– Миша, да зачем тебе простыни-то? Тем более белые? – всплеснул руками тётя Аня. – Вроде не бояре, чтобы на белых простынях спать...

– Эх, Аня, Аня! Зима ведь на носу... – догадалась женщина, но виду не подала. – Ты вот что, сынок, сейчас уходи, а то фашисты, как стемнеет, всех без разбору загребают. А ещё что надо будет, приходи, – заговорщически произнесла тётя Фрося и многозначительно подмигнула мальчишке. – А карту спрячь подальше, в трусы! – посоветовала она.

Уже прощаясь, Мишка попросил:

– А карандаш у вас найдётся? И стёрка, если есть, конечно...

– Дам и карандаш, и стёрку, и тетрадь...

– Тетрадь-то зачем? – недоумевающе затрясла головой тётя Аня.

– Учиться парню надо, – рассмеялась тётя Фрося.

Мишка вернулся к разведчикам, как только начало смеркаться. Отдав большой свёрток Никонову со словами «Это на маскировочные халаты», он торопливо произнёс:

– Мне нужно ровное место, две свечи и полчаса времени.

Ровное место соорудили из двух телогреек, которые сняли с себя разведчики. Мишка, встав на колени, развернул карту города и склонился над ней.

– У кого свечи? Посветите...

Пока было свежо в памяти, он начал помечать на карте дома и места: то, что он увидел сам, но больше то, что рассказала и показала ему тётя Фрося.

– Как помечается немецкий патруль? – обернулся он к Никонову, но тот лишь развёл руками.

Когда работа была закончена, Мишка облегчённо вздохнул.

– Вроде всё! Ничего не забыл.

– Ну ты, брат, даёшь! Это что ты тут нацарапал? Вот это что? – спросил Никонов.

– Это комендатура немецкая, два этажа, патруль на входе, слева пулемёт, справа бронемашина с пулемётом, – пояснил Мишка.

– А это что?

– Это блокпост. Два пулемёта и от пяти до семи автоматчиков...

– И это всё за каких-то три часа... Ничего себе! Вот так, разведчики, учитесь!

Ночью в лесу не разгонишься, поэтому шли всю ночь. В Стекольном были лишь под утро. Никонов ушёл докладывать о результатах рейда, но очень скоро вернулся, поманив Мишку за собой.

Открыв дверку буржуйки, которой грелись солдаты, майор Кравцов на пенёк положил кусок фанеры и показал рукой:

– Клади!

Мишка поспешно развернул карту.

– Ого! – воскликнул майор, увидев множество отметок. – Давай разбираться. Это что? – показал он на квадратик, помеченный карандашом крест-накрест.

– Госпиталь, – ответил Мишка и подал Кравцову резинку.

– Подотрите и ставьте знак, который надо.

– Добре! – крикнул майор. – А это что?

– Это немецкая комендатура... Здание бывшего райисполкома. Двухэтажное. Здесь, – показал он пальцем, – пулемёт, огороженный мешками, напротив, вот здесь – бронетранспортёр. На нём тоже пулемёт. Но за ним я никого не заметил, видимо, пулемётчик сидел с водителем в кабине. А кроме того, постоянный патруль на входе.

Уже рассвело, а Мишка продолжал рассказывать, удивляя раз за разом и майора Кравцова, и сержанта Никонова.

– Всё, – наконец выпалил подросток. – Хотя нет. Запомните адрес: улица Карла Маркса, дом номер одиннадцать, квартира восемь. Тётя Фрося и тетя Аня – сёстры, двоюродные, – уточнил Мишка. – Благодаря им и карта, и большинство сведений. Они не знают, откуда я, но тётя Фрося догадалась. Её можно не остерегаться, – закончил доклад Михаил.

Нависла тишина.

Майор Кравцов посмотрел на карту, затем на Мишку и сказал:

– Спасибо тебе, Михаил Иванович! Ты не представляешь, какое большое дело ты сделал! А теперь спать! Никонов, положи парня в отсеке, где печурка... там потеплее, укрой, чем найдёшь, и выставь пост, чтобы кто-нибудь не разбудил. А матери Михаила я сам скажу, чтобы не волновалась. Всё. Выполняй. Об остальном позже доложишь!

Мишка лежал под овчинным тулупом и размышлял: «Всё-таки какой я молодец, что нашёл Лёшкину мать... Даже на душе легче стало». На то же, какое он большое, по словам майора, дело сделал, Мишка даже не обратил внимания. «Подумаешь! Сходил в город! И ещё не раз схожу, если надо будет». С этими мыслями он уснул.

3

Вечером, дав выспаться Михаилу, майор Кравцов сделал разбор первого разведывательного рейда. Помимо самого Кравцова и Никонова, на это мероприятие были приглашены Дмитрий Петрович, лейтенант Денисов, Александр Николаевич Шумов – в недавнем прошлом начальник соколовской полиции и Михаил.

Майор был краток. Похвалив Михаила, он сказал:

– Первая разведка показала полную беспомощность разведгруппы. Во-первых, подойдя к городу, разведчики были уставшими, ни на что не годными бойцами. Подобные переходы отнимают много сил и времени. Поэтому необходимо искать в городе временное жильё и помощников-информаторов. Во-вторых, для проведения диверсий, и прежде всего на железной дороге, нужна взрывчатка, много взрывчатки и, конечно же, взрыватели.

– Почему на железной дороге? – не утерпел с вопросом Александр Николаевич.

– Потому что там можно нанести фашистам наибольший урон. Ясно? И прошу больше меня не перебивать! В-третьих, зима не за горами. А у нас и у солдат, и у гражданских зимней одежды кот наплакал! В-четвёртых, на муке и на мясе прожить, конечно, можно, но надо думать, как и за счёт чего пополнять съестные припасы. Да и боеприпасов тоже надолго не хватит, – добавил он в конце. – С чего начнём? – оглядел он собравшихся.

– Можно выйти к дороге и подкараулить какую-нибудь гружёную машину, – предложил Никонов.

– Можно, а вдруг там окажется навоз или дрова для какой-нибудь сельской управы? Нет! На такое дело надо идти наверняка, зная, что везет машина, – рассудил Дмитрий Петрович. – Можно, конечно, наведаться на базу, что на острове. Если его фашисты не нашли, то можно часть населения Стекольного одеть в зимнее, да и коровки нам не помешают...

– Вот только кормить их чем? – возразил Александр Николаевич. – Нужно сено, на четырёх коров его пойдёт немало, да ещё козы, аж семь...

– Было бы кого кормить, а сено найдём. Я даже знаю где, – подал голос Мишка, обратив на себя внимание. – Под селом Родинки стоят стога. Наши мальчишки, когда лыжи тащили, видели, говорят, много...

– Это хорошо, – согласился председатель, – только идти далековато: почти трое суток туда, а обратно со скотиной и того больше. Но попробовать нужно. Вот ты, Александр Николаевич, этим и займёшься. Что же касается взрывчат-

ки и боеприпасов, то нужно искать в городе. Там склады. Что на них – надо выяснить. Подготовиться и сделать налёт. Другого выхода нет!

Майор Кравцов посмотрел на мальчишку и сказал:

– Да, Михаил, не хотел тебя трогать недельку-две, но обстановка требует... Придётся тебе снова идти в город. Пойдёшь не один. До города тебя будут сопровождать Никонов с ребятами и обратно дождутся... А ты уж там постарайся!

Мишка кивнул, соглашаясь.

– Только к нашему выходу вы уж халаты пошейте, а то и штаны... Снег белый... Далеко человека видно!

– Сделаем. Завтра будут готовы, – заверил майор Кравцов. – Ты иди, Михаил, поспи, тебе сил набираться надо. А мы тут ещё потолкуем.

Глава 10. И снова город...

1

Накануне перед выходом Михаил сказал, что всем разведчикам идти в рейд не обязательно, хватит и пяти. Почему? Обещал объяснить позже. Майор Кравцов с ним спорить не стал и отрядил с мальчишкой пятерых.

Опять ушли из Стекольного под утро. Повалил снег. Как Мишка находил путь, одному ему было известно. Но больше он боялся не за себя и разведчиков, а за соколовчан, что отправились с бывшим бригадиром колхоза Александром Николаевичем Шумовым на базу, что располагалась на болотах на островке. Болота ещё не промёрзли как следует – это-то и тревожило Мишку. «Если бы я пошёл, то провёл бы запросто... А вот как Александр Николаевич?!»

Ходьба на лыжах давалась с трудом, потому шли не так быстро, как хотелось. Одно радовало мальчишку: разведчики и он сам были одеты поверх зимней одежды в штаны и просторные рубахи из белого материала. «Теперь с десяти метров не разглядеть!»

Когда до выхода из леса оставалось не более двух часов, Мишка вывел группу на вырубленный участок леса.

– Так мы здесь в прошлый раз проходили, – заметил Никонов.

– Вот-вот, проходили, – согласился мальчишка, – только не обратили внимания вон на ту развалюху, – показал он рукой. – Это заготовители леса для себя соорудили домушку, чтобы укрываться от непогоды. Пошли, посмотрим, – предложил он.

Домушка оказалась крепкой, поставленной из нетолстых брёвен, покрыта тёсом и с добротной дверью.

– Сюда только теплушку притащить, и живи! – обрадованно воскликнул кто-то из разведчиков. – Единственно, маловата!

– Потому-то я и попросил, чтобы отряд был небольшим. Просто если бы пошли все одиннадцать, то не поместились, – пояснил подросток свою просьбу Никонову. – А печку можно сделать из пустой бочки, я видел здесь неподалёку, возле дороги. Покажу...

– Так что, здесь перевалочный пункт делаем?

– Да! Дальше я пойду один, а вы здесь устраивайтесь. Пока нет печки, греться можно у костра. Вон там, в ложбинке если разжечь, то дыма не видно будет... Воздух тяжёлый, придавит к земле.

– Мы всё-таки с Сергеем тебя проводим. Мало ли что... – и Никонов, повесив на плечо автомат, шагнул из избушки вслед за Мишкой.

2

Тётя Аня, открывшая дверь, очень удивилась, увидев на пороге гостя.

– Михаил! Что-то случилось? Ты же два дня тому уже приходил... – встревожилась она.

– Да нет. Всё нормально. А тётя Фрося где?

– Как где? На работе. Она поварихой в солдатской столовой трудится.

– У фашистов?

– А то где ещё... Жить как-то нужно... Я тоже пошла, но меня не взяли. Не местная, говорят...

– Мне она нужна... Она во сколько приходит домой?

– Скоро уже... Обед отбудет, и до завтра, а завтра за ней завтрак и обед. Вот так и вертится. А мы что на пороге-то разговариваем? Проходи, – пригласила тётя Аня мальчишку. – Ты вовремя, я и обед уже погрела. Раздевайся.

Через два часа появилась тётя Фрося, шумная, раздумьянная с мороза.

– К вечеру-то как забирает. Градусов под десять, а то и поболее будет, – и, увидев Мишку, улыбнулась. – А вот и гость долгожданный. Но я тебя так рано не ждала. Никак дела?

– Дела, – кивнул мальчишка.

– Что же, выкладывай, – усаживаясь за стол напротив гостя, приготовилась слушать женщина.

– Дай ребёнку покушать. Поди, голодный... – возмутилась тётя Аня.

– Ты ешь и рассказывай: с чем в этот раз пришёл?

– С просьбой. Мне нужен немецкий склад...

– Как склад? – охнула тетя Аня. – Зачем он тебе, окаянный, сдался?

– Сказал бы, да не могу, – торопливо глотая варёную картошку, скороговоркой выпалил Мишка. – Что в нём? Сколько? Охрана?..

– Э-э, стоп! Сразу скажу: не была, не знаю. Но я знаю, кто тебе поможет. Поел? Чаю попьём позже. Одевайся! Здесь недалеко, – скомандовала тётка Фрося.

Пока шли, она рассказала:

– Дементий – мой хороший знакомый. Ухлёстывал за мной по молодости. До войны работал со мной на заводе в одном цехе. Это я потом в столовую перешла, поваром. А сейчас Дементий грузчиком на складах... Вот он всё знает!

Вскоре они уже заходили в такой же двухэтажный дом.

– Это дома наши, заводские... – пояснила тётка Фрося. – Я буду говорить, а ты помалкивай пока.

Дементий оказался крупным, чуть сутуловатым мужчиной лет сорока. Увидев на пороге знакомую женщину, заулыбался и широким жестом пригласил в квартиру.

– Какими судьбами?

– Попутным ветром!

– Да ты, я смотрю, не одна? – увидев Мишку, спросил он.

– А то... с охраной. Знакомься!

– Михаил, – протянул руку подросток.

– Дементий. Так с чем пожаловали?

– Твои-то где? – поинтересовалась тётя Фрося, заглядывая на кухню.

– Жена дочку к бабушке повела...

– Это хорошо, – усаживаясь на табурет, кивнула тётя Фрося. – Не буду тянуть кота за хвост... мы к тебе по делу.

Улыбка сползла с лица Дементия.

– Слушаю, – сел он напротив.

– Ты же работаешь на немецких складах, – скорее утверждая, нежели спрашивая, произнесла женщина. – Так вот, этого мальчишку интересуется всё: что хранится? где? охрана? Так? – обернулась она к Мишке.

– Так! – кивнул он. – А кроме того, где можно лучше подобраться...

– Постой, – тихо произнёс мужчина. – Ты что, хочешь меня под расстрел подвести? У меня же семья...

– А наши вернутся... Вот они тебя точно расстреляют как пособника фашистов!

– И тебя тоже!

– И меня! – согласилась тётя Фрося. – Вот потому-то мы к тебе и пришли, помогай!

Подумав какое-то время, Дементий согласился.

– Ну что, малой, слушай и запоминай. Этот стол – складская зона. Это, – поставил он на край стола кружку, – контрольно-пропускной пункт: здесь пулемёт, отсюда каждые полчаса уходит парный патруль, следует вдоль ограждения – два ряда колючей проволоки. Склады располагаются так: три параллельно друг другу и один склад поперёк. В этих двух – обмундирование, в этом – продукты питания, в этом – бочки с горюче-смазочными материалами, ветошь и немного запчастей к грузовикам. Здесь и здесь, по углам, вышки с пулемётчиками и прожекторами. Смена – каждые два часа. Подобраться к складам можно только здесь, – прочертил он линию. – Вот так. Здесь падает тень от здания, что стоит поперёк.

– А оружие?
– Оружие и боеприпасы в здании за комендатурой. Там ни разу не был. Не знаю.

– А что там до войны было?
– Райкомовский и райисполкомовский гараж. Места много... Есть ещё небольшой склад с минами и взрывчаткой, возле вокзала... Мужики рассказывали, – Дементий замолчал.

– Всё ясно! – Михаил встал и по-взрослому протянул мужчине руку. – Спасибо вам! Вы очень помогли... Мы, наверное, пойдём. Да, тётя Фрося?

– Да, Мишаня! И спасибо тебе, – кивнула она Дементию и, чуть помолчав, добавила: – Мы у тебя не были...

– Само собой!

Когда вышли из дома, тётя Фрося поинтересовалась:

– Теперь куда?

– Надо к комендатуре и на вокзал...

– К комендатуре уже не успеешь, стемнеет... а вот на вокзал сходим.

– Я один...

– Ну нет! Ты ведь города не знаешь. А я родилась здесь. Проведу самой короткой дорогой. Пошли!

И правда, Михаил, держа в уме карту города, пытался отследить путь к вокзалу, но так и не смог. Вынырнули из переулка...

– Вот и вокзал. Там депо. А вон и тот склад, о котором говорил Дементий. Подобраться к нему можно от будки стрелочника. Там всего один охранник...

– И возле склада ещё двое...

– Да, – согласилась тетя Фрося, – но освещены только ворота склада. А ты, парень, смотри и всё запоминай. Чай, пригодится?

– Пригодится!

Через какое-то время женщина спросила:

– Ну что, возвращаемся?

– Да! Мне можно будет у вас переночевать?

– Конечно. Пойдём.

Уже подходя к дому, спросила:

– Тебе возвращаться-то когда?

– Схожу к комендатуре и уйду... – ответил Мишка. – Я бы и сегодня ушёл, но надо посмотреть на склад!

– Понятно, – думая о чём-то своём, тихо произнесла тётя Фрося. – Э-эх, война-война! Никому нет покоя: ни старому ни малому!

На улице было ещё темно, когда тётя Фрося подняла Мишку.

– Вставай, Мишаня. Сейчас почти четыре часа утра. Быстренько пей чай, и пойдём. Мимо комендатуры я тебя проведу. С дороги всё и посмотришь. Ближе всё равно не подойти!

Город ещё спал. Но из-за того, что ночью прошёл снегопад, на улице было светло.

– Смотри налево: сейчас будет комендатура. За ней склад.

– Вижу, – просипел Мишка.

– Патруль!

И тут же прозвучало:

– Stehen bleiben!

– Стоять, – перевёл негромко мальчишка.

– Пропуск давай! – коверкая слова, потребовал начальник патруля.

Тётя Фрося вытащила из кармана пальто лист и, протянув фашисту, произнесла плаксивым голосом:

– Я на смену... в столовую... Эссен готовлю...

Кивнув в сторону Михаила, начальник патруля спросил:

– Это кто?

– Так сынок мой, помощник...

Отдав пропуск, фашист скомандовал:

– Komm! Иди! Schnell! Бистро!

Когда тётя Фрося и Мишка отошли от здания комендатуры, женщина спросила:

– Всё посмотрел?

– Всё! Можно возвращаться...

– По этой улице дойдёшь до городского кладбища. Там есть несколько склепов, дождись, когда рассветёт. Иначе влипнешь! Всё, до встречи, – и женщина, свернув в переулок, быстрым шагом скрылась в темноте.

3

Разведчики времени не теряли и заготовили дров чуть ли не на всю зиму, поставили нары. Оставалось дело за печкой. Как и обещал, Мишка показал, где лежит бочка, её установили. Оставалось дело за малым: найти трубу, колосники и дверку.

– Если не найдёте, то я в следующий поход в город принесу. Брошенных домов много, найду, – заверил мальчишка разведчиков.

И снова Михаил удивил майора Кравцова и сержанта Никонова, подробно изложив план складов, их содержание, охрану и подходы. Было всё настолько подробно и грамотно выстроено, будто и не школьник сидел перед ними, а профессиональный разведчик.

Когда он закончил свой доклад, майор Кравцов спросил:

– Что думаешь, возьмём мы склады?

– Нет, – мотнул головой подросток. – Склад с оружием в центре города... Туда не пройти! Вещевой и продовольственный можно, но пока и без них проживём, а вот тот, что на вокзале – по силам. И подойти в обход города можно, и охрана так себе...

– Одна вот только незадача, – почесал затылок Никонов, – как доставить взрывчатку на Стекольный? В руках не унести.

– Тут ты прав, – согласился с сержантом Кравцов, – взрывчатка в ящиках... да и боеприпасы в цинках...

– Их можно привезти! – предложил Мишка.

Оба с удивлением уставились на подростка.

– Но как и на чём?

– А патрульный бронетранспортёр? Проверить – не отыскали ли его немцы... Попробовать завести. Подъехать прямо к складу, днём, загрузиться... и в Стекольный!

– Может и получится... – в раздумье произнёс майор. – Много если... Но попробовать можно. Предположим, завели БТР, но как преодолеть блокпост на въезде?

– Я знаю, как его обойти, и по городу проведу переулками прямо к складу, – уверенно произнёс Мишка. – Только разведчики должны быть в немецкой форме, – добавил он.

– Это само собой разумеющееся, – согласился Никонов. – Ну что, товарищ майор, начинаем готовить операцию?
– Готовим! Но вначале бронетранспортёр...

Глава 11. Налёт на склад

1

Впервые почти за два месяца нахождения в Стекольном Мишка смог встретиться и поговорить с друзьями. Колька с восторгом рассказывал, как они вместе с другими под-ростками бегали в Родинки вначале за лыжами, а потом за сеном. Кстати, за сеном ходили все, кто мог, и натаскали его много, до весны хватит.

– А дядька Александр с другими мужиками коров с бо-лот привели, а с ними пришёл и дед Пантелей, – взахлёб рассказывал Колька.

– А с ним ещё на острове прибудились двое красноар-мейцев, бежали из какого-то лагеря. Один из них военный доктор, офицер, – вторил ему Родька. – Теперь в одном из домов делают больничку, а соколовчан, что там жили, в барак к военным перевели. Поговаривают, что скоро орга-низируют школу... Вот невезуха, опять учиться...

– Тебе-то хорошо. Ты в разведке... А как же наш отряд? – неожиданно спросил Николай. – Мы тоже хотим с тобой...

Помолчав, Мишка ответил:

– Мне легче бы было с вами, но майор Кравцов запре-тил. Да и твой отец, Колька, не разрешит. И твой тоже, – кивнул он Родьке. – А Дмитрий Петрович говорит, подра-сти надо сначала...

– Ага, подрасти! Пока подрастём, и война закончится! – надул губы Родька.

– Да будет вам, пацаны, обижаться. Пошли на озеро, окуньков половим, – предложил Колька. – Приварок к обеду...

– Я бы с вами пошёл, – погрустнел Мишка, – но мне надо идти к Эльвире Рудольфовне, немецкий язык, будь он неладен, изучать. В разведке без этого никак!

– Как освободишься, приходи. Мы до самого обеда будем на озере, – убегая, весело крикнул Колька, увлекая за собой Родьку. А Мишка, обречённо поджав плечи, побрёл к избе, в которой жила учительница немецкого языка. Ему очень хотелось с ребятами, но он понимал, что надо знать язык врага, чтобы воевать с ним умело, и он штудировал его, даже когда отправлялся с разведчиками в рейды.

Подготовка к нападению на склад со взрывчаткой подходила к концу. Бронетранспортёр стоял там, где его оставил рядовой Попов, и даже завёлся. Немецкую форму добыли, целых пять комплектов, маршрут движения изучили, пути отхода тоже, две группы поддержки по десять человек в каждой тоже были готовы. Ждали только плохой погоды: снег, ветер, метель – это облегчило бы решение поставленной майором Кравцовым задачи.

Сегодня Мишка, выйдя из дома утром, отметил: тучи нависали низко над лесом, мела позёмка. «Надо выдвигаться». Так думал не он один: ещё ночью к городу ушли группы поддержки, а группа разведчиков, переодетая в немецкую форму, перетапывалась возле командирского барака.

– Ты что, ещё не готов? – набросился на пацана Никонов. – Через десять минут выходим!

– А мне кто сказал? – обиженно произнёс Мишка и побежал переодеваться потеплее. Через десять минут он уже стоял со всеми.

Вскоре из барака вышел майор Кравцов и, что поразило Мишку до глубины души, рядом с ним шла Эльвира Рудольфовна в форме немецкого офицера.

– Группа к выходу готова! – доложил Никонов.

Майор кивнул, внимательно осматривая разведчиков.

– Так-так, и ты уже здесь, – кивнул он Мишке. – Извини, закрутился и тебя забыл разбудить. – И, отойдя на шаг, строго сказал: – Вам тропинку до бронетранспортёра протоптали. Так что пойдёте как по тротуару. А дальше всё в ваших руках, вернее, в руках Мишкиных. Его слушать как меня!

Бронетранспортёр, сердито урча, бежал по дороге, подгоняемый ветром. Трасса на редкость была пустынна: то ли погода повлияла, то ли какие-то проблемы с транспортом у фашистов. Но это было на руку разведчикам. За несколько километров до города Михаил скомандовал поворот на лесную дорогу, а через какое-то время, выскочив на опушку леса, продолжили движение по полю, приближаясь к крайним домам. Ползли медленно, боясь попасть в какую-нибудь яму. Но бог миловал, и вот уже БТР урчит по переулкам, ныряя то в один, то в другой, уверенно направляемый Мишкой. Для верности он весь этот путь прошёл пешком ещё раз, как будто знал, что майор Кравцов выберет этот склад. Перед выходом из переулка на площадку перед складом он попросил остановиться.

– Буду ждать вас здесь, если что, предупрежу, – сказал Мишка. – Возвращаться будем тем же путём. Если что-то пойдёт не так, меня не ждите. Не теряйте времени! Езжайте тогда от склада вон по тому переулку. Он выведет прямо к тому месту, где въезжали в город. Первая группа прикрытия на въезде в лес со стороны города, вблизи блокпоста. Попродержат погоню, если будет. Всё! Поезжайте!

Дал отмашку мальчишка и направился к забору, чтобы легче было укрыться от опасности.

Мишка внимательно наблюдал за происходящим. Вот бронетранспортёр подошёл прямо к складу. Эльвира Рудольфовна что-то громко скомандовала, охрана забегала. Разведчики уже были возле бронемашин, готовые к действию. За корпусом Мишке не было видно, но, видимо, всё получилось: и вскоре началась загрузка кузова взрывчаткой и боеприпасами. Торопились. Было видно, как быстро поднималась стопа ящиков, занимая всё пространство. В кузове нашлось место только пулемётчику. Двое разведчиков встали на подножки, а двое побежали следом за бронемашинной. Возле Михаила бронетранспортёр остановился.

– Охрану скоро хватятся! – прокричал Никонов. – Ты давай в кабину, как-нибудь вчетвером уместимся!

– Нет! Я останусь с ними, – кивнул Михаил в сторону подбежавших разведчиков. – Без меня им не выйти! А вы поезжайте! На том перекрёстке свернёте направо и там всё время прямо!

– А как же ты?

– Я не пропаду!

– Но я не могу без тебя уехать...

– Можете! Что майор приказал? «Мишку слушать как меня!»

Никонов крикнул и захлопнул дверцу уже поехавшего броневедомоги.

– Теперь и нам надо поспешить. Но пойдём мы не туда. Возвращаемся! – произнёс Мишка и решительно зашагал в сторону склада. Не доходя до будки стрелочника, повернул на протоптанную в снегу дорожку и направился вдоль железнодорожного полотна.

– Нам бы только дойти до того сарайчика, – показал он на поставленный на шпалы корпус полувагона. – Теперь не спеша уходим от дороги в сторону домов, – и, оказавшись достаточно далеко от станции, Мишка повеселевшим голосом сказал: – А теперь поторопимся, пока на станции тишина. И не оглядывайтесь вы так часто...

Пошёл снег, что ещё больше порадовало мальчишку.

– Теперь ни нас, ни бронетранспортёр фашистам ни в жисть не найти. Наши уже на трассе... – сказал он уверенно. – Не проскочили бы только берёзу!

– Какую?

– Сержант Никонов знает!

3

– Итак, операция прошла успешно и без потерь. – Майор обвёл всех собравшихся повеселевшим взглядом. – Помимо боеприпасов и взрывчатки, мы заимели ещё и бронетранспортёр Sd.Kfz. 251, – блеснул знаниями Кравцов. – Дело только за топливом. Разведчики – молодцы, и группы поддержки тоже молодцы! Мы готовы показать фашистам зубы!

– Только бы самим по зубам не получить, – со своего места заметил Дмитрий Петрович.

– Не без этого! Война есть война! Но фашисты должны знать, кто хозяин на этой земле! – горячо воскликнул майор Кравцов. – И мы заставим их ходить по городу и оглядываться, ездить по трассе и опасаться за свою жизнь! Ну, это дело будущего. А теперь вам слово, Дмитрий Петрович.

– Товарищи! – обратился председатель к собравшимся. – Мы не знаем, что делается на Большой земле, но я уверен, что Красная армия бьёт врага! И мы победим! Теперь о делах наших текущих. Пора уже прекращать мыться, грея воду в ведёрках, и моясь, прятаться за зановесочками. Надо ставить баню! Из чего строить – есть. Кому строить – тоже. Завтра и приступим. Теперь о школе для детворы. Всего с первого по шестой класс у нас шестнадцать человек. Два класса мы уже оборудовали во втором производственном корпусе. Правда, там ещё холодновато. Поставим ещё одну печь, будет нормально. С учителями тоже выкрутимся, а вот с учебниками, тетрадками и ручками, ну, хотя бы карандашами – дело плохо. Вся надежда на вас, – посмотрел он на Никонова. Сержант кивнул:

– Сделаем!

– Теперь о топке печей по ночам, – продолжил Дмитрий Петрович. – Одиннадцать печей. На их обслуживание задействовано много людей: ночью топят, днём спят! Как правило, это мужчины – берегут своих жён. Так дело не пойдёт! Назначу истопников, составлю график! С этим всё! Перехожу к главному: нам необходим приёмник и рация! Связь с Большой землёй прежде всего! Как её решать, надо думать. И думать всем!

Говорили ещё много и о разном: ведь за всё время собрались все вместе впервые, но Мишка не слушал. Он думал, где раздобыть приёмник и рацию. «В любом случае надо идти в город», – решил он. И сразу же после собрания подошёл к майору Кравцову.

– Озадачил ты меня... Но ты прав. Только в городе можно добыть и рацию, и приёмник. Но тебе нужны помощники. Одному не справиться. Разведчики доведут до города, сами будут ждать возвращения в избуш-

ке на вырубке. Благо дело, там буржуйку установили. А вот как в городе? Нам нужен человек, который будет в курсе городских дел и желательно работающий в комендатуре.

– Есть такой человек, – хмуро произнёс Мишка, понимая, что сейчас решается судьба человека, к которому он равнодушен. – Это Эльвира Рудольфовна, учительница немецкого.

Майор задумался.

– Что же, это вариант, – после длительного молчания согласился Кравцов. – Захочет ли вот только она? Дело уж очень рискованное...

– Судя по тому, как она вела себя на операции по захвату взрывчатки, согласится, – уверенно произнёс Мишка.

– Возможно, возможно, – закивал майор. – А скажи-ка мне, Михаил, тебе и правда двенадцать лет?

– Двенадцать. В марте будет тринадцать. А что?

– Мудрый ты не по годам, не верится, – рассмеялся майор. – Ну да ладно. Вернёмся к нашему разговору: кого возьмёшь в помощники?

– Никого. Один пойду, – тряхнул головой мальчишка. – Одному сподручнее.

– Тебе виднее. Если нетрудно, пригласи учительницу ко мне на разговор.

О чём говорил майор с учительницей, Мишка не слышал, но по тому, что она после разговора нашла Михаила и спросила, когда отправляемся в город, понял, что она согласилась.

Отправились на следующий день. Сопровождали их, как всегда, сержант Никонов с разведчиками. Прощаясь, он сказал:

– Будем ждать на промежуточной базе, – как стали они называть домик на вырубке, – трое суток. Ты уж не подводи! Не пропадай!

– Постараюсь, – только и ответил Михаил.

Идти через блокпост с Эльвирой Рудольфовной, у которой не было документов, было опасно, и Михаил повёл её окружным путём, через кладбище. По городу же уже известным путём: переулками на улицу Карла Маркса.

Двери открыла тётя Фрося, заспанная и потому сердитая:

– Всё тебе неймётся, Михаил! Поспать не даёшь, а мне сегодня ужин готовить... и завтрак. Да ты, я смотрю, не один... Что на этот раз?

Рассевшись за столиком на кухне, Мишка попросил:

– Тётя Фрося, без вас ну никак! Это моя учительница немецкого Эльвира Рудольфовна, – кивнул он в сторону сидевшей женщины. – Её надо устроить в немецкую комендатуру или в городскую управу.

– Ну, у тебя и запросы... Сразу в комендатуру? А почему не в Берлин, к Гитлеру в канцелярию? – и, обратившись к Эльвире Рудольфовне, спросила: – Вы немка?

– Да! Мои родители из поволжских немцев.

– А в городе кого знаете?

– Нет. Я из соседнего района, а приехала туда после окончания Тульского педагогического...

– А чего сюда нелёгкая занесла? Ближе школы не нашлось? – удивилась тётя Фрося.

– Перед войной, в сороковом, отца взяли энкавэдэшники, потом мать... Я ждать ареста не стала и уехала сюда. В Соколовке нужен был учитель немецкого...

– Понятно. Вам надо, голуба моя, в городскую управу. Скажите, что все документы сгорели во время налёта на поезд, в котором вы ехали к месту работы. Жили на квартире у тётки Матрёны, я покажу где, а как та померла, нужда заставила искать работу... Сейчас вот и иди. Мишка знает, где управа, проводит. Так, Мишаня?

Мальчишка кивнул.

– Только это ещё не всё... Я по делу...

– А это что, не дело? – кивнула она на вставшую уже со стула учительницу.

– Нет. Это так. Между прочим. А дело у меня такое: нужны рация и приёмник, – огорошил Мишка женщину, что та от такой просьбы аж вытаращила глаза.

– Мишаня, ты, часом, белены не объелся? Откуда же такое взять? До войны радио у многих играло, а вот при-

ёмники были только у начальства. А как немцы пришли, у кого и были – сдали в комендатуру. Ездили тут по городу, объявление делали... У кого найдут – расстрел! Погоди-погоди! А я ведь знаю, где есть рация... не может не быть! Именно в той машине, на которой немцы делали объявление. Точно! А стоит она во дворе за комендатурой, недалеко от склада с оружием. Вроде никому не мешает и под присмотром. А уж как её добыть, думай! После ограбления склада на вокзале... кем-то, – хитро посмотрела тётка Фрося на Мишку, – эта машина два дня разезжала по городу, и из неё бубнили, что кто причастен к этому грабежу, будет расстрелян. Но, видимо, никого не нашли!

– И не найдут! – рассмеялся Мишка. – Что же, мы, наверное, пойдём. Вы уж извините, что разбудили...

– Да какое теперь спать. Э-э! Вы куда заторопились? А квартиру тётки Матрёны посмотреть? Да и жить там можно. Пустует! Пошли! – решительно направилась женщина к двери.

Мимо городской управы Мишка уже проходил и потому нашёл быстро.

– Я подожду вас вон там, – показал он на подъезд стоящего в глубине жилого дома. – Если всё нормально прошло, будете возвращаться на улицу Карла Маркса, 11, свернув из комендатуры направо, если плохо – налево. Ждать буду часа два. Потому уйду за подмогой, – предупредил Мишка и направился вглубь двора, судя по разбитым окнам, брошенного дома.

Мальчишка уже изрядно замёрз, когда из дверей управы вышла Эльвира Рудольфовна и свернула направо. Мишка облегчённо вздохнул. Первое задание, судя по всему, выполнено. Теперь дело за главным. Ускоренным шагом мальчишка направился в сторону комендатуры на Friedrichstrasse. Машина стояла даже не во дворе, а чуть в стороне от здания комендатуры, разломав колёсами низкую оградку палисада. Это был грузовик с будкой, судя по выступающей сбоку от задней двери дымящей трубе, отапливаемой дровами. На крыше будки был установлен

сдвоенный громкоговоритель, и ещё Мишка усмотрел сложенную на крыше штангу антенны.

«То, что нужно!» – обрадовался Мишка.

Не спеша он прошел мимо комендатуры ещё раз и побегал на Карла Маркса узнать, как прошло у учительки.

Эльвира Рудольфовна сидела на кухне и о чём-то беседовала с тётёй Аней. Увидев Мишку, Лёшкина мама засуетилась, доставая ещё одну чашку, но мальчишка её остановил:

– Я на минутку... Ну как? – обратился он к учительнице немецкого.

– Завтра выхожу на работу. Буду переводить с немецкого документы, – доложила она, улыбаясь. – Начальник обещал завтра выдать пропуск, удостоверение личности, поставить на вещевое и денежное довольствие. Так что у меня всё хорошо.

– У меня тоже... Ну, я пошёл!

Когда тётя Аня вернулась на кухню, Мишки уже не было.

Глава 11. Радиоузел

1

Рассказав Никонову и разведчикам об учительнице, Мишка приступил к главному:

– Есть автомобиль с тем, что нам необходимо. Его нужно угнать. Но он стоит почти рядом с комендатурой... за которой находится склад с оружием, а следовательно, под постоянной охраной. Значит, машину надо угонять, когда она будет в пути!

– А что за машина-то? – поинтересовался Никонов.

– Грузовая, с будкой, а на будке громкоговорители установлены, – пояснил Мишка.

– Передвижной радиоузел! Я видел такие: и наши, и немецкие, – вклинился в разговор один из разведчиков. – Не только видел, но до войны полгода работал на нём. Отличная техника. Там всё предусмотрено... главное – есть бензиновый генератор.

– Дело за малым: выследить, остановить автомобиль, убрать всех в кабине и будке и убраться из города самим! Дело пустяковое! Не так ли? – ёрничая, оглядел разведчиков Никонов. – Но другого не дано. Приказ надо выполнять. Будем думать...

– Михаил, мысли по этому поводу есть? – спросил Сергей-пулемётчик мальчишку. Тот вначале покачал головой, но потом сказал:

– В город я вас проведу. Установим слежку за машиной, брошенных домов по городу много, так что есть откуда понаблюдать. А там как повезёт. Но надо переодеться в немецкую форму...

– Значит, возвращаемся в Стекольный, готовимся и идём ещё раз, – решил Никонов.

– Вы идите, а я остаюсь, – неожиданно произнёс Мишка. – Здесь натоплено, вода и еда есть... Отдохну, отосплюсь...

– Хорошо, – согласился Никонов. – Серёга, останешься с Михаилом Ивановичем, – приказал сержант пулемётчику. – Чтобы ему скучно не было. Головой за него отвечаешь. А форму немецкую мы тебе принесём.

Разведчики вернулись на следующий день.

– А чего без маскхалатов? – тут же спросил Михаил, увидев на них лишь немецкие шинели.

– Наши готовят операцию на железной дороге. Пришлось поделиться...

– А как же без нас? – удивился Мишка. – Не заплутают?

– Нет. Их дед Пантелей поведёт.

– Так он же старый... – недоумевая, произнёс Сергей.

– Старый-старый, а иным молодым за ним не угнаться, – рассмеялся Никонов. – Ну что, передохнём немного и продолжим путь!

2

Михаил повёл разведчиков через кладбище. Оставив товарищей в доме, что стоял напротив городской управы, сам отправился к комендатуре, но очень скоро вернулся.

– Значит, так: машину готовят к выходу. Я видел, как солдат, видимо, водитель, тащил аккумулятор. Думаю, что тот, кто орёт из этих громкоговорителей, что установлены на крыше будки, находятся здесь! – показал он на здание управы.

– С чего ты это взял? – удивлённо протянул Никонов.

– Русских немцы не любят и у себя под боком держать не станут, – рассудил мальчишка. – Будем ждать здесь. И останавливать не надо. Сами остановятся...

И точно. Через какое-то время показался автомобиль, именно такой, каким его описал Мишка. В кабине сидели двое. Остановившись у здания управы, один выскочил из кабины и вошёл в здание. Водитель тоже вышел и, остановившись у входной двери в будку, постучал. Дверь открылась, и ещё один, судя по одежде, немец, протянул водителю сигареты. Тот не спеша закурил.

– Лучшего момента не будет. Пошли! – скомандовал Никонов и первым покинул убежище. За ним выскочили из дома ещё четверо разведчиков. Мишка не спеша шёл последним. Когда он достиг автомобиля, водитель и фашист, что находился в будке, были уже закинута вовнутрь и не шевелились. За рулём сидел Попов, а Никонов и Сергей стояли возле задней двери, ждали ушедшего в управу. Тот вскоре вышел, и не один. С ним шумурьгал валенками дородный дядечка в овчинном тулупе и с папкой в руках. Мишке только пришлось удивляться, глядя на то, как ловко и без суеты оба были помещены в будку и вместе с ними там оказались и разведчики.

Через несколько минут Никонов выскочил из будки и, поманив Михаила, сказал:

– Есть и радиостанция, и приёмник... Теперь дело за тобой. Садись в кабину. Командуй!

Мишка уселся рядом с водителем. С трудом закрыв дверь кабины, рядом уместился сержант.

– Едем прямо. На перекрёстке сворачивай налево и до конца прямо!

– Впереди патруль! – вдруг снизил скорость водитель. – Что будем делать?

– Езжай как ехал, – передёрнув затвор автомата, приготовился Никонов.

Впереди рядом с проезжей частью стояли два мотоцикла с колясками. Старший патруля вначале поднял руку, но, разглядев приближающийся автомобиль, показал, что можно проезжать.

– Так-то лучше, – с облегчением выдохнул Никонов.

– А чего они не остановили? – спросил водитель.

– Так машина уже примелькалась на улицах, потому и не остановили, – пояснил сержант. – Но не расслабляйся, повнимательнее...

– Теперь ещё раз налево и потом вон там направо...

– Ты хотя бы знаешь, куда едем? – спросил Никонов Мишку.

– Знаю! И вы знаете! В сторону станции... Возвращаться будем той же дорогой, что уходили на бронетранспортёре...

– А вдруг немцы там засаду устроили?

– Они же не дураки... Даже если и определили, как мы в прошлый раз возвращались... не будут торчать среди одноэтажных домиков у всех на виду, – многозначительно рассудил Мишка. – Сворачивай! – скомандовал он водителю. – А теперь потихоньку вон по той колее.

– Так ничего же не видно...

– А ты повнимательней! – строго добавил Никонов.

Машина медленно вползла в лес. Здесь колея проступала явственней, и водитель прибавил скорости. Вскоре выскочили на лесную дорогу, а там и на трассу.

– Хорошо, что снегу пока мало выпало. Было бы больше, вряд ли проехали бы, – заметил водитель. – Надо бы посмотреть, сколько топлива в баке, а то я не проверил...

– Свернём с трассы – посмотришь, – решил Никонов.

Топлива оказалось полбака.

– Ещё есть немного в грузовиках, которыми зерно доставляли в Стекольный. Для бензоагрегата надолго хватит. Михаил, а ты что всё время молчишь? Не заболел ли? – встревожился Никонов.

– Да нет! Всё нормально! Я вот о чём думаю: а вдруг сегодня мы включим приёмник, а там немцы Москву взяли?

– С чего такие мысли?

– Да вчера, пока ходил по дороге, что ведёт к станции, подошёл к вокзалу, а там два фашиста беседуют. Говорят,

наши-то под Москвой. Скоро конец войне. Домой поедем. Я, конечно, не поверил, а вдруг правда?

– В 1812 году французу Москву сдали, да потом гнали аж до Парижа! Так что не тревожься, Россия большая! Ты лучше вот о чём подумай: как мы с рацией заживём! Совершенно другая жизнь у нас будет! Связь – это такое большое дело! Мы со всей страной! Э-э, брат, да что говорить, мы сразу станем частью нашей Красной армии! Её полноправными бойцами!

Мишка как-то сразу поверил Никонову, отчего на душе стало легко и радостно.

«Мы со всей страной! И я тоже! Я её малая частичка! И Колька! И Родька! И сержант Никонов! И тётя Фрося... Да разве можно нас победить? Никогда!» И Мишка вспомнил слова деда Пантелея, когда он пригнал коровку на заимку, а немцы ещё только пришли на нашу землю. Старый лесничий тогда сказал: «Можно разрушить город, два... Но народ победить невозможно! Ибо земля русская сильна своим народом! Она сильна нами... и тобой тоже!»

Елена АРСЕНЬЕВА

НА КРАЮ ЛЮБВИ

Отрывок из романа

Действие происходит в 30-е годы XIX века на Нижегородчине и в Сибири. Федор Данилов – один из главных героев романа. Исполняя предсмертную просьбу своего друга, Василия Хворостинина, он пытается устроить свадьбу его дочери Аси с Никитой Широковым, однако случайно сам оказывается в роли жениха. Беда только в том, что венчаться им приходится под дулом пистолета, и пройдет довольно много времени, пока Данилов и Ася узнают, кто и зачем так жестоко распорядился их судьбами.

* * *

...Василий Хворостинин и Федор Данилов ушли в тайгу вместе, ушли в надежде на удачу.

А почему бы и не надеяться на нее? В те времена и в тех краях скоробогачи насчитывались десятками! Места вокруг Енисея были золотоносными, и удачи тут не искал только ленивый. Слово «алтан»* знал каждый! Бесчисленные золотоносные безымянные речки стремились к Большому Питу, правому притоку Енисея, стекали с вершин Сухой Пит и Удерей, а севернее Большого Пита низвергались с горного массива богатые золотым песком Вангаши и Енашимо. Старатели мыли взятый из воды песок лотками; искали рассыпное золото, лежащее по берегам в виде

*Алтан – золото (эвенк.).

больших и малых самородков; надеялись найти самородки даже в зобах таежных птиц!

Слухи о сказочном Енисейском крае, где золото вездеходом валяется прямо на земле, уже преодолели Урал. Рассказы об удачниках распространялись со скоростью ветра, и, гонимые этими сладкозвучными ветрами, врачи, учителя, чиновники, купцы забыли свои прошлые службы и занятия и пошли в тайгу, пытаясь поймать удачу, однако не имея ни малейшего представления о правилах поисков золота. Они шатались по тайге туда-сюда, тратя время и силы на пустые переходы с места на место... И каждый мечтал найти «сундук с золотом» – богатые прииски.

Одни погибали в «сигикаг» (так называли непролазную таежную чащобу тунгусы*), другие опускали руки и возвращались домой ни с чем, третьи поступали на службу к более удачливому сопернику, ставшему хозяином прииска.

Именно с такой службы и решил начать Федор Данилов свое обучение ремеслу горного инженера. Учебу решил начать со старательской практики.

Наняться в старатели было несложно. Каторжане, конечно, считались более надежными, чем вольные рабочие, потому что работали в кандалах, в цепях и никуда не могли подеваться от лотка, в котором мыли песок. Однако и за ними требовался неусыпный надзор: чтобы не утаивали добычу, чтобы не пытались проглотить попавшийся самородок. Если такой воришка потом погибал, история его смерти пересказывалась на всех приисках в назидание.

Скоро старатели начинали понимать, что работа у них адская. Их нанимали на год; паспорт забирали. Трудились по 12–15 часов, а то и все 18. Не выполнил норму – розги и штраф в половину дневной оплаты. Штрафовали за сломанное кайло, за потерянную лопату, даже за ссоры и свары между собой...

Сначала Хворостинин и Федор Данилов нанялись на один из приисков, принадлежащих скоробогачу Голубеву, купцу, приехавшему из Костромы (он владел золотоносными россыпями на реках Актолик, Севагликон и Кала-

*В описываемое время тунгусами называли всех коренных жителей Сибири и Дальнего Востока.

ми), однако не смогли больше одного срока найма вытерпеть жестокую кабалу (слово «проштрафиться» Данилов на всю жизнь запомнил!) и решили сделаться вольными старателями. Оба прекрасно понимали тяжесть предстоящего труда: бесконечная, порою непроходимая тайга, где влажность воздуха превратила почву большей частью в болото. Золотоискатели, удалённые на сотни вёрст от деревень, принуждены были все свои припасы и добычу носить на себе. Ночлег на сыром мху или на лапнике, частые дожди, внезапные холода или удушающая жара, полчища гнуса... Истинно железное здоровье надобно было иметь, чтобы не просто выжить в тайге, но и разбогатеть!

На зиму вольные старатели разбрелись по домам, однако ни у Хворостинина, ни у Данилова не было ни малейшего желания возвращаться в Енисейск. Но куда податься? В лесорубы? Вот разве что... Однако предстояло еще найти подходящую артель и, самое главное, сберечь от сотоварищей намытое и найденное золото. Если становилось известно, что человек пришел в артель с приисков, а значит, у него могли храниться самородки или песок, участь его могла сложиться самым что ни на есть печальном образом... Друзья размышляли: не заняться ли охотой на пушного зверя? Но для этого все равно нужна была прочно обжитая стоянка, куда приносят добычу, где чистят шкуры от мездры, сушат и хранят их... Да и стрелками оба были не бог весть какими, а ведь белку, соболя и лису лучше всего бить в глаз, чтобы шкурку не портить.

Словом, друзья никак не могли решить, чем заняться зимой, и вот однажды наткнулись в тайге на молодого тунгуса, на которого напала дянтаки – так туземцы называли росомаху. Юноша отогнал ее, однако был жестоко изранен, и зверюга (злобная, коварная, подлая зверюга!) затаилась, терпеливо ожидая, когда руки, сжимавшие нож, ослабеют, опустятся – и можно будет безнаказанно перегрызть человеку горло.

Тогда Федор Данилов еще плохо понимал по-тунгуски, и когда раненый прохрипел: «Дянтаки...» – ничего не понял и решил, что бедняга просит помочь ему. Он склонился на юношей, и в этот миг росомаха, разъяренная,

возбужденная до безумия запахом крови и близкой смертью жертвы, ни за что не желая упускать добычу, прыгнула Федору на спину.

Не допрыгнула – ее сшиб в прыжке Василий выстрелом из ружья (к счастью, тут уж не надо было заботиться о целостности шкуры!), однако Федор, на беду свою, обернулся – и россомаха успела зацепить его лоб и левую щеку своим когтем. Вот откуда взялся шрам на его лице.

Хворостинину тогда нелегко пришлось! Кое-как заматывал раны Федора и тунгуса (у того едва хватило сил назвать свое имя – Улген – и, путая русские и тунгусские слова, объяснить дорогу к стойбищу), Василий Петрович сладил волокушу и отправился по тропе, которую без подсказок Улгена никогда в жизни не нашел бы: казалось, она внезапно появлялась перед глазами, а потом, за спиной, исчезала бесследно, словно зачарованная, только далекое эхо унгувуна* слышалось. Потом тунгусы объяснили, что таким запутыванием следов к стойбищам с помощью унгувунов славились здешние саманы, в числе которых некогда были и дед, и прадед Улгена.

Зиму русские провели у своих новых друзей, и если бы не мудреное врачевание бабки Улгена, молодой тунгус не выжил бы, а Федор остался бы изуродованным до неузнаваемости. По весне, когда стаял снег, русские ушли из стойбища, чтобы вернуться к промыслу. Улген пошел с ними. За спасение своей жизни он хотел отблагодарить друзей и собирался показать им богатое золотоносное месторождение.

...Изречение «мир тесен» было Хворостинину и Данилову известно. Даже на приисках, затерянных в тайге, приходилось им встречать знакомцев: так, Хворостинин повидался с двумя каторжными, известными ему по пересыльной тюрьме в Иркутске, а Данилов едва избежал встречи с приятелем из Енисейска. Словом, они не слишком удивились, когда в бескрайней тайге чуть ли не нос к носу столкнулись с Митрием Похваловым. Случилось это

* Унгувун – бубен (звенк.).

у солонцов*, где Хворостинин, Данилов и Улген подстерегли лося и пополнили свой запас продовольствия.

Вспомнив, как вместе с Похваловым когда-то гнули спину над промывочными лотками на голубевском прииске на берегу Актолика, друзья поначалу даже обрадовались встрече. Похвалов рассказал, что тоже подался в вольные старатели, но перезимовал в русской деревне, через которую шла почта на Енисейск, поэтому был осведомлен о новостях что сибирских, что уральских, что российских. Новостям этим могло уже исполниться месяца три, если не полгода, но все равно Хворостинин и Данилов слушали знакомя развесив уши, а он знай подливал им да тунгусу жгучей хэкухи, которой у него оказался немалый запас. Хэкухой тунгусы называли самогонку, которую по русским деревням и зимовьям гнали из всего, что под руку попадется, чуть ли не из коры древесной.

Улген и Василий Петрович скоро сомлели и уснули. Данилов же пил мало, да и вообще он был крепок, против любой хэкухи, даже кедровой, мог устоять – если не заливать горло до самых ушей, конечно. Но делал вид, что уже лыка не вяжет, потому что заметил: Похвалов-то почти не пьет. Что-то в этой пирушке было нечисто!..

А Похвалов счел, что теперь из молодого старателя можно веревки вить, и начал выпрашивать, не рассказывал ли тунгус своим спутникам о знаменитой Алтана бай**, на вершине которой, по слухам, находились баснословные залежи золота.

Теперь Данилов смекнул, какое месторождение хотел им показать Улген. Воистину по-царски мечтал он наградить друзей за свое спасение! Однако Похвалову Федор, конечно, ничего об этом не сказал – только пробормотал, нарочно заплетаясь языком, мол, ничего такого не слышал.

– Небось плохо спрашивал, – ухмыльнулся Похвалов. – Про Алтана бай все инородцы знают. Туда один раз только

*Солонцы – почвы, чрезмерно богатые растворимыми солями. Растворительности на них нет. На солонцы часто приходят копытные животные.

**Алтана бай – Золотая сопка (эвенк.).

сходить – и на всю жизнь можно разбогатеть. Еще и детям с внуками достанется.

– А ты это откуда знаешь? – спросил Федор. – Точно это не басни?

– Перед смертью, знаешь ли, басни уже не плетут, – ухмыльнулся Похвалов. – Тунгус один мне поведал про Алтана бай. Все толком обсказал – залежи там несметные. Жаль – помер не в час, не успел тропу заветную указать.

– А с чего это он вдруг помер? – удивился Федор.

– Да кто ж его, нехристя, ведает, отчего помер? – пожал плечами Похвалов, отводя глаза. – Небошь, его ихний Харги позвал али еще такой же местный диавол. Они же, нехристи, каждой деревяшке поклоны бьют! Не люди – зверье наполовину! – и сплюнул презрительно.

Данилов и Хворостинин за зиму наслушались в стойбище столько сказаний о богах и духах, что каждого из них знали не хуже самих тунгусов. Харги был зловредным хозяином подземного мира – обиталища мертвых, завистливым младшим братом Сэвэки – творца людей, животных и всей тайги. Конечно, тунгусы были язычники, что не могло не ранить христианина, однако в чужой монастырь со своим уставом не ходят: Хворостинин и его молодой друг меньше всего собирались вмешиваться в жизнь и осуждать верования людей, которые приняли их со всем мыслимым радушием. Откровенное презрение Похвалова оскорбило Данилова. Федор с удовольствием высказал бы все, что о нем думает, однако прикусил язык. Что-то неладное почудилось ему в словах «Да кто ж его, нехристя, ведает, отчего помер?», что-то подлое в том, как Похвалов отвел глаза...

Данилов знал: многие старатели мечтали свести дружбу с туземцами и вызнать у них тропы к богатым россыпям. Хворостинин и Данилов жизнь Улгену спасли и поэтому приняли его предложение как должное и с благодарностью. Но обычно от тунгусов было непросто дознаться о тайных путях к месторождениям. Чаще всего туземцев старались подпоить и заставить открыть тайну «добром». Они были очень слабы перед действием хэкухи! Умелыми вопросами выведая дорогу, золотоискатели поспешно уходили, оставив бедняг с трудом приходиться в

себя и мучиться, вспоминая о случившемся. Однако находились и такие, у которых жажда богатства мutilа разум, заставляя забыть и о человечности, и о страхе божием. По слухам, в тайге не раз находили мертвых тунгусов со следами зверских пыток. Это восстанавливало туземцев против русских, они начинали мстить всякому русскому человеку, и, случалось, за подлость одного отвечали многие невиновные.

Федор насторожился. Уж не один ли из таких бесчестных, безжалостных ловцов удачи встретился им с Хворостининым на узкой дорожке?.. Вскоре он понял, что чутье его не обмануло.

Слово за слово, Похвалов начал подговаривать Данилова бросить Хворостинина и пойти искать Алтана бай самим. Тогда, дескать, вся добыча их будет.

– Так я ж дороги не знаю, – промямлил Федор.

– А дорогу нам твой тунгус покажет, – вкрадчиво проговорил Похвалов.

– Он очень почитает Василия Петровича, благодарен ему за спасение жизни... ну как не захочет его бросать? – удивился Данилов.

– Да кто ж его, убогого, спрашивать станет? – ухмыльнулся Похвалов. – Пусть только попробует заартачиться – мы его в такой оборот возьмем, что он всех своих богов помянет и не только дорогу нам покажет, но и мамку с тятькой в костер толкнет, только бы живым остаться.

– Так вот почему твой тунгус к Харги отправился! – прищурился Данилов. – Он под пыткой помер, что ли?! Не ту ли участь ты и Улгену уготовил?

Похвалов сначала заюлил глазами, потом холодно бросил:

– А твоя печаль какая? Или этот Улген тебе брат?

– Брат, — кивнул Федор. – Брат и друг!

Кулаки у него были крепкие да увесистые: с одного удара отправил Похвалова валяться без памяти. Потом связал его, не без труда растолкал своих и коротко объяснил, чего хотел от него Похвалов.

Улген скрипнул зубами и пробормотал, что один из его двоюродных братьев был замучен и убит, но дорогу к Алтана

бай не выдал. Из других стойбищ тоже иногда доносились похожие вести.

– Такие, как этот чанит*, не знают, что по крови дойти до Алтана бай невозможно. Туда можно только друга привести, но не врага. Вы – дойдете, потому что я вас веду по своей воле. А чанит не дошел бы, даже если бы я ему на куске бересты дорогу начертил и про каждый поворот рассказал, – тихо объяснил он.

После этого подумали, что делать с Похваловым. Убивать не стали – решили просто забрать его ружье, его припас и оставить в тайге одного, правда, положить рядом небольшой и тупой нож, чтобы было чем веревки разрезать, но повозиться пришлось бы немало.

– Если будет господу угодно – выживет и выберется, – сказал Хворостинин.

– Или если дьявол за него заступится как за своего подручного, – буркнул Федор.

– Пусть Агды** его поразит! – пробормотал Улген.

Пока они собирались, Похвалов очухался и осыпал всех троих страшными проклятиями. Особенно досталось Данилову. Похвалов поклялся убить его собственными руками.

Федор только хохотнул, перекидывая себе за спину ружье разбойника. Это был самопальный мушкет, сработанный, очевидно, каким-нибудь местным умельцем. Собственно, такие же, только получше сделанные, ружья имелись у Хворостинина и Данилова. У похваловского вдобавок оказался сбит прицел и боёк сточен. Это почудилось Федору странным... и как же он проклинал себя потом за то, что не дал воли этому ощущению!

Они ушли, а вслед им летели, словно камни, проклятия связанного Похвалова...

Спустя три дня Хворостинин сорвался с плота, на котором переправлялись через Калами. Не утонул, однако

*Чанит – разбойник (эвенк.).

**Агды – в представлениях эвенков это хозяин грома и молнии. Агды высекает небесный огонь, искры от которого поражают злых духов и жестоких людей.

промок до нитки, потом никак не мог согреться. Василия Петровича знобило, и Данилов отдал ему свою сухую кухлянку*, запасные штаны, а его мокрые вещи пытался высушить над костром. Переодевшийся Хворостинин стоял рядом. Вдруг из зарослей раздался выстрел, и пуля пронзила ему спину напротив сердца.

Глаз Улгена оказался острее, чем у Федора: сразу определил, откуда прилетела эта пуля, – и стрелу из лука тунгус выпустил быстрее, чем Данилов схватился за ружье. Тотчас из зарослей раздался мучительный стон. Улген бросился на звук и через несколько минут приволок Похвалова. Его горло было пронзено стрелой. Похрипел он несколько минут, давясь кровью, пуча глаза, да и сдох. А Данилов в это время склонялся над умирающим Хворостининым и, едва сдерживая слезы, слушал его последнюю волю.

Василий Петрович был в сознании; голос его звучал слабо, но отчетливо. Именно тогда Хворостинин взял с Федора слово: тот позаботится о его дочери, а если раздобудет довольно золота, чтобы составить ей приданое, сделает это и по возможности устроит ее свадьбу с Никитой Широковым. Потом он еще чего-то требовал – на случай, если Широковы откажутся или Ася не захочет с Никитой венчаться, – но голос его уже прерывался, мысли путались, и эти последние слова показалось Данилову предсмертным бредом. Однако он все же поклялся исполнить все – жизнью своей поклялся! Через несколько минут Василий Петрович умер. Данилов согнулся над его телом и дал волю слезам, разрывающими горло, глаза и сердце.

Потом, после того как похоронили Хворостинина, Улген отыскал в зарослях и принес Федору ружье, из которого стрелял Похвалов. Это было дульнозарядное кремневое ружье образца 1808 года. С такими русская армия дошла до Парижа, и до сих пор их кое-где использовали в армии и в полиции. Невесть как оно попало к Похвалову: может быть, было украдено у зазевавшегося стражника или взято у убитого. Очевидно, при встрече у солонцов

*У народов Севера так называется верхняя одежда в виде просторной рубахи мехом наружу.

Похвалов припрятал это ружье от старинных знакомых, а на виду держал то, что было постарее да поплоче. Наверное, Похвалов поначалу считал Хворостинина и Данилова такими же разбойниками, каким был сам, и опасался, что те отнимут у него хорошее ружье. Ну что ж, теперь оно стало трофеем Данилова (Улген предпочитал свои меткие, стремительные, под звуки саманского бубна изготовленные стрелы и лук). Со временем Федор укоротил слишком длинный ствол ружья и отлично с трофеем освоился.

Через три дня они с Улгеном дошли до Алтана бай, и Данилов в первые минуты не поверил глазам, увидел золотые россыпи, какие могли только во сне присниться... Набив самородками три мешка (свои и Хворостинина) под завязку, превратив в мешки даже кухлянки, они снесли добычу в тщательно обустроенный схорон и больше к Алтана бай не возвращались. Конечно, там еще много сокровищ оставалось, но сопка считалась священной, ей покровительствовал сам Калу, охранитель тайги, гор и рек, жадностью его можно было разгневать, а гнева божьего боялись и тунгус, и русский.

Вехи памяти

Евгений СМИРНОВ

МОЙ ДЕД – КРАЕВЕД СМИРНОВ

Фрагменты

*Посвящается памяти моего деда краеведа
Дмитрия Николаевича Смирнова*

Данная книга посвящена жизни и творчеству моего деда – известного нижегородского краеведа Дмитрия Николаевича Смирнова.

В статье М.П. Шкуркина «О фонде Д.Н. Смирнова в Государственном архиве Нижегородской области» (Записки краеведов, 2010, стр. 311) указывается на отсутствие полной биографии Д. Н. Смирнова.

В книге моей тетушки В.Д. Смирновой «Смирновы из Нижнего Новгорода» содержится очень много фактического материала о жизни Д.Н. Смирнова. Однако некоторые аспекты жизни и деятельности жизни Д. Н. Смирнова остались неосвещенными.

Настоящая книга ставит своей задачей восполнить этот пробел.

Е. С.

Детские и юношеские годы Дмитрия Смирнова

В 1891 году в семье Николая Александровича Смирнова родился сын Дмитрий. Еще в раннем детстве он мечтал стать юристом, очарованный такими громкими именами,

как Плевако, Урусов, Карабчевский, Жуковский и другие светила отечественной юриспруденции. Однако глухота, наступившая после перенесенной скарлатины, перечеркнула эту мечту. Митю возили в Москву для лечения и даже сделали операцию, но слух навсегда остался пониженным. Кормилицей Мити была Мария Степановна Кашицина. В доме его родителей служил кучером Василий Кашицин по прозвищу Пряник. Осмелюсь предположить, что Василий и Мария были мужем и женой. Мария Кашицина впоследствии стала няней детей Д.Н. Смирнова.

На семейном совете было решено, что Дмитрий, как и отец, станет финансистом. Начальное образование Митя получил в частном пансионе Елизаветы Александровны Редозубовой. С 1903 по 1909 год Дмитрий учился в Нижегородском коммерческом училище (впоследствии техникум советской торговли). Учился он хорошо и окончил по первому разряду, получив звания «кандидат коммерции» и «личный почетный гражданин». Следует отметить, что одним из инициаторов создания училища был отец Мити Николай Александрович, многие годы бывший членом его попечительского совета. Училище находилось на Благовещенской площади (ныне пл. Минина и Пожарского). В наши дни в этом здании находится 1-я гимназия.

В архиве деда сохранилось много писем и записок от девушек, за которыми он ухаживал. Митя имел привлекательную внешность, был весел и остроумен, прекрасно танцевал. Будучи натурой увлекающейся, он ухаживал одновременно за несколькими девушками. Подробности можно прочитать в книге моей тетушки В.Д. Смирновой «Смирновы из Нижнего Новгорода».

Следует отметить, что среди товарищей по учебе Митя Смирнов имел прозвище Бонапарт. По версии В.Д. Смирновой, это обусловлено тем обстоятельством, что на одном из вечеров он читал одну из «Песен западных славян» Пушкина «Бонапарт и черногорцы». Возможно, основанием для этого прозвища послужили некоторые черты характера – заносчивость и самоуверенность.

Знакомство Мити Смирнова с Верой Альбицкой (его будущей женой) произошло в 1908 году, когда она училась в выпускном классе 2-й женской гимназии (сейчас в этом здании находится выставочный зал).

Познакомила их старшая сестра Мити Анна (Жанна), которая вместе с Верой училась музыке у известного музыкального педагога В.Ю. Виллуана. Здания коммерческого училища и 2-й гимназии находились очень близко: их разделяла Благовещенская площадь (ныне – площадь Минина и Пожарского).

В феврале 1909 года они обменялись адресами и началась регулярная переписка. Сведения о себе в основном касаются учебных занятий и экзаменов.

В письме от 12/III 1909 года Митя пишет:

Я слышал от Вас, что Вы с удовольствием встречаетесь со мной. Так, как будто? (или я, может быть, ошибаюсь?) Беда в том, что негде и некогда встречаться... Можно ли нам завтра в пятницу увидаться? Я свободен с половины 6-го до 7 часов. Если Вам можно и Вы хотите – сообщите, где и в какое время. Если в пятницу нельзя, я свободен в субботу, причем ничего не имею против всеобщей у Покрова, но при условии недолгой там молитвы.

Да, маленький вопрос, если случится быть вместе в церкви, можно мне встать рядом или стоять в почтительном отдалении, чтобы не возбуждать излишнего внимания, могущих быть в церкви, Ваших знакомых (особенно, если последние преклонных лет)? Вообще я всегда стою у дверей.

Жду немедленного ответа.

Письменную алгебру я, вероятно, по Вашим молитвам решил. Ох, грехи, грехи, – скоро экзамены, а я очень мало занимаюсь уроками, больше о «посторонних» вещах думаю.

Летом, по окончании гимназии, с группой выпускниц Вера Альбицкая ездила с экскурсией на Кавказ, и Митя писал ей письма «до востребования» в Баку, Батум и Новороссийск. В письме от 10/VI 1909 года мы читаем:

Верочка! Прежде всего приношу Вам глубокую благодарность за поздравление с окончанием курса...

В свою очередь поздравляю Вас с окончанием гимназии, желаю всего хорошего и чуть не сказал «и целую крепко». ...Окончательно отказываюсь понимать, зачем Вам нужно знать, когда я приеду с дачи. Приеду приблизительно 20 августа. Ну теперь Вам вопрос: что же из этого, не все ли Вам равно, 20 августа, 20 июля или совсем не приеду, а прямо учиться в столицу?..

Вот что Вера пишет Мите из Баку:

Боюсь, что, не получая от меня писем. Вы и сами перестанете мне писать. Не писала же я по той простой причине, что некогда и негде. Нельзя же писать на железной дороге, а мы все время пока разъезжаем.

Сегодня приехали в Баку, и вот я выбрала свободный часок и пишу Вам. Хотите знать в кратких чертах наше путешествие? Вот слушайте.

От Нижнего до Царицына ехали на пароходе, эта часть путешествия была очень приятна и удобна.

Только один день выдался плохой, дождливый. От Царицына до Пятигорска – по железной дороге. Вот где мы приняли муки! Чуть ли не три пересадки. Из Пятигорска поехали в Ессентуки и Кисловодск. Напробовались там всяких целебных вод и излечились от всех болезней. Какой парк в Кисловодске! Просто чудо... Из Пятигорска поехали во Владикавказ – город неинтересный во всех отношениях. Но зато из него мы совершили интереснейшую поездку по Военно-Грузинской дороге. Видели Эльбрус, Казбек, Терек, Дарьяльское ущелье. Военно-Грузинскую дорогу мы проехали не всю, а только часть – 60 верст (вся она 210 верст). Все мы в восторге от этой поездки.

Какие горы! Терек! А самое, пожалуй, главное – мы лазили на Давыдовский ледник. Он 2 версты над уровнем моря. Наш почтенный руководитель Булатов очень опасался, что мы не дойдем, идти нужно было восемь верст по крутому подъему да восемь верст обратно, итого 16. Прошлый год экскурсанты очень многие не дошли и вер-

нулись обратно. Мы же с честью вышли из испытания. Когда возвращались, то встретили гимназистов (экскурсия из Харькова), из них многие едут или на лошадях, или в арбах и боятся заглянуть вниз с дороги (дороги очень узкие, чуть проходят лошади), а я свободно стояла на обрыве и все ждала, когда же у меня закружится голова, да так и не дождалась.

Сейчас пришла с купанья в море, сижу в гимназии (мы здесь остановились в ней), пишу Вам письмо, а в окно слышна из соседнего сада духовая музыка. Когда играли вальс или мазурку, мне страшно захотелось с Вами потанцевать.

Но нужно идти пить чай. До свиданья. Не забывайте меня!

(20/VI 1909 г.)

В одном из писем Мити читаем:

...Боюсь спрашивать Вас, рады ли Вы возвращению в Нижний, я уверен, что ответ будет отрицательный.

Что намерены Вы делать по возвращении в Нижний?

Ах, увидимся ли мы с Вами еще когда-нибудь, повторятся ли наши прогулки, провожания, нечаянные встречи... Увы, почти наверное можно сказать «нет». А кто будет жалеть о том? Вероятно, я один и больше никто! Ваше дело было только загипнотизировать человека, а затем бросить его...

Судя по целому ряду последующих писем, несмотря на размолвки, встречи продолжались. Но вот наступает время отъезда в столицу для продолжения образования. В связи с этим Митя пишет:

Сегодня уезжаю. Прощайте, Верочка. Надеюсь, хоть изредка будете вспоминать обо мне.

Д. Смирнов.

(12 /IX 1909 г.)

Я Вас вчера вечером встретил на Покровке.

Узнали ли Вы меня?

Студенческие годы Дмитрия Смирнова

Начиная со второй половины сентября 1909 года Вере Альбицкой, будет писать студент Московского коммерческого института (экономического отделения) Дмитрий Смирнов (здесь он начинал учиться).

Вот первое письмо, написанное им из Москвы:

Верочка! Как провели день своих именин? Вероятно, очень весело, не то что мы, грешные студенты. Мы как раз собрались вместе и предались мечтам и воспоминаниям. Ведь у каждого из нас 17 сентября есть именинницы, но все они далеко, далеко от нас....

Но все мои товарищи были веселы – они были уверены, что они не забыты, о них, быть может, даже думают их Нади, Веры, Любы, Сони... а я?

Я один не был уверен, что обо мне думает моя Вера... «Моя», какое я имел право написать «моя», а я все-таки написал!

До Москвы добрался я благополучно. Поселился пока с товарищами, но думаю вскоре переехать.

От нашего дома до центра 4 версты, ходьбы ровно час. До института ближе, ходьбы 15 минут.

Институт и ученье мне очень нравятся. Половина студентов барышни, но увы и ах! Ни одной хорошенькой. Говорят, часто зимой бывают вечера, может быть, на них хорошенькие и будут.

А как Вы поживаете? Что нового в Нижнем?

Буду ждать от Вас ответа, а пока до свиданья.

Адрес мой: Москва, Большая Серпуховская ул., угол Мартыновского пер., дом Петрова, кв. 2.

Остаюсь Д. Смирнов. Москва. (18 /IX 1909).

Начался петербургский период жизни студента Дмитрия Смирнова. Вот как он пишет об этом:

Верочка! Как Вы уже знаете, в жизни моей произошла маленькая перемена декораций. Я расстался с гостеприимной Москвою и очутился в объятиях холодного Петербурга.

Первый прием, оказанный мне северной столицей, нельзя назвать хорошим. Вы, конечно, знаете, что студентам приходится жить в Лесном на дачах: дач там очень много, но не все они могут похвалиться теплом, отсутствием сырости и т.д. Конечно, приехавшим 1-го сентября к началу занятий предлагается большой выбор квартир, сообразно вкусам каждого. Но что встретил Ваш покорный слуга 1-го октября, представляю судить Вам самой! Несколько несчастных сырых, холодных комнат... вот все, что было у меня перед глазами! Вы можете себе представить, сколько мук претерпел я раньше, чем нашел себе квартиру. Первые два дня прошли в бесплодных поисках... «Но где же Вы ночевали?» – спросите Вы. Небо сжалилось надо мной – я ночевал в теплой, хорошей комнате... мало того, я даже чувствовал себя больше, чем хорошо, ведь в этой комнате было два Ваших, Верочка, портрета...

Вы, вероятно, уже догадались, кто был тот благодетель, приютивший меня. Даже во всяком случае догадались, ведь Ваши фотографии, надеюсь, не раздаются кому попало. В конце концов нашел-таки себе комнату. Пока ни на холод, ни на сырость пожаловаться не могу – не знаю, что дальше будет.

На лекции пока еще не ходил, никак не удается – все праздники и праздники. Сам Политехникум, т. е. здание его, мне очень нравится. Прекрасные аудитории, кабинеты, лаборатории, библиотеки, музеи. Чудный зал, где так хорошо танцевать будет (невольно вспоминается Нижний, зал Коммерческого клуба и вальс с милым красным бантом у Виллуана).

Адрес мой: Лесной, Муринский пр., д. 49, кв. 5

А сейчас читаем о том, что Дмитрий Смирнов пишет о своем времяпрепровождении в Петербурге:

...Вчера был на балу в Лесном Институте (он от Политехникума нашего версты полторы – почти рядом). Само здание, конечно, перед Политехникумом ничто (ах, какая прелесть Политехникум), но все-таки довольно хорошее (я мысленно его предназначил для нашего Нижегородского

Коммерческого училища). Зала не особенно большая – вместо танцев – каша, и это обстоятельство заставило меня покинуть бал раньше окончания его. Представьте себе, Верочка, здесь почти все танцы танцуют иначе, чем в Нижнем, прямо удивительно! Особенно велика разница, не говоря уже о вальсе, который танцуют с кругами и пр., как в мазурке, – в танцах: па-д-еспань, миньон и краковяк.

Мне приходилось сначала присматриваться, а затем уже начинать. Затем масса новых танцев, о которых в Нижнем и понятия не имеют. Я протанцевал 3-4 танца, дождался своей симпатии «мазурки» и затем ушел ... Однако, Вам нужно дать ответ по поводу моего вероятного отсутствия в Нижнем на Рождестве. Причина самая простая: у меня здесь (в Петербурге) живет дядя (Ф.П. Малышев – муж Митиной тетки Евдокии), который соблазняет меня остаться погостить у него на Рождестве.

Масса, говорит он, удовольствий, развлечений, каких в Нижнем не найдешь...

Митя. 25/X 1909 г.

Теперь посмотрим, как уроженец Н. Новгорода воспринимает петербургскую погоду:

...до последнего времени погода стояла «петербургская», если Вы о такой погоде не слыхали, то выслушайте мое объяснение. Эта погода какая-то смесь из погоды всех сортов – не разберешь, что такое, ни дождь, ни снег, ни туман, а так, гадость какая-то. Солнца не видно неделями. Но все это до сих пор напоминало осень. 1-го ноября пошел снег, и с этого времени можно считать, что зима началась. Наш Лесной вдруг приобрел красивый вид, грязь исчезла под снежным покровом. Деревья покрылись инеем, воздух стал чище, и Лесной превратился в довольно милую местность. Но недолго пришлось радоваться – температура, бывшая все время 3—5 выше 0, вдруг опустилась до 7 градусов ниже 0, а вчера вечером и до 10... . нельзя сказать, чтобы приятно было такое тепло нам, студентам, одетым в большинстве в пальто «деми-сезон».

Вчера вечером удалось наблюдать явление, свойственное Петербургу, но, конечно, крайне редкое в Нижнем. Я говорю о тумане. Такую «штучку» видел я первый раз в жизни! На улицах города не видать ничего в пяти шагах! Прямо удивительно: идешь по улицам чуть не ощупью, рискуя поминутно попасть под трамвай, извозчика или автомобиль. На Невском, вследствие тумана, произошло интересное явление. Надо Вам сказать, что на Невском в каждом 3-м доме – кинематограф, названия у последних из ярких электрических лампочек.

Если идешь по одной стороне улицы, за туманом не видишь домов противоположной стороны, вывески же кинематографов видны очень хорошо.

Вид этих вывесок в тумане (как бы теряющихся в пространстве) очень эффектен. Однако, не довольно ли о погоде!

Был два раза в Александрийском театре, очарован игрой артистов Варламова, Давыдова, Савиной, Стрельской и вообще всеми (первыми особенно).

Прелесть, что такое! Видел «Старый Гейдельберг» и «Госпожа Пошлость». 2-я – новая пьеса, шла в первый раз, мне лично не особенно понравилась...

Пьеса эта наделала здесь много шума: она рисует жизнь и творчество современных поэтов и литераторов, автор ее – артист Александрийского театра (в нем же и идет она) Ходотов. Шум вышел из-за того, что многие утверждают, что автор действующих лиц «списал буквально» со своих друзей-литераторов, посещающих его дом... В первом представлении были аплодисменты и свист одновременно.

(6 ноября 1909 года)

<...>

...Вы пишете, что грезите Петербургом... Ой, Вера, не увлекайтесь, не мечтайте очень много... легко может случиться, что, попав сюда, Вы разочаруетесь, и жестоко разочаруетесь. Масса примеров, даже больше – почти половина молодежи, как девушек, так и молодых людей, попав в Петербург, в Высшие учебные заведения, скоро убеждается, что они попали не в тот «светлый храм

науки и знания», куда стремились в детстве. Я не говорю, что высшее образование не стоит поклонения или уважения, я хочу только предостеречь Вас от чрезмерного восхищения прелестями Петербургской жизни... Не скрывайте, Верочка, я знаю, что Вам страстно хочется сюда на курсы. Знаю, что у Вас есть препятствия к этому...

Верочка, как пример, подтверждающий мои заключения, укажу на свою сестру. Ей ли не хотелось на курсы? Она ли, кончив гимназию, не мечтала о Петербурге, этом «кладезе знания для молодежи»?..

Но что говорит она, поступив, наконец, на курсы?

Вот что – слушайте и запоминайте, Верочка: «Я нашла на курсах, чего искала. Все, что казалось мне раньше таким прекрасным и возвышенным, – оказалось простым, будничным». Верочка, она предполагала увидеть на курсах скромно одетых барышень, жаждущих науки и знания, и вместо их увидела толпу шикарно и даже богато одетых особ с жемчугом и бриллиантами на руках, в ушах, на груди, в волосах и пр. Многие барышни идут на курсы только потому, что им нечего дома делать.

Гимназию кончили, к музыке (консерватория) склонности не имеют, замуж рано и не хочется еще, куда деваться? Ответ один – на курсы. ...Аристократки на курсах образуют одну группу, истинные курсистки – другую, и жизнь на курсах начинает течь двумя совершенно разными путями. С одной стороны – веселье, удовольствия, с другой – серьезные занятия и книги.

Скажу несколько слов о Лесном. Прежде всего Лесной, а не Лесное, как пишете Вы. Лесной – дачная местность, но не такая, как, например, Растяпино. В последнем все напоминает деревню, а здесь – город. Лесной, хотя не сливается с городом, но довольно близко от него (7 верст). Средством сообщения служит паровой трамвай – езды на нем 40 минут. Но если считать от центра города (Невский проспект), то от него до Политехникума езды не меньше часа. Собственно говоря, если строго разбирать, Политехникум находится не в Лесном, а немного дальше, в Сосновке.

Студенты живут половина в городе (особенно экономисты – им очень мало работы), а другая половина в окружающих Политехникум селениях – «Лесной», «Сосновка», «Гражданка» и т. д. Скучно здесь или нет, ответить трудно, ответить можно так: у кого деньги есть, тот скучать не будет...

С деньгами студент может ездить каждый день в город и там выбирать себе удовольствия по вкусу. А затем вот что: при Институте существует много кружков, куда студент может записаться. Например, у нас есть кружки: шахматный, спортивный (со многими отделениями – все виды спорта), литературный, музыкальный, воздухоплавательный, драматический, кружок «Эсперанто», «Общинное право» и др. Но именно тут-то и нужны деньги, членские взносы у кружков все-таки не особенно маленькие – от 1 до 2 руб.

<...>

Третьего дня был в театре на «Горе от ума». Ах, какая прелесть, как чудно играли, если бы Вы знали!

Участвовали лучшие русские артисты. Как далеко, например, Рудницкому или Орлову-Чужбинину в ролях «Чацкого» до артиста Юрьева, игравшего эту роль! А «Фамусов» – Давыдов. «Репетилов» – Далматов, «Князь Тугоуховский» – Варламов? А «Хрюмина» – Стрельская? А «Хлестова» – Васильева? Нет, их прямо «божественную» игру я описать не могу!

Концерты, как и предполагаете Вы, я не посещаю – сознаясь – не люблю. Сестричка моя – та часто ходит на них. И если не ошибаюсь, слышала Гофмана, Губермана, Славинского, а третьего дня – Яна Кубелика, приезда которого Вы дожидаетесь с таким нетерпением... Подумали хоть бы Вы о Вашем «хорошем знакомом», который «с нетерпением» ждет, когда Вы его полюбите.....

Для меня Вы милая девушка, большая кокетка, но которую тем не менее я люблю до безумия... Мне ничего больше не остается, как поверить моему соседу по комнате:

*«Мой сосед – большой философ,
Что ни слово – то совет,*

*И на каждую остроту
Непреренно даст ответ.
Я спросил его однажды:
– Для нужды иль для красы
На груди под самым сердцем
Носят женщины часы?
И с улыбкой ядовитой
Был таков ответ его:
– Пусть хоть что-нибудь да бьется,
Где не бьется ничего».*

*Неужели Вы принадлежите к числу таких женщин!
(19 ноября 1909 г.) Митя*

Из следующего письма можно узнать кое-что о вкусах и интересах Веры:

Сейчас вернулись с концерта Яна Кубелика. Концерт был, конечно, очень хорош, так что мы с Аркашей (Аркашей Вера называла подругу по гимназии) пойдем, вероятно, и завтра. Жаль только, что он играл мало интересных вещей, мало мелодических, преимущественно же технически трудные. Техника, правда, у него громадная. Но это, впрочем, Вас, вероятно, не интересует.

...Знаете, в кого я теперь влюблена? – не в Вас, не пугайтесь. Я читаю записки А. Смирновой-Россет, может быть, помните, ей Пушкин посвятил много стихотворений. Так вот, эта особа пленила меня. На портрете она очень красива, и с чудными черными глазами, я положительно не могу оторваться от этих глаз...

...Милостивый государь! Как же я могу увериться в вашей неизменной преданности, когда Вы постоянно провожаете прекрасных барышень домой после вечеров, причем дело не обходится без «прочего»? Поцелуи, клятвы в любви или еще что-нибудь? Вот после этого и уверяйся в Вашей верности!

(29/XI 1909)

Несмотря на то что Святки Митя собирался проводить в Петербурге у дяди, он все-таки оказался в Н. Новгороде.

В декабре Митя приезжает на рождественские каникулы и получает несколько записок по адресу: «Б. Печерка, № 31». В одной из них написано:

Я Вас не люблю. В искренности этой фразы можете сомневаться, так как пишу ее, только уступая Вашему требованию.

Если сегодня или завтра вечером не будет очень холодно, не больше -15° (на это мало надежды), то я буду на Покровке в 5 1/2 часов.

(16 декабря 1909)

Прошло немного дней, но эти дни, проведенные Митей в Нижнем, резко изменили отношения между ним и Верой. Уже в первых письмах, написанных Верой в Петербург в январе 1910 года, она обращается к нему на «ты». Очевидно, между ними произошло объяснение.

<...>

Из следующего письма Мити кое-что можно почерпнуть для характеристики нашего студента и его быта. В письме к Вере Альбицкой он спрашивает:

Кстати, ты будешь говеть в этом году? Я не предполагаю, хотя все может случиться, может быть, еще и переменю свое решение...

Я очень люблю блины, спасибо за пожелание, но, увы, оно едва ли осуществится, откуда же я возьму блины? В нашей студенческой столовой они едва ли будут, идти в ресторан не по карману. Третьего дня я с одним товарищем зашел было в один ресторан покушать блинов, да обжегся – съели по порции, а в порции только 5 блинов, стоит же она 75 коп.

Для меня, как для любителя блинов, необходимо, чтобы получить действительное удовольствие, не меньше двух порций, а это – того-с... Впрочем, в городе в столовой блины дешевле...

(22/II 1910 г.)

Как обстояло дело у Мити с финансами, можно судить по следующему письму:

...Нечаянно вынув кошелек из кармана, я был поражен его легким весом. При «ревизии» обнаружилось, что я являюсь обладателем одного пятиалтынного, одного гривенника и нескольких медных монет...

Обыкновенно деньги иссякают у меня дня за два, за три до 1-го числа, но теперь это случилось за пять, да еще перед самой масленицей. Дело плохо, а тут еще окаянный зуб болит! Прямо трагедия!

Однако я не являюсь сторонником пятидневного воздержания от пищи и потому стал изыскивать способы для нахождения «презренного металла».

Каких только проектов не перебрал я у себя в голове, начиная с визита в городской ломбард со своим сюртуком и кончая намерением идти гулять по проспекту и смотреть, не потерял ли кто по дороге кошелек с деньгами.

Решил ехать в город и взять денег у сестрицы (курсистки всегда бережливее студентов)... Приезжаю, сестры нет дома и неизвестно, когда будет... Поехал обратно, а сам думаю, стоит ли завтра обедать? – решил, что не стоит, впрочем, это и без моего решения было очевидно – после поездки осталось ровно 7 копеек. С горя лег спать... встал в 10 часов, хозяйка подает самовар и вместе с ним письмо, и что ты думала в нем написано? А вот что: «Митя, тебе прислано на масленицу 15 рублей, приди за ними. Жанна».

Каюсь, как только заветные бумажки очутились у меня в кармане, сейчас же у меня явилось «масленичное» настроение и вместе с ним желание поскорее спустить эти бумажки... Тотчас же отправился в учреждение, где «людей кормят», потом купил сладкого к чаю, газет, потом... к вечеру пяти рублей как не бывало...

(25 февраля 1910 года)

Заметим, что отец посылал Мите ежемесячно 50 рублей.

Следующее письмо посвящено описанию Политехнического института:

...Ты просила описать подробно наш Политехникум, но это почти невозможно!.. Посылаю тебе вторую открытку... Это называется «Главное здание», рядом (на открытке не видно) стоит здание почти такой же величины (!) – «химический павильон». Кроме этих двух больших зданий, есть целый ряд поменьше, например, «механический павильон», «газовый завод» – это «научные» здания. Кроме них есть пять громадных 4-этажных. Одно для квартир профессоров, три для общежитий студенческих и одно для служащих... Все это вместе составляет как бы маленький город: сходство еще больше увеличивается, когда узнаешь, что институт имеет свой водопровод (водонапорная башня имеет 20 саженей высоты и. хоть уступает в высоте Эйфелевой, выше многих нижегородских колоколен), свою электрическую станцию, газовый завод, телефонную станцию...

В Главном здании (длина его по фасаду 104 саж.) находится актовый зал, библиотека по научным предметам, первая по величине в России (имеет 30 000 названий и 20 000 томов периодических изданий), аудитории (из них самая большая физическая на 450 человек), лаборатории, чертежные (7 громадных зал), различные кабинеты (юридический, статистический, географический, кораблестроительный и др.), музеи (товароведения, морской, машиностроения, минералогический, электромеханический и др.). ...Никак не могу не похвастаться имеющейся у нас станцией беспроволочного телеграфа! А электрическая сигнализация!.. Однако, довольно! Так я никогда не кончу...

Скажу одно, Институтом восторгаются все и совершенно справедливо, лучше его в России учебного заведения нет!

А дальше, для курьеза, можно привести следующую выдержку из того же письма:

Как, и ты постное не любишь? Я терпеть не могу. Дома «постный вопрос» всегда приводит к горячим спорам между мной и папенькой. Зато теперь-то... У нас

в студенческой столовой даже и намек на постные кушанья нет!

В письме, в связи с вопросом, адресованным Вере: «Кто твой компаньонки по конькобежному спорту?» – Митя спешит поделиться своими сведениями:

Русские стали делать в этом спорте поразительные успехи. На последнем международном состязании на первенство мира победителем оказался русский Струнников (москвич), обогнавший бывшего до этого времени непобедимым шведа Иогансена и получивший звание чемпиона мира.

Митя.

(I/III 1910 г.)

Масленица окончилась... Последние три дня благодаря неожиданной финансовой поддержке Митя провел весело:

...получил возможность есть блины, что и сделал с излишним даже рвением... Вопреки ожиданию у нас в столовой подавали блины, и довольно дешево (14 копеек 4 блина), но, увы: масло присутствовало только на верхнем, а без масла, как известно, блин в горло не идет. ...Многие (если не большинство) политехников смешивают понятие о «масле» со спиртными напитками, и вот в последней-то приправе к блинам недостатка не было. И действительно, в эту неделю пьянство в Лесном достигло небывалых размеров.

Вообще нужно сказать, что это зло, употребление алкоголя, сильно процветает среди студентов Политехнического института: по статистическим сведениям, за прошлый год из всех 4-х тысяч человек пьет 75% – цифра ужасающая!... В воскресенье, т. е. вчера, и днем и вечером был в театрах. Днем глядел оперетку «Ночь любви»... вечером попал в Мариинский театр... прихожу, в кассе, конечно, аншлаги, пошел «гулять» по площади (у самого театра барышников нет, полиция строго преследует их),

откуда ни возьмись целая ватага «темных личностей»... предлагают билет «балкона», стоящий 1 р. 75 коп., за 4 рубля!.. наконец сошлись на 3 рублях. А в театре спектакль балетный и как последний в сезоне – сборный: один акт из «Конька-Горбунка», один из «Талисмана» и один из «Раймонды». И опять я сидел как очарованный.

Боже, какие декорации, какие красивые костюмы у балета! Волшебная обстановка, фонтаны до самого потолка сцены, переливающиеся всеми цветами радуги... все это так действовало на душу, что заставляло забывать о существовании всего на свете... И участвовали все лучшие русские балерины: Кшесинская, Седова, Карсавина, Егорова...

1 /III 1910 г.,

Митя.

Прошло немного более двух недель, и с развлечениями пришлось покончить:

...Начиная с поста, я с головой погрузился в учебу, до Рождества я ничего не делал и теперь хочу наверстать все. Много времени отнимают практические занятия (физика, химия, статистика), но, слава Богу, они идут успешно. Химию окончил сегодня: это своего рода событие, ибо экзамена по ней держать не нужно, стало быть, из 8 предметов один сплавил. Ты спрашиваешь, что я сейчас читаю, кроме «Нового времени». С удовольствием удовлетворю твою любознательность: «Историю хозяйственного быта», «Энциклопедию права», «Статистику» и т. д. Не правда ли, очень интересные книги (жду не дождусь избавления от них)? Неужели ты думаешь, что у меня есть лишнее время для чтения интересных книг! Признаться, твой вкус к книгам мне не нравится, т.е. я хочу сказать, что он не похож на мой. Я совершенно не признаю новых писателей: сочинения Ибсена, Кнута Гамсуна, Метерлинка и К°, своими рассуждениями, вечными поучениями, недостижимыми идеалами, какими-то неживыми, искусственными образами людей внушают мне скуку и отращивание. А наши русские новые писатели и поэты?

Читала ли ты, Верочка, когда-нибудь стихи Бальмонта, Брюсова, Блока, Андрея Белого, Зеленого, Черного, Красного (я не смеюсь, эти Андреи все существуют). Я уверен, что ты их никогда не читала... но прочти – и ты навсегда потеряешь желание читать эту бессмысленную чушь, это издевательство над поэзией, этот бред сумасшедших людей. Нет, решительно говорю, новые писатели мне не по нутру. Все эти Андреи, Куприны, Каменские не стоят мизинца автора «Обрыва», не достойны развязать ремень у обуви творца «Войны и мира». Сколько наслаждения, сколько доброй и полезной пищи уму и сердцу дают нам произведения наших великих поэтов и писателей, пробуждающих в нас стремление ко всему честному, хорошему, воспитывающие в нас любовь к ближнему, к родине... и как жалко делается, когда узнаешь, что наряду с прекрасными произведениями существуют еще «Анатэма», «Анфиса», «Яма» и масса других прямо поганых (извини за выражение) книг... ..Жизнь моя теперь течет очень скромно, в городе бываю редко, о вечерах и балах и думать забыл. За два последние воскресенья посетил три выставки, обозрение которых доставило мне громадное удовольствие. Собственно, очень хороши картины на двух: «VIII-ой передвижной выставке» и в «Академии художеств», на третьей выставке – «Союз художников» – масса декадентских и модернистских вещей, что портит впечатление от нескольких хороших картин. А на первых двух, ах как хороши картины Репина, Маковского, Богданова-Бельского (у него между прочим есть портрет Ирины Энери-Горяниновой), Пимоненко, Крыжицкого и многих других! Так бы и не ушел с выставки, все любовался бы и любовался...

<...>

Из письма 1 июля мы узнаем, что прошение Верой подано, поэтому Митя пишет:

Милая моя, прелесть, скоро уж , скоро и Питер.

Вероятно, через неделю, другую придет тебе ответ «принята в число действительных слушательниц Санкт-

Петербургских высших Бестужевских курсов», начнутся хлопоты и сборы, заволнуются Петр Александрович и Анна Борисовна, собирая дочку в Петербург, а там настанет день отъезда, и прощай, Нижний! Настанет новая жизнь, так не похожая на прежнюю...

(23 июля 1910 г.)

Следующее письмо Митя пишет после визита в Кстово. Возвращается он на пароходе вместе с Анной Борисовной Альбицкой:

... Чувствуя наступление хандры, я отправился было в каюту, чтобы скоротать время за сном, но сон не являлся, и я все три часа плавания так и просидел в тоске, вспоминая так хорошо проведенные два дня. Мама твоя почти весь путь разговаривала с теми двумя знакомыми (с которыми ты на пристани здоровалась), и, как я после узнал, речь шла о тебе. Решалась твоя судьба... и, по-видимому, решилась.

От Моховых гор я сидел с Анной Борисовной, и она мне сказала, что переговоры с той мадам кончены и с 20 августа комната тебе будет оплачиваться.

Тебе очень везет, Верочка, я не знаю, конечно, что это за «богобоязненное» и «высоконравственное» семейство, у кого будешь ты жить, но хорошо то, что тебе не придется искать самой комнату, а это такое утомительное занятие, что от него с великой радостью отказался бы всякий.

А вот насчет обеда подумай: 15 рублей за один только обед – это страшно дорого для курсистки, ведь утром и вечером тоже поесть нужно, хотя бы хлеба к чаю, значит еще рубля 3–3,5. Вот тебе пропитание уже 18–19 рублей, а это, например, при бюджете рублей в 40 (я не знаю, конечно, сколько тебе будут давать родители, но я беру среднюю цифру) вещь совершенно невозможная.

Нет, мой расчет таков (сужу, конечно, не по себе, а по жизни сестры и знакомых курсисток).

На обед 30 копеек, гривенник на хлеб с маслом или колбасой, например, вот 12 рублей, если же на все 15 рублей

положить, доведя стоимость обеда до 40 копеек, то это уже очень хорошо, что позволяют себе немногие, ну а что касается предложения твоих будущих хозяев, то оно совершенно неприемлемо. Не забывай, что мелкие расходы (керосин, трамвай, стирка белья, марки и т.п.) тоже составляют немаленькую сумму (приблизительно рублей около 5), а учебники – о, это самая дорогая вещь, впрочем, если распределить их стоимость на каждый месяц – по-немногу, то особенно обременительно не будет. Ну а что останется, можно на удовольствия: театр, концерты, выставки и т.д. В общем, трудно бывает только первый месяц, когда не знаешь на что и сколько нужно тратить, не выходя из бюджета, а затем все пойдет как по маслу...
...Однако, я заболтался, вообразив себя министром твоих финансов...

До Нижнего доехали благополучно. Проводив маменьку твою до элеватора, сел в электричку и через полчаса был на вокзале. В вагоне задремал, и, если бы не любезная предупредительность кондуктора, разбудившего меня перед Растяпином, я рисковал бы проснуться в Москве...

И снова мысли о курсах:

...В этом году удивительное явление: страшно мало прошений на женские курсы. Например, на Московские подано 1250 (вакансий 1350), в Петербурге в Медицинский институт на 250 вакансий поступило только 144 прошения. Зато сколько прошений в мужские учебные заведения: в Политехникум 3000 (!) прошений (1200 вакансий), в электротехнический институт на 80 вакансий 650 (!).

Одним словом, чуть выйдет какая заминка в занятиях, не задумаются «отчислить» нашего брата от института, благо желающих много. ...Ты спрашиваешь, чем занимаюсь я в дурную погоду, – читаю, а за это лето еще особенно много занимаюсь шахматами, прохожу теорию игры, вот постой, в Петербурге выучу тебя играть в них, хочешь?

(30/VII 1910 г.)

<...>

В июле 1911 года Митя совершил поездку на волжском пароходе «Графиня». Впечатления о поездке он описывает в письмах. За время путешествия им сделано большое количество снимков, которые хранятся в семейном альбоме:

Отплыл я 4-го, собственно это вышло очень неожиданно: в понедельник приехал в Нижний, поглядел в расписание пароходов, из «волжских» идет «Графиня», если не самый лучший, то второй (первый – «Гражданин»), ну и решил ехать. За час до отхода удалось достать «последний» билет (о все- сильная протекция!), десять минут на сбор багажа (самое нужное было забыто), двадцать минут езда на извозчике до пристани – и за 15 минут до отхода «Графини» я уже разгуливал по палубе, имея вид туриста, т.е. вооруженный фотографией в одной руке, пучком газет в другой и биноклем через плечо. ...Путевые впечатления мои, конечно, самые восторженные, я целыми часами не мог оторвать взгляд от чудесной панорамы берегов. Ты ездила ниже Самары? Если нет, ты самого красивого не видела. Жигули не самое красивое место, мне не менее нравятся «столбичи» – горы между Саратовом и Царицыном. Они немного в другом роде: это ряд высоких холмов, расположенных складками и совсем лишенных всякой растительности. Мы ехали мимо них во время заката солнца, и вид их был очарователен. Ниже Царицына Волга теряет свою красоту – низкие песчаные берега – невеселая картина, кое-где попадаются калмыцкие храмы очень оригинальной постройки.

Возвращусь немного назад, чтобы сказать, что Васильсурские и Козьмодемьянские горы по красоте мало уступают лучшим местам нижней Волги, и неудивительно, что сюда приезжают на дачи из Саратова, Царицына и даже Астрахани.

(23/VII 1911 г.)

<...>

Последнее письмо, написанное Митей в 1912 году в Нижний, посвящено описанию состязания в борьбе, на котором он присутствовал:

...Впервые я видел поведение Дяди Вани (борца Ивана Шемякина). Ничего, занятный субъект, умеет ладить с галеркой.

Когда последняя стала орать, почему нет Романова, где он, Дядя Ваня сейчас же нашелся: «Романов в гостинице пьет с женой чай». Конечно, хохот, аплодисменты. Затем во время борьбы у Шемякина выбили зуб (вставной). Сначала на ковер упал зуб, а затем и винт, на котором он держался. Дядя Ваня опять сострил: «Шемякину придется плохо – винтика не хватает», – и т.д.

Боролась всего одна пара: Бориченко – Шемякин – 1 ч. 10 м. без результата. Зрелище было поистине жуткое: перевес, несомненно, был на стороне Шемякина, он и нападал все время, бросал матроса как хотел, но ловкость последнего делала чудеса, так и кончили ничьей.

Интересно, чем все-таки это кончится, если Бориченко и победит, то только случайно: уж больно силен Шемякин.

<...>

В 1913 году в жизни Мити происходит большое событие: 20 января он женится на Вере Петровне Альбицкой.

Сразу после свадьбы молодые уезжают в Петербург, где продолжают заниматься учебными делами.

После летних каникул Митя возвращается в Петербург, а Вера, которая ждет ребенка, остается в Нижнем. Квартира молодоженов – четыре маленькие комнаты (три окна по фасаду) – помещается в мезонине дома по Большой Печерке (№ 31). Помещения первого и второго этажей они сдают квартирантам. Квартирная плата – важный источник материального благополучия и в то же время бесконечных хлопот: постоянно требуется ремонт, напоминания о квартирной плате и т.п. Хлопоты, связанные с квартирными делами, взял на себя дедушка («дяденька») Н.А. Соколинский, который регулярно пишет любезному внучку.

В первом письме жене из Петербурга Митя пишет:

...До сих пор живу между небом и землей – комнат нет, нашел все-таки себе комнату на Большом, д. 33, за 35 руб., дал задаток, а переехать не в силах: прежняя жилища не

может никак собраться выехать из своего насиженно-го местечка. 35 рублей! Давно ли такая комнатка стоила 18–20 рублей! В этом году во всем заметно вздорожание.

Даже Березников поддался общему влиянию и повысил цены на обед – теперь там обеды в 40 и 45 копеек вместо 35–40...

Хорошо, что я поспел вовремя, а то всех опоздавших заставляют подавать прошение для рассмотрения на заседании совета профессоров – канитель!

(21/IX 1913 г.)

<...>

Для характеристики событий, происходивших в студенческой среде и волновавших Митю, приводим письмо:

Приехав сюда, я заинтересовался делом академика Киселевича, убившего студента Каммеинова. Помнишь, мы читали, что следствие об убийце прекращено. Здесь вышла печатная брошюра: протоколы и показания свидетелей – товарищей убийцы и убитого. По прочтении действительно убеждаешься, что у суда не было повода предъявлять ему обвинение. По русским уголовным законам убийство в состоянии необходимой обороны ненаказуемо. Дело обстояло так. На практике академистов травили, не давали прохода, бросали камни в окна, грозились избить и т.п. В одну прекрасную ночь группа пьяных вдребезги (показания товарищей убитого) студентов в 5 часов ночи стала ломиться в комнату к студенту Киселевичу с криками: «Настало время с вами расправиться».

Больной Киселевич спал. Разбуженный ломанием двери, он спросонок, ничего не соображая, схватил револьвер и выстрелил по направлению двери. Выстрел оказался роковым.

(24/II 1914)

<...>

Занимаюсь довольно хорошо, читать очень интересно, но, Боже, сколько! Так много, что, пожалуй, к 28-му не пройду.

Вчера первый раз был у художников на «И. Ставрогине». Вернулся с половины спектакля, больше вынести не мог: скука и нудность невероятная.

Постановка и та подгуляла. Первое действие очаровательно (наперть собора), а все следующие действия – средней руки провинция. Да, измелчали москвичи. ...По обыкновению закупил книг и открыток. Между прочим, купил книгу протоиерею Петру Александровичу (о чем сообщу ему) и ... «Поэзы Игоря Северянина». На последние не нарадуюсь, 2-х рублей ни капельки не жалко – посуды сама:

*Я гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеместно оэкранен
Я повсесердно утвержден!*

Разве не прелесть? А нижеследующее и кроме шутки не дурно, положительно И. Северянин начинает нравиться мне...

(19/IV 1914)

...23-го отправился с фотографией к «Фаничкам» (знакомые курсистки), стали искать по улицам удобного места и неожиданно попали в Зоологический сад. Здесь получили грандиозное удовольствие. Все звери оказались такими милыми и ручными, так доверчиво ласкались к нам и кушали наши гостинцы (морковь и булку), что бурные клики восторга с моей стороны и пронзительный писк моих спутниц оглашали весь сад. Здесь я сделал много снимков – в понедельник будут готовы, – тогда пришло тебе штучки две – хочешь?

Еще по дороге из Нижнего (во Владимире) я истратил дюжину пленок, здесь отдал их проявлять в К° «Кодак». Их проявили и напечатали за весьма солидное вознаграждение, но так хорошо, что я решил и впредь им все отдавать. Некоторых своих снимков я и не узнал, так художественно напечатаны.

(28/IV 1914)

<...>

Интерес петроградской публики к Игорю Северянину побуждает Митю цитировать в письме «Посвящение Игорю Северянину»:

*Ананасы в шампанском! Баклажаны в мадере!
Деликат кулинарно и поэзно остро!
Весь я в чем-то прованском! Весь я точно с Ривьеры...
А мое стихопойло ханжсиозней ситро!
Не смутит грезо-фарсы смеховства критикозы.
Их взрекламит реклама, опикантит скандал.
В демимондном психозе, распевая стихозы,
Я могу обилетить и окреслить весь зал.
Много нежных гризерок (лет за тридцать и сорок)
Рукоплеском взвосторжат гениальность певца.
О принцессы, инессы, догарессы, дюшессы, –
Я хочу вас крющонить, без конца, без конца!*

*(Автор пародии не указан).
(16/III 1916)*

<...>

Д.Н. Смирнов – муж и отец

С сентября 1913 года Дмитрий продолжает учение в Петербурге, а жена живет в Нижнем Новгороде. В феврале 1914 года Вера родила дочь, которую назвали Верой.

С осени 1914 года супруги вместе с дочкой и няней живут в Петрограде.

В 1913–1914 гг., во время отсутствия Смирновых в Нижнем, заботы, связанные с квартирными и хозяйственными делами, взял на себя «дяденька» (он же – «дедушка») Николай Александрович Соколинский. Николай Александрович был родным дядей Елены Ивановны, т. е. двоюродным дедом Дмитрия Смирнова. Обязанности экономки взяла на себя сестра Николая Александровича Анна Александровича Ардентова.

В 1915 году у четы Смирновых родилась дочь Ольга.

Дома на Б. Печерке были проданы в феврале 1917 года некоему Бурмистрову за 200 тысяч рублей (сохранилась копия договора), а деньги были положены в банк. Конечно, их постигла судьба всех вкладов, сделанных на рубеже пролетарской революции...

23 сентября 1918 года родился сын Николай – мой отец.

В 1919 году семья Смирновых (родители, трое детей и няня Маша), после продажи дома № 31 на Большой Печерке, переехала на Тихоновскую улицу в дом № 44 (теперь № 42 по ул. Ульянова). (В былые времена там жил известный писатель Мельников-Печерский.) Переезд происходил зимним вечером. Дочерей посадили в санки, а сына Николая несли на руках. Новая двухкомнатная квартира оказалась очень тесной.

Соседями Смирновых по квартире была семья Рождественских. Отношения с соседями были дружественные. По утверждению моего отца, у Дмитрия Николаевича с Натальей Петровной Рождественской были романтические отношения, в результате которых родился сын Геннадий (впоследствии знаменитый дирижер).

Следует отметить, что Дмитрий Николаевич был большим поклонником прекрасного пола, что приводило к семейным конфликтам. В этих конфликтах сын принимал сторону матери, а дочь – сторону отца. Не исключая, что из-за этого мой отец после окончания средней школы уехал поступать в Ленинградский институт инженеров водного транспорта, хотя аналогичный институт имелся в Горьком.

На упреки жены Дмитрий Николаевич отвечал: «Я человек творческий, и мне свойственно увлекаться»

В 1920 году умерла от скарлатины дочь Ольга.

Один из документов свидетельствует о том, что в октябре 1918 года служащему Нижегородского купеческого банка Д.Н. Смирнову было выдано удостоверение об освобождении от службы в связи с национализацией бывших частных банков.

Пытался ли дед найти себе службу сразу же после увольнения, неизвестно, но сохранился технический учетный билет № 2186, выданный коммерческому инженеру Д.Н. Смирнову в том, что он действительно состоит на

учете Н.К.Т. и зарегистрирован в отделе труда, № 2217, дата – 4/II 25 г. Печать: Нижегородское посредническое бюро по найму рабочей силы.

12 июня 1925 года дед пишет следующее заявление (сохранился черновик):

*В правление Нижегородского Городского Банка
от кандидата экономических наук
Дмитрия Николаевича Смирнова*

Заявление.

Узнав о предполагаемом расширении деятельности Нижегородского Городского Банка, настоящим предлагаю банку свои услуги как лицо теоретически и практически знакомое с банковским делом.

Я окончил в 1916 году высшее учебное заведение – экономическое отделение Петроградского политехнического института, специально по банковскому делу. До национализации банков служил в Нижегородском купеческом банке на должности заведующего отделом переводов и аккредитивов.

После национализации банков и до сего времени в банках не служил, так как посвятил себя научно-литературной деятельности и, в частности, работал над научным трудом по изучению истории банковского дела в России за последнее столетие. Ныне, когда мой научный труд близится к своему завершению, я решил вновь посвятить себя практической банковской деятельности. Полагаю, что смогу внести посильный вклад в дело нового банковского строительства нашей Родины. Из лиц, знающих меня по моей прошлой банковской службе, могу указать на: 1/ Члена правления нашего банка – А.А. Вяхирева, 2/ Председателя Совета Нижегородского О-ва взаимного Кредита – Н.А. Смирнова, 3/ Члена правления того же О-ва Взаимного Кредита – Ф.А. Головина. При надобности могу представить имеющиеся у меня документы:

а) об окончании Высшего учебного заведения (Выдан Петроградским. Политехническим институтом 3/IX 1916 г., № 1192):

б) о состоянии меня на учете в Нижегородском Губернском отделе труда как коммерческого инженера (технический учетный билет от 4/II 1925 г. за № 2186);

в) о службе моей до национализации в Нижегородском купеческом банке (Удостоверение Нижегородской Конторы Народного Банка от 26 /X 1916 г. За № 3141).

12/VI 1925 г. Адрес мой: Тихоновская улица, д. 44, кв. 1.

Спустя несколько месяцев (25/I 1926 г.), когда семья уже переехала на Славянскую улицу, дед получил на свое заявление ответ:

...ввиду отсутствия свободных вакансий предложить работу не можем.

Со слов деда, а также из его краткой автобиографии известно, что он не только окончил Петроградский политехнический институт, но «прошел также неполный курс Московского археологического института (Нижегородское отделение)». Вероятно, он выбрал этот институт, руководствуясь своими склонностями к историческим наукам. В числе многих научных дисциплин дед слушал курс геологии и минералогии, который читал проф. Н.М. Романов (позже он читал геологию в Горьковском университете).

Не без поддержки Николая Михайловича дед загорелся идеей ехать на Алдан – искать золото. Бабушка была в ужасе от этой перспективы: в ту пору она еще не начала служить и не имела никакой профессии. Возможно, что дед собирался участвовать в какой-нибудь экспедиции. О его интересах в ту пору свидетельствуют две случайно сохранившиеся вырезки. В одной – из журнала «Вестник знаний» (№ 21–22 от 1925 года) – сообщается, что на озере Байкал весной 1925 года открыты новые золотые прииски. В другой вырезке из газеты «Правда», № 283 от 4/XII 1926 года, озаглавленной «Постройка Амуро-Якутской шоссеиной дороги», сообщалось об экспедиции техника Добролюбова:

Партия прошла тяжелейший путь от Стрелки... до города Таммота на реке Алдане и вернулась обратно на Стрелку.

Со слов отца, дед дал объявление в газете: «Ищу компаньона для поездки на золотые прииски. Спросить инженера С.» Дед где-то пропадал почти год.

Возможно, поездка на Алдан состоялась. По другой версии, дед надолго задержался у очередной дамы сердца. Начались хождения деда на базарную площадь с мешком за плечами. Любопытен такой «документ»:

Удостоверение.

Домовый комитет дома № 44 по Тихоновской улице сим удостоверяет, что проживающий в означенном доме гр. Смирнов Дмитрий Николаевич, находясь в стесненных материальных условиях, продает на базарах книги, лично ему принадлежащие, и др. мелкие домашние вещи.

Управдом В. Рождественский.

Секретарь Л. Бормотова.

10 января 1926 года.

Трудно определить социальное положение деда в «тихоновский» период. «Нэпманом» он никогда не был, ни в каких торговых предприятиях не участвовал, но и на службу устроиться не мог. Он называл себя лицом «свободной профессии». С советской властью в лице ее представителей – фининспекторов – отношения у него были довольно натянутые... Но об этом речь пойдет ниже.

К этому времени бабушка уже окончила курсы стенографии, освоила печатанье на машинке и имела кое-какие заработки.

Дед, очевидно, оставил свои безуспешные попытки устроиться на службу и скитался по базарам. Выражаясь современным языком, он был типичным представителем «мелкого бизнеса». Недостаток слуха лишал Дмитрия Николаевича возможности выбора профессии госслужащего. Дед вынужден был добывать средства к существованию

сначала распродажей своей личной библиотеки, а затем скупая и перепродавая на базарах родного Нижнего старые книги. Спустя некоторое время его «свободная профессия» подверглась преследованию со стороны районного фининспектора: отсутствовал патент на право торговли. Деду предложили заполнить «декларацию о доходах и расходах». Он легко рассчитал возможные расходы и доходы от торговли старыми книгами на местных рынках.

Отец рассказывал, что они с дедом ездили по всей Нижегородской губернии в поисках редких книг. Дед говорил: я даю вам половину продажной цены, а другие дадут треть, так что решайте сами.

Сохранилась выписка из постановления Нижгубфинотдела от 1/V 1927 года, в которой сказано, что Д.Н. Смирнову предъявлено обвинение в нарушении Положения о промышленном налоге, в связи с торговлей старыми книгами с земли без промыслового патента, на основании чего он подвергнут штрафу в сумме 5 рублей и обязан выбрать патент 1-го разряда, что с надбавками в местный бюджет составляло 19 рублей. В 1927–28 гг. по патенту 1-го разряда налог составлял 28 р.; в 1929–30 гг. по патенту 2-го разряда – 48 рублей. В дальнейшем подоходный налог все увеличивался, и в 1932 году доход исчислялся в сумме 4240 р., а оклад налога – 516 р. 60 коп. Ростом налогов не исчерпывались последствия от торговли книгами: дед был лишен избирательных прав, и его просьбу о предоставлении ему таковых в 1929 году отклонили (хотя в 1925 году он еще участвовал в выборах в горсовет – сохранилось приглашение).

Велик ли был доход от торговли книгами? Как исчислялся подоходный налог? Сохранилось заявление об обороте и доходе, составленное по форме 15 октября 1930 года, с пояснением на отдельном листе, написанным рукой деда:

ПОЯСНЕНИЕ.

Торговля старыми книгами имеет свои особенные черты, отличающие ее от торговли другими товарами, почему я и прилагаю свое примечание:

1. Торговля происходит по базарным дням с земли без крыши, почему нельзя торговать в дождливые или снежные базарные дни. Всего базарных дней полагается по городу Н. Новгороду за год сто пятьдесят (150), но ненастных или дождливых бывает не менее двадцати (20), так что я выходил торговать не более 130 раз, так как в дождь раскладываться нельзя.

2. Вы ручка колебалась так:

Среда – 15–25 р. за раз, в год до 1100 р. Пятница – 10–15 р. за раз, в год до 660 р. Воскресенье 20–30 р. за раз, в год до 1320 р. Итого за год до 3100 р.

3. Товар – старые книги, покупались в разных местах – у татар, на Балчуге и проч. Процент накладки колебался от 100 до 200 %, т.е. если себе книжка обходилась в 20 копеек, то продавалась за 40–50 копеек. Таким образом, тот товар, который за год продал на 3000 р., сам купил за 1400–1500 рублей.

4. Расходы по торговле были такие:

Каждый базар за место в среднем 30 коп., за год (130 базаров) около 40 рублей; Таскание книг на каждый базар, в среднем 1 рубль с базара, всего в год 130 рублей; Всего расходов – 170 р.;

Всего истрачено на товар – 1400 р. + торговые расходы 170 р. = 1570 р.;

Выручка – 3100 р., израсходовано – 1570 р., чистый доход – 1530 р.

Д. Смирнов.

Из пояснения еще нельзя сделать заключение о благосостоянии семьи Смирновых, видно только экономическое образование деда. На бланке заявления об обороте и доходе есть графа о материальном и семейном положении плательщика – в ней записано следующее:

Семья (жена, сын 11 лет, дочь 15 лет) занимает одну комнату площадью 19,5 метров, плата за квартиру – 90 рублей, с отоплением и освещением – 190–200 рублей, еда – 100 р. в месяц (1200 р. в год). Одежды не покупал, на прочие надобности – 100 р., подоходный налог – 55 р., на заем – 10 р.

Всего личных расходов, включая и налог – 1365 р.

В начале 30-х годов правительство решило «потрясти бывших», предполагая, что кое-кто из них, наверное, успел припрятать золотые десятки царской чеканки, различные изделия из драгоценных металлов, бриллианты и другие ценности. «Золота! Больше золота! Страна нуждается в золоте!» Это был, конечно, негласный лозунг. Началась кампания по изъятию драгоценного металла у населения. «Отряды золотоискателей» приступили к своей ночной работе. Не обошли они и семью Смирновых. Вероятно, дед давно уже числился в черных, а вернее, в «золотых» списках: как-никак он был сыном фабриканта – совладельца Растяпинской канатной фабрики, директора Общественного банка. Впервые деда вызывали на Воробьевку в 1930 году. Вероятно, он был на заметке еще с 20-х годов, когда занимался комиссионерством. Коммерческое образование, знание минералогии, многочисленные знакомства побудили деда в те годы добывать средства к существованию, помогая владельцам драгоценностей избавляться от них ради хлеба насущного.

Однако в семье Смирновых драгоценностей давно не водилось: бабушка носила только обручальное кольцо да крестик на цепочке. Все драгоценности деду пришлось снести в торгсин, чтобы покупать продукты, которых не было в обычных магазинах. Когда на Воробьевке у деда потребовали: «Давай золото!» – он открыл рот, чтобы были видны его плохие зубы, и сказал: «Если бы у меня было золото, я давно бы вставил себе хорошие зубы!» В тот раз его отпустили с миром.

18 сентября 1932 года был произведен обыск и последовал арест деда. Вот как описывал этот эпизод мой отец, которому в ту пору еще не исполнилось 14 лет.

Часов в 11 вечера, когда деда еще не было дома, раздался звонок: явился Петр Михайлович Рогульский, домком, в сопровождении мужчины, предъявившего ордер на обыск и имевшего, как выяснилось позже, ордер на арест Д.Н. Смирнова. Прежде чем они вошли в комнату, отец, сообразивший, в чем дело, выбросил в форточку недавно подаренный ему дедом старинный пистолет... По-видимому, сработал какой-то оборонительный рефлекс. Конечно,

обыск никаких результатов не дал: искали золото и драгоценности, но, кроме двух нательных крестов и шести позолоченных чайных ложек, никаких следов драгоценного металла не нашли. Потребовали открыть запертый шкаф красного дерева, стоявший в прихожей. Ключа не было, и запор собирались взломать. К счастью, удалось подобрать какой-то ключ и спасти хороший шкаф, в котором дед хранил наиболее ценные книги.

На предложение лица, производившего обыск, указать, где он прячет ценности, дед показал на книги и сказал: «Вот мое богатство!» Уполномоченный ушел, но спустя некоторое время вернулся и предъявил ордер на арест Д.Н. Смирнова.

Дед оделся, снял с руки обручальное кольцо, поцеловал бабушку и ушел с человеком, предъявившим ордер.

Он просидел в тюрьме на Арзамасском шоссе немногим более месяца. Бабушка ходила носить передачи. Сохранилась одна из ее записок, сопровождавших передачи. В октябре, спустя 35 дней после ареста, дед был освобожден. С большим юмором рассказывал он о том, как вел себя в заключении и на допросах. Происходящее напоминало сцену из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в которой звучал призыв: «Граждане, сдавайте валюту!» Допросы производил следователь с аристократической фамилией Куракин. В одной камере с дедом сидел бывший паромовладелец Лапшин. Он сказал, что золота и валюты у него нет, но есть бриллианты. Бриллианты были конфискованы, но с Лапшина продолжали требовать валюту. По этому поводу дед сочинил частушку. Привожу текст со слов отца:

Бриллианты сдать не штука:
Лапшину вперед наука!
Сдал – сиди, не сдал – сиди:
На Куракина гляди.

Дмитрий Николаевич не просто торговал книгами, но и был их страстным любителем и собирателем. Его библиотека, состоявшая главным образом из книг исторического и краеведческого содержания, насчитывала более

10000 томов. Когда я приехал поступать в Горьковский университет им. Н.И. Лобачевского, то был просто потрясен таким количеством книг. Прочитав большое количество исторических книг, Дмитрий Николаевич решил попробовать себя в жанре журналиста-краеведа. Несомненно, что примером ему послужил его тесть – Петр Александрович Альбицкий, который был членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и опубликовал много статей по истории Нижегородской губернии.

Проба пера состоялась в 1936 году: в «Горьковском рабочем» были опубликованы 4 заметки:

«Куда отправиться по грибы?» – номер 206,

«Осенняя охота» – номер 247,

«Сто слов в минуту» – номер 288,

«Механик-самоучка Калашников» – номер 239.

Герой последнего очерка приходился Дмитрию Николаевичу родственником: он был женат на его родной тетке Александре Александровне Смирновой.

В 1937 году в той же газете было опубликовано уже 27 статей. Они рассказывали об улицах и площадях Горького, истории городов и поселков области: Дзержинске, Васильсурске, Горбатове, Богородске, Сергаче, Княгинине, Большом Мурашкине, Семенове, Сейме. В 1938–1939 гг. появляются статьи о Балахне и Ветошкине. Дмитрий Николаевич был принят в редакцию «Горьковского рабочего» на должность архивариуса.

Однако служба Дмитрия Николаевича в газете оказалась недолгой. На собрании трудового коллектива кандидатом в депутаты Верховного Совета был выдвинут знаменитый летчик В. П. Чкалов. Дед высказался в том духе, что государством должны управлять экономисты и юристы, разбирающиеся в управлении народным хозяйством. Это Дмитрию Николаевичу «простили». Чашу терпения руководства переполнил следующий эпизод. Когда Алехин должен был играть матч-реванш на первенство мира по шахматам против голландца Эйве, Дмитрий Николаевич заключил пари на победу Алехина. Деда обвинили в сочувствии «белоэмигранту». После этого Дмитрию Николаевичу пришлось уйти из редакции по собственному желанию.

Материалы для своих статей Дмитрий Николаевич черпал не только из литературных источников. Будучи большим любителем разного рода путешествий, дед обошел пешком всю область. Путешествовал он налегке с рюкзаком за плечами, надвинув на лоб неизменную белую матерчатую кепку.

Еще в 1937 году возникла одна из его любимых тем:

«Горьковский рабочий» публикует статью «Народный герой» (к 325-летию народного ополчения).

С 1939 года Д.Н. Смирнов начинает публиковаться в сборниках, в частности:

«Тарас Шевченко в Нижнем Новгороде» (Горький, 1939),

«Волжские огни» (Горький, 1941),

«Великое дело Минина и Пожарского» (Горький, 1944).

Литературное творчество

Перечисленные краеведческие опыты были лишь подготовительной работой к большой книге, которая была написана до Отечественной войны и поступила в местное издательство 23 июня 1940 г. Это были знаменитые «Картинки нижегородского быта XIX века», увидевшие свет лишь спустя восемь лет, в 1948 году. В этой книге яркими красками описаны жизнь и быт нижегородцев всех сословий. Одним из колоритнейших персонажей этой книги был князь Грузинский, потомок грузинских царей, которому пожаловали огромные поместья в Нижегородской губернии. Поведение этого князя было настолько самодурским, что даже повлекло вмешательство верховной власти.

25 марта 1949 года в «Правде» появилась статья «Анекдоты обывателя», в которой была дана уничтожающая критика книги как чуждой и вредной для советского читателя. Автор статьи, некто Иван Рябов, писал, что Д.Н. Смирнов «преподносит читателю свое графоманство под маской краеведения». Автору приписывалась мания величия, потому что, называя себя нижегородцем-старожилом, он тем самым «заявляет претензии на роль учителя для советского читателя». Рябов, будучи человеком без комплексов, нанес визит Дмитрию Николаевичу и попросил

экземпляр книги с автографом. На это Дмитрий Николаевич сложил комбинацию из трех пальцев и сказал: «Накося, выкуси!»

Вскоре книга была запрещена и почти весь тираж был изъят и уничтожен. Сейчас эта книга является библиографической редкостью. Дмитрия Николаевича пригласили для «задушевной беседы» в управление госбезопасности. «Кого вы подразумевали под сумасбродным Грузинским князем?» – строго спросил дежурный офицер. «А вы кого?» – спросил Дмитрий Николаевич. На этом разговор окончился, и автору было предписано впредь подобного не писать. Что же касается областного издательства, то его директор А.И. Елисеев был освобожден от занимаемой должности. Новый директор П.Т. Хохрин на собрании работников Горьковского Огиза 8 сентября 1949 года заявил, что «в работе издательства в 1949 году имели место крупные недочеты и ошибки в области идеологии». В качестве примера он ссылаясь на «вредную и порочную» книгу Дмитрия Смирнова.

Краеведческий путь Д.Н. Смирнова был надолго перекрыт, и только в годы так называемой «оттепели» на страницах «Горьковской правды», а затем и «Горьковского рабочего» вновь появляются его заметки под рубриками «Из блокнота краеведа» и «Из блокнота историка». Своим интересам Дмитрий Николаевич не изменил, продолжая знакомить земляков с историей городов и сел Поволжья, топонимией Нижнего Новгорода, сообщив множество бытовых подробностей местной старины.

В 1961 году в сборнике «Лесной тропой» (Горький, 1961) Дмитрий Николаевич опубликовал статью «Лесной омутистый Керженец». Для этой статьи он совершил ряд прогулок, хронометрируя отдельные этапы пути, с тем чтобы дать рекомендации для туристов, впервые отправляющихся по Керженцу.

С 1966 года дед начал публиковаться в журнале «Волга».

Дмитрий Николаевич не оставлял надежды вновь увидеть «Картинки» в печати. С этой целью в 1957 году он предложил местному издательству заключить договор на переиздание, но безуспешно. Краевед не был обескуражен

отказом и предложил другую свою рукопись «Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков».

Новое дело пошло успешнее: в конце августа 1957 года с издательством заключается предварительное соглашение, а 13 марта 1958 года окончательно подписывается договор. Казалось, уже ничто не могло повлиять на ход данного процесса, но происходит смена главных редакторов – вместо А.И. Мальцева приходит А.И. Елисеев. Последний, учитывая свой горький опыт, уже одобренную книгу посылает на рецензию доценту пединститута К.Г. Селезеву, который обнаруживает в работе идеологические недостатки. Замечания были исправлены, но сменился директор издательства, им становится П.В. Пузанов. Вопрос об издании книги и выплате гонорара затягивался. Дмитрий Николаевич решил прибегнуть к судебной защите. При рассмотрении дела в суде Пузанов засвидетельствовал, что издавать «Очерки» не намерен, так как «находит рукопись идеологически порочной». Вполне естественно, что суд не поддержал иск Смирнова. В областном суде, куда обратился краевед, Пузанов вновь подтвердил, что не собирается печатать книгу. Исходя из определения судебной коллегии о якобы «творческой неудаче» автора, решение суда первой инстанции было оставлено в силе. Д.Н. Смирнов продолжал борьбу и подал жалобу в Верховный суд. Обращаясь туда, он резонно замечал, что «независимо от того, намерено или не намерено издательство выпустить в свет книгу Смирнова... это не имеет значение для гонорарного иска автора». Однако иск вновь отклоняется с характерной формулировкой: «...интересы государства выше личных интересов автора».

По ходатайству Н.Г. Бирюкова, занимавшего пост ответственного секретаря Горьковского отделения Союза писателей, Дмитрию Николаевичу была назначена персональная пенсия (со слов дочери Н.Г. Бирюковой Марии).

Но Дмитрий Николаевич не оставлял надежду увидеть свой труд напечатанным. В конце шестидесятых годов у него появляется новая идея, вместо переиздания «Картинок» и «Очерков» Дмитрий Николаевич задумывает обширную книгу под названием «Нижегородская старина»,

которая включала бы в себя историю жизни и быта нижегородцев XVII–XIX веков. Научный редактор предполагаемой книги профессор ГГУ С.А. Орлов в течение года работал над рукописью, добросовестно ее переработав и даже самовольно дополнив текст. Автора не удовлетворила редактуря профессора-филолога. В письме к нему от 25 февраля 1970 года краевед писал: «То, что представили Вы (в отношении «Картинок») – это много сокращений, несколько исправлений и большущая доза Вашего творчества. Целых три новых главы появились в книге, написанной другим (не Смирновым) сочинителем». Дмитрий Николаевич предложил «Нижегородскую старину» разделить на две самостоятельные книги: первую часть – «Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков» – «пустить в производство безотлагательно»; второй же раздел «отложить для дальнейшей обработки». Таким образом, автор вновь возвратился к исходным позициям. Сначала хлопот Д.Н. Смирнова до выхода в свет в 1971 году «Очерков жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков» прошло пятнадцать лет. За это время в издательстве сменилось три директора и три главных редактора.

Почему же 1971 год оказался для Дмитрия Николаевича удачным? Дело в том, что городу исполнилось 750 лет, и местные власти решили к юбилею порадовать горьковчан краеведческой книгой. Научный редактор С.А. Орлов в предисловии к книге отмечал, что она «написана с любовью к нижегородскому Поволжью» и «необычна по замыслу и выполнению». «В ней нет места сухости изложения» и она «сохраняет неповторимый аромат старины». Профессор сопоставил автора с классиками нижегородского краеведения Н.И. Храмцовским, А.С. Гациским, П.И. и А.П. Мельниковыми. Выход книги явился большим праздничным подарком Дмитрию Николаевичу, которому исполнилось 80 лет. Воспользовавшись юбилеем краеведа, С.А. Орлов добивается увеличения Д.Н. Смирнову пенсии. С 1 декабря 1971 года бытописателю нижегородского Поволжья была назначена персональная пенсия местного значения в размере 70 рублей, то есть на 10 рублей больше, чем он до этого получал.

О Д.Н. Смирнове с глубоким уважением отзывался известный библиофил Н.П. Смирнов-Сокольский, который восхищался «нижегородским разделом» его библиотеки. Писатель Леонид Кудреватых записал краткий, но выразительный диалог со Смирновым-Сокольским, который спросил его:

«– Ты знаешь, где живет Дмитрий Смирнов? Бывал у него?»

– Какой Смирнов?

– Ну, ваш нижегородский книголюб...

– Не знаю.

– Эх ты! – безнадежно махнул рукой Николай Павлович. – Сколько лет прожил в этом городе, а Смирнова не знаешь!»

<...>

Когда я был студентом, я после занятий иногда заходил проведать деда. Однажды я застал у него даму с суровым выражением лица, свойственным руководящим партийным работникам. Это была Инна Захаровна Борисова, которая в обкоме партии курировала идеологию и культуру. Она обсуждала с дедом его книгу, посвященную событиям начала XX века. Инна Захаровна заявила, что в книге недостаточно отражена роль партии большевиков в борьбе за права пролетариата и трудового крестьянства. «Милочка, – ответил Дмитрий Николаевич, – я пишу о том, что было, а не, что начальство велит». «Вы меня не услышали», – сказала ледяным тоном тов. Борисова и откланялась.

После ухода И.З. Борисовой дед возмущенно сказал:

– Нельзя обращаться с историей как с уличной девкой!

В день рождения краеведа в его небольшой комнатке в доме на Славянской улице собрались почитатели его таланта, в большинстве своем сотрудники местной прессы. Собратья по перу преподнесли юбиляру большой карандашный портрет с шутивным стихотворным посвящением:

За верность книгам вновь и снова
Хвалить мы будем Д. Смирнова.
Ведь в них – основа из основ,
Что вечно молод Д. Смирнов.

И книги эти, буквой каждой
– Его молят: живи ты дважды.
Ты наш защитник и хранитель,
Хоть и тесна твоя обитель!

23 апреля 1971 года «Горьковская правда» поместила небольшую заметку «Книголюб, краевед, журналист», которая заканчивалась благодарственными словами в адрес юбиляра: «Низкий поклон наш и самые лучшие поздравления старейшему нижегородцу, журналисту, книголюбу, великолепному знатоку и летописцу родного края!»

За живость изложения и множество интересных подробностей Дмитрия Николаевича называли нижегородским Гиляровским.

<...>

1975 год начался для него с тяжелой утраты – 21 января скончалась супруга Вера Петровна.

С трудом оправившись от потрясения, восьмидесятичетырехлетний старец опять окунулся в любимое краеведение. Он пишет новую книгу «Нижегородская губернская и уездная старина», повествующую о жизни земляков в начале XX века. Работа состояла из трех частей. Первая представляла собой избранные краеведческие очерки автора, опубликованные им в местной прессе за 35 лет (1936–1970 гг.), вторая – воспоминания Дмитрия Николаевича о жизни и быте нижегородцев, а третья – фотопанорама поволжского быта предреволюционной эпохи. Однако рукопись «не пошла». Вместо нее краеведу предложили (по его горькой иронии – «дали взятку»), переиздать «Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков», которые и вышли в 1978 году в сокращенном варианте: из раздела XVIII века были исключены главы «Бытовые традиции тридцатых и сороковых годов» и «Суеверия и приметы в быту».

<...>

До глубокой старости Дмитрий Николаевич оставался живым, подвижным и любознательным человеком: много путешествовал на пароходе по любимой Волге и пешком по нижегородским окрестностям, интересовался событиями общественной и культурной жизни. Его не покидала

надежда переиздать «Картинки нижегородского быта XIX века», но она так и не смогла осуществиться. Как будто рок незримой сталинской цензуры продолжал довлеть над этой книгой.

Последние годы своей жизни дед работал над книгой «Немцы в России». К сожалению, большая часть черновиков этой книги утрачена. В рассказе О.А. Рябова есть упоминание о том, что Дмитрий Николаевич разыскивал материалы о «русских немцах»,

<...>

Умер Дмитрий Николаевич 9 июня 1980 года. Готовясь к «вечной жизни», он даже «запланировал» собственное надгробие с примечательной эпитафией:

Прохожий! Ты со мной случайно повстречался,
Присядь в раздумии на сей гранитный пьедестал.
Д.Н. Смирнов в архивной пыли век копался,
А ныне сам архивной пылью стал.

Нет, не стал архивной пылью краевед Смирнов. Очень большую работу по сохранению и популяризации творческого наследия проделали дети Дмитрия Николаевича: Вера Дмитриевна Смирнова и Николай Дмитриевич Смирнов. Во многом благодаря их инициативе в историко-архитектурном музее-заповеднике была организована экспозиция, посвященная 100-летию со дня рождения Дмитрия Николаевича. В 1995 году издательство «Нижегородская ярмарка» выпустило книгу под названием «Нижегородская старина». В ней были помещены «Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков» и «Картинки нижегородского быта XIX века». Книга быстро разошлась с прилавков магазинов.

Время шло. Эстафету по продвижению творчества Дмитрия Николаевича подхватили внуки писателя. Они сумели найти меценатов в лице общественного движения «Смирновы России». Был заключен договор с нижегородским издательством «Бегемот» на издание книги «Очерки жизни и быта нижегородцев начала XX века». 14 декабря 2001 года в областной библиотеке имени Ленина состоялась презентация этой книги, посвященная 770-летию

Нижегорода и 110-летию со дня рождения автора. Так, наконец, более чем через два десятилетия после смерти автора сбылась его мечта.

В 2007 году издательство «Нижегородская ярмарка» выпустило три книги Дмитрия Николаевича в одном томе.

Следует отметить, что книги Д.Н. Смирнова широко используются во многих учебных заведениях на факультетах по краеведению.

Как ни грустно, в Нижнем Новгороде нет ни одной памятной доски, посвященной Д.Н. Смирнову.

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Орел

В ПОИСКАХ ИСЦЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА

170 лет со дня рождения Вл. С. Соловьёва

Владимир Сергеевич Соловьёв (1853–1900) – сын известного русского историка Сергея Михайловича Соловьёва (1820–1879), младший брат писателя-романиста Всеволода Сергеевича Соловьёва (1849–1903) – вошёл в историю отечественной литературы и религиозной мысли как выдающийся христианский философ, поэт, публицист, литературный критик.

Его наследие исполнено духовных прозрений и пророческих откровений. В начале XX века религиозно-философские идеи Вл. Соловьёва о человеке и мире легли в основу философии русского духовного возрождения, получили дальнейшее развитие в трудах многих религиозных философов, в кругу которых Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, братья С.Н. и Е.Н. Трубецкие, П.А. Флоренский.

В изящной словесности поэты Серебряного века, особенно символисты, считали Соловьёва своим учителем. Наибольшее влияние он оказал на творчество Александра Блока. Создавая свой поэтический сборник «Стихи о Прекрасной Даме» (1901–1902), Блок был воодушевлен соловьёвскими философско-символическими идеями и образами.

Душа мира, Вечная Женственность, Царица Небесная открылись Соловьёву в его собственном духовном опыте, религиозно-мистических видениях и переживаниях.

К «Всепорочной Деве Пречистой» молитвенно обращался поэт-христианин, прославляя «Всеблагодатную» Богородицу в цикле стихотворений «Хвалы и моления Пресвятой Деве» (1883). Художественные открытия и религиозные озарения этого произведения не оставляют сомнений, что оно создавалось Соловьёвым по вдохновению свыше:

В солнце одетая, звёздно-венчанная,
Солнцем Превышним любимая Дева!
Свет Его вечный в себе Ты сокрыла!
Немощным звукам земного напева
Как вознестись к Тебе, Богом Желанная!
Дай же, молю, мне небесные крыла,
Ты, что вовеки свой слух не закрыла
Верного сердца мольбам,
Но, милосердная к тайным скорбям,
С помощью тайной всегда нисходила.
Жизни темница томит меня тесная,
Дай же прибежище сердцу больному,
Праху земному,
Царица Небесная!

Непреходящий дух Рождества Христова побудил поэта к написанию дивного стихотворения «Во тьму веков та ночь уж отступила...» (1892).

Евангельское чудо Рождества свершилось множество столетий назад:

Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях неба опочила
И в тишине родился С-Нами-Бог.

И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про Бога говорят.

Но священным таинственным образом сакральное событие Рождества Спасителя мира неизменно, снова и снова происходит в любящих и верящих сердцах:

Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно,
И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рождённое под яслями давно.

Произведение венчает ликующий радостный аккорд,
звучащий в унисон ангельскому рождественскому гимну:

Да! С нами Бог, – не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь, – среди суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

Продолжатель идей Вл. Соловьёва философ начала XX века Н.А. Бердяев справедливо отмечал: «Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира».

Яркой художественной иллюстрацией справедливости этих идей может послужить ещё одно замечательное рождественское стихотворение Вл. Соловьёва – «Ночь на Рождество» (1894):

Пусть всё поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
Но совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что раз в душе зажглось.

Великое не тщетно совершилось;
Недаром среди людей явился Бог;
К земле недаром небо приклонилось
И распахнулся вечности чертог.

В незримой глубине сознания мирового
Источник Истины живёт, не заглушён,

И над руинами позора векового
Глагол её звучит, как похоронный звон.

Родился в мире Свет, и Свет отвергнут тьмою,
Но светит Он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью внешнею, а Правдою самою
Князь века осуждён и все его дела.

Осмывая опыт прошлого и задумываясь над перспективами развития России, ведущие русские литераторы и мыслители сосредоточили внимание на путях внутреннего духовного преобразования и обновления жизни. Русская словесность в своих раздумьях о социально-нравственном состоянии действительности предвосхитила мысль о целях цивилизованного общества, сформулированную Бердяевым в «Самопознании»: «человек должен быть “теоцентричен” и организовать себя на Божественном начале, в этом его образ; общество же должно быть “антропоцентрично” и организоваться на начале человечности».

В третьей «Речи в память Достоевского» (1883) Вл. Соловьёв выразил глубокое суждение о том, что задачей нашей литературы стал «поиск исцеления» общества. Отечественная словесность явилась источником истинных суждений о мире и человеке. Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой были глубоко убеждены в том, что основой нравственного преобразования человека и общества должно явиться самосовершенствование личности как путь к «торжеству любви, правды и мира».

Вл. Соловьёв пояснял, «полное религиозное отношение <...> слагается из трёх нравственных категорий: 1) *несовершенства* (в нас), 2) *совершенства* (в Боге) и 3) *совершенствования* (или согласования первого со вторым) как нашей жизненной задачи».

Опираясь на концепцию «цельности бытия внутреннего и внешнего» русского религиозного философа-славянофила И.В. Киреевского и учение основоположника славянофильства А.С. Хомякова о «соборности», выражающей идею «единства во множестве», Вл. Соловьёв развивал свою идею о «всеединстве»: «Я называю истинным, или положительным, всеединством такое, в котором единое су-

ществует не за счёт всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» («Первый шаг к положительной эстетике»).

Эта программа нашла воплощение в созданной Н.С. Лесковым художественной галерее «святых и праведных» – положительных типов русских людей. Лесковские герои по натуре своей наделены бесконфликтным сознанием, одарены глубокой верой и пониманием сокровенного смысла жизни. «Соборяне», «Однодум», «Человек на часах», «Несмертельный Голован», «Левша», «Инженеры-бессребреники», «Фигура» и многие другие герои-праведники – своеобразные наставники, несущие учительным примером собственной жизни христианские идеалы деятельной любви к ближнему. По образному выражению одного из христианнейших русских писателей Б.К. Зайцева, это «рука, протянутая человеком к человеку во имя Бога».

«Чистый помыслами и сердцем» Вл. Соловьёв был духовно близок Лескову. Сын и биограф писателя Андрей Николаевич Лесков называл молодого философа единственным, «на ком последние годы здесь отдыхал глаз и кому радовался дух» отца.

Писателя восхищала нравственная энергия Вл. Соловьёва – одного из немногих сильнейших русских умов, напряженно размышляющего о религиозных вопросах. В письме литературному критику М.О. Меньшикову от 15 февраля 1894 года – буквально за год до смерти – Лесков определил своё отношение к Вл. Соловьёву: «Это душа возвышенная и благородная: он может пойти в темницу и на смерть; он не оболжёт врага и не пойдёт на сделку с совестью, но он *невероятно детствен* и может быть долго игрушкой в руках людей самых недостойных и тогда может быть несправедлив. Это его слабость».

Характеристика, данная христианскому философу и поэту, по-лесковски «кстати» становится поводом для полемиического прояснения собственной духовно-нравственной позиции писателя: «У Соловьёва есть отличное выражение:

он с таким-то <...> “ездит попутно”. Может быть, это так и нужно, но я этого не могу; <...> и потому *не езжу попутно, а иду с клюкою один* <выделено мной. – А. Н-С.>. В этом смысле Соловьёв мне неприятен; но я думаю, что он человек высокой честности и всякий его поступок имеет своё оправдание». В очередной раз Лесков здесь настойчиво подчёркивает своё «уединённое положение», сугубо индивидуальный путь своих исканий – «против течений».

В то же время писатель с его «живым стремлением к правде» во многом разделял философско-религиозные раздумья Вл. Соловьёва, серьёзно и глубоко верующего христианского мыслителя. С ним Лескова связывали многолетние дружеские отношения. Свидетельством этой дружбы служит хранящаяся в Орле в Доме-музее Н.С. Лескова книга в составе личной библиотеки писателя: Владимир Соловьёв. Стихотворения. – Москва, 1891 год. На книге имеется автограф – дарственная надпись поэта: «Глубокоуважаемому Николаю Семёновичу Лескову от искреннего почитателя его и приятеля. В. Соловьёв».

В подаренном ему томике стихов Лесков особой отметкой выделил стихотворение на странице 12:

В тумане утреннем, неверными шагами
Я шёл к таинственным и чудным берегам.
Боролася заря с последними звездами,
Ещё летали сны – и, схваченная снами,
Душа молилася неведомым богам.

В холодный белый день дорогой одинокой,
Как прежде, я иду в неведомой стране.
Рассеялся туман, и ясно видит око,
Как труден горный путь и как ещё далёко,
Далёко всё, что грезилось мне.

И до полуночи неробкими шагами
Всё буду я идти к желанным берегам,
Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями
Меня дождётся мой заветный храм.

На примере этого поэтического текста, неслучайно выделенного Лесковым в стихотворном сборнике, отчётливо различимо, насколько религиозно-философская поэзия Вл. Соловьёва была созвучна духовно-нравственным исканиям писателя, раздумьям о высшем предназначении личности в её вечном стремлении к абсолютному идеалу.

Лирический текст в иносказательной форме рисует *Путь, Истину и Жизнь* – евангельское представление о Богочеловеке. В то же время здесь описывается жизненный путь земного человека: от младенческого неведения и духовного «сна» – к внутреннему прозрению и озарению. Лирический герой, осознав свою истинную сущность, настойчиво и неотступно, преодолевая заблуждения и трудности, стремится к вершинам духа, твёрдо веруя в успех своего бесконечного движения ввысь, к совершенству: «Всё буду я идти к желанным берегам».

Средствами поэтической выразительности в финальных строках стихотворения создаётся возвышенная и светоносная образность: «Туда, где на горе, под новыми звездами, Весь пламенеющий победными огнями Меня дожждётся мой заветный храм». Нарисована жизнеутверждающая картина обретения человеком твёрдой веры во всепобеждающее торжество Истины, Добра и Красоты.

Той же верой в неизбежное воскрешение, духовное обновление и возрождение проникнуты пасхальные строки Вл. Соловьёва:

Новой славою Господней
Озарится свод небесный,
И дойдёт до преисподней
Светлый благовест Воскресный.

Далекое — близкое

Алексей ПАВЛОВ

Из цикла

РАССКАЗЫ У ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ

Где меняется время

I

Большая дорога, как раньше называли улицу Коминтерна, ведёт от центра Сормова, через развилку Починок, Хальзовскую и выходит в Копосово. Делает резкий поворот налево в сторону Высокова и станции Дубравная. Именно на этом изгибе, от которого вниз холма путь на Волгу через Дубраву и пойменные луга, стоит она – церковь Пресвятой Живоначальной Троицы.

В нынешнем восстановленном облике с 2015 года, белёная, с зелёной крышей четверика и шатровой колокольной. С золотом маковок, сиянием крестов и колокольным пением перед службой. Стоит очищенная от лихолетий, поставленная на каменном фундаменте начала XIX века и старинном под ним дубовом основании, когда церковь дышала деревом и памятью о часовне, по преданию поставленной на этом месте преподобным Сергием Радонежским осенью 1365 года в деревне Лихарёво. Седьмое столетие бежит с тех пор. И живёт память людская, живёт вера и живёт Она – Троицкая церковь. Трёхпрестольная красавица с нежным, тихим взором и ласковым задушевым голосом.

На восточной стороне ниже алтаря расположилась воскресная школа прихода. С улыбкой наблюдаешь, как после уроков распахивается дверь, и стайка ребятишек выбегает на территорию подле церкви. Радуются и смеются друг с другом, рассыпаются по своим делам: к источнику в часовню, на детскую площадку и к церковному озеру покормить уток.

Озёр в лугах Копосова множество. Есть у некоторых свои имена – Крестовое, Среднее, что в Дубраве, а по старинным картам – Свирячево. То, что у церкви называют Храмовым, Церковным, но разное говорят старожилы – и Святым называли, и Сергиевским.

Часовня, дом причта и купальня деревянные, основательные, пахнувшие домом, спокойствием. За водой к источнику ходят и приезжают очень многие. Ещё столетия назад к Сергиевским-Копосовским источникам люди приезжали из других городов и даже Москвы. Вода считалась целебной, имевшей силу и дух, простирающиеся веками от молитв игумена всея Руси.

В часовне находится источник, а над ним одна из святынь местных – подлинный старинный крест церкви в Копосове. Явился он во время восстановительных работ из-под метрового слоя земли, когда строители выравнивали грунт. Кованый, нелитой крест с расходящимися в стороны лучами-шипами. Отроду ему определили лет двести, как раз в начале службы каменного храма. И пусть на куполах и колокольне расправили крылья его современные братья, старый крест словно бы доверил им смену поколений, а сам нашёл свой дом в часовне Пресвятой Троицы над прохладой источника. Жизнь толкнула колесо времени дальше.

II

На выставку живописи в доме причта, посвящённую преподобному Сергию, люди приходили разные – прихожане, жители из других мест области, услышавшие информацию по радио «Образ» и устным рассказам знакомых. На открытие, в праздник Торжества православия,

и пришёл и этот человек. Пенсионных лет, но ещё энергичный. Он внимательно смотрел на картины, иногда спрашивал кратко: «Вот это знаю, – показывал на заинтересованный этюд. – А когда написано? Впрочем, вижу, вижу, дата же стоит». – и переходил дальше. С ним пришла его жена. Доброе лицо, тёплые морщинки в уголках глаз. Она ничего не спрашивала, лишь улыбаясь, следовала рядом с мужем. Узнал я, что родился он в Копосове, где и вырос, но сейчас живёт с внуками в другом месте. И поведал он мне свой рассказ, легенду семейную об игумене Сергии Радонежском:

«Когда дорога привела преподобного в наши края, беда большая была. Болели люди страшно, мерли и надеялись лишь на Божью помощь, а многие уже и ни на что, опустив руки, впадали в уныние и ждали, когда наступит их час. В то время, во второй половине XIV века, называлась деревня-селение, стоявшая на месте нынешнем, – Лихарёво, в Балахнинских пределах. Сеяли, охотничали, бортничеством занимались, рыбу с реки брали, за реку ходили, когда «Сорма» была подходящая. Сорма – это твёрдое дно на перекатах Волги, как раз напротив деревни, там, где сейчас водозабор и народный «китай-город». Знающие реку мужчины чётко определяли, когда можно перейти Волгу вброд на лошади, чтобы вода не выше седла или вполуплавь, только чтобы течением не снесло. Сорма... – не от того ли слово Сарманово-Сормово пошло? Ладно... И вот, проходя заморенную деревню, батюшка Сергей остановился тут. Не мог пройти мимо страданий людских. Обошёл окрестности. У озёр множество родников, ключей увидел, освятил родники. Велел людям воду эту пить, употреблять, гнать хворь с себя, молитвы о выздоровлении творил, а главное – о чистоте души просил Господа. Душа человеку силу даёт. Молились и люди подле Сергия, верили в избавление от напастей. И стала спадать болезнь. Воспрянули жители. Благодарили Чудотворца!

Перед тем, как продолжить путь в Нижний, преподобный Сергей ещё раз обошёл окрестности и заметил несколько волков, следовавших за ним. Поднялся он на возвышенность и обернулся – волки остановились. Малое

время смотрели на него, а затем вдохнув мордами воздух, тихо развернулись и ушли обратно лес. А преподобный Сергей сказал, что место это будет для молитв Троице Пресвятой. Славьте! И по его наказу поставили в Лихарёве часовню, позже церковь деревянную, а через несколько столетий и каменную. Вот так и приходская жизнь в наших местах пошла.”

Глядел мой посетитель очень искренне, говорил понятно. Словно сам святой рассказал ему эту историю. Кто знает, может, и вправду его предки в глубине веков встречались с преподобным Сергием Радонежским. Жили в Лихарёве-Копосове, сохранили предания и потомкам своим передали.

Звали гостя Александр Александрович, и был он внуком Николая Николаевича Пустынского, священника, служившего в Троицкой церкви до 1933 года. Вот и связь времён.

Собака

Он был отличным сторожем. Мы вместе с сыном ходили через Дубраву в Троицкую церковь. И с улицы дорога шла как раз мимо его дома. Он со всей своей собачьей преданностью считал его своим и, подбегая к забору, громко предупреждал проходивших: «Мол, идите своим путём, живу я тут, не задумайте худого, защитник есть». Большой пёс с лохматой мордой московской сторожевой мог напугать и охладить многих. Но в его лае не было ни злобы, ни истерики, а была добросовестная собачья работа. И разговаривал он таким образом с прохожими на равных. С уважительным отношением и к ним, и к себе. Проходя мимо его калитки, мы здоровались и говорили: «Привет тебе! Идём мирно, рады увидеться». На мгновение пёс утихал, прислушивался внимательно: «Что говорят эти двое?» Потом уже спокойно, твякнув разок, отходил в тень сада.

Это немудрёное общение закончилось внезапно. Дом продали. Занялись забором, воротами уже другие люди. И когда мы проходили знакомой тропинкой, собаки во дворе не было. Странная тишина, отчуждённость были вокруг. Знакомый серьёзный голос, ставший привычным,

исчез. Тишина была оглушающей. Свернув к роще, мы вдруг увидели его, он стоял на дороге и смотрел куда-то в себя. Толстая верёвка от ошейника болталась обрезанным куском. Пёс тихо и грустно подошёл к нам. Он не лаял, не скулил. Он – молчал. Обнюхав нас, задрал голову и прислушался к доносящимся новым звукам. С собой у меня был пирог с мясом. Развернув пакет, я осторожно протянул его ближе к собачьей морде. Так же тихонько пёс взял в зубы еду и съел её. Посмотрел на меня. В его глазах была растерянность, удивление и вопрос: «Почему? Как же так?» Человеческий собачий взгляд. Я почувствовал, что ему больно и он своим собачьим инстинктом понимал: «Его оставили». Весь привычный мир пса рушился. Оставалось непонимание. Его дом, который он так верно охранял, уже больше не принадлежал ему. Люди, которых он считал своими, – ушли одни. Пёс стоял рядом с нами, иногда покачивая большой головой. Притягивал мокрым носом запахи, словно ища знакомые, хозяйские – и не находил их. Чуть подняв уши, он взглянул на нас и вновь покачал головой. Вдруг определился, собрался и, мягко ступая своими здоровыми лапами, потрусил к дому. Своему дому, который был так рядом и далеко.

На обратном пути, купив угощения и раздумывая, чем бы помочь нашему попавшему в беду знакомому, мы шли уже привычной дорогой. За недостроенным забором была тишина. Пса рядом тоже не обнаружили. На следующий день и ещё, и ещё, я оглядывался вокруг, ища его, посвистывал, подзывая. Пёс пропал и больше не появлялся. И сейчас, вспоминая, надеюсь: «А вдруг добрые хозяева вернулись и забрали своего товарища, верой и правдой служившего им?» И встаёт перед глазами собачий взгляд с человеческим вопросом: «Как же так?»

Собака...

Русский смех

Сергей ШУСТОВ

РАССКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ ДЕТЕЙ

(Из жизни объектов, субъектов и явлений)

Из жизни рюмок

Рюмки обитали в полированной стенке «Элегия» 90-х годов выпуска, за стеклянными дверками. И сколько они себя помнили, никогда просто так их не доставали оттуда. Всегда случалось это крайне редко и с оглушительной суетой.

Сами хозяева пили черт знает из какой дряни. Так считали рюмки. И рядом стоящий с ними чайный сервиз (на 12 персон, с золотым ободочком по краю и красными розами) был полностью солидарен с ними в этом мнении. Даже более, чем рюмки. Так как чай хозяева пили все-таки чаще, чем водку. И, следовательно, чайному сервизу – всем его 12 чашкам, по крайней мере, – было особенно обидно, что хозяева шлычкают чай и кофея из потрескавшихся, покрытых уже какой-то средневековой патиной и шерстью дежурных «бокалов». «Которым в обед сто лет!» – всегда восклицал молодцеватый молочник. Его вообще ни разу за жизнь на стол не ставили, даже самым дорогим гостям. Внутри него лежали две забытые пуговицы и одна замумифицированная еще с прошлого десятилетия муха.

Одну рюмку из шести тюкнули еще в позапрошлом году. (Её после этой неприятности всегда к стенке трещиной помещали.) Однако она бодро хорохорилась и доказывала всем небитым, что при такой интенсивности их использования она еще двести лет протерпит, не охнет!

«Вот-вот; и хозяева намерены как минимум двести лет скрипеть, – добавлял язвительный молочник. – Слышите? Они опять на кухне своими шерстистыми бокалами тренькают!».

Всё лучшее – на потом! Неплохой лозунг для вечно живущих. Для нас же с вами он редко подходит, увы. Ибо «потом» обыкновенно не наступает никогда. Либо – не успевает наступить! И древние замшелые рюмки потомки наши увозят на свалку. Вместе с чайными сервизами. Из которых так толком никто и не попил!

Из жизни телеграфных столбов

Телеграфные столбы ни разу в жизни не собирались кучками. Даже вдвоем рядом не стояли. Всегда их отделяло друг от друга расстояние. Причем строго определенное и довольно приличное. Даже прописанное в каких-то важных бумагах и загостированное. К сожалению! Так как – ни докричаться, ни достучаться, ни допрыгать друг до друга столбы не имели возможности. Только если проводами потрясти – и так обозначить соседу, что рядом есть такой же, как он. Стояли они всегда в одиночестве. Лишь в тумане, неясно, вдалеке, можно было разглядеть следующую столбушку. Довольно безрадостная картина!

В эпоху пандемии, когда даже людям не позволялось придвигаться друг к другу ближе чем на полтора метра, столбы смотрелись образцом социально ответственного поведения. Впрочем, самим опорам электропередач этот факт давал мало утешения!

– Давайте на нас еще маски наденьте для хохмы! – горько сетовали они на свою судьбину. – Будем окрестных птиц на полях пугать до инфарктов!

Особенно страдали те линии столбов, которые оказались позабыты-позаброшены. То есть не используемые. У которых по проводам уже давно не шли ни телеграммы, ни переговоры, ни прочие проявления бурной жизни. У которых не «звенели-гудели провода» (как когда-то пелось в одной хорошей песне). Да и самих проводов-то частенько не было! Так как, будучи металлическими, они имели ценность и уплывали в неизвестность довольно быстро с помощью ушлого народа.

Такие позабытые линии столбов мало украшали русские пейзажи. Скорее, они навевали тоску. Хотя имели плюс при отсутствии проводов на себе – с ними не играли ветры буйные, а следовательно, никаких тоскливых заморгильных звуков линии не издавали व्यужными зимними ночами...

И хоть шутили саркастически столбы про окрестных птиц, именно те пришли к ним на помощь! Со стороны совершенно неожиданной.

Прилетел однажды на скучный, уж ничего хорошего от жизни не ждущий столб дятел. Всем известная птица. Причем не какой-нибудь малый пестрый, от которого проку по части долбежа и стука мало. А самый деловой и работающий – БПД. То есть – большой пестрый! И начала эта неугомонная птичка нашего героя поколачивать, обстукивать да обтыпывать. Да как ловко-то! Только щепки полетели в разные стороны!

И загудел тут наш столб! Зазвучал на всю округу! Азбукой Морзе стал сообщать своим уцелевшим товарищам в цепочке, в линии – что-де жив курилка! Стою в строю! На посту! И есть еще порох! Гордый сделался, приосанился, обрывки проводов подобрал, спину распрямил!

А стукотун выдолбил в нем дырочку, вставил туда сосновую шишку, принесенную из ближайшего леса. И – ну долбить, семена добывать! А в перерывах и сам столб обследовал на предмет заражения разными жучками-личинками. Подлечил столб, поправил, хоть и дыр небольших наделал.

– Шрамы украшают мужчину! – сообщал о своём новом состоянии столб собратьям (азбукой Морзе). И всё желал им такого же товарища-дятла!

Зажила старая опора новой интересной жизнью. Смысл какой-то почуяла в своем бытии. Каждое утро ждал столб своего стукотуна-друзбана. Без него и кофе не садился пить...

Вот ведь и не знаешь заранее – откуда счастье придёт! Какими ветрами его надует?! Да и сама форма этого счастья, со стороны ежели поглядеть, ни на какое счастье не похожа! Скорее за беду-напасть можно принять. А поди ж ты....

Из жизни музыки

Музыка – дама важная и прелестная во всех отношениях – гордилась, что родилась гораздо раньше письменности и прочей чепухи. Она прекрасно помнила тот волнительный момент, когда необразованный неандерталец просверлил неизвестно чем три дырки в большой берцовой кости шерстистого носорога и вдруг засвистел соло-вьем! Все аж привстали от костра и заслушались. Потом были овации, цветы, раскланивания и вызовы на бис! Она прекрасно помнила этот первый фурор. За которым последовала нескончаемая череда подобных!

Но потом, много позднее, родилась Литература – и всё у Музыка пошло насмарку. Вроде и пытались они подружиться, вроде и тексты Литература поставляла Музыке для опер, кантат и ораторий, а также для всяких мелких форм – типа песенок и попевок. Но – дело не шибко пошло... Литература тянула одеяло интересов публики на себя, оставляя Музыку почти голой. Выставляя ту перед всем честным народом нередко как полную дуру.

Литература не раз говорила подружайке, что, дескать, тоже служит народу. Но обе, что тут греха таить, с течением времен всё более и более отдалялись не только друг от друга, но и от народа тоже. Читатель уженичегошеньки не понимал в новых романах и экспериментальных опусах сумасбродных писателей, а слушатель пребывал в ужасе от какофоний, которыми наполнились концертные залы по всему миру. Он даже тишину (Джон Кейдж!) приходил слушать туда – и от страха рукоплескал по привычке...

Литература бегала от одного носителя к другому довольно долго. Как ветреная женщина. Начинала она с глины, потом перебралась на бересту (там, где можно её было достать хорошего качества). Потом подвернулся папирус. Чуть позднее она облюбовала пергамент, но союз с ним длился недолго. Уж очень Литература была сентиментальна – и жутко жалела ни в чем не повинных убиенных овец. И телят тоже.

– Вот было же время! – делилась воспоминаниями она с Музыкой в минуты хорошего расположения духа. – Писали на камнях, их было полным-полно везде... Их то собирали, то вновь разбрасывали... Беда, конечно, что много не напишешь! Первый роман, помню, издавали шестьдесят с лишним лет, и то до конца не добрались! Только первую страничку и высекли с горем пополам!

В конце концов Литература остановилась на бумаге. А вот Музыку изрядно помотало – и мотает до сих пор.

Она, как колибри с цветка на цветок, перелетала с CD на MP3, а ранее – с перфокарт на металлических цилиндрах на магнитофонные ленты.

– Неужели мы вырождаемся? – иногда в отчаянии спрашивала Музыка Литературу. – Что с нами будет дальше?

Литература, как могла, успокаивала её. Приводя среди доводов прежде всего то, что старые наработки остались. Они никуда не делись! Ни Лев Толстой, ни Чарльз Диккенс, ни Рихард Вагнер, ни Пётр Чайковский. Даже Палестрина и анонимный автор XIV века, а также составитель «Эпоса о Гильгамеше» не исчезли... К ним всегда можно обратиться!

– А впереди? Что ждет нас впереди?

И они опять печально задумались. Каждая о своём...

В прошлом есть много всего. Возможно, даже полезного для будущего. Мы ведь это всегда знали, не так ли?!

Из жизни орехов

Философски настроенные орехи всякий раз, когда собирались в значительном количестве вместе, вновь и вновь

возвращались к излюбленной теме. Сейчас мы её назовем. Но вначале проведем параллель с людьми – тех аналогично тянет обсуждать, во-первых, первичность бытия и сознания, а во-вторых, кто появился раньше – курица или яйцо? Так вот, возвращаясь к нашим орехам. Те подступали уже который раз к не менее жгучему и запутанному вопросу: орех без скорлупы и орех в скорлупе – это всё одно орех? Или есть что-то иное?

Одиноким орех, тем более без скорлупы – это вообще редкое явление. Почти нонсенс. Даже любители орехов редко когда питаются одним-разъединственным орехом. В природе же бесскорлупные орехи вообще не встречаются. Или существуют настолько мало времени, что не успевают быть зафиксированы никем. Как нейтрино. Или изотоп америция. Обезьяны и дикие свиньи нам, побожась, этот факт везде подтвердят.

Поэтому наши герои не боялись шумных собраний, где одни провозглашали цельность формы и содержания, тогда как другие стояли за то, что изменения состояния (т. е. орех без скорлупы) приводят к новой сущности.

– В самом деле, – восклицали первые, – разве пустой орех не орех? Как мы узнаем, что он пустой? Правильно – только лишив его скорлупы. Но и тогда мы назовем его орехом. А не чем-то иным!

– Позвольте, господа! – противилась им другая партия. – Ядро – это сущность ореха. Но скорлупа, снятая с него, отнюдь не орех. Следовательно, их нужно четко разделять в понятийном аппарате. Иначе орех, съеденный изнутри червячком и внешне выглядящий очень даже цельным и правильным, будет абсолютно идентичен в феноменологии ощущений (и, заодно, как «вещь в себе», по Канту) полноценному ореху с ядром! Но это же в корне неверно и противоречит всякому здравому смыслу!

Пока длилась жаркая дискуссия, кворум таял. Так как часть орехов раскололи и съели. А над оставшимися нависла та же угроза, только отложенная во времени. В момент осознания этого факта орехи повернули вопрос другим ребром: считать ли по-прежнему орехом съеденный (и как бы уже несуществующий в брэнном мире), либо эманация

исчезнувшего из вещественного мира ореха приводит к его безоговорочной аннигиляции и элиминации. Как протона в термоядерной реакции.

Вне всякого сомнения, споры привносят в нашу жизнь элементы новизны и драйва. Они помогают осознать глубже происходящее вокруг. Но при этом не следует забывать тот непреложный факт, что любое бытие брэнно и рано или поздно потеряет всякий смысл. Поэтому большинство философов после бескомпромиссных дискуссий на конференциях (хоть идеалисты, хоть материалисты – без разницы) всё равно общей толпой продвигаются ближе к буфету. Либо – к сауне. Где соленые орешки очень хорошо идут под пиво!

Из жизни Моны Лизы

Ночью, когда в Лувре никого из посетителей не было, а охрана подалась в бытовку погонять чай, Мона Лиза вдруг стала персонажам напротив из соседних залов показывать язык, гримасничала ужасно, строила несусветные рожи, а потом даже плевалась и произносила вслух нецензурные слова на арамейском языке.

По мне, так любой может попасть в подобную ситуацию. Выпустить пар. Повиси-ка на стене 400 с лишним лет да поулыбайся каждому встречному диковатой улыбкой! Поневоле сбрендишь!

Но, как выяснилось позднее, всё случившееся было не так уж фатально. К утру, к приходу первых посетителей, Мона Лиза привела себя в порядок. Причепурилась. Губки подкрасила. Ручки смиренно сложила одна на другую (очень похоже еще Мишустин делает!). Улыбку дежурную нацепила. Всё-таки женщина известная, светская.

Каждый имеет право хотя бы раз в жизни выпендриться! Слететь с катушек. Даже без цели эпатировать публику – просто в уголке, без излишнего шума, наедине сам с собой. Любопытны и обратные превращения! Когда персонаж всю жизнь плющит и колбасит, но иногда всё у него

входит в благопристойное русло. Есть у нас в стране одна такая светская львица. Тоже с загадочной улыбкой. В качестве примера...

Из жизни Топов и Випов

Топы с Випами спорили, кто круче. Про каждого были и журналы вроде глянцевого, и пиджаки одинаковой фирмы, и тачки навороченные, словом, никак не могли Топы с Випами зацепочку найти, по которой бы отличались в критериях крутости друг от друга.

Где какой гламурный фуршет, презентация, сейшн, вечерина недетская, блестящий тусон с приглашением народных артистов и медведей, крем-брюле там всякое закрытое – тут сразу Випов и Топов пруд пруди. Так и напирают друг на друга грудями, пыжатася как голуби в период течки.

Возле Топов нередко бегали, приседали и суетились Подтопы. Так сказать, еще не дозревшие до кондиции. Вокруг Випов преданно нарезали круги Подвипы. Тоже слабые еще, без солидных пузичков, зеленые мальчонки, но исключительно в белых рубашках с запонками. И с большими апломбами и амбициями. Вся эта братия Подтопов и Подвипов была чрезвычайно охоча на веселуху, хаяву, блеск и мишуру, куртизанок и прочее. Еще даже более, чем сами патроны.

Среди Подтопов и Подвипов шла грызня и распря почище войны Алой и Белой Розы – кто из них круче.

Подле Подтопов и Подвипов, каждая в своей стороне, мелко сучили лапками и подтягивали две бойкие группировки представителей преданных СМИ. Вот у кого нюх на шальные бабки да бесплатное вино с закуской был! Как хорошо отрепетированные борзые, держали они мокрые носы по ветру. И собачились между собой так, что мама не горюй: у кого патронат, клиентура и, проще говоря, кормильцы круче. Пузатее, богатее, наглее, злее, випее и топее.

Вся эта сложная пирамида доходила своим основанием аж до уборщиц и простых вохрушек, сидящих на страже

офисных дверей и проёмов. Одну бабу, которую я как-то углядел в одной из Виповых резиденций (там она подвизалась в качестве зрителя туалетов), обнаруживаю вдруг в какой-то захолустной подземке, на окраине Столицы, в каком-то Расчертанове! Кругом грязь и нищета, бомжишки бродят, а бабу сидит в центре неприступным бастионом на подходах к местному сортиру.

– Бабу, ты же не здесь?!

Бабу, узнав и скуксившись разом мордочкой в собачий калачик, плаксиво:

– Милай! Везде интриги!..

Стратификация общества и его кастовость, замечу, отчетливо становится видна только в тех случаях, когда человек вдруг переместится из одного слоя в другой. Как кусок грецкого ореха в торте наполеон. Ежели он плотно и устойчиво сидит там, где всегда сидел, – ничего плохого он не заметит. Этим и пользуется общество...

*ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ***Юрий ВИКТОРОВ***Москва***Разные пункты**

Вам хорошо там, в пункте А,
А также в пункте Бэ!
У вас там ходят поезда,
Газ мчится по трубе!

Балет, дороги и уют –
Живи, не помирай!
Туристы тут и там спуют,
И даже есть трамвай.

А мы живём вот в пункте Ы,
А рядом город Ще...
У нас дороги нет, увы,
От слова «вообще».

А если вдруг столичный хлыщ
К нам с неба упадёт,
То никогда отрезок ЫЩ
Он в жизни не пройдёт!

А если б хоть до пункта Же
Ходили поезда,
Да мы бы даже в багаже
Свалили бы туда.

Туда ведь многих часто шлют,
Пусть жизнь там и не рай,
Но там хоть иногда салют,
И, может быть, трамвай...

А есть ведь Ё, Пэ, Рэ, Сэ, Тэ,
И прочих буквок ряд,
А в них сплошное «фуэтэ»...
(Пардон за лёгкий мат!)

Короче, вы, из пунктов Бэ
И А, где вечный май,
Возьмите нас скорей к себе
Хоть посмотреть трамвай!

Современный диалог у телевизора

Ой, Вань, вчера опять по телеку
Я наших слушала ребят –
Там Байден звезданулся с велика,
Причём башкою, говорят,
А после стал он не в себе,
Сказал, что газ плохой в трубе,
И путал Дели с Душанбе,
Ни ме, ни бе...

Ну, Зин, да он такой ледащенький,
Что прямо жалко старичка,
У нас его свезли бы в Кащенко,
А там он бегает пока...
А наш родной посконный газ –
Он нужен всем, ну аж атас!
Его Китай и Гондурас
Возьмут на раз!

Ой, Вань, прибалтов показали нам,
Ну это хуже, чем дурдом!
Вот что у них сейчас развалено –
Так это мы их всё гнетём..

Да плюнь ты, Зин, на эту шушеру,
По ним страдает медный таз.
У них мозги от шпрот засушены,
Загнутся сами и без нас!

Ой, Вань, Европа, видно, сбрендила,
Опять нам санкцией грозит,
Такие Шольц там выдал крендели,
Ну недобитый паразит!
И тётки-немки, и Макрон
Объелись, видно, макарон
И всё орут со всех сторон,
Ядрён-батон!

Не бойся, Зин, бояться нечего,
Да нам на санкции – плевать!
А гинекологам увеченным
Напомним, где им ковырять!
В Европе все ж дебилы сплошь,
Что там с мозгами – не поймёшь,
Но нас-то с карты хрен сотрёшь,
Ядрёна вошь!

Я, Вань, хотя не сильно грамотна,
С тобой согласная всегда –
У нас тут могут сдохнуть мамонты,
А вот Россия никогда!

У нас всё будет зашибись!
Налей-ка, Зина, не скупись!
Мы победим всю эту слизь!
Давай, за жизнь!

Там русский дух!

Мой друг! Когда среди серых будней
Хандра и сплин придут вот-вот,
О, сколько впечатлений чудных
Тебя в парилке русской ждёт!

...Видны в тумане чьи-то спины,
Блестят места пониже спин,
Все без штанов и все едины,
И ты весь равен и един!

Там завсегда в шапке бродит,
Скользя намыленным плечом,
Парильщик славный пар наводит,
Замочен веник горячо...

Вот он неспешно начинает
Свой бег, играя и шутя,
И то, как зверь, тебя кусает,
А то резвится, как дитя.

И вдруг, переходя в аллегро,
Он по спине затанцевал!
(Так добела отмыли негра,
Хоть он ругался и визжал.)

С полка ползёшь с харизмой красной,
Как новоявленный марксист,
Но чувствуешь себя прекрасно,
Поскольку лёгок весь и чист!

И всем, кто чахнет в тесной ванне,
Болтаясь в ней туда-сюда,
Я говорю: – Идите в баню!
И с лёгким паром, господа!

Про Ивана Петрова (Аллегорическое)

Раз Петрову Иван Федулычу,
Усреднённому россиянину,
Надо было дойти до булочной,
Что типично для горожанина.

Но, отдавшись прогулке полностью,
Он ослабил своё внимание,
На пути ж, по закону подлости,
Бестолково чинили здание.

И из рук дурака строителя
С этажа так примерно пятого
Вниз сорвался кирпич стремительно
На Ивана, отдельно взятого.

А кирпич силикатный, марочный,
Не хухры и мухры дешёвое.
Как бабахнул такой подарочек
И испортил причёску новую!

Кто другой бы – тот сразу кончился,
Дуба дал бы в одно мгновение,
А Федулыч слегка поморщился,
Правда, с шишкой и потрясением!

А кирпич, отразившись в сторону,
Стойку снёс у лесов строительных,
Поломав настил, по которому
Вниз снесло на асфальт вредителя!

Нецензурно покрыв увечного
(А ведь мог и ногой заслуженно!),
Путь продолжил Петров намеченный
И купил-таки хлеба к ужину!

Наш герой не сошёл с дистанции,
Дураку досталось чувствительно...

Так в России встречают санкции!
(Правда, шишка болит мучительно...)

и эпатажное раздвоение и трансформация. Сатирикам, а особенно пародистам, прочитавшим «исповедь» Евтушенко, трудно удержаться от язвительных комментариев с использованием не менее контрастных перечислений.

Вообще поэты нередко подставляют, подбрасывая пародистам немало примеров для фантазий на тему своих самых неожиданных метаморфоз. Сатирики с удовольствием дробят их образы на самые невероятные осколки (не отказываясь, впрочем, и от сатирического монтажа целого из многочисленных внешних и внутренних напластований). Авторы, допустившие явный или неявный сбой в собственных «размножениях», превращаются в пародиях в отдельные предметы, весьма далёкие друг от друга и по смыслу и по предназначению (вот хотя бы первые попавшиеся «элементы», позаимствованные из реальных пародий: салат, экскаватор, мяч, море, тумбочка, контрацептив и т. д.). Иногда для этого используются представители животного и растительного мира (бегемот, голубь, микроб, репа, кошка) или перебираются гражданские и военные профессии (редактор, министр, рыцарь, политик, генерал...).

Чаще всего с поэтом или его лирическим героем происходит дробление: или он многократно делится на разные фрагменты, или просто-напросто раздваивается. В пародии Виктора Завадского Валентин Берестов делится на двух известных поэтов. Причём пародистом подчёркивается связь творчества Берестова с детской литературой не только упоминанием имён классиков, но и демонстративно детским перевираанием фамилии Барто:

Уже из штанишек своих вырастая,
Я понял, что Пушкиным так и не стал я
И, видно, не стану, а стану потом
Я напополам Маршаком и Бартом.

Хуже дело обстоит со Светланой Евсеевой в пародии Бронислава Кежуна: она претерпевает многочисленные и невероятные превращения. Все они отличаются резкими противопоставлениями, нарочито нанизанными друг на друга. Чем нелепей выбор предметов, тем, по мнению пародиста, забойнее выглядит пародия.

РЯД ЧУДЕСНЫХ ПРЕВРАЩЕНИЙ

*Я – как новенькая печь железная,
раскаленная добела.*

*В метро мне кажется, что я –
привыкший к свету мрамор...*

Светлана Евсева

...Я – городская толчая!
Я – полюс и экватор!
В метро мне кажется, что я –
Бегущий эскалатор!

Я – рыба сильная твоя!
Твоя изба-читальня!
Я – тумбочка в больнице,
Я –
Мыслильня и мечтальня...*

Не менее поразительными представлены превращения Людмилы Щипахиной и Евгения Евтушенко в пародиях Иосифа Липкина и Владлена Бахнова. И в том и другом случае откровения поэтов получили оригинальную литературную окантовку – и фольклорную, и цитатную.

И. Липкин на Л. Щипахину:

РЕПКА

Вот живет во мне заяц...

*И тогда я бываю
Похожа на глупую рыбу...*

*Что-то есть у меня
от печальной и доброй собаки...*

Людмила Щипахина

Человек многогранен. И я замечаю нередко,
До чего нелегко мне всегда оставаться собой.

* Здесь и далее некоторые пародии даны в сокращении.

Я бываю то бабкой, то дедкой бываю, то репкой,
 И сама себе внучкой я тоже бываю порой.
 Но когда в виде репки я бываю такую тяжелой,
 Что сама себя вырвать из грядки уже не могу,
 Приглашаю я Жучку. И вот уже с визгом веселым
 Я к себе в виде внучки, в виде Жучки на помощь бегу!
 А когда до победы уже остается немножко,
 Небольшое усилие – и вырвана репка моя,
 Я на помощь себе приглашаю пушистую кошку,
 Вы уже догадались, что кошка – опять-таки я!
 Но настала пора опровергнуть догадливых слишком.
 До конца себя вырвать из грядки я все ж не берусь,
 Потому что для этого стать я обязана мышкой,
 А мышей я, товарищи, с самого детства боюсь!

В. Бахнов на Е. Евтушенко:

Из цикла «БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ...»

Я

Евгений Евтушенко

Я – парус, море я в тумане голубом,
 Я сам в себе
 белею одиноко,
 Я сам себя ищу в стране далекой
 И кинул сам себя в краю родном.

Ах, я волна, играю я водою
 И, изменяясь десять раз на дню,
 Я ветер,
 гнущий мачту над волною,
 И мачта я,
 и сам себя я гну.

Я разный, я такой многообразный,
 И, расплываясь в разные края,
 Я не бегу от счастья понапрасну,
 Поскольку счастье – это тоже я!

Я разный: я струя светлей лазури,
 Я солнце, я луч солнца золотой.

Я буря,
И прошу я только бури
Аплодисментов.
В этом мой покой!

Неудивительно, что при таком многообразии личностных составляющих поэты порой сбиваются с толку и в конечном итоге не могут разобраться в самом себе, как в пародии Игоря Безбородова на Льва Озерова:

К ВОПРОСУ О СЕБЕ

*Я – не я, и всё же это я.
Кто поймёт раздвоенность мою?*

*Во мне и Дон Кихот,
И Санчо Панса
В одном лице.*

*Дышу за двоих,
Пишу за двоих.*

Лев Озеров

Сам, признаться, в том не разберусь,
Кто есть я и что во мне творится,
Долго утром в зеркало гляжусь,
Но отображение двоится.

Я – не я, вернее, не один
Я в себе с недавних пор похоже:
Есть во мне слуга и господин,
Ну, а может, и другие тоже...

...Словом, я запутался совсем.
Я теперь в кафе и ресторане
За двоих на всякий случай ем,
И в два раза чаще моюсь в бане...

Описанная коллизия носит чисто бытовой характер, но вот в пародии Владимира Скифа на Петра Вегина проблема

«внутри себя» развивается на фоне противоборства поэта и прозаика (хотя и не совсем литературного):

НИ ТОТ И НИ ДРУГОЙ

*...Во мне умирает прозаик,
Его отпевает поэт.*

Пётр Вегин

Когда я поэзией занят,
Тогда начинается бред:
Во мне оживает прозаик,
Его убивает поэт.

Поэт его долго терзает,
Но стоит лишь свет потушить,
Как вдруг начинает прозаик
За что-то поэта душить.

А утром, угрозы бросая
Жене за вчерашний обед,
Во мне выпивает прозаик,
Ему подливает поэт.

До ночи, до полного мрака
Сидим в кабинете втроём...
И вновь начинается драка:
Друг друга чем попадя бьём.

Поэт меня книгою треснул,
Прозаик ударил ногой:
Они литераторы, дескать,
А Вегин – ни тот, ни другой.

Частным, но, пожалуй, наиболее важным случаем деления персонажа можно считать его раздвоение на самого себя. Такое расщепление в пародиях обычно не связывают с клиническим случаем, требующим вмешательства психиатров и санитаров; чаще всего оно носит сюжетно-бытовой характер. Одним из вариантов нарочитого противопоставления себе самого себя можно посчитать разделение имени и фамилии одного человека на как бы разных лиц.

А. Бобров на Ю. Мориц:

СРЕДА НА БАЛТИКЕ

*И, озираясь постоянно
Средь одиноческих расселин,
Все видеть Эллен возле Яна,
Все видеть Яна возле Эллен.*

Юнна Мориц

Под солью звезд взбухают дюны,
Над Балтикой – туман и морось.
Все вижу Мориц возле Юнны,
Все вижу Юнну возле Мориц...

...Сейчас начнется праздник шумный,
И чаек как волною смоет.
А кто пирует? Мориц с Юнной,
Кто веселится? Юнна с Мориц...

А. Раскин на Н. Смирнова-Сокольского:

Который год мы видим: снова
Сокольский пишет за Смирнова.
Из положенья выйдя скользкого,
Смирнов читает за Сокольского.

Случаются более развёрнутые пародии, в которых этапы раздвоения описываются детально в мельчайших подробностях.

М. Раскатов на Н. Старшинова:

САМО СОБОЙ

Для себя ничего мне не жалко,
Так назначено, видно, судьбой.
Я себя пригласил на рыбалку
И идти согласился с собой.
Но, настроив себя на удачу,
Вдоль по берегу я не брожу –

То себя за ракитою спрячу,
 То на травку себя положу,
 То на ёлку с собою залезу,
 То припрячу себя в шалаше...
 Нам рыбёшка нужна позарезу,
 Нам обоим уха по душе!..

А. Иванов на В. Шефнера:

НА ПУТИ К СЕБЕ

*Говорят, что плохая примета
 Самого себя видеть во сне.
 Прошлой ночью за час до рассвета
 На дороге я встретился мне.*

Вадим Шефнер

Безусловно не веря приметам,
 Чертовщиной мозги не губя,
 Тем не менее перед рассветом
 На дороге я встретил себя.

Удивился, конечно, но все же
 Удивления не показал.
 Я представился: «Шефнер». Я тоже
 Поклонился и «Шефнер» сказал.

Мы друг другу понравились сразу.
 Элегантны и тот и другой.
 Я промолвил какую-то фразу,
 Я ответил и шаркнул ногой...

Тот же Иванов в более лаконичном и концентрированном виде представил Н. Глазкова в тесном общении с самим собой:

...Стоит Глазков, сидит Глазков
 И восторгается Глазковым.
 Что нынче глаз Глазкова зрит?
 Кто смеет не учесть такого:

Глазков Глазкову говорит
О гениальности Глазкова!..
...Есть бог в поэзии – Глазков,
И я – Глазков – пророк Глазкова.

Подобные сюжеты у пародистов в ходу. Например, у Владимира Скифа в одном из сборников таких примеров сразу несколько. В пародии на Василия Хлыбова:

...а потом я сам себя ловлю
и засыпаю тихо сам с собою...

В пародии на Асю Векслер:

...сама себя сужу
по «сто сороковой».

Сама себя силком
в кутузку волоку...

В пародии на Льва Аврясова:

...я тогда себя под ручку –
и гуляю сам с собой.

Сам себе даю подножку...

Но бывает, что поэт начинает делиться сам на себя во многих составляющих. М. и В. Кашаевы представили, что по этому поводу смог бы написать В. Костров:

Живут в моей душе
Четыре человека.
(Штат квартирантов в ней,
Как видите, большой):
Пацан, юнец, я сам
Да старый дед калека.
Располагаю я
Вместительной душой...

Деление на «самого себя» значительно усложняется, когда оно происходит со сменой пола. Это, кстати,

нередкий случай (слава богу, пока только в пародийном хозяйстве). Пародисты обыгрывают неоднозначные выражения, мелькнувшие в стихах, и комментируют их со смещением понятия «мужское – женское». Как правило, упор делается на чувствах поэтов и поэтесс, внезапно теряющих ощущение изначальной половой принадлежности. Совершение подобных превращений даже у самих поэтов вызывает противоречивую реакцию. Иногда это – недоумение, сменяющееся страхом.

И. Безбородов на Л. Озерова:

...Но порой в вечерней тишине
Мысль свербит. Я от неё синеею,
И бегут мурашки по спине:
Может, есть во мне и... Дульсиня?!

Но чаще всего в словах лириков просматривается твёрдая уверенность грядущего или свершившегося превращения.

А. Пьянов на Н. Матвееву:

Туман мистификации развеяв,
Скажу по-русски, без обиняков:
У них Жорж Санд, у нас – Новелл Матвеев –
Вот двое настоящих мужиков.
Всё натурально! Всё без дураков!

Б. Кежун на С. Евсееву:

Я – не один, а целых два
Междусобойных пола...

Порой впечатление о смене пола возникает у пародистов при внимательном ознакомлении с произведениями авторов, пытающихся глубоко проникнуть в женскую психологию. В 20-е годы прошлого века критик Дмитрий Горбов пришёл к выводу: «чтобы понять пушкинскую Татьяну, читатель на время сам должен стать ею». За это он тут же получил язвительную реплику Аларикуса (А. Архангельского):

Не удивись картине странной –
Такие нынче времена:
Почтенный критик стал Татьяной!
Был прежде он – теперь она.

Странные половые сдвиги порой доводят до того, что мужчины-поэты начинают чувствовать себя беременными и испытывать родовые потуги.

Б. Брайнин на В. Бокова:

Как поэт я давно в положении,
Материнство – мой творческий путь.
Мне за это медаль с уважением
Прикололи на левую грудь.

А бывает, что и установить конкретный пол у поэта невозможно: он сам находится в полном недоумении, да и пародист просто не способен помочь ему в этой сложной ситуации.

Б. Брайнин на В. Бокова:

Не пойму, хоть дожил до седин:
Как мужчина – отец-героиня я
Иль как женщина – мать-героин?

Б. Брайнин на В. Дагурова:

Но со всеми хромосомами
Я родился без греха
От мамыши – насекомого
И папаши – лопуха...

Может быть, этим четверостишием и стоит закончить обзор. В нём как бы сосредоточена квинтэссенция пародийного жанра: оттолкнуться от известного произведения, весело и размашисто сочинить параллельный текст, придумать ударную концовку и попутно погладить автора против шерсти...

Семейное чтение

Евгений ШЕСТОВ

ОЧКИ С СЕКРЕТОМ

Сказочная повесть

Глава первая. Знакомство

– Сенсация! Сенсация! Очки в роговой оправе помогают умнеть на глазах!

Мальчишка бежал по улице, выкрикивая слова.

Взрослые смотрели на него с недоумением: что он несет, какие еще очки и при чем тут сенсация? Никто и представить себе не мог, что эти слова станут такими важными, и через день уже ни в одном магазине не останется очков вообще. Они пропадут с прилавков и станут большим дефицитом.

Мэрион стоял в уголке двора, поглядывая, как мальчишки лениво гоняют мяч. Они перекидывали его друг другу и ежеминутно прихлебывали из бутылки уже кислую пепси-колу. Мэриона в игру мальчишки брать не хотели. Зачем им какой-то неумеха. Бегать не может, в песочнице построить хороший дом не может. Даже драться по-настоящему не умеет. Только сопит, как дворовый пес Цезарь, и временами утирает ушибленные коленки и локти.

Мяч подкатился к Мэриону. Мальчишки закричали громко, как будто обращались к глухому, просили его поддать мяч ногой и передать им. Он уставился на этот рези-

новый колобок, подвигал его туда-сюда носком ботинка, а потом с силой ударил, но полетел мяч не к мальчикам, а в глухую арку, ходить в которую боялись не только дети, но и некоторые взрослые.

Ребята затихли. Вперед вышел Ваню, высокий парень лет тринадцати. Он нагнулся к самому уху Мэриона, прошептал:

– Принеси мяч, мелочь. И быстро, а то скоро сам туда полетишь вместо мяча. Понял?

Мэрион посмотрел на ухмыляющуюся ватагу, на длинного Ваню, на яркое солнце. Ты сам мелочь, подумал Мэрион. И постарался унять дрожь в правой щеке. Что-то подсказывало мальчику, что ходить в этот темный переулок не следует, там таится опасность. «Может быть, лучше остаться здесь?» – подумал Мэрион.

Десять шагов отделяли светлую часть двора от темного тоннеля. Тень падала сразу, без переходов. Вот только что было солнце на асфальте, и тут же ночная темень окутала Мэриона, и повеяло прохладой. В тоннеле была полная тишина. Мяч лежал у дальней стены, рядом с низенькой дверью. Не дойдя двух шагов до двери, Мэрион увидел тонкую полоску желтого света у порога. Оглянувшись на светлое пятно двора, которое теперь показалось мальчику очень далеким, он взялся за ручку двери и открыл ее.

Внутри комнаты, куда он попал, было тепло и весело. Камин мелькал ласковыми огоньками, на столе горела небольшая лампа под желтым абажуром, а на окне лежал енот в очках и читал газету. Его толстый полосатый хвост свесился с окна и почти обволок одну из теплых труб отопления. Енот что-то мурлыкал себе под нос и, казалось, не обращал внимания на вошедшего.

В кресле сидела девочка лет десяти, смуглая, черноволосая в светлом платье. Она держала на коленях большую грифельную доску и что-то рисовала на ней мелками.

– Здравствуй, молодой человек, – проговорил енот. – Проходите, не стесняйтесь. Роза вас не съест. Кстати, нет ли у вас рыбки?

– Нет, – робко ответил Мэрион. Потом осмелел и спросил:

– А вы что, читать умеете?

– Не обращай на него внимания, Мэрион, – проговорила Роза. – Он просто дурачится. Там вся газета про мышей и для мышей. А наш Варфоломей большой любитель мышинной охоты. Проходи. И сразу скажи, что ты здесь видишь?

Роза повернула грифельную доску к Мэриону. «Странный какой-то рисунок, – подумал мальчик. – Он не застыл, как рисунок, а меняется на глазах. Вон как линии плывут вверх-вниз, справа налево, пересекаются, появляются новые круги, квадраты и еще какие-то фигуры». И вдруг Мэрион понял, что это.

– Почему твой замок такой грустный? Там идет дождь? И почему река совсем обмелела?

– Посмотри, Варфоломей, – проговорила Роза, – он только вошел, а тут же угадал, что я хотела нарисовать.

– Талантливый молодой человек, – ответил енот.

– О чем там кричал мальчишка-разносчик? – спросила опять Роза.

– Что-то про очки, – пробовал вспомнить Мэрион. – Да, про очки в роговой оправе. Они еще были нарисованы в газете. И написано было что-то. Только не понятно, кому они нужны, эти очки.

Роза с Енотом переглянулись.

– Так что там было написано? В газете? – спросила Роза.

– В газете? Я не знаю. Я же не умею читать.

– Не умеешь? – Роза нахмурилась. – Сколько же тебе лет, Мэрион?

– Восемь. А что?

– В твоём возрасте ребята уже должны хорошо читать. Тебя что, мама не учила?

– Нет, – ответил Мэрион и насупился. – Нет у меня мамы. Никого нет. Один я.

– Совсем один? – Роза помолчала, потом опять спросила: – Сок будешь? Апельсиновый.

– Буду, – неожиданно для себя ответил Мэрион.

Роза встала, положила рисунок на кресло, а сама прошла в другую комнату, вынесла оттуда высокий пузатый графин с соком, поставила его на стол.

– Налей, пожалуйста.

Мэрион подошел к столу, уже почти взялся за графин и хотел наклонить его, но тут же почувствовал, как графин выскользнул из руки буквально у него на глазах и превратился в стакан.

– Почему?

Это слово сорвалось с языка Мэриона, но енот был уже рядом.

– Не надо только пугаться, молодой человек. В этой комнате еще и не такое может быть. Твои желания реализуются раньше, чем ты сможешь их проговорить. Например, сейчас...

Мэрион только подумал, что ему нужен стакан для сока, и на столе появился стакан, именно такой, какой представлял себе мальчик. Он взял стакан с соком, выпил половину, предложил еноту.

– Нет. Это не мой напиток. Вот если бы ты... Стоп, стоп, стоп! Только не молоко. Меня тошнит от молока.

Енот отпрыгнул подальше от мальчика. На всякий случай.

Роза подошла к Мэриону.

– Здесь ты можешь почувствовать силу своего желания. И оно выполняется почти мгновенно. Но это только здесь. Чтобы такое произошло за стенами дома, нужно надеть вот эти очки. Они тут же все тебе расскажут о тех людях, которые будут рядом, чего они хотят, как их можно переубедить и победить. И так далее.

Роза на секунду замолчала, выдерживая паузу.

– И ты можешь получить эти очки. Если, конечно, хочешь.

– Хочу, – скромно прошептал Мэрион и кивнул головой.

Роза с Варфоломеем улыбнулись.

– Не испугаешься? Но потом ты должен будешь мне все рассказать. Как они работают, почему помогают одним и избегают других. Договорились?

Мэрион кивнул, а когда поднял голову, увидел, что Роза протягивает ему маленькие и очень необычные очки.

От радости у мальчика перехватило дыхание.

Глава вторая. Первый выход

Он вышел в темный тоннель, не задумываясь и не ожидая опасности. Но только успела захлопнуться дверь, как сразу послышались голоса мальчишек на светлой стороне улицы. Они говорили вполголоса, перебрасываясь короткими репликами. Ждали появления Мэриона.

– Ну где он там? – раздался нетерпеливый голос Ваню. – Сейчас я с ним разберусь.

Мэрион сделал два шага, опустил со лба очки на нос. Он не принес мяч. Мяч так и остался лежать в темноте двора.

И вдруг Мэриону почудилось, что вокруг него слышны голоса, мальчишеские голоса. И хоть стояли мальчишки вокруг него молча, их голоса слышались явно, только чуть приглушенно, словно Мэрион получил доступ к их мыслям.

– Мяч принес, мелочь пузатая? – Ваню надвинулся сверху на Мэриона.

– Мне кажется, Ваню, что тебе пора домой, – ответил ему Мэрион. – Ты уже опаздываешь. Если отец придет и увидит, что тебя нет дома, он тебе всыплет. Правда ведь?

Мальчишки вокруг захохотали.

– Эх, черт, – произнес Ваню. – Гоча, принеси мяч, ладно? Пока, мальки!

Ваню ушел.

Возвращаться за мячом не хотелось. Мэрион посмотрел на мальчиков, заметил одного, который глазел на него не особенно грозно, поманил пальцем.

– Хочешь, я угадаю, чего ты боишься больше всего?

– Это как? Как с Ваню, да?

Мальчишка попятился назад, но наткнулся на руки стоящих сзади.

– Давай, Гоча, пусть он скажет, а мы послушаем.

Со всех сторон послышались голоса одобрения.

– Ну, говори.

Гоча выпрямился, даже поднялся на носки и посмотрел на всех сверху.

– Ты боишься, что мама увидит у тебя пятьдесят три рубля в кармане, которые ты стащил у нее вчера.

– Чего-о-о?

Мальчишки опять засмеялись, только теперь уже над Гочей.

Но вдруг Мэрион взял самого маленького мальчика за руку, сказал:

– Не бойся их. Они смеются, потому что не понимают тебя. Ты читаешь книжки и рассказываешь про них очень интересно. А они еще не научились читать.

– Ты правда так думаешь? – спросил малыш.

– Правда.

Гоча оттер малыша в сторону и схватил Мэриона за рубашку.

– Кто тебе рассказал про деньги?

– Никто.

Мэрион попытался оторвать от себя руки Гочи. Но чем сильнее он извивался, тем крепче сжимались пальцы соперника.

И в этот момент как по волшебству за спиной Мэриона, со стороны темного переулка послышался какой-то хлопок, потом громкие аплодисменты, а потом улица взорвалась криками ликующей толпы, как будто заорали сразу две сотни глоток ярых болельщиков футбола. И тут из переулка стремительно вылетел маленький резиновый мяч и с размаху ударил в лоб Гочи. У того сразу разлетелись руки вверх, он чуть не упал, но удержался на ногах, только ошалело смотрел по сторонам.

– Вот и ваш мячик, – проговорил Мэрион. – И даже ходить никуда не надо. Гоча, ты его искал?

Гоча направился к мячу, а восемь мальчишек с восторгом и недоумением смотрели на Мэриона, который за три минуты сумел все перевернуть вверх дном в их головах.

– Мне пора, – проговорил Мэрион. – Проктор, не бойся ничего.

– Ты куда сейчас, Мэрион? – спросил его малыш Проктор.

– Путешествовать. Хочешь со мной?

– Правда, можно?

Проктор расплылся в улыбке. Сделал два шага к Мэриону и взял его за руку.

– Я готов, друг.

Под аркой темного тоннеля мелькнул полосатый хвост енота, но его мальчишки не заметили.

Глава третья. Открытие

После тишины двора улица оглушила. Навстречу Мэриону двигались люди, каждый со своими мыслями, которые мальчик мог слышать. Отдельные слова и даже целые фразы! Женский голос перебивался низким мужским, потом в разговор вступал высокий фальцет подростка, а за ним следовала целая тирада из головы девочки лет десяти. Отдельные личности сменялись группами детей и взрослых. Даже проезжающие в машинах водители успевали за короткий миг оставить мысленный след. Все внутренние голоса, тяжелые раздумья, спорные мнения, идеи и мечты о будущем или сожаления о прошлом, мимолетные догадки и долгие размышления, бурные фантазии и, наконец, просто беглые мысли попадавшихся навстречу людей навалились на Мэриона лавиной звуков. Шум стоял неимоверный.

Мэрион снял очки. Остановился и помотал головой.

– Тебе плохо?

Проктор тревожно смотрел на Мэриона.

– Что-то голова закружилась.

– Вон там скамейка. Давай присядем?

Проктор помог Мэриону добраться до скамейки, придерживая того за локоть. Потом уселся рядом.

Сложив очки, Мэрион убрал их в нагрудный карман и внимательно посмотрел на нового товарища. Тот непринужденно болтал ногами, глаза по сторонам. Мэрион не слышал, о чем он думает. Теперь он не слышал ничего, кроме ветра, лязганья проезжающих грузовиков и визга легковушек. Но ведь раньше-то он разбирал голоса мальчишек! Точно... Он был в очках! А без них ничего не

слышно. Значит, Роза была права: очки волшебные! Они придают силу и исполняют желания.

Может, еще раз попробовать? Вот о чем сейчас думает Проктор, интересно? По лицу и не догадаешься...

Мэрион надел очки и прислушался.

Вот бы сейчас оказаться на море, думал Проктор. Хоть одним глазком на него взглянуть. Оно красивое. И на солнце светится. Не зря про него поэты стихи складывали. Только где море, и где я? Туда вовек не доберешься.

– Скажи, Проктор, ты новенький? Я тебя раньше не видел.

Проктор пожал плечами, кивнул.

– Мы приехали с родителями только неделю назад.

– А как ты оказался вместе с Ваном?

– Ваном? Да как-то...

Он никому проходу не дает, подумал Проктор. А Гоча все время рядом с ним.

Помолчал, подумал и сказал:

– Мы с Гочей соседи.

– Соседи?

Мэрион вскочил со скамейки.

– И ты так спокойно об этом говоришь? Да тут надо набраться смелости и дать отпор этим Гочам, Ваном и всем, кто их поддерживает.

Проктор вздохнул и снова пожал плечами. Подумал: «Что я могу? Разве я с ними справлюсь?»

– У меня есть идея, – сказал Мэрион. – Путешествие нас ждет. Ты обязательно побываешь на море. Ты мне веришь?

Проктор медленно повернул голову, задержал дыхание, потом шумно выдохнул.

– Мэрион, ты не шутишь? Ты это сделаешь?

– Для друга? Все, что смогу, сделаю. Обещаю.

– А куда мы поедем?

– К моему отцу. Он у меня в море ходит за рыбой.

– Ух ты! А это далеко?

– Не волнуйся. За неделю обернемся.

– Неделю?

Проктор задумался. Так надолго ему уезжать еще не приходилось. Тем более одному, без родителей.

- Меня ведь будут мама с папой искать.
- Ну и что? Ты же вернешься? Я вот за своих не беспокоюсь.
- Ну ладно. Только я им должен позвонить.
- Вот к моему отцу приедем, и позвонишь.

Проктор настороженно посмотрел на друга, как бы спрашивая: ты это всерьез? Но ничего не сказал. Только кивнул.

Глава четвертая. Чиж

Теплый ветер донес запах свежей сдобы с корицей. Вот бы сейчас булочку, подумал Мэрион. Хотя нет. Как я ее себе добуду? Я слышал мысли людей, но притягивать предметы мне еще не приходилось.

Они спускались с Проктором по узкой улочке, соединяющей две глухих стены соседних домов. Ступеньки пели под ногами, а солнце только успело заглянуть в эту тесную щель, и уже готово было сбежать.

Как только стена закончилась, они вышли на набережную реки. Здесь у воды на прибрежных мостках стоял торговец и, размахивая руками, зазывал покупателей.

На его столе была разложена всякая выпечка: батоны и буханки, булочки сладкие, булочки с мясом и зеленью, пироги с разной снедью, печеные жаворонки и петушки, круассаны и много всего еще.

Мальчики остановились недалеко от торговца.

- Есть охота, – проговорил Проктор.
- Можно купить пару булочек. – Мэрион порылся в кармане. – У меня есть две монеты. Но я хотел их оставить на поезд.
- Тогда ладно, придумаем потом, что будем есть. – Проктор завертел головой и спросил: – А вокзал далеко?
- Не очень. К вечеру придем. Ты торопишься?
- Нет, что ты! – Проктор замахал руками. – Смотри, какое яркое небо, солнышко теплое, и даже как будто птицы поют...

– Птицы? Прок, не придумывай, ладно? Не слышно никаких птиц.

– Не слышно, да? – Мальчик приуныл. – Эх, ну почему они не появились. Вот ты же можешь сделать так, чтобы птицы появились, да?

– Я не пробовал, – сказал Мэрион. Помолчал, а потом добавил: – Но можно попытаться.

Мэрион надел очки. Закрыв для верности глаза и попробовал сосредоточиться. Его мысли бегали сейчас совсем как в том переулке, когда Мэрион первый раз надел очки.

Так. Надо сконцентрироваться на птицах. Чтобы они появились.

Слева чирикнул воробей, справа прилетела пара голубей, а сверху кружили еще несколько ворон.

– Нет, Мэрион. Я не таких хотел птичек. – Проктор улыбнулся и сказал: – Я же хотел чижа или ласточку.

Мэрион чуть не поперхнулся.

– Чижа? М-м-м... А как хоть он выглядит?

Проктор посмотрел на друга с подозрением, он что, меня разыгрывает? Но увидев, что Мэрион действительно не знает эту птицу, задумался. И тут Мэрион неожиданно рассмеялся.

– Ты так хорошо его представил, что я сразу же его увидел. Минуту!

Мэрион замер, и через две секунды откуда-то сверху спланировал желто-зеленый чижик, бодро запрыгал по мостовой, подлетел к торговцу и в тот же миг забрался на прилавок.

Торговец опять громко закричал, отгоняя птицу.

– Проктор, дай продавцу монетку, – сказал Мэрион. – Она у тебя в правом кармане. И заberi булочку.

Они отошли подальше от прилавка к воде, стали крошить булочку, поедая ее маленькими кусочками и угощая птицу.

– Скажи, а почему чиж? – спросил Мэрион.

– Дома у меня живет чиж, на чердаке. И я его кормлю. Он тоже мой друг, как и ты.

Глава пятая. У вокзала

Перед вокзалом было полно народу. Не хотелось пихаться, но по-другому билетов было не достать. Кому-то надо было встать в очередь. Вызвался Проктор.

– Я тогда посмотрю, с какого перрона отходит поезд, – сказал Мэрион.

Он вышел на площадь и глянул на табло.

Буквы были мелкие и непонятные. Они, конечно, складывались в слова. Но в какие? Никогда не давалась Мэриону эта замысловатая наука – грамматика. Он воровски огляделся, больше прислушиваясь к тому, что говорят окружающие. Вдруг они назовут тот городок, где живет его отец. Но ничего похожего он не услышал.

Тогда Мэрион поспешил к Проктору. При входе он столкнулся с мужчиной, у которого на носу сидели большие очки в роговой оправе. Мужчина натыкался на все предметы, но продолжал идти вперед и очки не снимал.

Уже в здании вокзала девочка лет двенадцати с подружкой тоже примеривали очки, а у самой кассы несколько подростков шумно обсуждали происшествие, которое только что случилось на площади. Водитель троллейбуса заявил, что он не может водить троллейбус без очков и, пока их ему не дадут, он никуда не поедет.

И взгляды у людей стали какие-то подозрительные. Каждый вглядывался в других в этих очках, как будто хотел увидеть вместо человека крокодила или бегемота. А один гражданин так тер стекла своих очков, что они в его руках задымались.

– Мэрион, ты не знаешь, почему люди стали такие странные? – спросил Проктор. – Почему они так смотрят?

– Не знаю. У всех сразу испортилось зрение.

– Ага, и очки у всех в такой оправе как у тебя.

– Ну нет, не у всех. Вон, смотри, девочка идет. У нее обычные очки.

Кассы в вокзале закрылись, и народ кинулся в оптики. Ребята вышли за девочкой на улицу. Недалеко от выхода стояла деревянная скамейка. Девочка села на нее, достала мобильник и стала играть.

– Девочка, скажи, а почему у тебя очки не в роговой оправе? – спросил Мэрион.

– Они мне не нужны. Ерунда это все.

– Что ерунда? – не понял Проктор.

– Да все эти разговоры про роговые очки, которые исполняют желания.

– Понятно, – протянул Мэрион.

Отвернулся от девочки, надел очки и посмотрел на нее снова.

Девочка смотрела в мобильник, пальчик ее то и дело касался экрана, но думала она не об игре. Думала она о том, что у нее нет ключа от дома, а мама придет домой только через два часа. А куда задевался ее ключ, она забыла.

Мэрион представил, где мог бы находиться ключ. И тут в портфеле девочки что-то зазвенело. Один раз, потом еще раз, потом еще и еще, пока девочка не обратила внимание на этот трезвон.

– Что это? – Глаза девочки были широкими и испуганными. Она открыла портфель, звон тут же прекратился, порывлась внутри и достала со дна большой ключ.

– Что это? – еще раз повторила девочка. – Я могу пойти домой?

Девочка радостно вскочила со скамейки и, прокричав:

– Я могу пойти домой! – пустилась бежать.

Проктор посмотрел на девочку, потом на Мэриона и спросил:

– А что у нее звенело в портфеле?

– Не знаю, – ответил Мэрион. – Может, будильник...

– В портфеле? – Проктор поежился.

– А вдруг. Взяла и утром положила его в портфель.

– Ты что, Мэрион. Он же тяжелый.

– Да-а-а... – протянул Мэрион. – Загадка.

Глава шестая. Признание

Дорога шла мимо парка. Слева высились стройные сосны, справа белели березы, а между ними кое-где местами мелькали кусты. И трава вымахала выше пояса. Вот по такой траве только гулять и стрекоз ловить!

Но Проктор вместе с другом шел вперед, стараясь не обращать внимания на все эти яркие прелести летнего дня, на запахи цветов и трав, на жужжание пчел, стрекот кузнечиков и мельтешение мух. Ведь друг сказал ему, мы пойдем к нашей цели. Значит надо идти. Он, правда, не сказал, какая у нас цель.

Дорога была горячая от солнца, светло-серая и пыльная.

Проктор снял бейсболку и помахал на себя, нагоняя ветер.

– Пить хочется.

Мэрион не ответил.

Проктор прошел еще некоторое время молча, потом спросил:

– Скажи, а ты знаешь, куда нам идти?

– Конечно, знаю, ты же читал табличку. Что там было написано?

– Я не читал. А что там было?

– Не читал? А куда же мы с тобой идем?

Мальчики остановились, посмотрели друг на друга и сели на обочину дороги. Молчали долго, упорно, каждый дулся на друга. Потом Мэрион вздохнул, сказал:

– Извини, я как-то это... В общем... Я... Я не умею читать.

Выговорил он это с трудом, но твердо, видимо решив, что так будет лучше.

Проктор сидел и смотрел на муравейник метрах в десяти от них. Мураши были такие трудяги, так быстро бегали, тащили какие-то листики, веточки, личинок жуков.

– Что?

Он поднял голову.

– Ты что? Не умеешь читать?

Мэрион помотал головой.

Проктор опешил.

– Ты не переживай. Это ведь не страшно. Правда. А зато ты много знаешь. И еще, и еще... Хочешь, я научу тебя.

– Научишь чего?

– Читать, конечно.

Мэрион опять помотал головой.

– Нет. Я не смогу. Я уже пробовал.

– Да ты что! – Проктор повернулся к другу. – Это очень просто.

– Нет. – Мэрион поглядел сквозь деревья, встал, потянулся, сказал: – Пойдем во-о-он туда. Мне кажется, там ручеек. А то и правда пить охота.

Глава седьмая. Желания

Грустные это были поиски. Они исходили всю половину леса справа от дороги, но не нашли ни ручейка, ни озера, ни речки. Только в одном овраге наткнулись на мутное болотце, пить из которого не захотели.

Уставшие, они сели на поваленное дерево, прислонясь спинами друг к другу. Солнце, просвечивая сквозь кроны клёнов, бросало на лица мальчиков ажурные блики и тени. Где-то в глубине леса ухнула сова. Резко стрекотнула сорока и затихла испуганно.

Слева треснула ветка, и из-за высокой осины вышел енот Варфоломей, остановился перед Мэрионом и сказал:

– И долго ты будешь прохлаждаться?

Мальчики вздрогнули и оба вскочили с места. Енот продолжал:

– Мэрион, вы чего к траве приклеились, скоро в камни тут превратитесь. А время идет. И может случиться так, что твои очки перестанут действовать.

Проктор улыбнулся:

– Значит, у них тоже есть срок годности?

– Да, молодой человек, как у всего на этой земле, у очков тоже есть срок годности. И у человека в том числе. И, к сожалению, у енотов тоже.

Мэрион огорченно вздохнул, спросил:

– А что я могу сделать? Мы хотели отправиться в путешествие, но у меня ничего не вышло. Вон даже воду не смогли найти.

Енот недовольно покачал головой.

– А очки тебе на что?

– Варфоломей, но я же не могу исполнять свое желание.

– А ты исполняй не свое. Может твой товарищ подумать о глотке воды?

Проктор заулыбался еще шире, чем прежде.

– Это я завсегда.

Мэрион виновато посмотрел на Варфоломея, потом на Проктора. Достал очки, надел и тут же их снял.

– Проктор, если ты будешь думать о доме, то сразу окажешься около своей мамы. И мы с тобой вместе, может быть.

Мэрион опять надел очки, но тут же их снял.

– Я не могу. Он всегда думает о родителях.

Варфоломей крикнул, расправил усы.

– Ух, молодежь. Надо уметь управлять своими желани-ями и мыслями. Давай, Мэрион, исполни мое желание.

Мэрион в третий раз надел очки и посмотрел на енота. И сразу на траве у их ног появилось полотенце, на котором были разложены три булочки, три бутылочки газированной воды, три яблока и гроздь винограда.

– Глядишь, и я с вами позавтракаю, – проговорил Варфоломей, тут же уселся на траву и принялся за еду. – При-соединяйтесь, молодые люди. В ногах правды нет, как говорили ваши предки-люди. Кстати, Мэрион, исполнять свои желания тоже иногда полезно...

Глава восьмая. Испытания

Мэрион скептически поглядел на полотенце. Интересно, а чего хочет Проктор?

Проктор изнывал от жары и жажды. В его голове мелькали какие-то обрывки мыслей о мороженом, лимонаде и водопаде.

Неожиданно полотенце увеличилось в размерах, на него потоком хлынули апельсиновый сок, пепси-кола и клюквенный морс, но не растеклись по траве, а сразу вылились в небольшие графины-непроливайки, рядом с ними упали плоды манго, груши и персика. А сбоку в деревянном ларце появились три рожка с разноцветным мороженым: шоколадным, арбузным и ванильным. У ларца прямо из воздуха высыпались с десятков чупа-чупсов, мармеладные шарики и зефиры в шоколаде. И в завершение всего на полотенце плюхнулась фигурная плитка шоколада, толстая и длинная, как паровоз.

Проктор тут же отломил кусок от шоколадки и принялся жевать. Мэрион схватил рожок ванильного мороженого. Он мечтал об этом так долго! С прошлого утра. Он поднял глаза к небу и вдруг увидел у своего носа бутылку с водой. Она плыла к нему медленно, как в немом кино. Не хватало только крыльев, чтобы изобразить полет.

– Это что? – спросил Мэрион.

– Вода, – ответил Проктор. – Ну у тебя и рожа!

– Но я же не просил воды.

– Она сама прилетела. Ты молодец, Мэрион! Дай водички.

Проктор открыл бутылку, отпил несколько глотков и вдруг почувствовал, что бутылка из его руки исчезла и появилась у Мэриона. Тот тоже отпил глоток и так же незаметно передал бутылку опять Проктору.

– Не, я лучше соку попью. И вообще, чего ты стоишь. Давай есть уже!

Они дружно накинулись на еду. Это ж надо, они и предположить не могли, что нагуляли такой аппетит.

Через некоторое время Мэрион лениво потянулся, погладил живот и откинулся на спину на траву.

– Сейчас еще часочка два храпануть, а там можно и делом заняться.

Проктор упал рядом с другом.

– Вот это я понимаю завтрак! Смотри, Варфоломей, у него получилось. Варфоломей! Мэрион, а где енот?

– Он исчез. Только что.

– Даже не попрощался.

– Он не хотел тебя отвлекать. Ты так забавно морщил нос, что он помахал мне лапой и пропал.

– Я все-таки не понимаю, как ты это делаешь?

– По щелчку.

– Что-о-о?

Проктор приподнялся на локте, щелкнул по носу Мэриона, потом накинулся на него и стал мутузить по груди, плечам, рукам. Мэрион вывернулся, вскочил на ноги, подхватил друга подмышки и закружил быстро-быстро. Потом они вместе повалились обратно на траву, громко смеясь.

– Ну что, доволен? – Мэрион поднялся. – Давай, складывай пустые бутылки, бумагу, весь мусор в пакет.

– И куда мы его?

– Как куда? Отнесем в мусорный бак.

Через минуту они уже шли в обратную сторону, и даже настроение как будто у них поднялось. Проктор даже начал насвистывать какую-то простую мелодию, а Мэрион шагал в такт мелодии и размахивал руками как мельница.

На обочине лежала груда камней. Мэрион остановился.

– У меня идея!

Он выбрал камень среднего размера и протянул его Проктору.

– Держи. Теперь вытяни руки в стороны. Ладонями вверх! Ну!

Проктор сделал так, как просил его Мэрион. Камень поднялся из правой руки Проктора, завис в воздухе, описал дугу и опустился в его левую руку. Потом так же перелетел обратно в правую. Проктор следил за камнем, поворачивая голову туда-сюда.

Ух ты, подумал Проктор, вот бы и мне так полетать как этот камень. Да даже подняться над землей и полететь, было бы здорово.

– Знаешь, Мэрион, – прокричал Проктор, – я всегда завидовал птицам. Они могут сами себя держать в воздухе. Ой! Мэрион, что ты делаешь?! Я же взлетаю. О-го-го! Я лечу!

– Проктор, осторожно, не качайся, а то свалишься, – проговорил Мэрион. – Сейчас я тебя опущу тихонько. Вот так.

Проктор приземлился, и тут же запрыгал по дорожке как козленок.

– Мэрион меня заставил летать! Ура Мэриону!

У низкого плетня стоял мальчик в темных рваных штанах и синей засаленной футболке. Он наблюдал за нашими друзьями, и когда они проходили мимо, тоже пошел рядом с ними.

Проктор с Мэрионом смеялись и Трубач смеялся вместе с ними, они бежали по дороге, и он бежал рядом. Мальчики посмотрели на новичка и решили, пусть бежит.

– А спорим, Мэрион сможет перевернуть вон ту бочку? – спросил вдруг Проктор у нового мальчика.

– Бочку? – удивился мальчик. – Не может быть!

– А вот и да! – сказал азартно Проктор.

– Вон ту бочку? – опять переспросил мальчик. – Да она сама уже подпрыгивает от радости.

– Да что бочку, если он захочет, то и трактор перевернет и даже вот этот дом.

– До-о-ом? Ну, это ты заливаешь!

– Мэрион еще и не такое может. – Проктор победно засмеялся. – Его очки могут исполнить любое желание.

– Любое желание? – Мальчик прикрыл глаза и почему-то кивнул.

– А как тебя зовут? – спросил Мэрион, снимая очки. – Меня Мэрион, а это Проктор.

– А я Трубач, – ответил мальчик.

– На трубе играешь? – спросил Проктор.

– Нет, лазаю по трубам, – ответил опять мальчик. – Надо тебе например, войти в закрытый дом. Ключи ты потерял или пожар, например, а в дверь войти не можешь. Я залезаю в трубу и открываю дверь. Понял?

– А, понятно, – протянул Проктор.

У большого колодца Трубач остановился.

– Ты здесь живешь? – спросил Мэрион.

– Да. Я почти пришел. Вон тот дом с красной крышей видите? Это мой.

Глава девятая. Станный мальчик

– Красивый у вас дом. – Проктор прошел чуть вперед и внимательно оглядел наличники на окнах. – Когда-то мы тоже с мамой и папой жили в таком доме.

– Тут хозяин живет – мой папа. А я к нему приехал совсем недавно. Вот еще не привык. И трубы у него нет.

– А ключа у тебя разве нет? – спросил Мэрион.

– Ключа? Нет. Папаша уехал на базар, а я в это время на рыбалке был. Думал, успею до его отъезда. Теперь вот придется до вечера коковать под дверью.

– А где же твои удочки? – Проктор с недоверием посмотрел на Трубача.

– Да я их у приятеля оставил. Чего с ними таскаться целый день.

Трубач тяжело вздохнул, опустил голову. Мэрион и Проктор переглянулись.

– Мне бы только первую дверь открыть, – проговорил Трубач.

– Давай попробуем, – ответил Мэрион, и тут же внутри массивной двери щелкнул замок.

– О, класс! – воскликнул Трубач. – Ну, пока. Может, еще увидимся.

Он с трудом открыл дверь и скрылся за ней.

Мальчики постояли с минуту, потом пошли к дороге.

– Странный он какой-то, – размышлял Мэрион. – Ты как думаешь, это правда его дом?

– Думаю, что нет, – откликнулся Проктор. – Он нам наврал.

– А зачем?

– Может быть, он вор?

– Вор? Да нет! Он такой веселый.

Мальчики уже подходили к колодцу, когда дверь дома открылась, и оттуда пулей вылетел Трубач. Следом за ним выбежал крупный мужчина в тренировочных штанах и майке. Но догнать мальчишку он, конечно, не смог.

– Ой, смотри, Трубач бежит, – проговорил Проктор. – Несет чего-то.

– Надо помочь человеку. – Мэрион надел очки и произнес:

– Пусть украденные Трубачом вещи вернуться хозяину.

И в этот момент сверток, который нес Трубач, вырвался у него из рук, перелетел большое расстояние и опустился прямо в руки хозяина.

Трубач на секунду остановился, повернулся к Мэриону и погрозил ему кулаком.

– Еще увидимся, – сказал он. – Сочтемся.

И убежал.

Мэрион с Проктором пошли дальше.

Глава десятая. Пчелы

Дорога казалась такой длинной, скучной и утомительной, что Проктор сошел на траву и упал под ближайший куст.

– Все, меня нет. Я испарился.

Мэрион присел около друга. Ноги гудели от долгой ходьбы, и солнце сильно припекало.

Мэрион откинулся назад на траву, закрыл глаза и прислушался. Ветер шумел в верхушках деревьев, под кустом пробежал мышонок. Мэрион был уверен, что это именно мышонок, он так тихо пищал, быстро перебирая лапками. В отдалении трещали сороки, а сверху слышался какой-то низкий густой гул. Мэрион не мог понять, что это. Но вместо того, чтобы отвлечься и попробовать уснуть, он стал вслушиваться и все старался понять, что же такое ему не дает покоя.

– Проктор! Ты спишь?

– Сплю, – пролепетал друг.

– Проктор, что это гудит?

– Я сплю, – повторил друг и нарочито громко захрапел.

– Что это может быть?

Мэрион приподнял голову, потом сел.

Гул не давал покоя. Он то становился тише, то снова нарастал. Казалось, что это самолет приближается на какое-то расстояние, а потом опять улетает.

Улетает! Точно. Кто-то летает. И это не самолет. Это...

– Проктор, вставай! Ходу!

Мэрион вскочил, приподнял друга, который почти уснул и никак не хотел просыпаться. Его глаза были сонные, а сам он вялый и беспомощный.

Мэрион подхватил Проктора под руки и потащил в сторону, подальше от этого опасного гула.

– Проктор, – закричал Мэрион, – вставай быстрее! Пчелы!

– Пчелы? – Проктор сначала расслабленно, а потом неожиданно бодро тоже закричал:

– Пчелы?! Бежим!

Он подскочил очень быстро, и они побежали с Мэрионом на открытое пространство, где было мало травы, где была горячая дорога, на которую пчелы не захотят вылетать. Они уже почти добежали, уже почти оторвались, но вот одна пчела нагнала беглецов, потом к ней присоединилась другая, потом еще с десятков, а потом их налетела целая туча. Они вились вокруг мальчиков, налетая с разгону и жаля сильно, зло.

– Мэрион, сделай что-нибудь!

– Что я сделаю?

Мэрион махал руками, еще больше распаляя злость насекомых.

– У тебя же волшебные очки. Сделай что-нибудь.

Проктор катался по асфальтированной дороге, убивал липнувших к телу пчел, отбрасывал их комки тел на траву, но количество их, казалось, только увеличивалось.

Мэрион с трудом забрался опухшей от укусов рукой до кармана, достал очки и надел их. Секунду-другую не происходило ничего существенного, если не считать количество покусанных мест на телах ребят. Но тут пчелы как по команде отпрянули от поверженных врагов, отделились на расстояние вытянутой человеческой руки, потом еще дальше, а потом наконец-то улетели совсем. Мальчики рухнули на мягкую траву и тяжело задышали.

– Ты жив, Мэрион?

– Кажется.

– А хорошо, что они от нас отстали, да?

– Ага.

– А ты... Ты как их это... Оттолкнул? Ну, в смысле, отпугнул? В смысле, что ты им приказал?

– Я им сказал, что мы не вкусные.

– Да? И они поверили.

– Не-а...

– А как же?

– А потом я пожелал, чтобы вокруг нас был запах пижмы.

– Чего? Пижмы?

– Да. Она отпугивает пчел и ос.

– Ой, откуда ты это знаешь?

– Мне отец говорил.

Проктор сел на траву и уставился на Мэриона.

– Ты не шутишь?

– Нет. Я, правда, не очень хорошо помню, но мне кажется, что это он мне рассказал.

– Ой, мои ручки! – Проктор потирал истерзанные ладони, лицо, ноги, потом стал тереть активнее, потом стал чесать.

– погоди, не чеши. Сейчас мы полечимся.

Надев снова очки, Мэрион замер, и вдруг перед Проктором на траве появился пузырек с зеленоватой жидкостью.

– пей. Это лекарство.

– Какое?

– От укусов пчел. пей, не бойся.

– А ты?

– А потом и я.

Глотать было трудно, но Проктор справился, отпил половину и протянул пузырек Мэриону. Тот взял пузырек, выпил лекарство до дна. Потом подбросил пузырек в воздух, и он вмиг растворился, как будто его и не было.

– Ну, ты как?

– Получше. Давай немного полежим? – промурлыкал Проктор заискивающе.

– Давай.

Через минуту они уже спали под летним солнцем, зарывшись носами в душистую траву, и никто их не тревожил, ни пчелы, ни осы, никакие другие летучие обитатели этого леса.

Глава одиннадцатая. Неудача

Проктор поднял голову.

– Мэрион, наколдуй стакан газировки. Пожалуйста, а!

Мэрион повозился, достал из кармана очки и нацепил их на нос, не открывая глаз. Поднял обе руки вверх, приготовившись взять два стакана, но ничего не произошло. Газировка появляться не захотела.

Мэрион сел, посмотрел на свои руки, поправил очки.

Ничего не изменилось. Даже ветерок не стал сильнее.

Мэрион сидел неподвижно, то открывая, то зарывая глаза, смешно морщил нос, двигал ушами, но в руках опять ничего и не появилось. Это разозлило Мэриона. Он вскочил на ноги. Щелкнул пальцами и поглядел себе под ноги. Ничего. Тогда Мэрион замахал руками, крутанулся несколько раз вокруг себя, вытянул руки к Проктору и замер.

Проктор сидел рядом и с интересом наблюдал за товарищем. Он уже хотел засмеяться, но побоялся, что может обидеть друга.

Наконец, он встал, отряхнул пыль с вихров, сказал:

– Пойдем искать родник?

Мэрион молча кивнул, и уныло поплелся вслед за Проктором.

Хотя светило солнце, Мэрион шел медленно, пинал листья под ногами, останавливался у каждого дерева и долго разглядывал черточки на стволах. Проктор убежал далеко вперед от друга, мелькал то слева, то справа, то возвращался. Он казался машиной с заводным моторчиком. Вон как ревет. Прямо гонщик. Носится туда-сюда как угорелый.

– Внимание, внимание! Объявляется пятиминутный перерыв в заезде.

Проктор громко зарычал и вдруг плюхнулся в траву, высоко задрал ноги.

Мэрион подошел к другу, грустно улыбнулся и вдруг сказал:

– Надо возвращаться. Родители тебя, наверное, уже потеряли.

– А как же море? Как же путешествие?

– Не будет моря. И путешествие будет теперь только в одну сторону. Домой.

Мэрион сел рядом с Проктором. Но Проктор откатился от него на некоторое расстояние.

– Ха! Домой! Я-то буду дома, а у тебя какой еще дом? Крыша? Тоже мне, дом!

– У меня там хорошо, на крыше.

– Ага! Знаю я твое «хорошо». Заходил как-то на крышу. Там течет, там вообще крыши нет. Одни дыры.

– Чего ты заладил – дыры, дыры!

Мэрион сжал кулаки. Проктор рывком встал на колени, уперся кулаками в землю:

– А что? Сделай чудо, почини крышу. И можно будет возвращаться домой. Слабо?

– Сейчас мы все равно не узнаем, сработает это или нет.

– Ты даже не попробовал. А уже говоришь. Да сделай же что-нибудь. Тоже мне горе-волшебник!

Проктор откинулся спиной на траву. Сложил руки на груди и запел траурный марш.

– Трам-пам-папам! Трам-па-пам-па-па-пам!

Мэрион вскочил, нацепил очки и уставился на Проктора. Неожиданно руки Проктора захлестнула веревка, которая подцепила его и потянула вверх. По мере того как он поднимался, веревка все больше оплетала его тело. Наконец, он встал, опутанный с ног до самой шеи этой самой веревкой.

– Класс! Мэрион, работает. Молодец!

Проктор громко рассмеялся, но так как стоял он не очень уверенно, то попросил:

– Давай теперь развязывай.

– Зачем? Ты же не хотел домой. Вот и оставайся. Видишь, свежий воздух, природа, листочки под ногами.

– Мэрион, ты же не серьезно? Ты же пошутил?

– А что? Представляешь, как будет здорово.

Мэрион горько усмехнулся. Он уже собирался отойти от друга, но неожиданно остановился, поднял руку. Надел опять очки, веревка ослабла и сама собой упала к ногам Проктора. Мэрион протянул руку в сторону темной чащи:

– Там кто-то плачет.

Глава двенадцатая. Потеряшка

Мальчики побежали к лесу. Ветки хлестали по лицу и рукам, казалось, деревья обступают тропинку слишком тесно и мешают движению.

– Кто там? – спрашивал на ходу Проктор. – Ты видишь? Кто плачет?

Он бежал рядом, поглядывал на друга, но не видел больше никого и не слышал ни одного постороннего звука. Может быть, Мэрион специально все придумал? Чтобы отвлечь его от плохих мыслей. Или чтобы опять как-то поиздеваться над Проктором.

Но тут они выбежали на поляну. Посреди поляны торчал невысокий пенек, на котором сидел маленький мальчик. Лицо его было искривлено горем, он тихо всхлипывал, растирал ручонками слезы. А когда увидел ребят, залился горькими слезами, заплакал в голос.

– Ты откуда?

Мэрион подбежал к мальчику, присел около него на корточки.

– Где твоя мама?

– Она... она... сидеть... и ждать...

Мэрион выпрямился. Надел очки и замер. Медленно поворачиваясь вокруг себя, он вслушивался в тишину леса.

– Ну что? Где она? – Проктор теребил руку Мэриона. – Где она?

– Погоди. Сейчас мы сделаем по-другому.

Мэрион опять присел к малышу.

– Посмотри на меня. Вот, молодец. Мама туда пошла? В ту сторону? Да? Давай позовем ее. Давай вместе.

Малыш уже открыл рот, Мэрион вместе с ним тоже открыл рот, но малыш стал звать один. Голосок был тоненький, но усиленный каким-то невероятным рупором, он раздавался в тишине так громко, как будто передавали сообщение на вокзале для тысяч слушателей.

Через некоторое время за спиной у Мэриона в лесу послышался шорох листвы, торопливые шаги и голос женщины:

– Ну что ты орешь как резаный!

На поляну вышла грузная женщина, она была закутана в платок, длинное платье, оборванное понизу, волочилось по земле, а в руках у нее была большая корзина, наполненная грибами. Увидев посторонних, она смолкла, подозрительно поглядела на Мэриона и Проктора. Взяла малыша за руку и увела в ту же сторону, откуда пришла.

– Может, мы тоже пойдем туда? К людям? А Мэрион?

Мэрион помотал головой, присел на тонкий пенек.

– Не понимаю. Ну вот как так?

Он стиснул руками голову. На его глазах показались слезы.

– Да я ее...

Мэрион встал, повернулся в сторону, куда ушли женщина с мальчиком, но опять сел на пенек.

– Ведь она...

Проктор подошел к другу, положил ему руку на плечо, сказал:

– Исполни мое желание. Пожалуйста.

Мэрион поднял голову, обнял Проктора, прошептал:

– Хорошо.

Надел очки и оба они исчезли с поляны.

Лишь солнце чуть-чуть поблескивало сквозь ветки, да ветер чуть шевелил листья.

Глава тринадцатая. Состояние полёта

Как они летели!

Проктор от восторга зажмурился, потом широко открывал глаза, но от сильного встречного ветра набегала слеза. И от этого хотелось смеяться, махать руками и ногами, петь как птицы и прыгать до небес.

– Мэрион! Ты настоящий волшебник! Ты даже не представляешь, что ты для меня!

Яркое солнце светило в глаза. И за этим светом было неясно, сколько уже они пролетели. Только через какое-то время показались серые коробки домов, низкие забор палисадников да толстые трубы, выведенные для чего-то над землей.

– Вот это полет! Мы с тобой как птицы, Мэрион. Даже лучше, чем птицы!

– Держись! – Мэрион крепче сжал руку Проктора, аккуратно поставил его на землю, а затем и сам приземлился.

– Готово! Ваше распоряжение выполнено, капитан! – отсалютовал Мэрион.

– Мэрион, ты такой хороший.

Проктор запрыгал на месте, обежал несколько раз вокруг Мэриона и вдруг остановился.

– А можно мне на минуточку твои очки?

– Конечно.

Мэрион протянул очки другу. Проктор взял их очень осторожно, долго разглядывал, потом надел, повернул голову вправо-влево, посмотрел на Мэриона. И тут он закрыл глаза, раскинув руки в стороны. Постоял так с минуты. Открыл глаза. С сожалением вернул очки.

– Мои желания они не хотят исполнять. – Проктор вздохнул. – Это ты у нас волшебник. А я нет.

– Да ладно тебе, Прок, ты тоже сможешь.

– Нет. Я пойду, можно?

Проктор посмотрел на окна дома, где ждала его мама. Совсем недавно они стояли там во дворе и не подозревали, что с ними могут произойти какие-то события. А сейчас надо было прощаться, но так не хотелось этого.

– Иди, Прок. Передавай родителям мой волшебный привет.

– Ага.

Проктор сделал два шага и вдруг опять остановился. Из-за угла дома вышел длинный Ваню. Из-за его плеча выглядывал Гоча, а рядом с ними где-то сзади показалась знакомая фигура незнакомого мальчика. Это был Трубочка.

Глава четырнадцатая. Расправа

– Ну что, мелочь. Я вас жду, жду, а вы все не идете? – Ваню чуть пригнул голову, но не стал от этого ниже. – Кто тут у нас самый резвый волшебник? Ты или ты?

Ваню водил пальцем с Мэриона на Проктора и обратно. Палец был тоже длинный, с обгрызенными ногтями и темным пятном на самом конце. А когда Ваню сгибал этот свой палец, Проктор еще больше сжимался. Палец из опасного становился страшным.

– О! Кстати, дай-ка примерить!

Ваню ловко подцепил очки с носа Мэриона, перевернул их и надел себе на нос. Повертел головой, оглянулся на Гочу и Трубочку.

– Ничего не понимаю. Почему в них ничего не видно? А?

Гоча протянул руку.

– Дай мне, слепая тетеря!

Он уже почти снял очки с носа Ваню, но тот резко дернулся и очки свалились на землю, подскочили несколько раз и из оправы выскочило одно стекло.

– Ой! – Ваню расплылся в улыбке. – Что случилось? Мама родная, чучело огородное! Очки разбились.

Трубач подбежал к очкам и с силой и злостью надавил пяткой на круглое блеснувшее стекло. Послышался треск.

– Я же говорил, еще встретимся. Ха! Ну что, волшебник, давай сотвори чудо. Как тебя этот салажонок называл?

Трубач подхватил очки, в которых образовалась дыра, подкинул их высоко, очки описали дугу и ударились об асфальт. Гоча ударил ногой по очкам как по мячу, очки отлетели к Ваню. Тот дал пас Трубачу, Трубач – Гоче, а когда очки снова оказались у Ваню, он несколько раз подпрыгнул, давя и ломая и без того хрупкий предмет.

После этого веселая тройка удалилась, посмеиваясь и задирая друг друга.

Глава пятнадцатая. Осколки

Проктор и Мэрион стояли не шелохнувшись до того момента, пока Ваню с компанией не скрылись за углом дома. Казалось, сама природа замерла в этот миг. Такая стояла тишина. Но вот где-то каркнула ворона, где-то камень ударился о железо, где-то проехал автомобиль.

Проктор опустил на корточки и поднял очки, точнее то, что от них осталось. Истерзанный предмет выглядел сейчас не лучшим образом. Проктор стал собирать осколки линз, оторванную дужку, кусочки роговой оправы. Набралось деталей целый кулак, и еще несколько оставались на земле.

Тогда Проктор ссыпал то, что насобиравал обратно в кучку, огляделся, быстро встал и побежал к низкому заборчику. Там он подобрал старую газету. Вернулся, развернул газету на весь разворот, насколько можно шире. На угол

положил самое крупное звено – металлический каркас очков, рядом отбитую дужку, потом кусочки стекла и оправы. Набралось, наверное, штук двадцать осколков. Все они теперь лежали на газете, поблескивали на солнце и притягивали внимание.

Вон под одним осколком мелькнула увеличенная буква, вот под другим нарисовался краешек портрета, а между двумя кусочками роговой оправы торчала большая таблица с цифрами.

Мэрион протянул руку к кусочкам линзы, приподнял его. Буква увеличилась. Он повел чуть вправо. Показалась другая буква. Потом третья, четвертая. И вдруг слово закончилось. Дальше было пустое пространство.

Ну как же так, подумал Мэрион, только началось слово и тут же кончилось. И что за слово, такое короткое?

– Проктор, это что за слово?

– Море.

Голос Проктора был глухой, казалось, он сейчас расплачется.

– Мы все равно будем с тобой на море. Ты веришь мне, друг?

Мэрион приподнялся и повернулся к Проктору, но тот сидел неподвижно, ковырял ногтем травинку у колена и смотрел на свои пальцы.

И вдруг это волшебное слово пришло в голову обоим друзьям. Вдруг осколки на газете пришли в движение. Одни ползли к оправе, другие похожие искали своих сородичей. За три секунды все отдельные части выстроились в нужном порядке по своим местам. Уже стала видна форма очков. И даже роговая оправка своей разбитой цельностью поблескивала на солнце.

Мэрион затаил дыхание. Проктор стал часто икать, но оба не сводили глаз с газеты и очков на ней. Еще короткий миг и все разрозненные части слились в единый предмет, пропали трещины и разрывы, изогнутые детали выпрямились, а стекла уже ждали любопытных глаз, чтобы дать им работу.

– Как ты это сделал, Мэрион?

Проктор восторженно глядел на друга. Мэрион не отвечал, в горле у него пересохло. Да и что он мог ответить? Ведь это было самое сильное его желание, и оно исполнилось, но без волшебных очков. Очки сами собой восстановились? Невероятно!

– Какое, ты говоришь, там было слово? Море? – Мэрион встал, надел очки и взял друга за руку. – Значит, нам туда. На море.

В арке мелькнул полосатый хвост, да улыбка в глазах енота Варфоломея стала шире.

Глава шестнадцатая. Море

– Ну же, Проктор, открой глаза. Посмотри.

– Нет, Мэрион, погоди. Я хочу сначала его послушать. Оно так красиво шумит. Вот, слышишь, подкрадывается, потом хвостом ударяет и убегает. А вот где-то кричит тонкими голосами. Это кто кричит?

– Это чайки. Открой глаза, посмотри. Они совсем близко. И еще они умеют нырять в воду.

– Чайки? В воду?

Проктор широко открыл глаза, искал чаек, потом вдруг замер, вытянул руку в сторону моря, сказал:

– Это яхта, да?

– Да, ты откуда знаешь?

– Мне папа рассказывал. Я много читал про море, видел картины. Они называются марины, а художники – маринисты.

Подбежав вплотную к самой кромке, Проктор зачерпнул пригоршню воды, потом еще и еще. Вода выливалась обратно в море, искрилась и лизала обувь мальчика.

– Ой, мокро!

Мэрион присел на крупный валун, разулся и вытянул ноги.

– Тепло.

Проктор сел рядом, чуть потеснив друга на камне. Шутя, они потолкались немного, а потом вместе свалились на теплую гальку. Камешки были разные по цвету,

размеру и форме. Серые и белые, пятнистые и полосатые, рыжие и коричневые. А один даже красный.

– А теперь, как заправские капитаны, мы отправляемся в плавание. Пристегнуть ремни!

Мэрион взял друга за руку, поправил очки, и они тут же оказались на океанском лайнере. Острый нос корабля далеко выдавался вперед, а сверху свисали балконы и окна как у настоящего пятиэтажного дома.

– Мэрион, разве такое бывает? Вау!

Взмахнув руками, Мэрион протянул Проктору банан и грушу, а потом между ними ниоткуда прямо из воздуха появился огромный стол, весь уставленный фруктами, цуккатами, пирожными всяких видов, кусками пиццы, щербетами и пастилой, халвой и орехами невиданных размеров.

– Приятного аппетита!

Стулья сами подъехали под ноги наших приятелей и придвинули их к столу.

Когда трапеза была закончена, с двух сторон как по заказу появились два водопада, в которых ребята сполоснули руки.

– А теперь настало время увидеть все с высоты птичьего полета!

Мальчики без особых усилий подпрыгнули и стали подниматься в воздух. Чайки недоуменно кричали, шаркались в стороны, принимая ребят за летучих хищников. Лайнер становился все меньше и меньше, небо стало темнеть, и показались звезды, а впереди из-за моря уже выступили высокие горы, покрытые лесами.

– Мэрион, а мы можем под водой побывать?

– Конечно!

Стремительно падая вниз, они замедлили движение у самой поверхности моря и мягко вошли в воду. Странно, подумал Проктор, мы под водой, а я даже не захлёбываюсь.

Глубина была небольшая, мимо проплывали по своим морским делам мелкие рыбёшки. Увидев ребят, быстро юркнули в заросли морской травы. Но тут показалась крупная рыба, сам хозяин морей Сом. Взгляд у рыбы ничего не выражал, даже зрачки не шевелились. Плыл он еле шевеля плавниками, одного мелкого движения хвостом

хватало для того, чтобы продвинуться на полметра, а может и на метр.

– Он, что ли, спит, – подумал Проктор. – Не рыба, а целая рыбища! Такую не поймашь удочкой. О! лодка на дне. И весло рядом. А человека не видно. Наверное, он спасся. И нам бы уже пора на солнышко,

Последнее предложение Проктор даже не проговорил, а как-то промыслил, подал сигнал другу.

В ту же минуту они стояли на бетонном волнорезе. С двух сторон плескалась вода, а впереди уже краснело заходящее солнце.

Стояли два мальчика, и каждый думал о своем. Вдруг Проктор спросил:

– Ты же хотел отца повидать, Мэрион. Он где живет? Рядом?

Мэрион опустил голову, снял очки. Долго молчал, потом сказал:

– Я все придумал. Про отца. И про все его слова. Нет его. И никогда не было.

– Ты что, Мэрион, как же не было? Ведь ты сам сказал, рыбак...

Проктор прикусил губу. Отвернулся, глядя на море, на волны, на закат.

– Спасибо тебе. Ты настоящий друг, Мэрион.

Солнце скрылось за горизонтом, и сразу голубое небо стало серым.

– Прощай, море! Мы еще встретимся.

Проктор помахал руками над головой и вдруг пронзительно закричал как чайка, тонко-тонко и резко.

– А теперь, капитан, правьте к дому. Путешествие заканчивается.

Глава семнадцатая. Дома

Сейчас опять появится серая стена дома, подумал Проктор. Но неожиданно они оказались на крыше. Так тут было красиво, как на лайнере. Ихоть не такая высота, а всего третий этаж, но все равно, тут было безопасно. Вану со своими дружками-пирожками не смогут сюда забраться.

– Ты тут живешь, Мэрион? И часто глядишь на звезды, да? Ты такой везунчик!

Мэрион повернулся к Проктору, достал из кармана и протянул ему раковину. Она была в две ладони размером, огромная, светло-розовая.

– Это тебе на память, Проктор. Не забывай меня.

– Ты что, Мэрион! Я никогда тебя не забуду.

Мэрион, не мигая, смотрел на друга. От этого взгляда Проктору стало неловко. Он опустил голову, повернулся и сделал шаг к выходу. Помедлил, а потом быстро стал спускаться по лестнице. Через минуту стук его башмаков по ступеням затих.

Приближалась ночь. Первые звезды уже загорелись на небе и магнитили взгляд Мэриона. Он сел на бетонную ступеньку, прислонился спиной к телеантенне и закрыл глаза. Хотелось плакать. Но Мэрион знал, что тут он плакать не будет никогда. Это его дом. А дома ему всегда будет хорошо.

Вдруг внизу хлопнула дверь, и чьи-то быстрые шаги стали приближаться к крыше. В дверном проеме показался Проктор.

– Мэрион, пойдем к нам. Мама приготовила вкуснячий ужин и зовет тебя вместе со мной его отпробовать.

– А... разве такое бывает?

Мэрион замешкался, но потом все-таки сделал шаг к лестнице.

– Это правда?

Через минуту, взявшись за руки, они входили в уютную квартиру на третьем этаже.

Глава восемнадцатая. Заветное желание

А на следующее утро Мэрион входил в комнату к Розе и еноту Варфоломею. С сожалением и вздохом облегчения вернул очки девочке. Рассказ о приключениях мог бы затянуться надолго, но Варфоломей остановил Мэриона.

– Мы все знаем. Не трать силы понапрасну.

Роза положила очки в ящик стола и повернулась к мальчику.

– Кажется, я знаю, чего ты хочешь больше всего. Только ты боишься это попросить.

Мэрион уже набрал воздуха в грудь, уже открыл рот, чтобы сказать слово, но тут раздался хлопок, как будто лопнул воздушный шарик. Мэрион вместе с Розой и ено-том рассмеялся.

– Закрой глаза, – попросила Роза.

Мэрион почувствовал, как Роза и Варфоломей берут его за руки, как стены комнаты становятся прозрачными, куда-то уходят. Тишина уютного домика меняется на легкий морской бриз. И вот уже Мэрион оказывается на том самом бетонном волнорезе, где они совсем недавно были с Проктором. А рядом с Мэрионом стоит мужчина.

Фигура его чем-то напоминает огромный шкаф, от его одежды пахнет рыбой, а голос такой нежный, родной.

Мэрион открывает глаза. Это ему не приснилось. Рядом с ним действительно стоит его отец, смотрит ему в лицо и улыбается. Улыбается и что-то говорит. Говорит и показывает в море. А потом кладет ему руку на плечо и замолкает.

Солнечный диск готовится спрятаться за море.

ЗЕМЛЯКИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск тридцать четвертый

Главный редактор *О. А. Рябов*
Составители *Андрей Иудин, Олег Рябов*

Шеф-редактор *Андрей Иудин*
Макет *Арсения Костромина*
Дизайн обложки *Геннадия Щеглова*
Корректор *Лев Зелексон*

В оформлении обложки использована
работа *Валентина Губарева «Скоро весна»*

Подписано к печати 02.06.2023. Выпущено в свет 26.06.2023.

Бумага 60x84¹/₁₆.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,9. Тираж 1000 экз.

Свободная цена.

Учредитель и издатель ООО «Книги»
Адрес редакции: 603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2,
ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13